ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ 100 РУССКИХ ПОЭТОВ XVIII — XX вв.

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ·100· РУССКИХ ПОЭТОВ XVIII – XX вв.

Антология-монография

Автор-составитель
ЮРИЙ КАЗАРИН

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2011

ББК Ш 6(2-р)–335
П 62

Научный редактор
доктор филологических наук, профессор Л. Г. Бабенко

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор И. Е. Васильев,
доктор филологических наук, профессор Б. Ю. Норман,
доктор филологических наук, профессор Т. А. Снигирева

Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII–XX вв. :
П 62 антология-монография / авт.-сост. Ю. В. Казарин. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 552 с.

ISBN 978-5-7996-0642-8

Антология-монография «Последнее стихотворение» – собрание последних стихотворений, созданных русскими поэтами на протяжении XVIII–XX веков. Книга содержит уникальный поэтологический материал, касающийся судеб 100 поэтов, оставивших в русской культуре заметный след. В предисловии исследуются генезис, динамика, развитие и структура русской поэтической личности.

Адресовано широкому кругу читателей, преподавателям, школьникам, студентам, филологам, культурологам и всем, кто любит русскую словесность.

ББК Ш 6(2-р)–335

ISBN 978-5-7996-0642-8

© Казарин Ю. В., 2004
© УрФУ, 2011

Памяти матери

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 9

«Язык для всех равно чужой и внятный каждому,
как совесть...» 9

Очертания Антологии последнего стихотворения 16

Русская языковая поэтическая личность:
структура и динамика 23

Последнее стихотворение
как лингво-поэтический знак бессмертия 39

Источники 57

Антология

XVIII век

Тредиаковский Василий Кириллович 65

Кантемир Антиох Дмитриевич 69

Ломоносов Михаил Васильевич 73

Сумароков Александр Петрович 76

Майков Василий Иванович 79

Барков Иван Семенович 83

Державин Гаврила Романович 89

Богданович Ипполит Федорович 94

Хемницер Иван Иванович 98

Радищев Александр Николаевич 100

Капнист Василий Васильевич 105

Карамзин Николай Михайлович 108

XIX век

Пушкин Василий Львович 113

Крылов Иван Андреевич 117

Козлов Иван Иванович 119

Жуковский Василий Андреевич 124

Гнедич Николай Иванович 129
Давыдов Денис Васильевич 131
Глинка Федор Николаевич 134
Батюшков Константин Николаевич 137
Вяземский Петр Андреевич 141
Грибоедов Александр Сергеевич 145
Раевский Владимир Федосеевич 148
Рылеев Кондратий Федорович 156
Мятлев Иван Петрович 160
Бестужев Александр Александрович 164
Дельвиг Антон Антонович 168
Пушкин Александр Сергеевич 170
Баратынский Евгений Абрамович 176
Одоевский Александр Иванович 183
Языков Николай Михайлович 187
Тютчев Федор Иванович 191
Хомяков Алексей Степанович 194
Полежаев Александр Иванович 197
Веневитинов Дмитрий Владимирович 208
Павлова Каролина Карловна 213
Бенедиктов Владимир Григорьевич 216
Кольцов Алексей Васильевич 221
Лермонтов Михаил Юрьевич 225
Ершов Петр Павлович 231
Толстой Алексей Константинович 235
Полонский Яков Петрович 239
Фет Афанасий Афанасьевич 242
Некрасов Николай Алексеевич 245
Григорьев Аполлон Александрович 248
Курочкин Василий Степанович 251

Случевский Константин Константинович 254
Апухтин Алексей Николаевич 259
Соловьев Владимир Сергеевич 262
Фофанов Константин Михайлович 267

XX век

Анненский Иннокентий Федорович 273
Сологуб Федор 277
Гиппиус Зинаида Николаевна 280
Бунин Иван Алексеевич 283
Кузмин Михаил Алексеевич 285
Волошин Максимилиан 289
Коневской Иван 292
Белый Андрей 295
Блок Александр Александрович 300
Садовской Борис Александрович 306
Клюев Николай Алексеевич 310
Парнок София Яковлевна 320
Хлебников Велимир 324
Гумилев Николай Степанович 329
Ходасевич Владислав Фелицианович 333
Северянин Игорь 336
Нарбут Владимир Иванович 342
Ахматова Анна Андреевна 351
Пастернак Борис Леонидович 355
Мандельштам Осип Эмильевич 360
Адамович Георгий Викторович 369
Цветаева Марина Ивановна 374
Маяковский Владимир Владимирович 380
Шенгели Георгий Аркадьевич 390

Иванов Георгий Владимирович 394
Есенин Сергей Александрович 398
Багрицкий Эдуард Георгиевич 403
Антокольский Павел Григорьевич 414
Тихонов Николай Семенович 417
Олейников Николай Макарович 425
Набоков Владимир Владимирович 431
Ушаков Николай Николаевич 438
Заболоцкий Николай Алексеевич 441
Введенский Александр Иванович 448
Хармс Даниил 458
Тарковский Арсений Александрович 463
Корнилов Борис Петрович 469
Штейнберг Аркадий Акимович 478
Петровых Мария Сергеевна 484
Чиннов Игорь Владимирович 490
Васильев Павел Николаевич 496
Твардовский Александр Трифонович 501
Елагин Иван 506
Глазков Николай Иванович 509
Слуцкий Борис Абрамович 513
Самойлов Давид 519
Рубцов Николай Михайлович 524
Бродский Иосиф Александрович 528
Сопровский Александр Александрович 534
Рыжий Борис Борисович 540

Послесловие 550

ПРЕДИСЛОВИЕ

«ЯЗЫК ДЛЯ ВСЕХ РАВНО ЧУЖОЙ И ВНЯТНЫЙ КАЖДОМУ, КАК СОВЕСТЬ...»

Движение художника – это постепенное и непрерывное самопожертвование, постепенное и непрерывное исчезновение его индивидуальности.

Томас Стернз Элиот

Поэтический язык представляет собой высшую форму языкового сознания.

Анатолий Шарандин

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить...

Михаил Лермонтов

Поэзия как одна из форм языковой деятельности во все времена сознательного отношения к языку оставалась и остается загадкой. Множественный и комплексный характер природы поэтического творчества и сочинительства вообще, глобальность и неопределенность эстетического замысла и речевых реализаций не позволяют – ни стихотворцу, ни поэтологу – выделить и осознать функциональную и прагматическую стороны поэтического текста как части языкового порядка и языковой стихии, как причины, следствия (процесса) и результата языкового существования в целом.

Мысль А. Мейе о том, что язык не вещь, а деятельность[1], разрешает науке смотреть на поэзию как на дискретный процесс, в котором – в промежутках между энергетическими лингвистическими всплесками – появляются вещи, стихотворения. Стихотворение как вещь в языке, как язык в этой

вещи и как вещь в себе поддается анализу и без каких-либо видимых усилий со стороны языка сопротивляется синтезу. Оно после любого научного или полупрофессионального насилия над собой остается нетронутым и цельным, ничуть не утрачивая того запаса языковой и культурной энергии, который был заложен в него носителем языка, да и самим языком, который носил, носит и будет носить стихотворца как в физическом пространстве, так и в метафизическом времени:

...Там зрится *Отдых* ясный,
Труда веселый друг,
И сладостный *Досуг*,
И три сестры прекрасны
Как юная весна:
Вчера – воспоминанье,
И *Ныне* – тишина,
И *Завтра* – упованье;
Сидят рука с рукой,
Та с розой молодой,
Та с розой облетелой,
А та, мечтой веселой
Стремяся к небесам,
В их тайну проникает
И, радуясь, сливает
Неведомое нам
В магическое *там*.

В. Жуковский «Уединение (Отрывок)»

Поэтическое время шарообразно. Такая характеристика языкового времени подтверждается апробацией сферических, по́левых и пространственных измерений и моделирования различных видов и частей общей картины мира (наивной, языковой, научной, религиозной и т. п.), которую принято называть в качестве инварианта языковой и в основе которой лежит первородная картина поэтического самопознания и освоения мира:

Что наш язык земной пред дивною природой?
С какой небрежною и легкою свободой
Она рассыпала повсюду красоту
И разновидное с единством согласила!..

В. Жуковский «Невыразимое (Отрывок)»

Василий Андреевич Жуковский, фиксируя бессилие языка перед мощным разнообразием природы, в этом стихотворении, тем не менее, осуществляя поэтическую номинацию «Она рассыпала повсюду красоту», имплицитно (скрыто) утверждает обратное: если язык – это лишь некая часть бытия, то именно он способен вразумить вещественное, назвать его и дать ему таким образом свободу. Свободу семантики и волю выбора – жизни, смерти и бессмертия. Действительно, языковая номинация интенсифицируется номинацией поэтической. И речь здесь идет не о скорости («скоропись духа», по Пастернаку[2]), а о точности, глубине, высоте («Поэт возводит явление в десятизначную степень» – Мандельштам[3]) и долговечности стихотворного называния, в котором семантика вздувается поэтическими звуками, формами, смыслами, образами, коннотацией и красотой.

Предмет поэзии – помимо всего прочего – ужас красоты. Сладкий ужас жизни, любви и смерти осознается как движитель всего сущего и называется невыразимым:

Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть...

Ф. Тютчев «Бессонница»

Выражение неизъяснимого – это задача не литературы (прозы, драмы, где мир изображается, изобретается и варьируется), а музыки и живописи:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь...

Ф. Тютчев «Silentium!»

Выражение неизъяснимого – это сама поэзия как синтез «музыки образа и мысли» (по Заболоцкому[4]):

Сие присутствие создателя в созданье –
Какой для них язык?.. Горе́ душа летит,
Все необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчание понятно говорит.

В. Жуковский «Невыразимое (Отрывок)»

Поэзия есть молчание – молчание речи, прерывание коммуникативных усилий ее, видоизменение информативного напора языка и мира и преувеличение креативной, творческой мощи языка как сознания, мышления и отношения к себе и бытию:

О смертной мысли водомет,
О водомет неистощимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремит, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая
Твой луч упорный, преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

Ф. Тютчев «Фонтан»

Таков ритм языкового-поэтического мышления: Рождение (как Дар) – Жизнь (как языковая деятельность) – Любовь (как поэзия) – Смерть (как реальное начало жизни текста, который после физического исчезновения автора становится самостоятельным, но не автономным по отношению к культуре, и функционирует, живет в пределах и в беспредельности как национальной языковой культуры, так и в межъязыковом полиэтническом, более того – полисубстанциональном, пространстве).

Русскую поэзию долгое время (если не всегда) пытались поместить в рамки социальной прагматики литературы, которая должна не столько служить, сколько обслуживать некие национальные и даже государственные интересы то ли слабого большинства, то ли сильного меньшинства носителей (а иногда и «полуносителей») языка. И. Бродский с абсолютной определенностью противопоставил язык поэзии языку политическому (или «государственному», по другой терминологии)[5]. Думается, что языковое сопротивление поэзии – это все-таки функция сопутствующего, вторичного характера. Реально поэзия как акт языка, культуры и человека, реализуясь и существуя, выполняет комплексную функцию номинации, творения, отображения, эстетизации, игры, коммуникации, медитации, магии, ритуала и т. д. Поэтические тексты появляются не только благодаря, но и вопреки работе внешних и внутренних факторов функционирования языка, культуры и приро-

ды в целом. Познание себя и мира проистекает в человеческом сознании не автономно, а в непосредственной (и произвольной и непроизвольной) связи с мирами физическими и метафизическими. Такое познание изначально в соединении с аудиовизуальным, тактильным (физиологическим и физическим вообще) началось в процессе языковой и поэтической номинации. Осмысление предметов, процессов, явлений и атрибутов мира возможно – преимущественно – в рамках создаваемых человеком словарных дефиниций, когда понятийная часть языковых единиц постоянно нуждалась (и нуждается) в коррекции. Поэтический язык не столько называет, сколько переназывает.

Поэтическая реноминация – это своего рода досотворение мира. Вот почему пророческая сущность поэзии признавалась и признается нами как факт скорее реальный, чем мистический: древние римляне называли поэта vates, т. е. прорицатель, предсказатель, пророк (vaticinium (лат.) – прорицание; vaticinari (лат.) – пророчить, прорицать). Общеизвестно, что по книге Вергилия не только гадали, но и искали прямые предсказания событий настоящего и будущего. «Sortes Vergilianae» («Вергилиевы жребии») – это выражение закрепило в языке латинской культуры веру в профетическую силу поэзии (речь идет о собственно поэзии, а не о текстах таких профессиональных прорицателей, как М. Нострадамус (1503–1566), центурии которого до сих пор декодируются и интерпретируются в качестве текстов, содержащих в себе пророчества).

Возможность реализации пророческой функции поэзии обусловлена прежде всего наличием таких основ поэтической деятельности, как креативность (креативная функция языка) и вдохновение (озарение, прозрение, ясновидение и проч.). Греческое слово «poiein» («создавать») прямо называет поэзию как деятельность созидательную («поэт», а не «певец», по сути своей «творец», как бы ни кощунственно эта номинации звучала). Не случайно все цивилизованные языки приняли из древнегреческого языка именно такое название поэтической деятельности, субъекта и результата такой деятельности. Аристотель одновременно и заблуждался и был прав, говоря о подражательной сущности поэзии и в то же время утверждая ее всемерное соответствие Природе[6]. Поэзия, творя свой мир, дополняет им миры реальные и ирреальные и

создает таким образом уникальное пространство бытия – поэтосферу как одновременно часть и геосферы, и биосферы, и *ноосферы* (термин В. Вернадского[7]), и *семиосферы* (термин Ю. Лотмана[8]), и *спиритосферы* (пневматосферы, термин П. Флоренского[9]). Английский поэт, поэтолог и философ Филип Сидни (1554–1586) справедливо и обоснованно назвал поэзию самой древней частью человеческого познания, отцовским началом, давшим жизнь всем прочим наукам. Поэзия, по его мнению, является, в отличие от других видов детельности, всеобъемлющей в силу своей прорицательной и созидательной мощи[10].

Загадка поэзии, на наш взгляд, заключается в ее способности передавать и придавать стихотворному тексту такие характеристики и возможности, которые не присущи ни одному какому-либо другому тексту. Энергетичность, динамичность, гармония, красота и смысловая мощь стихотворения неиссякаемы в силу наличия в поэтическом тексте таких категорий, как системность, структурность, эстетическая память, антропологичность и языковая энергия (см. работы Ю. Казарина[11]). Наличие органического единства столь разнородных категорий поэтического текста обусловлено общим характером процессов поэтического творчества, который определяется и формируется явлением и состоянием, называемым вдохновением. Гаврила Державин называет лирическую поэзию «самой древней у всех народов», поэзия – это «отлив разгоряченного духа»[12]. Дух же, по Державину, горячится вдохновением, которое «не что иное есть, как живое ощущение, дар Неба, луч Божества. Поэт в полном упоении чувств <...> В прямом вдохновении нет ни связи, ни холодного рассуждения, оно даже не убегает, в высоком парении своем ищет только живых, чрезвычайных, занимательных представлений»[13]. Именно общий духовный, эмоциональный, интеллектуальный, физиологический и проч. подъем, определяющий творческое состояние поэта, обеспечивает оптимальную реализацию языковой энергии в стихе. Александр Пушкин определяет вдохновение как «расположение души к живейшему принятию впечатлений, следственно, к быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению их»[14].

Словесность становится изящной лишь под воздействием вдохновения. Евгений Баратынский сказал, что «творя изящное, мы угадываем истинное»[15]. Поэт, ведомый языком и

осененный даром и вдохновением, есть пророк. И если, по словам Арсения Тарковского, «поэзия – это вторая реальность» [16], то эта реальность в силу своей «истинности» определенным образом (скорее – благотворным) влияет на ту часть бытия, которая не может существовать без человека, а значит и без языка.

Поэт, по мысли Иосифа Бродского, – это тот, «кого вел язык, кто подчинился его диктату, а не поставил его в зависимость от этических, исторических или общественных соглашений»[17]. Поэт сопротивляется жизни так же, как искусство сопротивляется реальности («Искусство есть форма сопротивления реальности»[18]). Поэт – это человек, наделенный даром слова, сумевший подчинить всего себя, свой быт, всю свою жизнь языку, судьбе и бытию. Поэт – это величина прежде всего духовная, существующая в непрерывном процессе порождения текста, включенном в общий поток языковой, культурной и духовной работы, где основными стадиями оказываются *Дар – Реализация – Востребованность*. Промежуточные этапы между этими крупными процессуальными единствами составляет *самоистребление*. Судьба поэта трагична уже только потому, что он знает всё: поэт не догадывается, а ведает, он не предполагает, а утверждает, и даже если он не прав, его неправда оказывается более истинной, нежели общая правда, знаемая и производимая толпой. Трагичность судьбы русского поэта – это результат постоянного самоотречения во имя постижения ужаса красоты в процессе выражения неизъяснимого. В словах А. Пушкина «И славен буду я, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит» куда больше горечи, безысходности и отчаяния, нежели надежды на вечное признание своих творений читающей публикой. А. Пушкин в очередной – и уже последний – раз утверждает неразрешимое противоречие *Поэт – Читатель* (*Поэт – Толпа*), опираясь на тайное знание автодостаточности поэта, который одновременно является и *Говорящим*, и *Слушающим*.

Поэт – это проводник языковой энергии в текст. Чем мощнее энергия – тем страшнее жизнь и судьба поэта (вспомним судьбы Пушкина, Баратынского, Анненского, Блока, Заболоцкого, Мандельштама). Языковая энергия хранится, преувеличивается в поэтическом тексте. Если воспользоваться известной

физической формулой А. Эйнштейна («Теория относительности»), определяющей количество энергии (которая, как известно, не может исчезать бесследно, а претерпевает качественные и количественные изменения) $E = mc^2$ (энергия равна произведению массы на квадрат скорости света), то количество языковой энергии в поэтическом тексте может равняться произведению плотности массы единиц языка на квадрат скорости поэтических смыслов (произведение плана выражения поэтического текста на квадрат его плана содержания, где «квадрат» следует понимать как многослойную иерархию смысловой системы стихотворения).

Очевидно, что физико-метафизическая сущность поэзии не может быть описана при помощи методов, заимствованных из точных наук, однако попытка таких исследований отнюдь не противоречит дефинициям Иннокентия Анненского, пытавшегося постичь мучительную сладость поэзии, но и проясняет загадочную силу языковой / поэтической энергии: «Сила, ценность и красота (поэзии. – *Ю. К.*) <...> заключается в поэтическом гипнозе»[19]; «она (поэзия. – *Ю. К.*) – дитя смерти и отчаяния»[19] и «настоящая поэзия не в словах – слова разве дополняют, объясняют ее»[19].

Поэт, обладая абсолютным слухом, зрением, голосом, вкусом и абсолютной совестью, – существует еще для того, чтобы преобразовать поток сознания (проза) в потоп сознания (поэзия). Поэт работает с языком, который понятен немногим и, тем не менее, не нуждается в переводе.

ОЧЕРТАНИЯ АНТОЛОГИИ ПОСЛЕДНЕГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Книга сильнее и долговечнее человека, написавшего ее. Книга стихотворений с годами, десятилетиями и веками становится все монолитнее, крепче и независимее (из мандельштамовского «Камня» нельзя убрать ни одного слова, как чудесный красный камень из кладки древних ацтеков). Стихи после смерти их создателя непостижимым образом мужают и хорошеют, и со временем судьба книги становится истинной судьбой поэта. Поэтика и биография синтезируются в нерасторжимое целое и становятся предметом не столько стиховедения или лингвистики текста, сколько нового, за-

рождающегося сегодня направления в филологии и в текстоведении – поэтологии.

Все поэты – разные, эта истина стара, и всех поэтов объединяет язык, универсальность и всеобъемлющность которого не подлежат сомнению. Универсальность и регулярность языковой / поэтической деятельности определяется явными и скрытыми законами функционирования языка и текста, работа этих законов, безусловно, определяет наличие некоей общей судьбы у всех и для всех, кто одарен и вдохновлен, кто постигает ужас красоты, кто пытается выразить неизъяснимое общими для всех говорящих и слушающих единицами языка, культуры, эстетики, музыки и духа. Всех поэтов объединяет общий признак – наличие первого и последнего стихотворения.

Смерть никогда не застает поэта врасплох: у него всегда на этот простой и ясный (для поэта) случай есть уже написанное **Последнее стихотворение**. Поэт не готовится к смерти, поэт просто знает, что плоть его не вечна, что постоянное и все увеличивающееся перенапряжение тела, интеллекта, психики и души рано или поздно, но вполне ожидаемо, приведет его жизнь к закономерному концу: круг *жизнь – любовь – смерть* то ли разомкнется, то ли перехлестнется в восьмерку, в символ бесконечности.

Знает ли *поэт*, что он пишет или уже написал Последнее стихотворение? Знает ли *человек*, что он должен (или – вынужден ожиданием и предчувствием смерти) написать последнее стихотворение? Знает ли *поэтическая личность*, что стихотворение, сочиняющееся или сочиненное, может оказаться последним?

Языковая поэтическая личность – это сложно организованная живая, органическая система, формирующаяся на основе таких признаков и категорий, как антропологичность, лингвистичность, эстетичность, энергетичность, социальность, историчность (генетичность) и др. Последнее стихотворение в силу повышенной степени эсхатологичности русского («русский» для нас категория не столько этническая, сколько языковая и культурная) человека является неотъемлемой и обязательной частью языковой поэтической личности.

Последнее стихотворение – это феномен и языковой, и культурный, и духовный, и экзистенциальный в целом. Последнее стихотворение не просто отмечает конец физического

существования поэта – оно также фиксирует начало другой жизни поэта, поэта – без плоти, поэта, от которого в его стихах остается практически все: и голос, и взгляд, и улыбка, и походка, и тепло руки, и – что очень важно – слово, идея, мука мученическая мысли и немоты, ужас жизни и сладкий ужас любви, мужество и бессилие в противостоянии его с толпой, государством и социальной пошлостью, вера и безверие, бытийная интуиция и бытовая наивность. Языковая поэтическая личность неотвратимо – рано или поздно – утрачивает физическую сущность человека, и в этом не ущербность ее, а сила, потому что она – вечна. Количество вечности языковой поэтической личности определяется количеством вечности языка и культуры народа – носителя данного языка.

Наблюдение над существованием трехсотлетней русской силлабо-тонической поэзии позволяет нам сделать вывод о том, что русская языковая поэтическая личность – это не только обобщенный, «типовой», оптимальный и основной вариант судьбы русского поэта, но также и явление, системность, структурность и различные качества которого сформировались под воздействием специфических факторов развития и бытования российского времени и российского пространства. Наличие огромных просторов России создает особое отношение русских к жизни, ко времени и к мирозданию в целом: мы – в силу пространственной бесконечности нашей страны – крепко держимся за иллюзию вечного существования и себя, и полей, и лесов, и рек, и небесного свода. Поэт устроен иначе: он пытается не просто постичь национальный хронотоп (время-пространство), но и повлиять на него словом, а значит делом, потому что в России поэтическое слово сильнее и человеческого оружия, и природной стихии.

Мысль о создании антологии последнего стихотворения появилась у нас давно – в то время, когда советская власть договаривала свои последние слова, борясь с виноградниками, расточительством и казнокрадством и не позволяя народу топить свои сомнения, относящиеся к дисбалансу русского времени и русского пространства, в вине.

Структурно-смысловая и функционально-тематическая однотипность последних стихотворений, написанных в разные века и годы, в разных местах империи, державы и страны

сотней русских поэтов, поразительна. Русское последнее стихотворение – это образец чистой поэзии как прямого выражения неизъяснимого, как полного постижения ужаса жизни, любви и смерти – ужаса красоты.

Почему нами учитывались тексты XVIII, XIX, XX и XXI вв.? Почему рассматривались преимущественно силлабо-тонические стихи?

Русский поэтический язык сформировался и просодически, и ритмически, и версификационно, и лингвистически, и эстетически к началу XVIII в. Именно силлабо-тоника позволила русской поэтической личности создать новые продуктивные лингво-поэтические модели, способные доводить в себе поэтические дефиниции до совершенства как формального, смыслового, так и музыкального выражения. Такие лингво-поэтические дефиниции (или – «лирические формулы») являются в формальном отношении афористическими, а в содержательном плане – каноническими. Сравним:

О, общая людей отрада!
п...а, веселостей всех мать,
начало жизни и прохлада...

И. Барков «Ода п...е»

Как мысль моя, подобно
Пчеле, полна отрад...

Г. Державин
«Как мысль моя, подобно...»

Юноша, полный красы, напряжения, усилия чуждый,
Строен, легок и могуч...

А. Пушкин «Юноша, полный красы...»

Моя душа твой вечный храм:
Как божество, твой образ...

М. Лермонтов
«Как дух отчаянья и зла...»

Любовь, любовь – гласит преданье –
Союз души с душой родной –
Их съединенье, сочетанье,

И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

Ф. Тютчев «Предопределение»

И город мой железно-серый,
Где ветер, дождь, и зыбь, и мгла...

А. Блок «Снежная дева».

Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож...

О. Мандельштам
«Пусти меня, отдай меня, Воронеж...»

И этот воздух, воздух вешний,
Морской свершивший перелет...

А. Ахматова «Приморский сонет»

Нас мало. Нас, может быть, трое
Донецких, горючих и адских
Под серой бегущей корою
Дождей, облаков и солдатских
Советов, стихов и дискуссий
О транспорте и об искусстве...

Б. Пастернак
«Нас мало. Нас, может быть, трое...»

Процветай, народ, –
Твердый, как скрижаль,
Жаркий, как гранат,
Чистый, как хрусталь...

М. Цветаева «Не умрешь, народ...»

Мы, женщины, повелительницы котлов,
Изобретательницы каш...

Н. Заболоцкий
«Школа жуков. Женщины»

На длинных нерусских ногах
Стоит, улыбаясь некстати,
А шерсть у него на боках,
Как вата в столетнем халате...

А. Тарковский «Верблюд»

Похожа эта быль на скуку,
А может быть, на анекдот...

Н. Глазков «В февральском саду...»

В Свердловске живущий,
но русскоязычный поэт,
четвертый день пьющий,
сидит и глядит на рассвет...

Б. Рыжий «В Свердловске живущий...»

Таковы лингво-поэтические дефиниции (толкования) слов-понятий «п...а» (И. Барков); «мысль» (Г. Державин); «юноша» (А. Пушкин); «душа» (М. Лермонтов); «любовь» (Ф. Тютчев); «город» (А. Блок); «Воронеж» (О. Мандельштам); «воздух» (А. Ахматова); «мы» (поэты) (Б. Пастернак); «народ» (М. Цветаева); «женщины» (Н. Заболоцкий); «верблюд» (А. Тарковский); «быль» (Н. Глазков); «поэт» (Б. Рыжий). Очевидно, что данные дефиниции суть результат поэтической и эстетической номинации, обогащающей базовую номинацию – языковую. Именно поэтическая номинация расширяет и приводит в динамическое состояние все сферы и пространства языка.

Антология последнего стихотворения – это и попытка осмысления русской поэтической личности в период ее самосознания, частью и средством которого является последнее стихотворение, и попытка сопротивления иерархичности оценочно-эстетического мышления читателя, попытка борьбы с наивно-бытовым восприятием таких категорий русской поэтической личности, как возраст, биография, смерть поэта и т. д.

В то время, когда общий замысел антологии последнего стихотворения только зарождался, человек, пишущий эти строки, в одной из своих книг опубликовал такой пассаж: «Многие стихотворцы (если не все) лучшей своей вещью считают последнюю, только что написанную. Как правило, это небольшое по объему стихотворение.

Однако художник не ходит порожняком: в нем всегда есть или остаток прежнего (зачастую лучший), или почти готовое произведение – остается сесть и записать, а потом... переделывать, переделывать, переделывать. И вдруг (это всегда –

вдруг) – смерть. Лучшая вещь остается с мертвецом. Попадает – не пропадая! – куда-то. Господи! Какую же книгу Ты читаешь: Антология Последнего Стихотворения»[20].

И еще: «Смерть приходит вовремя – чтобы прибрать к рукам последнее, незаписанное, самое сокровенное. Что они **там** читают?!»[20].

И все-таки, доверяя силе языка и поэта, а также полноте реализации таланта / дара поэтической личностью независимо от количества физического возраста и прожитых лет, будем считать, что Последнее стихотворение было написано каждым из 100 поэтов, чье творческое наследие попало в поле зрения составителя антологии.

Основная цель такой антологии – определить место и значение последнего стихотворения в общей структуре творчества и языковой личности поэта, а также выявить типологические и дифференциальные особенности последнего стихотворения как текста и компонента поэтической личности на материале творчества 100 поэтов XVIII–XX вв. Достижение этой цели определяется решением ряда задач, среди которых важнейшими оказываются следующие:

– выявление структурных и других особенностей русской языковой поэтической личности;

– осмысление последнего стихотворения как поэтического текста особого типа;

– составление парадигмы-антологии последних стихотворений, написанных поэтами XVIII–XX вв., с описанием поэтологических особенностей личности каждого из 100 поэтов (физический возраст, параметры языковой поэтической личности: эстетика, динамика, языковая способность, возраст поэтической личности).

В основе отбора, описания и составления материала лежит метод поэтологического анализа.

Антология последнего стихотворения включает в себя следующие части: Предисловие, Теория поэтической личности и Антология (100 блоков; в состав каждого блока входят такие разделы, как экстралингвистические параметры (биография, поэтика, эстетика и т. д.), характеристика и доминанты языковой способности, парадигма текстов (вариантов и проч.) последнего стихотворения и др.).

РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ: СТРУКТУРА И ДИНАМИКА

Стихи рождаются от отчаяния перед бессилием слова, чтобы в конце концов склониться перед всесилием безмолвия...

Октавио Пас

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит, –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит...

Александр Пушкин

Стихи как результат поэтической деятельности обладают абсолютной метафизической ценностью. Работа поэта – это его жизнь, его языковая способность, его эстетические пристрастия, его свободно счастливое и постоянное, навязчивое несчастье – облекать мысль в слово, образ – в мысль и слово, чувство – в образ и музыку. Поэт постигает ужас общей для всех красоты, осознавая материальную бесполезность этой красоты и своей зависимости от нее. Б. Паскаль (1623–1662) заметил: «Мы беззаботно мчимся к пропасти, держа перед собой какой-нибудь экран, чтобы ее не видеть»[21]. Поэт движется вперед с открытыми глазами. В этом его слабость (с точки зрения обывателя), и в этом его сила (с точки зрения Бога). Бесполезность и гибельность пребывания поэта в языке, в поэтическом состоянии языка оборачивается, как правило, жизненной драмой, преждевременной (с физиологической точки зрения толпы) смертью, неблагополучием близких и т.п. Однако пребывание стихотворца в поэтическом состоянии языка формирует из лингво-бытийного и в целом культурного материала удивительное явление – языковую поэтическую личность, присутствие которой дает пример существования в мире любой другой творческой личности, живущей, по словам Гюнтера Грасса, «против уходящего времени»[22].

Русская языковая поэтическая личность формировалась в течение последних двух тысяч лет. В отличие от своих западных сестер, русская поэзия становилась и развивалась крайне интенсивно, и значит более сжато во времени, нежели европейская поэзия. Русская поэзия вполне оправдывает

поэтическую дефиницию французского поэта Сен-Жон Перса (1887–1975): «Поэзия – это действие, страсть, мощь, вечное обновление, раздвигающее пределы достигнутого»[23]. Этапы становления современной просодии – тоника, силлабика, силлабо-тоника (и все ее варианты вплоть до деконструктивного верлибра) – были освоены русской поэтической личностью за полтысячелетия (переход от силлабики к силлабо-тонике был осуществлен вообще в рамках одного поэтического направления преимущественно усилиями одной поэтической личности – Антиоха Кантемира).

Функциональный статус русской поэзии XVIII в. был неустойчивым, так как представлял собой диффузное единство различных функциональных типов поэтического выражения: игровая (подражание, мимесис) поэзия легко переходила в ритуальную (историко-культурную) и этикетную поэзию, которая без труда трансформировалась в поэзию государственную «заказную», конъюнктурного характера, не отрицавшую, а напротив, стимулировавшую появление поэзии эмоционально-номинативной, поэзии, способной выражать неизъяснимое.

«Служение красоте» как постижение ужаса красоты – вот первичная, базовая функция русской поэзии.

Русская языковая поэтическая личность становилась, структурировалась и оформлялась под воздействием огромного количества факторов особой природы, когда почти невозможно провести границу между группами внутрипоэтических и внепоэтических условий и причин, способствовавших и определявших специфику национальной языковой поэтической личности. Перечислим некоторые наиболее важные из них (порядок следования не является иерархическим):

– антропологический фактор (генетическое наличие дара слова у носителя языка);

– фактор познания (способность языкового постижения мира реального и ирреального);

– языковой фактор. Русский язык, как и любой другой, находится в состоянии постоянного развития и становления. Динамичность, гибкость и генеративность (самовоспроизводство) русского языка обеспечиваются, во-первых, его ведущими функциями – номинативно-информативной, креативной, эстетической и проч., – а во-вторых, наличием в си-

стеме и структуре языка, наряду с базовыми знаками, единиц межуровневого, «переходного» характера, таких как морфоид, лексоид, синтаксоид, строфа, текстопарадигма, концептосфера, пневматосфера.

Морфоид – это единица языка, функционирующая в речи и в художественном (чаще поэтическом) тексте, которая является фонетически оформленной в виде звукокомплекса, слога и т. п., которая на основе звукоподражания или звукоизображения способна стать неоморфемой и которая способна выражать дограмматическое и/или долексико-грамматическое значение. Например: «вы со бу // р л эз» и «та са мае // ха ра бау» (А. Крученых).

Лексоид – это комплекс морфоидов, находящийся в состоянии морфологизации и лексикализации и имеющий лексико-грамматические признаки как звука и морфемы, так и слова.

Например:

Шикалу, Ликалу!
Шагадам, магадам, викадам.
Небазгин, доюлазгин, фиказгин.
...Тили, тили! згин, згин!
Хив, чив! згин, згин!
Згин, згин, згин!

«Песня ведьм на роковом шабаше»[24]

Синтаксоид – это лексико-синтагматическое объединение, имеющее внешние и внутренние признаки как слова, так и предложения. Например, реструктурированный фразеологизм, свободное словосочетание, присказка (фольклорно-речевое) и т. п.

Строфа – графико-интонационное, ритмико-фонетическое объединение единиц всех уровней языка в смысло-тематическое и функционально-эстетическое единство (ср.: прозаическая строфа, поэтическая строфа, сложное лингвистическое [синтаксическое] целое и т. д.).

Текстопарадигма – совокупность текстов в рамках одной (или – тематически, структурно и т.п. – нескольких) языковой поэтической личности (например: лирика А.С. Пушкина; любовная лирика в русской поэзии XIX в.; стихи о поэтическом творчестве поэтов XX в. и т. п.).

Поэтосфера – это смыслопоэтическое поле, функционирующее в рамках тех или иных культуры и языка.

В целом уровневое строение системы русского языка схематически представим следующим образом:

= Фонетический уровень (фонема, звук).
= Морфоид (промежуточный уровень).
= Морфологический уровень (морфема, морф).
= Лексоид (промежуточный уровень).
= Лексический уровень (слово, словоупотребление).
= Синтаксоид (промежуточный уровень).
= Синтаксический уровень (предложение, высказывание).
= Строфа (промежуточный уровень).
= Текст.
= Текстопарадигма (промежуточный уровень).
= Культура.
= Поэтосфера (промежуточный уровень).
= Дух.

Уровневое строение системы русского языка имеет иерархический характер. Наличие единиц промежуточной (переходной) природы обеспечивает такие качества языка, как динамичность, креативность, продуктивность, вариативность, эстетичность и регенеративность.

Фактор культуры (поэтический язык является базовым в парадигме прочих эстетических, научных и наивно-мифологических номинаций; поэтическая картина мира наиболее адекватно отображает концептуальное ядро глобальной языковой и, следовательно, культурной, картины мира).

Фактор пространственно-временной (наличие особого национального понимания соотношения времени и пространства, обусловленного географической и в целом физической (в том числе и климатической) спецификой России).

Социальный фактор (существование России как государства в постоянно напряженном и нестабильном политическом, экономическом, демографическом, этническом и этическом состоянии).

Эстетический фактор (динамика и рост степени эстетичности поэтического выражения обусловлены работой всех факторов, а более всего – влиянием языка, в частности, степенью освоенности единиц языка в процессе поэтического выражения, т. е. «языковой свободой». За 300 лет существования

«новой» (силлабо-тонической) русской поэзии степень языковой свободы постоянно менялась, так как обусловливалась одновременно развитием собственно поэтики стихотворного текста и сопротивлением поэтического языка языку государства (политическому языку) и просторечию.

Степень языковой свободы поэтической личности оценивается по шкале «низкая – средняя – высокая» следующим образом: в XVIII в. – низкая / средняя (вторая половина XVIII в.), в XIX в. – средняя / высокая (с 20-х гг. XX в.) и в XX в. – высокая.

Абсолютная свобода языка в условиях существования поэта в социальном пространстве государства невозможна (хотя к началу XIX в. в творчестве таких поэтов, как И. Бродский, Ю. Кублановский, А. Решетов, М. Никулина, Г. Русаков, С. Гандлевский, А. Цветков, В. Гандельсман и др., наблюдается если не зеркальность, то достаточно полный изоморфизм языка и поэтического текста).

Таким образом, **языковая поэтическая личность** – это лингво-антропологическое, интеллектуально-психологическое, функционально-эстетическое, быто-бытийное, социально-этническое и духовное единство, реализованное в сфере языка и культуры в содержательной форме поэтического текста или поэтической текстопарадигмы.

Поэтическая личность как часть сферы языка, культуры, общества, эстетики, этноса, быта и бытия имеет все признаки сложно организованной системы (однородность, однотипность, структурность, устойчивость, динамичность, функциональность и т. п.), включающей в себя компоненты различной природы – вербальной и невербальной: физической и метафизической, индивидуально-личностной и социальной, эстетической и психологической, эмоциональной и духовной.

Поэтическая личность как языковой феномен развивается и формируется на основе языковой личности. Языковая личность может реализовать себя – в процессе речевой коммуникации или любого другого вида языковой деятельности – как личность речевая и как личность текстовая. Поэтическая личность – это один из типов текстовой личности. Поэтическая личность, как и ее прототип – языковая личность, развивается и усложняется в рамках иерархических отношений единиц языка: фонема → морфоид → морфема → лексоид → лексема →

синтаксоид → синтаксема → строфа → текст → текстопарадигма → культура → поэтосфера → дух. Языковая поэтическая личность включает в себя в качестве доминирующего и конститутивного компонента языковую способность. По словам Ю. Н. Караулова, «под языковой способностью человека понимают обычно возможность для него производить и понимать тексты, ранее ему не известные, им не производившиеся и не слышанные. Согласно распространенным представлениям языковая способность складывается из составляющих, которые соответствуют уровням языковой структуры. Так, различают фонетический компонент языковой способности, морфологический, синтаксический, лексический[25].

Языковая способность как важнейшая часть поэтической личности взаимодействует с другими компонентами общей структуры поэтической личности – с дискурсным, поэтологическим (антропологическим) и эстетическим (культурологическим). Функционирование всех компонентов поэтической личности происходит в условиях динамического равновесия, однако творческой доминантой остается языковая способность, так как конечным и главным результатом поэтической деятельности остается текст.

Антропологический, или поэтологический, компонент поэтической личности – это экстравербальные параметры поэтической личности, обусловливающие особенности реализации языковой способности. Эти параметры включают в себя такие категории, как пол, возраст, физиологические / физические, психологические, социальные и биографические особенности поэта, время, место, социальные условия, в которых создавались тексты (например, продолжительность жизни поэта определяет степень интенсивности и силы существования поэтической личности: короткая физическая жизнь носителя поэтического языка ничуть не мешает достаточно полной реализации языковых, эстетических и духовных способностей поэта (многие поэты жили совсем недолго: Дм. Веневитинов – ок. 22 лет, И. Коневской (Ореус) – ок. 23 лет, М. Лермонтов – ок. 27 лет, Б. Рыжий – ок. 27 лет, П. Васильев – ок. 27 лет, С. Есенин – ок. 30 лет, Б. Корнилов – ок. 30 лет, А. Полежаев – ок. 33 лет, А. Дельвиг – ок. 33 лет, Н. Рубцов – ок. 35 лет, И. Барков – ок. 36 лет, А. Пушкин – ок. 37 лет, А. Одоевский – ок. 37 лет, Д. Хармс – ок. 37 лет, В. Хлебников – ок. 37 лет, В. Маяков-

ский – ок. 37 лет. «Долгожителями» в физическом отношении были поэты XVIII в. (за исключением И. Баркова (ок. 36 лет) и И. Хемницера (ок. 39 лет).

Время и место, а также социальные условия, в которых создаются поэтические тексты, влияют и на развитие поэтической личности, и на становление того или иного качества поэтического результата (ср.: «Болдинская осень» А. Пушкина, петербургские, московские, воронежские поэтические циклы О. Мандельштама, сибирские поэмы П. Васильева, заграничные стихи В. Маяковского, свердловские и петербургские стихотворения Б. Рыжего, рождественские стихотворения И. Бродского и т. д.).

Изучение поэтологических параметров дает интереснейший материал для генеалогических и антропологических исследований: например, у 15-ти из 100 рассмотренных нами поэтов наблюдается совпадение имени и отчества (ср.: Василий Васильевич Капнист (1758–1823), Иван Иванович Хемницер (1745–1784), Александр Александрович Бестужев (1797–1837), Антон Антонович Дельвиг (1798–1831), Иван Иванович Козлов (1779–1840), Каролина Карловна Павлова (1807–1893), Константин Константинович Случевский (1837–1904), Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892), Александр Александрович Блок (1880–1921), Владимир Владимирович Маяковский (1893–1930), Владимир Владимирович Набоков (1899–1977), Николай Николаевич Ушаков (1899–1973), Иван Иванович Коневской (1877–1901), Александр Александрович Сопровский (1953–1990), Борис Борисович Рыжий (1974–2001). Общеизвестно, что называние сына именем отца (дочери – именем матери), по русским народным и наивно-религиозным поверьям, считается нежелательным, так как обещает несчастье именуемому. Поэтому, если перефразировать слова Г. Грасса «Писатель – это человек, пишущий против уходящего времени» [22], можно утверждать, что поэт рождается, живет и умирает против уходящего (общего для всех) времени. Есть и еще одно наблюдение, касающееся совпадения начальных букв (звуков) имени и отчества поэта (ср.: И. И. Хемницер, В. В. Капнист, А. А. Бестужев, А. А. Григорьев, А. А. Дельвиг, П. П. Ершов, И. И. Козлов, К. К. Павлова, К. К. Случевский, А. А. Фет, А. А. Ахматова, А. А. Блок, В. В. Маяковский, В. В. Набоков, А. А. Тарковский, Н. Н. Ушаков, В. В. Хлебников, И. И. Коневской, А. А. Сопровский, А. А. Штейнберг, Б. Б. Рыжий).

В структуре поэтической личности нет ничего случайного, всё – значимо, загадочно и трагично.

Удивительной оказывается постоянная, навязчивая редупликация цифр, номинирующих даты рождения и смерти поэтов (ср.: А. Кантемир (1744 – год смерти), М. Ломоносов (1711 – год рожд.), Н. Карамзин (1766 – год рожд.), А. Сумароков (1777 – год смерти), И. Богданович (1743/44 – год рожд.), К. Батюшков (1855 – год смерти), Е. Баратынский (1800–1844), Н. Гнедич (1833 – год смерти), А. Григорьев (1822 – год рожд.), И. Крылов (1844 – год смерти), И. Мятлев (1844 – год смерти), А. Пушкин (1799 – год рожд.), В. Пушкин (1766 – год рожд.), В. Соловьев (1900 – год смерти), К. Фофанов (1911 – год смерти), И. Анненский (1855 – год рожд.), А. Ахматова (1966 – год смерти), М. Волошин (1877 – год рожд.), В. Набоков (1899–1977), В. Нарбут (1888 – год рожд.), С. Парнок (1933 – год смерти), Н. Ушаков (1899 – год рожд.), И. Коневской (1877 – год рожд.). И это явление трудно назвать случайным, и, может быть, оно будет декодировано в то время, когда поэтология освоит новые методы описания, исчисления и интерпретации фактов, определяющих реализацию креативных функций языка или сопутствующих им.

Социальные условия, в которых приходится функционировать поэтической личности в России, – идеальны: сила сопротивления общества, политические, экономические, этнические, социальные и проч. потрясения, происходящие в огромной стране, только укрепляют и интенсифицируют мощь движения поэтической личности против надвигающегося и уходящего времени, а также расширяют и углубляют возможности поэтического состояния языка и его основного носителя – русской языковой поэтической личности (ср. натурфилософские оды М. Ломоносова, Г. Державина, Н. Заболоцкого и И. Бродского; блестящие эпиграммы А. Пушкина; историко-философскую лирику Ф. Тютчева, П. Вяземского, О. Мандельштама и др.). Антиномии Язык – Время, Индивидуальность – Социально-обобщенный Тип, Поэт – Обыватель, Поэтическая личность – Государство, а также разрешение или неразрешение ядерной оппозиции Бытие – Быт обеспечивают высокий уровень продуктивности трагедии думать и говорить не то и не так, как это делает или не делает подавляющее большинство носителей русского языка. Поэзия,

по словам О. Мандельштама, – это тоска по мировой культуре[26], но поэзия – это также, по мысли В. И. Шубина, «тоска по вечным ценностям»[27], когда «одиночество и чувство бессмысленности личного бытия»[28] являются возбудителем и движителем креативной функции русской поэтической личности. В. И. Шубин справедливо утверждает: «Подлинное творчество – это всегда неизбежные муки. Прежде всего потому, что ни художественный, ни общественно-значимый результат никем не гарантируется. Нет и не может быть у художника никаких гарантий»[29]. «Художник распят на своем творчестве. Это вечная истина»[30]. «Моральное мужество поэта – это способность продолжать верить в свое высокое предназначение даже сквозь глухие стены отчуждения и непонимания»[31].

Б. Паскаль, говоря о судьбе Иисуса Христа, горько замечает: «Из 33 лет 30 Он живет в безвестности. Три года Он слывет обманщиком»[32]. Таково отношение общества и языкового сообщества и к поэту. Б. Паскаль так определяет ценность человека-творца: «Величие человеческой души состоит в умении держаться середины; оно вовсе не в том, чтобы отрываться от нее, а в том, чтобы в ней оставаться»[33]. Поэт же постоянно находится в сложном, двойственном состоянии отверженности (в языковом и социальном отношении) и единения (в духовном и культурном отношении), обреченности и бессмертия.

Эстетический компонент языковой поэтической личности функционирует в тесной и взаимообусловленной связи с поэтологическим (антропологическим), с дискурсным компонентом и с языковой способностью. Эстетический сценарий поэтической личности – это сложнейшая структура системы этики – эстетики, формирующаяся действием внешних факторов и внутренних – наличием и спецификой абсолютного слуха, голоса, зрения, вкуса и совести поэта.

Творчество любого поэта, его индивидуальная формально-содержательная поэтика (индивидуально-авторский язык. стиль, идиостиль), могут быть охарактеризованы с точки зрения традиционализма (XVIII–XXI вв.), модернизма (XX в.), постмодернизма (вторая половина XX в. и XXI в.) и авангардизма (XVIII–XXI вв.). Такая классификация эстетического сценария является весьма условной: поэтика и эстетика О. Мандельштама, например, могут быть идентифицированы как традиционалистские, модернистские и авангардистские одно-

временно (ср. его стихотворения «Сестры – тяжесть и нежность – одинаковы ваши приметы...» (1920), «Вооруженный зреньем узких ос...» (1937) и «Были очи острее точимой косы...» (1937), в которых музыкально-ритмическая строфическая традиционность синтезируется с лексико-смысловыми реализациями модернистского характера и поддерживается языковой игрой фонетической анаграммы, присущей поэтике авангардизма).

Дискурсный компонент языковой поэтической личности – это комплекс паралингвистических категорий, связанных с просодической, музыкальной, стиховой способностью поэта. Ритм, метр, рифма, строфа, интонация, поэтическая графика, музыкальность и т.п. – вот основные единицы данного компонента.

В основе дискурсной структуры идиостиля русского поэта лежит ритмическое разнообразие (поэтический ритм – это совокупность метрических деформаций за счет наличия пиррихиев, спондеев, слоговых усечений и наращений, анжамбеманов в составе оригинально организованный строфы, представляющая собой графико-звуковое, музыкально-языковое эстетическое единство). Иные поэты, экспериментирующие с метрической структурой стиха (В. Маяковский, С. Есенин, А. Ахматова, Б. Пастернак), добиваются эффекта внешнего ритмического многообразия, тогда как индивидуальный ритм таких поэтов, как А. Пушкин, А. Фет, А. Блок, О. Мандельштам, Н. Заболоцкий, строится на глубинном и комплексном (музыкально-интонационном и языковом/ синтаксическом) преобразовании метрических фигур без каких-либо кардинальных изменений, касающихся их внешней организации.

Дискурсный компонент поэтической личности более всего связан с генетической стороной содержательной формы стиха. Возраст русской поэтической личности имеет следующие стадии: хаос выражения (неопределенность языковых, дискурсных и жанровых форм младопоэтического языка), подражание (влияние, например, польской, латинской, вообще европейской стихотворной традиции), преодоление влияний (избавление от элементов «чужого» поэтического языка), появление оригинального поэтического выражения (свой язык, голос). Гегелевская триада *непосредственность, бессознательность и принуждение* реализуется на различных этапах жизни человека, заканчивающейся стандартизацией (обезличи-

ванием) личности и гибелью ее. В жизни же поэтической личности данные категории применимы лишь к начальной стадии становления и развития способов и средств поэтического выражения. От начальной стадии развитие процессов поэтического творчества движется по следующим этапам: Бессознательное творчество → Игра → Ритуал → Мимесис → Poieo (Творение).

Степень поэтической свободы – это мера и степень адекватности поэтического мышления поэтическому выражению. Определение степени поэтический свободы является абсолютно неоценочным.

Шкала степеней поэтической свободы

1. Низкая (соответствует стадии развития поэтической личности – хаос выражения).

2. Средне-низкая (поэтическая игра, влияние (подражание).

3. Средняя (преодоление влияния, начало создания своего индивидуально-авторского поэтического языка).

4. Средне-высокая (продолжение создания своего поэтического языка).

5. Высокая (окончательное создание своего поэтического языка).

6. Очень высокая / абсолютная (полная адекватность поэтического мышления языковому и поэтическому выражению).

Следует отметить, что наличие той или иной степени поэтической свободы не всегда соответствует малому / среднему / большому объему поэтической и языковой энергии, а также степени интенсивности и мощности поэтического и языкового выражения.

Поэтическая способность – это возможность и объем реализации поэтического дара и поэтической личности в процессе поэтического выражения. Поэтическая способность зависит от особенностей языковой способности поэта, но такая зависимость не является прямой (ср. поэтическую способность [очень высокую] и языковую способность [среднюю] К. Фофанова). Поэтическая способность – это лингво-духовное ядро поэтической личности.

Х. Блум в своей книге «Страх влияния»[34] развивает концепцию П.-Б. Шелли о «Великой Поэме», которая пишется совокупно и последовательно всеми поэтами всех времен и

народов Земли. Действительно, это похоже на правду, если «Великой Поэмой» является язык, язык как таковой, некий обобщенный язык человечества, выражающий мысль, образ, музыку и дух. Каждый поэт, по мысли Х. Блума, «вовлечен в диалектическое отношение (перенесение, повторение, ошибка, коммуникация) с другим поэтом или поэтами»[35]. Это положение подтверждает нашу мысль о наличии обобщенной (единой, типовой) поэтической личности. Однако утверждение Х. Блума о том, что «поэзия не борьба с вытеснением, но разновидность вытеснения»[36], интересно для истории поэзии как инструмент «измерения» доли «своего» и «чужого» в поэтике того или иного автора. Поэзия же (в русском понимании) – это скорее наращение «своего» на «чужое», актуализация и интенсификация «своего» без отрицания «чужого».

Теория Х. Блума красива и механистична: «Может статься, произведение одного сильного поэта – искупление произведения предшественника»[37], но такое предположение все-таки применимо в сфере социальной этики, а не в рамках русской этической эстетики, когда «страх влияния» осознается и осваивается поэтом как энергия влияния, энергия совокупная – энергия поэтики, энергия мимесиса и генезиса. Генетическая энергия – как потенциальная и кинетическая – способствует развитию такого качества поэзии, как репродуктивность. И наиболее сильным в отношении репродуктивности поэтического текста оказывается дискурсный компонент поэтической личности.

Языковая способность поэта, или языковой компонент, является центром общей структуры и системы поэтической личности.

Языковая способность того или иного поэта комбинаторна и системна. Компоненты языковой способности не вступают между собой в отношения иерархии, как это происходит в системах языка и речи. Языковая способность поэта – это по сути своей функционально-лингво-поэтическая способность текстотворца, а в поэтическом тексте, как в зеркале, отображается значение не столько языкового знака, сколько знака эстетического, лингвокультурного и духовного. Отношения единиц языка в поэтическом тексте, как и в языковом сознании поэта, можно назвать парадигматикой, синтагматикой и вариативностью равенства. Поэтому в структуре языковой способности одной поэтической личности наблюдается домини-

рование различных компонентов. Так, в структуре языковой способности В. Хлебникова доминируют фонетический (звуковое словотворчество) и морфологический / словообразовательный (морфологическое словотворчество) компоненты; в структуре языковой способности О. Мандельштама доминируют фонетический и лексический компоненты; в структуре языковой способности И. Бродского – лексический и синтаксический компоненты. Языковая способность А. Пушкина характеризуется тотальным доминированием всех компонентов, что качественно соответствует заключительному этапу освоения единиц языка поэзией в общем развитии русской поэтической личности.

В системе поэтической личности XVIII в. языковая способность находилась в стадии становления, и поэтому в данной системе доминировал дискурсный компонент поэтической личности, что вполне соответствовало процессам освоения новой просодической (силлабо-тонической) системы стихосложения.

В системе обобщенной трехсотлетней русской поэтической личности по мере ее становления и развития наблюдается следующий порядок очередности в процессах доминирования тех или иных частей поэтической личности:

Первая половина XVIII в.: доминанта дискурсная (просодическая);

Вторая половина XVIII в.: доминанты дискурсная и языковая – лексический компонент языковой способности;

Первая половина XIX в.: доминанта языковая – фонетико-лексический бикомпонент языковой способности (исключением является языковая способность А. Пушкина, в которой доминировали практически все компоненты);

Вторая половина XIX в.: доминанта языковая – лексико-синтаксический (а также стилистический как над-компонент языковой способности);

Первая четверть XX в.: множественная и дифференцированная доминанта языковой способности русской поэтической личности. Такое качество / количество доминирующих языковых средств характеризуется расподоблением русской языковой поэтической личности, разъединением ее на определенные – эстетическими школами и направлениями – части, каждая из которых осваивала и доразвивала отдельные компоненты обобщенной и общей русской языковой способности.

В футуристической части поэтической языковой способности доминировали фонетический и словообразовательный компоненты, а также дискурсный компонент поэтической личности; в имажинистской – лексический компонент; в акмеистической – фонетический, лексический и синтаксический компоненты; обэриуты развивали лексико-стилистический компонент. В целом же коллективная языковая поэтическая личность выполняла те лингво-поэтические задачи, которые уже стояли перед русской поэзией на грани XVIII и XIX вв., когда поэты предложили обществу обновленный вариант литературного общенационального языка.

Вторая и третья четверти XX в.: наблюдаются элементы стагнации, если не консервации, языковой способности обобщенного типа русской поэтической личности. Однако такие поэты, как Н. Заболоцкий (доминанта – фонетико-лексический компонент), Б. Слуцкий (доминанта – лексико-синтаксический компонент), А. Тарковский (лексический компонент) и другие, все-таки сопротивлялись натиску языка тоталитарного государства (а точнее – напору), государственного разъ-языка, закрепляя и так или иначе сохраняя языковые достижения золотого и серебряного веков русской поэзии. В двадцатом – свинцовом – веке основной задачей русской поэтической личности было не «писать против времени» вообще, а уцелеть, двигаясь против конкретного (тоталитарного) «времени» и оставаясь на месте, сохраняя запас поэтической и языковой энергии, необходимой для деятельности поэтов, стартовавших в 70–80-х гг. XX в.

Последняя четверть XX – начало XXI в.: развитие и начало доминирования синтаксического компонента языковой способности поэтической личности – распространение синтаксических конструкций за пределы объема одной строфы; наличие большого количества анжамбеманов (звукового, лексического, фразового и преимущественно синтаксического характера). Появление и доминирование синтаксической рифмы и строфы И. Бродского завершили формирование общей системы языковой способности русской поэтической личности.

Нерасторжимая связь и отношения взаимообусловленности языковой способности с другими компонентами поэтической личности позволяют назвать данное явление поэтической способностью (т. к. термин «поэтический» включает в себя

понятия «языковой», «дискурсный», «эстетический» и «антропологический» / «поэтологический»).

Прогнозируя дальнейшее развитие поэтической способности, специалисты и любители поэзии так или иначе касаются проблемы появления «нового», «второго» Пушкина, или гения языка, поэзии и культуры. Следует заметить, что «гениальность» А. С. Пушкина есть не что иное, как результат коллективных усилий русской поэзии и культуры в целом. «Гений» А. С. Пушкина был возможен по следующим причинам:

1. Формирование границ литературного общенационального языка (рубеж XVIII и XIX вв.).

2. Формирование и закрепление силлабо-тонической основы поэтической просодии.

3. Смена источника лексических и др. заимствований с германского (немецкого) на романский (преимущественно французский) в начале XIX в.

4. Общественное, внутрилитературное и поэтическое признание А.С. Пушкина в качестве лидера современной той эпохе поэзии.

5. Многосторонняя одаренность А. С. Пушкина как личности духовно-культурной и языковой.

Появление «нового / второго» Пушкина, по всей видимости, станет возможным лишь тогда, когда произойдет:

а) тотальный сдвиг границ литературного / общенационального языка; б) перемена силлабо-тонической основы поэзии на другую (например, на верлибровую); в) смена источника лексических и др. заимствований на, например, китайский / вообще юго-восточно-азиатский; г) появление поэта, способного взять на себя ответственность думать, говорить и писать так, как должен думать, говорить и писать народ; д) безоговорочное общественное, литературное, поэтическое и культурное признание такого поэта лидером лингвокультурного обновления России.

В начале XIX в. в русской поэтической личности наблюдается восстановление и обновление такой категории и единицы дискурсного компонента, как музыкальность (например, см. поэтическое наследие Бориса Рыжего, стихи которого музыкальны не только в дискурсном и языковом отношении, но и концептуально:

Над саквояжем в черной арке
всю ночь играл саксофонист,

пропойца на скамейке в парке
спал, постелив газетный лист.

Я тоже стану музыкантом
и буду, если не умру,
в рубахе белой с черным бантом
играть ночами на ветру.

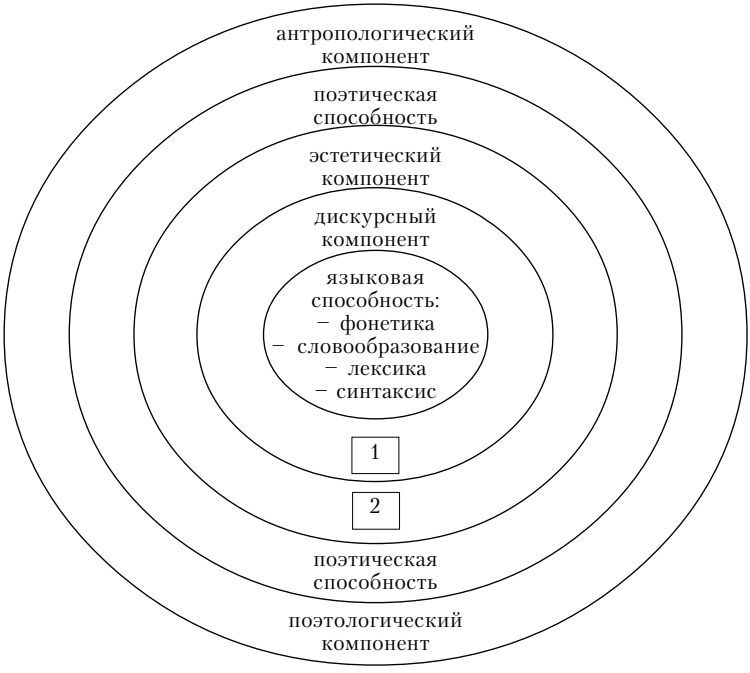
Чтоб, улыбаясь, спал пропойца
под небом, выпитым до дна, –
спи, ни о чем не беспокойся,
есть только музыка одна.

1997

Возрождение музыкальности русского стиха – это знак полного становления и завершения формирования русской языковой поэтической личности.

Общее строение системы русской поэтической личности отражено в следующей схеме:

Русская языковая поэтическая личность

1 – ритм, метр, звук, графика, дикция, рифма, строфа, интонация, музыкальность и др.
2 – этическая эстетика традиционализма, модернизма, постмодернизма, авангардизма.

Таким образом, поэтическая личность – явление полицентричное и полипарадигмальное. Поэтическая личность антропоцентрична, лингвоцентрична, эстетична, культурна и духовна. Наиболее интересной для нас оказывается такая поэтологическая категория, как возраст русской языковой поэтической личности.

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ КАК ЛИНГВО-ПОЭТИЧЕСКИЙ ЗНАК БЕССМЕРТИЯ

Предназначенное расставание
Обещает встречу впереди...

Сергей Есенин

Последнее стихотворение – это одновременно и поэтический текст и метатекст, соединяющий в себе все лучшее, что есть в творчестве поэта, а также отличающий завершение формирования конкретной поэтической личности и обозначающий рубеж, или рубец, столь же разделяющий, сколько и соединяющий физическую жизнь поэта с его метафизическим существованием. Последнее стихотворение – не о смерти, но обязательно о ней, потому что формально-содержательная гармония последнего текста поэта осуществляет в конце концов трагическое и светлое единство жизни, смерти и любви.

В. И. Шубин замечает, что «с высоты поэзии мудрости можно осознать ценность скоротечной и конечной жизни, красоту и важность природы, вне которой нет существования. Отношение же к смерти становится у поэта более просветленным и в то же время более остро болезненным. Смерть неотменима и нестерпима: с ней не может быть никаких пактов мудрости»[38]. Действительно, смерти в глаза не посмотришь, однако с точки зрения бытия (а бытие видит и знает все) поэт все-таки терпит смерть и даже отменяет ее «пактом

последнего стихотворения», которое, если судить по количеству и по мощи поэтической (языковой и духовной) энергии, заключенном в нем, преобразовывает не только бытовое восприятие и осознание смерти в бытийное, но и назначает саму смерть быть жизнью – жизнью новой, «литературной». Смерть – это необходимое условие для окончательного созревания стихов и прозрения их будущего читателя.

В последнем стихотворении смерть – это только начало реальной жизни поэзии, освобожденной от материальной оболочки ее создателя. Об этом достаточно спокойно и уверенно говорит Арсений Тарковский (1907–1989) в своих последних стихотворениях:

Я не был убит на войне,
Так значит – и вправду везло мне.
Но братья стучатся ко мне:
– И помни, – твердят мне, – и помни...

И помни, что были у нас
И матери наши, и дети...
– Я умер в погибельный час...
– А я был убит на рассвете...

А жизнь мы любили и в ней
Стремились к единственной цели,
И чем мы любили сильней,
Тем песни счастливее пели.

– Простите меня, что живу,
И я – никуда – ниоткуда.
Вы видите сны наяву.
Какое вам видится чудо?

Начало 1980-х

Поэт уже не заботится о специализации форм выражения – он просто следует за стихотворением, и скорость поэтического осознания жизни, смерти и любви выводит и поэта, и, дай Бог, читателя на свет:

Из просеки, лунным стеклом
По самое горло залитой,

Рулады свои напролом
Катил соловей знаменитый.

Он был и дитя, и поэт,
И силы у вечера нету,
Чтоб застить пленительный свет
Такому большому поэту.

Он пел, потому что не мог
Не петь, потому что у крови
Есть самоубийственный срок
И страсть вне житейских условий.

Покуда при поздней звезде
Бродяжило по миру лихо,
Спокойно в семейном гнезде
Дремала его соловьиха.

Начало 1980-х

Последнее стихотворение – это не столько прощание, сколько надежда на вечную встречу. Русская эмоционально-духовная оппозиция Встреча – Разлука в последнем русском стихотворении всегда (пусть даже имплицитно, скрытно, закодированно) разрешается в пользу встречи с Собеседником и Собеседниками, когда «из небытия» говорит уже не поэт, а сам язык, само бытие, когда любая лингвокультурная антиномия, оппозиция, вообще – парная противоположенность – преобразуется под воздействием поэтической энергии сначала в диалог, а потом и в полилог, в котором голосу поэта вторят (и поддерживают его!) стройные дикие звуки природы и природных стихий, когда само Космическое Молчание из хаотичности переходит в поэтический порядок. Молчание (тишина, немота и проч.) всегда – мощно и продуктивно – участвует в поэтической речи, в поэтическом говорении, бормотании, крике, хохоте и плаче. Молчание обеспечивает наличие ритма мучительной работой своих пауз, пробелов и задыханий: стихотворение Федора Тютчева – всё о конструктивной мощи и о номинативном произволе молчания.

SILENTIUM!*

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои –
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, –
Любуйся ими – и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь?
Мысль изречённая есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, –
Питайся ими – и молчи.

Лишь жить в себе самом умей –
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, –
Внимай их пенью – и молчи!..

1830

Эзотерический пафос этого стихотворения отвлекает читателя от тех функций молчания, которые поэт пытается номинировать, а дидактическое насилие над поэтической интонацией вообще превращает текст «Silentium!» в руководство, в инструкцию продуктивного молчания. Однако Ф. Тютчев здесь volens-nolens делает удивительное открытие: поэтическое мышление (и поэтическая номинация, соответственно) основывается на особом чередовании опять же мучительных антиномических соединений Мечта (Чувство) – Мир, Молчание (Мысль) – Мир, Поэт (Внутренний Мир) – Мир. Поэт преодолевает хаос и приблизительность речевого выражения императивностью и порядком не молчания, а пауз, которые организуют речь. Ритм познания в целом таков: слепота – зрение – озарение – прозрение, ведущие к новой, качественно иной, слепоте. Ритм языкового (первично-поэтического)

* Молчание! (лат.)

познания также основан на чередовании бессмысленного звучания, осмысленной немоты, глубинно-смысловой тишины и языковой энергии, усиленной перепадами-конденсаторами ритмо-поэтического выражения, – энергии, направленной на постижение ужаса красоты.

Поэтический текст (даже наперекор воле сочинителя) избегает прагматики, потому что красота, любовь, да и сам язык, поглощающий мир и миры, социально бессмысленны, беспомощны и одновременно чудовищно мощны. Мощь и энергия муки не быто-говорения, а языкового действия сотворяют чудо. Поэзия и есть чудо. Не тайна – а очевидное чудо, дар и подарок языка через одного – всем. Стихотворение – это текст, это ткань пространства-времени, быта-бытия, жизни-смерти, плоти-духа и любви. О. Мандельштам как первый наследник Пушкина – Баратынского – Тютчева бесстрашно говорит о такой муке (из «Восьмистиший»):

1

Люблю появление ткани,
Когда после двух или трех,
А то четырех задыханий
Придет выпрямительный вздох.
И дугами парусных гонок
Зеленые формы чертя,
Играет пространство спросонок –
Не знавшее люльки дитя.

Ноябрь 1933, июль 1935

2

Люблю появление ткани,
Когда после двух или трех,
А то четырех задыханий
Придет выпрямительный вздох.
И так хорошо мне и тяжко,
Когда приближается миг,
И вдруг дуговая растяжка
Звучит в бормотаньях моих.

Ноябрь 1933 – январь 1934

«Дуговая растяжка» – вольтова дуга супротивных и слиянных, сродных и чуждых энергий языка, мира, поэзии и

немоты, – вот миг ужасный и прекрасный, миг постижения – именования мира. Вот почему поэт есть продолжение языка. Поэт – это креативная, номинативно-эстетическая функция языка. Поэтическая личность – это одновременно и прошлое, и настоящее, и будущее языка.

Последнее стихотворение, как правило, – это идентификатор подлинности данной поэзии. Последнее стихотворение – это идентификатор целой парадигмы поэтических текстов, потому что явление и процесс перемены физической жизни на жизнь семантическую, смысловую, духовную не могут быть запечатлены, отображены и осознаны в объеме одного стихотворения. Смерть – это событие неожиданное, но вполне ожидаемое, предчувствуемое и даже ментально осязаемое.

Формально-содержательные и эстетические особенности последнего стихотворения обусловлены, с одной стороны, скоростью жизни, а с другой стороны – скоростью смерти. Эти категории находят свое выражение как в продолжительности жизни, в ее биологическом количестве, так и в степени интенсивности, духовной плотности жизни поэта. Поэт, независимо от количества прожитых лет, успевает сказать **всё** (это касается и двадцатишестилетних М. Лермонтова и Б. Рыжего, и тридцатилетнего С. Есенина, и тридцатисемилетнего А. Пушкина, и восьмидесятидвухлетнего А. Тарковского, и пятидесятипятилетнего И. Бродского). Поэт как проводник языковой энергии способен перенести такое напряжение и количество семантики, насколько это предопределено объемом и качеством его дарования. Язык дал – язык взял. Взаимосвязь, взаимоуничтожение и взаимопорождение языка и поэта очевидны: качество и количество языка в поэте определяется не замыслом, не реализацией и не поэтическим результатом, а той или иной степенью возможности существования данного поэтического языка и данной поэтической личности без (и независимо от) физической оболочки их «обладателя».

Наличие последнего стихотворения (в любой форме, любой тематики) подтверждает несовпадение физического возраста поэта с возрастом поэтической личности:

Возраст	
поэтическая личность	**поэт**
хаос выражения	≈ 3–5 лет
поэтическая игра	≈ 10 лет (+>30 лет, например, А. Крученых)
подражание	≈ 10–15 лет (+>40 лет, например, стихотворец N)
преодоление влияния	≈ 15–20/25 лет (>50 лет, например, стихотворец N)
высокая степень языковой свободы (выработка своего поэтического языка) (начало poiео)	≈ 25–30 лет (возраст определяется в каждом конкретном случае)
абсолютная языковая свобода (собственно poiео)	≈ 30 лет (возраст определяется в каждом конкретном случае)

Таким образом, выделяются несколько степеней языковой свободы, наличие которых определяется, во-первых, той или иной стадией развития поэтической личности, а во-вторых, степенью поэтической свободы, зависящей от той или иной стадии создания и оформления индивидуально-авторского поэтического языка.

Шкала степеней языковой свободы

1. Низкая (формальное единство дискурса и компонентов языковой способности).

2. Средне-низкая (формально-содержательное единство дискурса и некоторых компонентов языковой способности).

3. Средняя (доминирование единиц одного компонента языковой способности).

4. Средне-высокая (доминирование единиц двух компонентов языковой способности).

5. Высокая (доминирование единиц трех компонентов языковой способности).

6. Очень высокая (доминирование единиц четырех (всех) компонентов языковой способности).

7. Абсолютная (доминирование в неразрывном формально-содержательном единстве всех единиц дискурса и всех единиц четырех компонентов языковой способности).

Определение степени языковой свободы производится с учетом степени поэтической свободы (низкая / средне-низкая / средняя / средне-высокая / высокая / очень высокая / абсолютная). Следует отметить, что степени языковой и поэтической свободы могут не совпадать, однако такое несовпадение происходит в объеме одного шага данной шкалы.

Определение степени поэтической и языковой свободы – это не оценка поэтического и языкового качества стихотворения или поэтической личности, – это попытка определения места данного поэта в процессе формирования и развития обобщенной, совокупной русской поэтической личности и поэтического языка XVIII–XX вв.

Возрастные рубежи физической личности, естественно, обозначены весьма условно и так или иначе соответствуют этапам становления текстовой личности («Текстовая личность – это личность текстотворца, выраженная в языковом, культурном, эстетическом и духовном пространствах (поэтического) текста и реконструированная на базе языковых, культурных, эстетических и духовных средств текста. То есть текстовая личность – один из особых вариантов языковой личности»[39]).

Этапы становления текстовой личности:

1. Освоение фонетики (единицы: звук, слог, морфоид, лексоид).

2. Освоение лексики (единицы: морфема, лексема).

3. Освоение грамматики (единицы: словоупотребление, словосочетание).

4. Освоение синтаксиса (единицы: фразеологизм, предикативное словосочетание, предложение).

5. Освоение синтаксической строфы (единицы: сложное предложение, сложная синтаксическая конструкция, сложное синтаксическое целое).

6. Освоение текста (единицы: строфа, формально-смысловая и функциональная структура текста).

7. Освоение текстопарадигмы (единицы: текст).

Последнее стихотворение – это не просто важнейшая часть поэтической текстопарадигмы, но и – в силу своей метатекстовой природы – лингво-поэтический и культурно-духовный факт скрепы всех и любых частей творчества поэта. Кроме того, последнее стихотворение – это текст, лишенный не только ка-

кой-либо социальной прагматичности, но и любого элемента языковой игры, эксперимента, – это текст, характеризующейся абсолютной открытостью во все сферы культурного хронотопа, во все области быта и бытия. Последнее стихотворение – это уже не попытка выражения неизъяснимого, этот текст есть прямое выражение неизъяснимого. Поэты в процессе формирования своей поэтической личности лишь догадываются о возможности ужаса, счастья и муки такого поэтического выражения. Хрестоматийное стихотворение Бориса Пастернака как раз об этом:

***

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью – убивают,
Нахлынут горлом и убьют!

От шуток с этой подоплёкой
Я б отказался наотрез.
Начало было так далёко,
Так робок первый интерес.

Но старость – это Рим, который
Взамен турусов и колёс
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.

Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.

1931

Сорокалетний поэт напишет свое последнее стихотворение почти через двадцать лет, но предощущение этого текста в нем уже есть (замечательные стихи Б. Пастернака, к сожалению, «охрестоматизованы» школой и нетребовательным (подслеповатым), излишне и нарочито эмоциональным читателем, как и почти все стихотворное наследие поэта – Нобелевского лауреата).

Отношение русских поэтов к последнему стихотворению как к прямому выражению неизъяснимого в XVIII, XIX и

XX вв. было разным. Последнее стихотворение могло и не быть фактически последним, так как или создавалось соответственно замыслу, или создавалось спонтанно и лишь подсознательно ощущалось поэтом как нечто очень значительное и значимое в его творчестве. Последнее стихотворение может иметь форму завещания, откровения, исповеди, объяснения в любви и/или в ненависти, оно может вообще никак не выделяться из той или иной поэтической функционально-смысловой (тематической) парадигмы.

Последнее стихотворение как особый, итоговый поэтический текст духовно-идентифицирующего и метатекстового характера приобрело типовые, повторяющиеся формально-содержательные параметры к началу XIX в. Прагматика русской поэзии XVIII в., безусловно, мешала осуществлению попыток прямого выражения неизъяснимого (у поэта XVIII в. были другие задачи: прежде всего освоение новой метрической и просодической системы, а также разработка жанровой системы на основе объединения поэтического эпоса и лирики). Последнее стихотворение поэта XVIII в. – это по сути своей первое подлинное поэтическое произведение, способное функционировать вне дидактики и прагматики. Исключение в этом временном пространстве составляет творчество Г. Державина, лира которого так явственно отозвалась в поэзии И. Бродского, основанной на соединении двух противоположных поэтических жанров XVIII в. – оды и элегии. Последнее стихотворение Г. Державина – это первый образец поэтической неаддитивности («ни убавить, ни прибавить» – как говорит народ):

<Последнее стихотворение Державина>

***

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы!

1816

Это стихотворение было опубликовано в «Сыне отечества» в 1816 г. в № 30 с такой заметкой: «За три дня до кончины своей, глядя на висевшую в кабинете его известную историческую карту: Река времен, начал он стихотворение «На тленность» и успел написать первый куплет»[40]. На грифельной доске, где поэтом было записано начало оды, остались непрочитанными два стиха. Смерть остановила поэта и сотворила из замысливаемой оды короткое лирическое стихотворение, а вернее – акростих (руина чти), вольный или невольный. Таков результат совместной стихотворной работы поэта и времени: по невероятно огромному количеству смысловой энергии, содержащейся в тексте, можно решить, что это стихотворение написано самим временем и, следовательно, будет существовать всегда. Поэт и есть время. Он, по мысли поэта Б. Рыжего, волен выбирать и присваивать себе любой поэтический хронос: «Не время выбирает поэта, а поэт – время, и это, пожалуй, главное его преимущество перед простыми смертными»[41]. Если место поэту навязывают обстоятельства, создаваемые семьей, обществом и государством, то судьбу свою себе, как и время свое, создает сам поэт.

Антология последнего стихотворения – это попытка идеографического описания наиболее важной поэтической парадигмы, сложившейся в течение последних 300 лет. Последние стихотворения, написанные 12 поэтами XVIII в., 38 поэтами XIX в. и 50 поэтами XX в., в этой антологии являются центром поэтологического описания как индивидуальных поэтических личностей, так и совокупной русской поэтической личности. Каждый из 100 блоков антологии имеет следующую структуру:

1. Антропологические / поэтологические параметры поэтической личности (биографические сведения; соотношение физического возраста с возрастом поэтической личности; степень поэтической свободы и др.).

2. Основные черты и характеристики поэтической способности (эстетические, дискурсные параметры поэтической личности; доминанта (простая, комплексная) языковой и поэтической способности поэта; степень языковой свободы и др.).

3. Текст последнего стихотворения (структурный тип: единичное, парадигма (цельная, дискретная); номинальное, фактическое и др.).

Образец составления блока антологии

КЛЫЧКОВ
Сергей Антонович

1. Род. 24 июня (6 июля н. ст.) или 5, или 12 июля 1889 г. в д. Дубровки Тверской губ. Погиб 8 октября 1937 г. в заключении (в разгар сталинских репрессий) в возрасте ок. 38 лет и 3 мес. (расстрелян).

Развитие и становление поэтической личности С. Клычкова основывается на двух абсолютно разных способах познания себя и мира: до 1920-х гг. поэт ориентирован на воссоздание известной и модной в то время в России наивно-религиозной художественной картины мира; к концу же 1920-х гг. С. Клычков воспринимает быт и бытие трагически (что связано с социально-экономической и политической катастрофой в СССР [поэтический цикл «Заклятие смерти»]). Переход от наивно-религиозных воззрений к трагическим озарениям был ускорен сочинением прозы. Степень поэтической свободы определяется как средне-высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности С. Клычкова имеет двойственную природу: наивно-религиозное и трагическое, в основе своей созерцательное восприятие мира и себя в нем обусловили возможность реализации языковой способности поэта в русле традиционализма. Доминанта поэтического дискурса – ритмико-музыкальная. Доминанта языковой способности – лексико-стилистический компонент. Степень языковой свободы – средняя.

3. Парадигма последнего стихотворения начинает формироваться с начала 1920-х гг. («Домашние песни»). Пропозициональную функцию последнего стихотворения (подсознательное движение поэтической личности к написанию последнего стихотворения) выполнило, в числе других, следующее стихотворение (пропозиция последнего стихотворения):

Пылает за окном звезда,
Мигает огоньком лампада.
Так, значит, суждено и надо,
Чтоб стала горечью отрада,
Ушедшая невесть куда.

Над колыбелью тихий свет
И, как не твой, припев баюнный.
И снег, и звезды – лисий след,
И месяц золотой и юный,
Ни дней не знающий, ни лет.

И жаль и больно мне вспугнуть
С бровей знакомую излуку
И взять, как прежде, в руки руку.
Прости ты мне земную муку,
Земную ж радость не забудь!

Звезда – в окне, в углу – лампада,
И в колыбели – синий свет,
Поутру – стол и табурет.
Так, значит, суждено и – нет:
Иного счастья и не надо!...

1922

Это стихотворение было опубликовано (вторая публикация) в «Красной ниве» в 1923 г., № 4 (28 января) за ошибочной подписью «О. Мандельштам»: опечатка, которая свела две поэтические трагедии в одну.

Фактическое (и номинальное) последнее стихотворение

В тиши
Сияющей
Зари
С тоскою,
Друг, такою,
Как знающий,
Не говори
И не маши
Рукою!
Я, может,
Тоже
Знаю сам,
Что там
Вдали
На корабли
Туманы так похожи!

Откуда взяться
Парусам,
Признаться,
Здесь, на даче?
Но видишь: я бегу,
И падаю на берегу,
И не могу,
И плачу:
Река...
В реке
Вода
Мелка...
Недалеко –
Запруда...
Так
Близок,
Низок
Мрак –
Беда!
И не уедем никуда
И никогда
Отсюда!

1937; возможно, 9 февраля

Необычное графическое (узкий столбец) построение стихотворения усиливает реализацию глубинного смысла этого текста, выражающегося в вертикальной оппозиции «низа» (беды, смерти) и «верха» (зари, света, бессмертия).

Модель поэтологического описания последнего стихотворения включает в себя основные параметры вербального (языковая способность), паравербального (эстетика, дискурс) и невербального (антропологическая характеристика) наполнения системы и структуры поэтической личности. Многое, естественно, остается за рамками такого анализа, и это вполне закономерно: поэзия, поэтическая личность, поэтический текст только начинают изучаться с позиции новой науки **поэтологии** (термин М. В. Тростникова[42]). Поэт Осип Мандельштам в своей заметке «Выпад» (1924 г.) утверждает: «Читателя нужно поставить на место, а вместе с ним и вскормленного

им критика. Критики, как произвольного истолкования поэзии, не должно существовать, она должна уступить объективному научному исследованию – **науке о поэзии** (выделено мною. – *Ю. К.*). Быть может, самое утешительное во всем положении русской поэзии – это глубокое и чистое неведение, незнание народа о своей поэзии»[43].

Восприятие поэзии, поэтической личности и поэтического текста должно основываться на понимании того, что «поэзия меньше всего – литература; это способ жить и умирать»[44]. Эти слова Арсения Тарковского раскрывают самую суть поэтической языковой деятельности.

Поэзия, выражая любое время дискурсивно, музыкально и стилистически (дискурс – знак времени), сама является духовной составляющей любого отрезка исторического времени (текст пушкинского «Пророка», содержа в себе около четверти архаизмов от всей лексики, адресован одновременно в прошлое, в настоящее и будущее (стилистика – знак направления движения времени).

Поэт как поэтическая личность осознает себя бессмертным, но осознание себя смертным в качестве личности физической (повышенный уровень эсхатологичности русского самосознания) дает начало появлению поэтической парадигмы последнего стихотворения и обусловливает создание такого стихотворения (или – ряда стихотворений), которое выполняет функцию пропозиции (прообраза) последнего стихотворения.

Предлагаемая читателю антология последнего стихотворения является также монографическим исследованием структуры и динамики поэтической личности. Именно этот фактор определяет довольно большую степень субъективности автора, которая проявляется в следующих параметрах антологии:

а) выбор состава антологии (100 поэтов) обусловлен не только личными вкусовыми пристрастиями автора, но определенной степенью общественного признания творчества и личности того или иного поэта;

б) степень достоверности материала определяется степенью полноты и точности печатных и академических изданий поэзии (если в книге из серии «Библиотека поэта» то или иное стихотворение опубликовано как последний текст дан-

ного автора, то исторически, психологически, а значит и фактически, этот текст воспринимается большинством носителей языка и культуры как последнее стихотворение);

в) расположение поэтологического материала в антологии подчиняется критерию старшинства по объему физического возраста, т. е. принципу последовательной хронологии;

г) наличие в антологии текстов **предположительно** последних стихотворений тех или иных поэтов обусловлено отсутствием фактологического материала (датировки и проч.); авторская попытка определения, идентификации такого текста гипотетическим путем есть, возможно, заблуждение, но энергия заблуждения может помочь читателю антологии подойти к истине вплотную;

д) наличие субъективного отношения к поэтической личности того или иного стихотворца, а также оценок степеней поэтической и языковой свободы с определенной долей субъективности;

е) идея поэтологического и по сути своей идеографического описания поэтического текста, возможно, смутит обыденное сознание читателя, не привыкшего к комплексному восприятию метафизических фактов культуры и т. п.

Осип Мандельштам в своей статье «О собеседнике» заметил: «У каждого человека есть друзья. Почему бы поэту не обращаться к друзьям, к естественно близким ему людям?»[45]. Антология последнего стихотворения и есть такое обращение из поэтического времени – в наше, общее.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков // Введение в языковедение : хрестоматия / сост. А. В. Блинов и др. М., 2000. С. 284.

[2] *Пастернак Б. Л.* Воздушные пути : проза разных лет. М., 1983. С. 324.

[3] *Мандельштам О. Э.* Слово и культура: О поэзии. Разговор о Данте. Рецензии. М., 1987. С. 168.

[4] *Заболоцкий Н. А.* Избранные произведения : в 2 т. М., 1972. Т. 2. С. 286–287.

[5] *Бродский И. А.* Нобелевская лекция // Бродский И. Стихотворения. Таллин, 1991.
[6] *Аристотель.* Об искусстве поэзии. М., 1957. С. 67–68.
[7] *Вернадский В. И.* Биосфера и Ноосфера. М., 2002. С. 470–482.
8 *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999. С. 163-174.
[9] *Флоренский П. А.* Судьба двух идей // В. И. Вернадский: pro et contra. СПб., 2000. С. 616.
[10] *Сидни Ф.* Астрофил и Стелла. Защита поэзии. М., 1982. С. 183.
[11] *Казарин Ю. В.* Поэтический текст как система. Екатеринбург, 1999; *Он же.* Пролегомены к закону сохранения языковой энергии // Лингвистика : бюлл. Урал. лингв. о-ва. Екатеринбург, 2001. Т. 6. С. 88–100.
[12] *Державин Г. Р.* Избранная проза. М., 1984. С. 276.
[13] Там же. С. 281.
[14] *Пушкин А. С.* Мысли о литературе. М., 1988. С. 67.
[15] *Баратынский Е. А.* Разума великолепный мир: О литературе и искусстве. М., 1981. С. 124.
[16] *Тарковский А. А.* О поэтическом языке // Собр. соч. : в 3 т. М., 1991. Т. 2. С. 224.
[17] *Бродский И. А.* Сочинения Иосифа Бродского. СПб., 2001. Т. 7. С. 162.
[18] Там же. С. 120.
[19] *Анненский И.* Стихотворения. М., 1987. С. 207–211.
[20] *Казарин Ю. В.* Пловец. Куда ж нам плыть. Екатеринбург, 2000. С. 131.
[21] *Паскаль Б.* Мысли. М., 2001. С. 168.
[22] Афоризмы лауреатов Нобелевской премии по литературе. Минск, 2000. С. 437.
[23] Там же. С. 317.
[24] *Сахаров И. П.* Русское народное чернокнижие. СПб., 1997. С. 50–51.
[25] *Караулов Ю. Н.* Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. М., 1992. С. 5.
[26] *Мандельштам О.* Указ. соч. М., 1987. С. 67.
[27] *Шубин В. И.* Поэт во времени (очерк творчества) // Борис Левит-Броун. Лишний росток бытия. СПб., 2001. С. 6.
[28] Там же. С. 7.
[29] Там же. С. 19.
[30] Там же. С. 20.
[31] Там же. С. 22.
[32] *Паскаль Б.* Указ. соч. М., 2001. С. 388.
[33] Там же. С. 408.

[34] *Блум Х.* Страх влияния. Теория поэзии. Карта перечитывания. Екатеринбург, 1998.
[35] Там же. С. 78.
[36] Там же. С. 85.
[37] Там же. С. 119.
[38] *Шубин В. И.* Поэт во времени (очерк творчества) // Борис Левит-Броун. Лишний росток бытия. СПб., 2001. С. 56.
[39] *Казарин Ю. В.* Поэтический текст как система. С. 62.
[40] *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 2002. С. 688.
[41] *Рыжий Б.* Предисловие // Дозморов О. Стихи. Екатеринбург, 2002. С. 3.
[42] *Тростников М. В.* Поэтология. М., 1998.
[43] *Мандельштам О.* Выпад // Указ. соч. М., 1987. С. 46–47.
[44] *Волкова П. Д.* Арсений Тарковский. Жизнь семьи и история рода. М., 2002. С. 24.
[45] *Мандельштам О.* О собеседнике // Указ. соч. М., 1987. С. 49.

ИСТОЧНИКИ

Адамович Г. Собрание сочинений / Г. Адамович. Т. 1 : Стихи, проза, переводы. СПб., 1999.
Анненский И. Стихотворения и трагедии / И. Анненский. Л., 1990.
Антокольский П. Стихотворения и поэмы / П. Антокольский. Л., 1982.
Апухтин А. Н. Стихотворения / А. Н. Апухтин. Л., 1961.
Ахматова А. Собрание сочинений : в 6 т. / А. Ахматова. М., 1999. Т. 2. Кн. 2.
Ахматова А. Стихотворения и поэмы / А. Ахматова. Л., 1976.
Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы / Э. Багрицкий. М.; Л., 1964.
Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы / Э. Багрицкий. СПб., 2000.
Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Е. Баратынский. СПб., 2000.
Барков И. Девичья игрушка / И. Барков. СПб., 1992.
Барков И. С. Полное собрание стихотворений / И. С. Барков. СПб., 2004.
Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений / К. Н. Батюшков. М. ; Л., 1964.
Батюшков К. Н. Сочинения : в 2 т. / К. Н. Батюшков. М., 1989.
Белый А. Сочинения : в 2 т. / А. Белый. М., 1990.
Белый А. Стихотворения и поэмы / А. Белый. М. ; Л., 1966.
Бенедиктов В. Г. Стихотворения / В. Г. Бенедиктов. Л., 1983.
Бестужев-Марлинский А. Полное собрание стихотворений / А. Бестужев-Марлинский. Л., 1961.
Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения : в 2 т. / А. Бестужев-Марлинский. М., 1958.
Биографический энциклопедический словарь / сост. Н. М. Ланда. М., 2000.
Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / А. А. Блок. Т. 1–5. М., 1997–1999.
Блок А. Стихотворения / А. Блок. Л., 1955.
Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь (современная версия) / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. М., 2002.
Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы / И. Ф. Богданович. Л., 1957.
Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.

Бунин И. А. Собрание сочинений : в 6 т. / И. А. Бунин. М., 1987. Т. 1.
Бунин И. Стихотворения / И. Бунин. Л., 1956.
Васильев П. Стихотворения и поэмы / П. Васильев. Л., 1968.
Введенский А. Полное собрание произведений : в 2 т. / А. Введенский. М., 1993.
Веневитинов Д. В. Полное собрание стихотворений / Д. В. Веневитинов. Л., 1960.
Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза / Д. В. Веневитинов. М., 1980.
Волошин М. Стихотворения и поэмы / М. Волошин. СПб., 1995.
Вяземский П. А. Сочинения : в 2 т. / П. А. Вяземский. М., 1982.
Вяземский П. А. Стихотворения / П. А. Вяземский. Л., 1986.
Гиппиус З. Н. Стихотворения / З. Н. Гиппиус. СПб., 1999.
Глазков Н. Автопортрет. Стихи и поэмы / Н. Глазков. М., 1984.
Глазков Н. Избранные стихи / Н. Глазков. М., 1979.
Глинка Ф. Стихотворения / Ф. Глинка. Л., 1951.
Глинка Ф. Н. Избранные произведения / Ф. Н. Глинка. Л., 1957.
Глинка Ф. Избранное / Ф. Глинка. Петрозаводск, 1949.
Гнедич Н. И. Стихотворения / Н. И. Гнедич. Л., 1956.
Грибоедов А. С. Сочинения : в 2 т. / А. С. Грибоедов. М., 1971.
Грибоедов А. С. Сочинения в стихах / А. С. Грибоедов. Л., 1987.
Григорьев А. Избранные произведения / А. Григорьев. Л., 1959.
Григорьев А. Сочинения : в 2 т. / А. Григорьев. М., 1990.
Гумилев Н. Стихотворения и поэмы / Н. Гумилев. СПб., 2000.
Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / Н. Гумилев. М., 1998–2001. Т. 1–4.
Давыдов Д. Стихотворения / Д. Давыдов. Л., 1984.
Дельвиг А. А. Полное собрание стихотворений / А. А. Дельвиг. Л., 1959.
Державин Г. Р. Сочинения / Г. Р. Державин. СПб., 2002.
Державин Г. Р. Стихотворения / Г. Р. Державин. Л., 1957.
Елагин И. Собрание сочинений : в 2 т. / И. Елагин. М., 1998. Т. 1–2.
Ершов П. П. Конек-Горбунок. Стихотворения / П. П. Ершов. Л., 1976.
Есенин С. Полное собрание сочинений : в 7 т. / С. Есенин. Т. 4. М., 1996.
Есенин С. Стихотворения и поэмы / С. Есенин. Л., 1986.
Жуковский В. А. Собрание сочинений : в 4 т. / В. А. Жуковский. М. ; Л., 1959–1960.
Жуковский В. А. Стихотворения / В. А. Жуковский. Л., 1956.
Заболоцкий Н. Полное собрание стихотворений и поэм / Н. Заболоцкий. СПб., 2002.
Заболоцкий Н. А. Стихотворения и поэмы / Н. А. Заболоцкий. М. ; Л., 1965.
Иванов Г. Собрание сочинений : в 3 т. / Г. Иванов. Т. 1 : Стихотворения. М., 1994.

Кантемир А. Собрание стихотворений / А. Кантемир. Л., 1956.
Капнист В. В. Избранные стихотворения / В. В. Капнист. Л., 1973.
Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений / Н. М. Карамзин. М. ; Л., 1966.
Клычков С. Собрание сочинений : в 2 т. / С. Клычков. Т. 1: Стихотворения. Проза. М., 2000.
Клюев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Н. Клюев. СПб., 1999.
Козлов И. И. Полное собрание стихотворений / И. И. Козлов. Л., 1960.
Козлов И. И. Стихотворения / И. И. Козлов. Л., 1956.
Кольцов А. В. Полное собрание стихотворений / А. В. Кольцов. Л., 1958.
Кольцов А. В. Сочинения : в 2 т. / А. В. Кольцов. М., 1958.
Коневской И. (Ореус). Мечты и думы : стихотворения и проза / И. Коневской. Томск, 2000.
Корнилов Б. Стихотворения и поэмы / Б. Корнилов. М. ; Л., 1966.
Крылов И. А. Полное собрание сочинений : в 3 т. / И. А. Крылов. М., 1946. Т. 3.
Крылов И. А. Стихотворения / И. А. Крылов. Л., 1954.
Кузмин М. Стихотворения / М. Кузмин. СПб, 1996.
Курочкин В. С. Собрание стихотворений / В. С. Курочкин. Л., 1947.
Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений : в 5 т. / сост. и ред. Б. М. Эйхенбаум. М. ; Л., 1936–1937.
Лермонтов М. Ю. Полное собрание стихотворений : в 2 т. / М. Ю. Лермонтов. Л., 1989.
Ломоносов М. В. Избранные произведения / М. В. Ломоносов. М. ; Л., 1965.
Майков В. Избранные произведения / В. Майков. М. ; Л., 1966.
Малый энциклопедический словарь : в 4 т. М., 1997. (Репринт. изд. Ф. А. Брокгауза – И. А. Ефрона)
Мандельштам О. Полное собрание стихотворений / О. Мандельштам. СПб., 1995.
Мандельштам О. Собрание сочинений : в 4 т. / О. Мандельштам. М., 1993–1997.
Мандельштам О. Сочинения : в 2 т. / сост. П. М. Нерлер. М., 1990.
Маяковский В. Полное собрание сочинений : в 13 т. / В. Маяковский. М., 1955–1961.
Маяковский В. В. Избранные произведения / В. В. Маяковский. Л., 1963. Т. 1–2.
Мятлев И. П. Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой / И. П. Мятлев. Л., 1969.
Набоков В. Ангелом задетый : стихи / сост. Я. С. Маркович. М., 1990. Вып. 1.
Набоков В. Стихотворения и поэмы / В. Набоков. М., 1991.

Нарбут В. Стихотворения / В. Нарбут. М., 1990.
Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. / Н. А. Некрасов. Л., 1980–1982. Т. 1–3.
Некрасов Н. А. Последние песни / Н. А. Некрасов. М., 1974.
Новая иллюстрированная энциклопедия : в 20 т. / гл. ред. А. П. Горкин. М., 2001–2002.
Одоевский А. И. Полное собрание стихотворений / А. И. Одоевский. Л., 1958.
Олейников Н. Стихотворения и поэмы / Н. Олейников. СПб., 2000.
Павлова К. Полное собрание стихотворений / К. Павлова. М. ; Л., 1964.
Пастернак Б. Собрание сочинений : в 5 т. / Б. Пастернак. М., 1989. Т. 2.
Пастернак Б. Стихотворения и поэмы : в 2 т. / Б. Пастернак. Л., 1990.
Пастернак Б. Стихотворения и поэмы / Б. Пастернак. М. ; Л., 1965.
Петровых М. Избранное. Стихотворения. переводы. Из письменного стола / М. Петровых. М., 1991.
Полежаев А. И. Стихотворения и поэмы / А. И. Полежаев. Л., 1987.
Полонский Я. П. Стихотворения / Я. П. Полонский. Л., 1954.
Полонский Я. П. Сочинения : в 2 т. / Я. П. Полонский. М., 1986.
Поэзия русского футуризма / сост. В. Н. Альфонсов и С. Р. Красицкий. СПб., 1999.
Поэты XVIII века. Т. 1 / сост. Г. П. Макогоненко и И. З. Серман. Л., 1972.
Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. Пушкин. 4-е изд. Т. 3. Л., 1977.
Пушкин В. Стихи. Проза. Письма / В. Пушкин. М., 1989.
Радищев А. Н. Стихотворения / А. Н. Радищев. Л., 1975.
Раевский В. Ф. Полное собрание стихотворений / В. Ф. Раевский. М.; Л., 1967.
Рубцов Н. Собрание сочинений : в 3 т. / Н. Рубцов. М., 2000.
Русские писатели. XIX век : биобиблиогр. словарь : в 2 ч. / под. ред. П. А. Николаева. М., 1996. Ч. 1–2.
Русские писатели XX века : биобиблиогр. словарь / гл. ред. и сост. П. А. Николаев. М., 2000. Ч. 1–2.
Рыжий Б. И все такое... : стихотворения / Б. Рыжий. СПб., 2000.
Рыжий Б. На холодном ветру : стихотворения / Б. Рыжий. СПб., 2001.
Рылеев К. Ф. Полное собрание стихотворений / К. Ф. Рылеев. Л., 1971.
Садовской Б. Стихотворения. Рассказы в стихах. Пьесы / Б. Садовской. СПб., 2001.
Самойлов Д. «Мне выпало все...» / Д. Самойлов. М., 2000.
Самойлов Д. Избранные произведения : в 2 т. / Д. Самойлов. М., 1990.

Северянин И. Стихотворения и поэмы / И. Северянин. М., 1990.
Слуцкий Б. Собрание сочинений : в 3 т. / Б. Слуцкий. М., 1991.
Случевский К. К. Стихотворения и поэмы / К. К. Случевский. М. ; Л., 1962.
Случевский К. К. Стихотворения, поэмы, проза / К. К. Случевский. М., 1988.
Случевский К. Сочинения в стихах / К. Случевский. М. ; СПб., 2001.
Соловьев В. Стихотворения и шуточные пьесы / В. Соловьев. Л., 1974.
Сологуб Ф. Стихотворения / Ф. Сологуб. СПб., 2000.
Сопровский А. Правота поэта. Стихотворения. Статьи / А. Сопровский. М., 1997.
Сочинения Иосифа Бродского. СПб., 1997–1998. Т. 1–4.
Сумароков А. П. Избранные произведения / А. П. Сумароков. Л., 1957.
Тарковский А. Благословенный свет : избранные стихотворения / А. Тарковский. СПб., 1993.
Тарковский А. Собрание сочинений : в 3 т. / А. Тарковский. М., 1991. Т. 1–2.
Твардовский А. Т. Собрание сочинений : в 6 т. / А. Твардовский. М., 1998. Т. 1–2.
Тихонов Н. Стихотворения и поэмы / Н. Тихонов. Л., 1981.
Толстой А. К. Полное собрание стихотворений : в 2 т. / А. К. Толстой. Л., 1984.
Тредиаковский В. К. Избранные стихотворения / В. К. Тредиаковский. М. ; Л., 1963.
Тютчев Ф. И. Лирика : в 2 т. / сост. К. В. Пигарев. М., 1965.
Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений / Ф. И. Тютчев. Л., 1987.
Тютчев Ф. И. Сочинения : в 2 т. / Ф. И. Тютчев. М., 1984.
Ушаков Н. Стихотворения и поэмы / Н. Ушаков. Л., 1980.
Фет А. А. Полное собрание стихотворений / А. А. Фет. Л., 1959.
Фет А. А. Сочинения : в 2 т. / А. А. Фет. М., 1982.
Фофанов К. М. Стихотворения и поэмы / К. М. Фофанов. М. ; Л., 1962.
Хармс Д. Полное собрание сочинений / Д. Хармс. Т. 1 : Стихотворения. СПб., 1997.
Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений / И. И. Хемницер. М. ; Л., 1963.
Хлебников В. Собрание сочинений : в 3 т. / В. Хлебников. СПб., 2001.
Хлебников В. Собрание сочинений : в 6 т. / В. Хлебников. М., 2001–2002. Т. 1–2.
Ходасевич В. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Хлебников. М., 1996. Т. 1.
Ходасевич В. Стихотворения / В. Ходасевич. Л., 1989.
Хомяков А. С. Стихотворения и драмы / А. С. Хомяков. Л., 1969.

Цветаева М. Избранные произведения / М. Цветаева. М. ; Л., 1965.
Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. / М. Цветаева. Т. 2 : стихотворения, переводы. М., 1994.
Чиннов И. Собрание сочинений : в 2 т. / И. Чиннов. М., 2000–2002.
Шенгели Г. Иноходец. Собрание стихов. Византийская повесть «Повар Базилевса». Литературные статьи. Воспоминания / Г. Шенгели. М., 1997.
Штейнберг А. Собрание стихов. О Штейнберге / А. Штейнберг. М., 1997.
Языков Н. М. Стихотворения и поэмы / Н. М. Языков. Л., 1988.
Sub rosa. Аделаида Герцык. София Парнок. Поликсена Соловьева. Черубина де Габриак. М., 1999.

АНТОЛОГИЯ XVIII век

ТРЕДИАКОВСКИЙ Василий Кириллович
КАНТЕМИР Антиох Дмитриевич
ЛОМОНОСОВ Михаил Васильевич
СУМАРОКОВ Александр Петрович
МАЙКОВ Василий Иванович
БАРКОВ Иван Семенович
ДЕРЖАВИН Гаврила Романович
БОГДАНОВИЧ Ипполит Федорович
ХЕМНИЦЕР Иван Иванович
РАДИЩЕВ Александр Николаевич
КАПНИСТ Василий Васильевич
КАРАМЗИН Николай Михайлович

ТРЕДИАКОВСКИЙ
Василий Кириллович

1. Родился в 1703 г., умер в 1768 г. в возрасте ок. 65 лет. Автор поэмы «Телемахида» (1766) и труда «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний» (1735).

Как поэтическая личность формировался в процессе реализации одновременно двух различных способов познания себя и мира: теоретическое (научное) осмысление формальной организации русского стиха сопровождалось практическим освоением силлабо-тоники. В. Тредиаковский разработал основы новой ритмики и стал первым явным и теоретиком, и практиком, и реформатором русского поэтического дискурса. Поэт волевым усилием, в достаточной мере искусственно, преодолевал первую возрастную стадию поэтической личности – хаос выражения и приближался к стадии поэтической игры и подражания (силлабическая поэзия как русский источник подражания утратила свою актуальность). Стихотворная техника и содержательный прагматизм – вот основа поэтической способности В. Тредиаковского. Степень поэтической свободы В. Тредиаковского характеризуется как средне-низкая / средняя.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности В. Тредиаковского окончательно не сформировалась, так как поэт эстетически был ориентирован на формально-жанровые особенности поэтики, тяготеющей к европейскому классицизму.

Доминанта поэтического дискурса – метрическая.

Доминанта языковой способности – лексико-грамматический компонент с элементами синтаксической грамматики (в зачаточном виде). Степень языковой свободы средне-низкая, что обусловлено отсутствием синтеза языковой способности и дискурсного компонента поэтической личности В. Тредиаковского.

3. Парадигма последнего стихотворения находится в недооформленном виде (начало ее формирования – 1751–1752 гг.). В поэзии первой половины XVIII в. наличие последнего сти-

хотворения есть знак подлинной культурно-языковой и духовной свободы, т. е. последнее стихотворение поэта первой половины XVIII в. – это первая попытка выражения глубинных тайн бытия, неизъяснимого. Поэтическая парадигма последнего стихотворения В. Тредиаковского среди прочих включает в себя следующий текст:

Отвергни уж печаль: довольно ты крушилась;
И красота твоя чрез бледность повредилась.
О! я благодарю за милость всем богам:
Вот ожерелье уж пришло к моим рукам!
Ей! как желала я, успех так получила.
Теперь я высока и к небу доступила!
Венера и сама вздевала сей наряд,
Как Марса побеждал ее умильный взгляд;
Дивился изумлен тирийский зять богатством,
Что шея у жены сияла ж тем изрядством.
Какой же чистый луч играет толь огнем?
Сравниваться Феб своим не может ясным днем.
Но чем, безумна, ты себя, смотри, прельщаешь?
Дом, верность и любовь за мзду пренебрегаешь.
Ах, горе! что чинить? то ожерелье мне
Придет уж посему весьма в драгой цене.
Бесчастна! ты на брань, вот та твоя услуга,
Возможешь осудить любезного супруга?
Все птицы вещи брань, Дельфийский сам отец,
Претят все и скоты пожерты наконец.
О! коль смертельный дар, с смертельною и мздою:
Ты, счастливы, чрез то возможешь быть вдовою?
Ах, жалость! ах! убор весь лучше тот откинь;
Супруг пускай живет; а ожерелье сгинь.
Сомнение мою так грудь всю раздирает,
Как наглый судно вихрь во все страны бросает.
О! столько ль ты проста! то в пользу ты себе
Не хочешь обратить, твое что по судьбе?
На что бояться птиц всегда пустых и тщетных?
Без брани б быть; богатств лишишься ты несчетных?
Так ожерелье пусть приятое воюет:
То лучше всех мне царств; дух с ним мой ликовствует.
Пророчество еще пришло на ум ко мне,
И сердцу паки жаль: но мысль и внутрь и вне.

Что делать? О! беда, когда того боится,
В желаниях своих чем сердце веселится!
Но если ты себя достойною мнишь быть,
Небесное тебе чтоб золото носить,
И ежели к лицу пристал наряд прелестный,
То дар сей от богов взимай уму невместный:
Быть может, что тебя не любит уж супруг;
Дерзай мстить не боясь, и успокой твой дух;
А буде ж он всегда тебя толь почитает,
Что, сколько у богинь, иметь тебе желает,
То добровольно сам угодность он сию
Отважится тебе купить чрез кровь свою.

1751

Стихи «Пророчество еще пришло на ум ко мне, // И сердцу паки жаль: но мысль внутрь и вне...» выражают поэтическое озарение и прозрение; такое поэтическое (истинное) выражение способствует в данном фрагменте осуществлению поэтической гармонии синтеза языковых и дискурсного (метро-ритмического, до- и предмузыкального) компонентов поэтической личности. Номинальным последним стихотворением В. Тредиаковского являются поздние силлабо-тонические редакции силлабических од и проч., а также «Сонет» (1759), являющийся рациональной реакцией на «Римскую историю» Ролленя, что обусловило дидактико-прагматический пафос этого текста:

СОНЕТ

Желает человек блаженства непреложно.
Сему – высокий чин, и сила тем, и честь;
Тот счастия себе в богатстве чая ложно,
Приумножает всё, обилие что есть.

Роскошствуя иной сластями, сколько можно,
Не видя ж, ослеплен, какая в оных лесть,
Благополучна мнит себя неосторожно;
И их на всякий час стремится выше взнесть.

Ах! чувствует он сам тьмы целы недостатка,
И множество свое зрит малым без придатка:
Хотя достиг конца, но мил едва успех.

Иль тщетно дал ему хотения содетель?
О смертный! умудрись: безмерность кажда грех,
А средство всех довольств – едина добродетель.

1759

Фактическое последнее стихотворение:

***

Зря, пришедший, гроб недавный,
Зришь раскаяний вид славный.
Кто, по совести своей,
Быть не должен в жизни сей,
На себя так и взирает;
Тот здесь дважды умирает.
Ты ж ни клятв не говори;
Ни молитвы не твори;
Будь молчащий осторожно:
Погребенной тут не можно
Ни добра, ни зла желать.
Разве сей привет послать:
«Тень! чего сама достойна;
Так бы там была спокойна.
Селенисса есть она!
Вещь сомнения полна,
Больше ль верность повредила,
Иль за то себе отмстила».

1751

Это стихотворение обозначило поворот поэтической личности В. Тредиаковского от дидактики к автодидактике и к самоопределению.

КАНТЕМИР
Антиох Дмитриевич

1. Родился 10 сентября 1708 г. в семье князя Дмитрия Константиновича Кантемира, умер от болезни желудка 31 марта (11 апреля н.ст.) 1744 г. в возрасте 35 с половиной лет. Получил прекрасное образование. Посол России в Англии (Лондон, 1732–1738), а затем во Франции (Париж, 1738–1744).

Как поэтическая личность сформировался под воздействием античной поэтической традиции и под влиянием европейского классицизма (автор 9 или 10 сатир), а также практически осваивая новую систему стихосложения. Отрицательно относясь к метрической реформе В. Тредиаковского («Письмо Харитона Макентина к приятелю»), создает свою тоническую систему на основе силлабики (вводит в свою тринадцатисложную строку, кроме ударения на предпоследнем слоге, еще два обязательных ударения – на 5 и 7-м слогах, что усиливает индивидуальные характеристики авторского поэтического ритма А. Кантемира). В своих заграничных сатирах достигает средней степени поэтической свободы за счет гармоничного сочетания затрудненного ритма с дидактическим в целом содержанием поэтического текста.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности А. Кантемира окончательно не сформировалась, хотя общая поэтическая эстетика тяготеет к европейскому классицизму и античной монументальности дидактического жанра сатиры.

Доминанта поэтического дискурса – метрико-ритмическая.

Доминанты языковой способности – лексико-синтаксический и грамматический компоненты.

Степень языковой свободы – средняя, что определяется способностью поэта соотносить лексико-синтаксический объем стиха с его метрико-ритмическим объемом.

3. В поэтическую парадигму последнего стихотворения А. Кантемира входит следующий текст:

ПИСЬМО II
К СТИХАМ СВОИМ

Скучен вам, стихи мои, ямщик, десять целых
Где вы лет тоскуете в тени за ключами!
Жадно воли просите, льстите себе сами,
Что примет весело вас всяк, гостей веселых,
И взлюбит, свою ища пользу и забаву,
Что многу и вам и мне достанете славу.
Жадно волю просите, и ваши докуки
Нудят меня дозволять то, что вредно, знаю,
Нам будет; и, не хотя, вот уж дозволяю
Свободу. Когда из рук пойдете уж в руки,
Скоро вы раскаетесь, что сносить не знали
Темноту и что себе лишно вы ласкали.
Славы жадность, знаю я, многим нос разбила;
Пока в вас цвет новости лестной не увянет,
И умным понравится голой правды сила.
Пал ли тот цвет? больша часть чтецов уж присудит,
Бесстройным злословием назовут вас смело,
Хоть гораздо разнится злословие гнусно
От стихов, кои злой нрав пятнают искусно,
Злонравного охраня имя весьма цело.
Меня меж бодливыми причислят быками:
Мало кто склонен смотреть чистыми глазами.
Другие, что в таком я труде упражнялся,
Ни возрасту своему приличном, ни чину,
Хулить станут; годен всяк к похулке причину
Сыскать и не пощадят того, кто старался
Прочих похулки открыть. Станете напрасно
Вы внушать и доводить слогом своим ясно,
Что молодых лет плоды вы не ущербили,
Ни малый мне к делам час важнейшим и нужным;
Что должность моя всегда нашла мя досужным;
Что полезны иногда подобные были
Людям стихи. Лишной час, скажут, иметь трудно,
И стихи писать всегда дело безрассудно.
Зависть, вас пошевеля, найдет, что я новых
И древних окрал творцов и что вру по-русски
То, что по-римски давно уж и по-французски

Сказано красивее. Не чудно с готовых
Стихов, чает, здравого согласно с законом
Смысла, мерны две строки кончить тем же звоном.
Когда уж иссаленным время ваше пройдет,
Под пылью, мольям на корм кинуты, забыты
Гнусно лежать станете, в один сверток свиты
Иль с Бовою, иль с Ершом; и наконец дойдет
(Буде пророчества дух служит мне хоть мало)
Вам рок обвертеть собой иль икру, иль сало.
Узнаете вы тогда, что поздно уж сети
Боится рыбка, когда в сеть уже попалась;
Что, сколь ни сладка своя воля им казалась,
Не без вреда своего презирают дети
Советы отцовские. В речах вы признайте
Последних моих любовь к вам мою. Прощайте.

ок. 1740, опубл. 1762

Фактическое последнее стихотворение:

***

Света лукавства и беды злые
Любитель славы пусть терпит там,
Я свое стадо, овцы малые,
Пасти в покою хощу впредь сам.

И солнце небу когда в потребу
Лучи являет – во луг вести,
Как закатится, месяц явится –
Без мыслей многих в дом побрести.

Богатство, славы, хотя прелестны,
Мне скучны, когда покоя нет;
Труды мне милы тихи и честны;
В свете друг друга к гибели гнет.

Я безопасен, ни в чем ужасен,
Живу по воле, как сам хочу;
Сердце не бьется, совесть не рвется,
Мысль к добру склонну быть учу.

О чем тужити мне нет причины,
Малым доволен, знаю свое.
Не сманят тщетно мирские чины,
Чего не знаешь, то звать твое.

Зависть тем страшна, зло злых ужасно,
Совесть, мятежи, беспокойство;
Меня, хоть дождик смочит днем трожды, –
Лучи солнечны сушат свойство.

Малое стадо – моя забава,
Дудочка, сладка дающи глас,
Ты моя будешь желанна слава, –
Честь и богатство все мое в вас.

С вами мне жити, вас веселити, –
Прочая всяка мысль неумна.
Кто ищет много, пусть убо того;
Житейская печаль, ах, мне скучна!

не ранее 1743

ЛОМОНОСОВ
Михаил Васильевич

1. Родился 8 (19 н. ст.) ноября 1711 г. (дата рождения установлена приблизительно) на Курострове – одном из островов на р. Северная Двина, умер 4 (15 н. ст.) апреля 1765 г. в возрасте 54 с половиной лет в Петербурге.

Ученый, филолог, риторик и проч., М. Ломоносов формировался как поэтическая личность сознательно. Доминантой его поэтической способности является дискурсный компонент, в частности, просодический, ритмо-метрический, а также стилистический субкомпонент языковой способности. Автор «Российской грамматики» (1755), поэт не только доводит начатую В. Тредиаковским и А. Кантемиром реформу русского стихосложения до логического конца (до синтеза поэтического дискурса и языка на основе стилистической гармонии), но и создает первые образцы силлабо-тоники и, преодолевая влияние русской тоники и польской силлабики, вырабатывает как поэтическая личность свой поэтический язык с достаточно высокой (средней / средне-высокой) степенью поэтической свободы.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности М. Ломоносова – это синтез европейского классицизма, античных традиций и зарождающихся традиций русского поэтического традиционализма (хотя ломоносовскую «чистую» силлабо-тонику применительно к той эпохе можно рассматривать как первое проявление поэтического модернизма). Доминантой поэтического дискурса являются метрический, ритмический, рифменный, строфический и фонетический (звукописный: М. Ломоносов впервые заговорил о фоносемантических свойствах русских звуков; ср. звуки **с, ф, х, ц, ч** и **р** «могут споспешествовать к лучшему представлению вещей и действий сильных, великих, громких, страшных и великолепных» («Риторика», § 173) компоненты (М. Ломоносов также вводит мужскую и дактилическую рифмы). Доминанта языковой способности – лексико-стилисти-

ческая. Степень языковой свободы – средняя, приближающаяся к высокой.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения М. Ломоносова включает в себя среди прочих следующий текст:

***

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру, но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатной род препятством не был,
Чтоб внесть в Италию стихи эольски
И перьвому звенеть Алцейской лирой.
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу дельфийским лавром.

1747

Это стихотворение является переложением тридцатой оды Горация (кн. 3) и становится первым ритуальным текстом в межпоэтической парадигме «Памятник» (стихотворения Г. Державина, А. Пушкина, В. Брюсова и др.).

Номинальное последнее стихотворение:

***

Блаженство общества всядневно возрастает;
Монархиня труды к трудам соединяет.
Стараясь о добре великих нам отрад,
О воспитании печется малых чад;
Дабы, что в отчестве оставлено презренно,
Приобрело ему сокровище бесценно;
И чтоб из тяжкого для общества числа
Воздвигнуть с нравами похвальны ремесла.

Рачители добра грядущему потомству!
Внемлите с радостью полезному питомству:
Похвально дело есть убогих призирать,
Сугуба похвала для пользы воспитать;
Натура то гласит, повелевает вера.
Внемлите важности монаршего примера:
Екатерина вас предводит к чести сей,
Спешите щедростью, как верностью, за ней.

начало сентября 1763

Фактическое последнее стихотворение:

***

Я долго размышлял и долго был в сомненье,
Что есть ли на землю от высоты смотренье;
Или по слепоте без ряду всё течет,
И промыслу с небес во всей вселенной нет.
Однако, посмотрев светил небесных стройность,
Земли, морей и рек доброту и пристойность,
Премену дней, ночей, явления луны,
Признал, что божеской мы силой созданы.

конец мая или июнь 1761

В этом стихотворении поэт признает возможность своего бессмертия («Божеской мы силой созданы», поскольку есть «на землю от высоты смотренье», «смотренье» и Бога, и поэта).

СУМАРОКОВ
Александр Петрович

1. Родился 14 (25 н. ст.) ноября 1717 г. в старинной дворянской семье (отец Петр Панкратьевич – военный Петровской эпохи, а затем чиновник), умер 1 (12 н. ст.) октября 1777 г. в возрасте 59 лет и 10, 5 мес. в Москве.

Поэтическая личность А. Сумарокова формировалась в период реформы системы русского стихосложения, поэтому становление и динамика поэтического дискурса XVIII в. в целом отразились на поэтике известного одописца и трагедиографа: доминантой его поэтической способности является дискурсный компонент с элементами развития языковой способности в сфере лексики, грамматики и синтаксиса. Архаика поэтического дискурса, с одной стороны, и языковой традиционализм, с другой стороны, затруднили развитие собственно поэтического языка А. Сумарокова, поэтическая личность которого до конца дней не преодолела влияния поэтики В. Тредиаковского и М. Ломоносова. Доминирующие в поэтике А. Сумарокова подражание и мимесис обусловили средне-низкую степень поэтической свободы его поэтической речи (не языка).

2. Эстетическая доминанта поэтической личности А. Сумарокова формировалась на основе эстетических сценариев, разработанных В. Тредиаковским и М. Ломоносовым. Доминантами поэтического дискурса являются метр, ритм и строфа.

Доминанта языковой способности имеет комплексный характер, определяющийся достаточно явным функционированием лексико-стилистического и синтаксического (в трагедиях) компонентов.

Степень языковой свободы является средне-низкой, или достаточно средней (ср. оценку А. Пушкина, данную поэзии А. Сумарокова):

К ЖУКОВСКОМУ

Он, он под рифмою попрал и вкус, и ум;
Ты ль это, слабое дитя чужих уроков,
Завистливый гордец, холодный Сумароков,
Без силы, без огня, с посредственным умом...

1816

Такая характеристика поэтической личности А. Сумарокова подчеркивает главную особенность ее природы – вторичность.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения начала оформляться в конце 1750-х гг.; несколько стихотворений, написанных в это время, составили пропозицию последнего стихотворения А. Сумарокова:

МОРЕ И ВЕЧНОСТЬ

Впадете вскоре,
О невские струи, в пространное вы море,
Пройдете навсегда,
Не возвратитеся из моря никогда, –
Так наши к вечности судьбина дни преводит,
И так оттоле жизнь обратно не приходит.

1759

РАССТАВАНИЕ С МУЗАМИ

Для множества причин
Противно имя мне писателя и чин;
С Парнаса нисхожу, схожу противу воли
Во время пущего я жара моего,
И не взойду по смерть я больше на него, –
Судьба моей то доли.
Прощайте, музы, навсегда!
Я более писать не буду никогда.

1759

ЖАЛОБА

Мне прежде, музы, вы стихи в уста влагали,
Парнасским жаром мне воспламеняя кровь.
Вспевал любовниц я и их ко мне любовь,
А вы мне в нежности, о музы! помогали.
Мне ныне фурии стихи в уста влагают,
И адским жаром мне воспламеняют кровь.
Пою злодеев я и их ко злу любовь,
А мне злы фурии в суровстве помогают.

начало 1770-х (?)

Номинальное последнее стихотворение разыскать не удалось. Фактическим последним стихотворением можно считать «Расставание с музами».

МАЙКОВ
Василий Иванович

1. Родился в 1728 г. (точная дата не известна) в семье военного Петровской эпохи Ивана Степановича Майкова, просвещенного столичного дворянина; умер скоропостижно в возрасте ок. 60 лет 17 июня (ст. ст.) 1778 г. в Москве.

Поэтическая личность В. Майкова определяется типичным содержанием процессов становления и развития, характерных для срединного времени XVIII в.: модель такой эволюции и динамики была заложена в развитие поэтической личности поэтическими усилиями и языковой энергией В. Тредиаковского, А. Кантемира и М. Ломоносова. В.Г. Белинский назвал В. Майкова представителем до-державинской школы поэзии и подражателем А. Сумарокова, однако А. Пушкин защитил редкий талант В. Майкова-комедиографа, называя одного из героев В. Майкова «истинно смешным»: «Не знаю ничего забавнее обращения поэта к порткам:

Я мню и о тебе, исподняя одежда,
Что и тебе спастись худа была надежда».

В. Майков сумел обновить поэтическое содержание новых силлабо-тонических форм стихотворного текста. Развитие поэтического дискурса В. Майкова происходило одновременно и заодно с развитием языковой способности его поэтической личности, возраст которой совместил в себе черты различных стадий – поэтической игры, подражания и появления первых элементов своего поэтического языка. Поэтому степень поэтической свободы В. Майкова определяется как средняя.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности В. Майкова имеет комплексный («евроазиатский») характер, определяющийся влиянием эстетики литературного классицизма, русского театра и силлабо-тонического оформления русского стиха.

Дискурсной доминантой являются метр, ритм, рифма, строфа и, что очень важно, элементы ритмо-фонетической и интонационной музыкальности.

Доминанту языковой способности составляют лексико-грамматический и стилистический компоненты.

Степень языковой свободы определяется как средняя.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения берет свое начало в середине 1770-х гг.; пропозицию последнего стихотворения формируют следующие стихотворения шутливого содержания (загадки):

***

Я ни воздух, ни вода,
Быть землею мне не можно,
И не огнь я, то неложно.
Но я в воздухе всегда
И по нем всегда летаю,
И всегда желаньем таю
Устремиться в небеса;
Но препятство обретаю.
Жизни нет моей часа:
Я по ветру разношуся,
Человека не страшуся.
А его я иногда
И вредить собой умею,
Только тела не имею,
Ни души от божества,
А рожусь из вещества;
Жизнь моя дотоле длится,
Как престану я родиться.

1773

***

Я в трех частях земли; меня в четвертой нет;
Меня ж иметь в себе не может целый свет;
Но мир меня в себе имеет, и комар;
Не может без меня земной стояти шар.
В пещерах и морях всегда меня сретают,
Во вихрях и громах неложно обретают;
И так меня ж в себе имеют все борцы.
Тот назвал уж меня, кто назвал огурцы.
Еще ли ты меня не знаешь? Я есмь...

1773

Номинальное и фактическое последнее стихотворение:

ОДА <«НАДЕЖДА»>

О дар природы милосердной,
Чем мы дыхаем и живем,
О друг нам в жизни сей нетвердой,
Надежда, ты нам служишь всем!
С тобою мы свой век проводим,
Ты – чувств пресветлая заря,
С тобою мы пути проходим,
Пустыни, дебри и моря,
Тобою страхи попираем,
Тобою бедства презираем!

До самой смерти от рожденья
У нас ты в сердце возжжена,
Ты горести для услажденья
Судьбою в нас положена.
Хотя препятств мы не сретаем
Для исполненья наших нужд,
Тобою мысли мы питаем,
Тобою страх препятств нам чужд,
И, ободренны быв тобою,
С противной боремся судьбою.

Герой и победитель в брани,
Гласимый древле полубог,
Простерти мысль и храбры длани
К победам без тебя б не мог:
Он жизнь свою скончал бы прежде,
Не распростря своих побед,
Но, одолжен своей надежде,
Покрыл трофеями свой след.
Ты входишь в царские чертоги,
Равно как в хижины убоги.

Иные, на концах вселенны
Живя, за быстростию рек,
Двора и счастья удаленны,
Не могут их достигнуть ввек;

Но их надежда не покинет,
И их собой она бодрит,
Доколе краткий век их минет,
Всегда им счастие сулит.
Без сей же нам приятной жертвы
Мы были б прежде смерти мертвы.

Иные, старостью согбенны,
При дверях гроба уж стоят
И, зря чувств силы погребенны,
Еще жить в свете долго мнят,
И, уже смертью в гроб ведомы,
Богатства тешатся сбирать,
Садят сады и строят домы,
Как будто им не умирать.
Доколе смертный не увянет,
Надежда жить в нем не престанет.

Иной, болезнью удрученный,
Тягча иссохшим телом одр,
С надеждой дух не разлученный
Еще при самой смерти бодр.
Хоть сердце, яко воск, в нем тает,
И с телом смерть уж дух делит,
Надежда дух еще питает
И скорбно сердце веселит,
И посреди сея надежды
Смыкает смерть ослабши вежды.

О дар прещедрыя природы!
В моем ты сердце обитай
И жизни мне в оставши годы
Из сердца вон не вылетай.
С тобой мне сносны огорченья,
Везде меня препровождай,
С тобой не страшны все мученья,
Ты гордость сердца услаждай.
Ты в жизни нашей нам полезна:
С тобою смертным жизнь любезна.

1778

БАРКОВ
Иван Семенович

1. Родился в 1732 г. в семье священнослужителя, возможно, в Петербурге или недалеко от столицы, умер предположительно в 1768 г. (возможно, покончил жизнь самоубийством) в полном забвении в возрасте ок. 36 лет.

Будучи постоянно связан с Академией наук, поэт вел необычную для академических кругов того времени жизнь, проводя все свое время в кутежах, переводя с классических языков, сочиняя оды приличные и неприличные, переписывая начисто рукописи известных литераторов и ученых (например, как гласит одна из многих легенд, рукопись «Российской грамматики» М.В. Ломоносова), побираясь по кабакам и знаменитым коллегам. И. Барков создает новый тип (модель) поведения русского поэта, основанный на показном самоистреблении, на жестоком самопознании и самопроверке, притягательная и отталкивающая сила которых чревата трагедией (вспомним судьбы таких поэтов, как А. Григорьев, К. Фофанов, С. Есенин, Н. Рубцов, Б. Рыжий, творческое (быто-бытийное) поведение которых определялось как фактической, так и поэтической реализацией собственной трагедии). Поэтому поэтическая личность И. Баркова развивалась в условиях и реальной, и эстетической, и дискурсной, и языковой свободы. Силлабо-тоника была освоена и усвоена поэтом достаточно легко и полно, что позволило ему произвести тотальное обновление типового, жанрового и – в целом – поэтического содержания: пародия, ирония, фривольность помогли поэту не только привить европейскую традицию «вольной» литературы, но и русифицировать ее с опорой на тематическую вольность русской народной традиции «запрещенных» сказок, песен и т. п. Поэтическая личность И. Баркова достигла зрелости именно в процессе создания так называемых фривольных стихотворений (преимущественно оды), а выработка на основе широкого употребления вульгаризмов

и матерщины своего языка и идиостиля позволила поэту достичь средне-высокой поэтической свободы.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности И. Баркова совмещает в себе три эстетических сценария: европейский классицизм, российский классицизм и народный (фольклорный) модернизм.

Доминанты поэтического дискурса – метр, рифма, строфа.

Доминантой языковой способности поэта являются лексико-стилистический и функционально-смысловой (тематический) компоненты.

Степень языковой свободы определяется как средне-высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения И. Баркова с учетом особенностей его быто-бытийного и творческого поведения начала формироваться с момента написания первого стихотворения. Поэтому любой текст может составлять препозицию последнего стихотворения:

ОДА ПОХВАЛЬНАЯ АВТОРУ СЕЙ ОДЫ

Тебя ебливая натура
на то произвела на свет,
приятного чтоб Епикура
увидеть точный нам портрет.
Умом таким же одарила
и чувства те ж в тебя вселила;
ты так же любишь смертных всех,
натуры все уставы знаешь,
в пизде блаженство почитаешь,
во зле не знаешь ты утех.

О! Коль приятными стезями
тогда ты на Парнас всходил,
когда огромными стихами
пизде песнь хвальну вострубил.
Сладчайшим чувством наполняюсь,
вся в жилах кровь моя кипит.
Вся мысль пиздою возмутится,
душа моя к мудам стремится,
а хуй прервать штаны грозит.

Богатства, славу, пышность чести
я презираю так, как ты,

не стоют те пиздиной шерсти,
без ебли всё суть суеты.
Вселенну всю я забываю.
в пизду как ярый хуй вбиваю,
счастливей Папы и Царей,
когда красотка обнимает,
цалует, жжет и подъебает –
тут всё блаженство жизни сей!

17??

ОДА ХУЮ

Восстань, восстань и напрягайся,
мой хуй, мужайся, стой, красней,
на грозну брань вооружайся
и стену ты пизды пробей.
Пробей и, кровью обагренный,
явись, сугубо разъяренный,
удобен к новым чудесам.
Да возгласят хвалы повсюду
тебе, герой, другие уды,
воздвигнув плеши в небесам.

В источник пиздей окунися,
но пламень свой не утиши.
В крови победы омочися
и плешью хуй стихи пиши.
Хвали себя, колико можно,
чтоб быть хвалёну, хвастать должно.
Дар гибнет там, где славы нет.
Хотя ты грановит и ярок,
хоть красен, толст, ретив и жарок,
не скажешь – не узнает свет.

Се, уж таинственною силой
тебя колеблет ратный жар.
Восстал герой, влекомый жилой,
восстал, готов свершить удар.
О витязь! красный и любезный!
Героев больше всех полезный!
Без браней и без всяких сбруй.

Тобой природа вся живится,
тобой всё тешится, родится,
тобой, всех благ источник, хуй.

О! дар из всех даров дражайший!
Ты, хуй, всего нежнее нам.
Для нас ты к счастью путь сладчайший,
орудие утех пиздам.
И радость только там родится,
где хуй стоит, где он ярится.
Геенна там, где хуя нет.
Когда б Судьба тя не создала,
природа б целкою страдала,
и пребыл бы кастратом свет.

Ты всех и вся равно прельщаешь,
Когда ты крепко лишь стоишь.
Равно в треухе утешаешь,
как и под чепчиком манишь.
Коль девушка когда стенает,
о чем? тебя она желает,
ценою крови хуй купить.
О чем же там вдова крушится?
Что нечем ей повеселиться.

Молодка, облившись слезами,
рыдает, проклиная щель,
царапает пизде руками,
коль отлучен от ней кобель.
Молодушка о том крушится,
что больше не стоит, валится
хозяинов буйной кутак.
Весь свет тебя, хуй, прославляет,
хоть именем не называет,
но делом хую служит всяк.

Гомер на лире велегласной
не гнев Ахилла воспевал.
Тебя он пел, о! хуй прекрасный!
Хоть хуем он не называл.

Коль Бризеида бы смягчила
елдак Ахиллов, что вздурила,
то не сердился б воин сей
и в славу б те еще ебали
цари, кои как прах пропали,
сраженны плешью, хуй, твоей.

Когда пизды Ахилл лишился,
он хуем плошки разбивал.
Но чтоб он в гневе усмирился,
Патрокл ему в чадрон давал.
Потом, когда сего убили,
тогда-то хуя рассердили.
Он взял копье и шел на брань.
Разил, губил всех без пощады.
Приамовы тут пали чады,
почувствуя елды сей длань.

Дидона, против всех воюя,
могла ли прятися с тобой?
На вертеле то рянска хуя
сама изжарилась с пиздой.
А та, не хуем ли сраженна,
пизда, к звезде что обращенна,
когда уже пропал в ней смак?
Диана, хуй не знав, гордилась.
Сама, увидевши, взвалилась
к Андимону на кутак.

Колико крат не унижался
Юпитер, позабыв себя,
в быка и гуся обращался,
чтоб только усмирить тебя.
Венера целый свет прельщала,
однако же не устояла
против кривого мужика.
Красы, всю хитрость истощила
на то, чтоб наконец хватила
кузнечна жарка елдака.

Живи, о хуй! и утешайся
бессмертной славой сих побед.
Еби и в веки не прельщайся
на гибельный премудрых след.
Они природу посрамляют
и, бедные, пизды не знают.
Пизды, чего приятней нет!
Когда б одни лишь мудры жили,
они б в пять лет опустошили
сей людный и прекрасный свет.

О вы! Парнасские питомцы!
Составьте велегласный хор.
Писатели и стихотворцы,
и весь чистейших сестр собор.
Согласно хуя прославляйте.
Из рода в род стоять желайте.
Да он вдохнет вам жар как петь.
А я вам подражать не буду,
и то во веки не забуду,
что хуй нам дан на то, чтоб еть.

17??

Следующее лирическое стихотворение является фрагментом «Оды на всерадостный день рождения Его Величества Благочестивейшего Государя Петра Федоровича, Императора и Самодержца Всероссийского и проч. и проч. и проч.» Прочь отсылаются все строфы-десятистишия оды, и остается только строфа № 13:

Объятым страшной мглой печали,
Открылась ясность нам в ночи,
Когда пресветлы воссияли
От твоего венца лучи,
Весна среди зимы настала,
Заря багряна облистала
И облачный прогнала мрак.
Как после дней ненастных летом
Все греет солнце ярким светом,
Так твой живит нас в скорби зрак.

ДЕРЖАВИН
Гаврила Романович

1. Родился 3 (14 н. ст.) июля 1743 г. предположительно в Казани или в деревне родителей – мелкопоместных дворян (появился на свет недоношен и слаб и, по словам самого поэта, «дабы получил он сколько-нибудь живности», младенца по народному обычаю доращивали, «запекая в хлеб»; умер в ночь с 8 на 9 (с 20 на 21 н. ст.) июля 1816 г. в д. Званке в возрасте 73 лет.

Поэтическая личность Г. Державина формировалась на основе уже сложившихся к середине XVIII в. различных частей структуры русской поэтической личности (В. Тредиаковский, М. Ломоносов, И. Барков и др.), а также на основе оригинальной, «державинской» модели реальной жизни, языковой судьбы и поэтического развития. Поэтическая личность Г. Державина (вслед за поэтической личностью И. Баркова) явилась первым образцом русской национальной поэтической личности, в системе которой произошло полное слияние, с последующей структуризацией, различных сторон поэтической деятельности – языка, эстетики, дискурса, духа и культуры: аспекты деятельности человека, сочиняющего стихи, преобразовались в компоненты поэтической личности на основе не иерархии частей (дискурс → язык), а равнодействующего изоморфизма взаимосвязанных и взаимодействующих систем языка, дискурса, эстетики, культуры и проч. Поэтическая личность Г. Державина на протяжении ок. 250 лет влияет на появление, становление, динамику и развитие личности любого русского поэта, родившегося в XIX, XX и XXI вв. Именно поэтическая личность Г. Державина вводит русскую поэзию в русло активного освоения и сопротивления античной и европейской поэтической традиции. Именно Г. Державин предопределил и номинировал необходимость внешней, внутренней и тайной поэтической преемственности, обращаясь к «наследнику» В. Жуковскому:

Тебе в наследие, Жуковский,
Я ветху лиру отдаю;
А я над бездной гроба скользкой
Уж преклоня чело стою...

Об этом же свидетельствует миф о встрече юного А. Пушкина и престарелого Г. Державина на экзамене в Царскосельском лицее.

Гармоническое равновесие дискурсного, эстетического и языкового компонентов системы поэтической личности Г. Державина определяет средне-высокую степень поэтической свободы.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности Г. Державина сформировалась на основе европейского и русского классицизма, а также дискурсно-языкового «модернизма» конца XVIII в., который в синтезе с классицизмом определил появление – на два с лишним века вперед – нового для первого века русской поэзии направления – русского поэтического традиционализма.

Доминанта поэтического дискурса – гармоническое единство ритма, рифмы и строфы, дающее русскому стиху новую музыкальность более глубинной природы, нежели музыкальность метрическая, звуковая и интонационная.

Доминанта языковой способности – собственно лексическая с элементами фонетической и синтаксической.

Степень языковой свободы – средне-высокая.

3. Парадигма последнего стихотворения начала складываться к середине-концу 90-х гг. XVIII в. и включает в себя среди прочих такие тексты:

ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! – весь я не умру, но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой неторопливой
Чело твое зарей бессмертия венчай.

1795

СНИГИРЬ

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов
С горстью россиян все побеждать?

Быть везде первым в мужестве строгом;
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и богом,
Скиптры давая, зваться рабом,
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, снигирь!

Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отвсюду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! – что воевать?

май 1800

ВОДОМЕТ

Луч шумящий, водометный,
Свыше сыплюща роса!
Где в тени в день знойный, летний
Совершенная краса,
Раскидав по дерну члены
И сквозясь меж струй, ветвей,
Сном объята в виде пены,
Взгляд влекла души моей;
Где на зыблющу склонялись
Лилии блестящу грудь,
Зарьных розы уст касались
И желали к ним прильнуть;
Воздух свежестью своею
Ей спешил благоухать;
Травки, смятые под нею,
Не хотели восставать;
Где я очи голубые
Небесам подобно зрел,
С коих стрелы огневые
В грудь бросал мне злобный Лель.
О места, места священны!
Но прелестны вы, волшебны
И столь милы мне собой,
Что поднесь о вас вздыхаю
И забыть никак не мог,
С жалобой напоминаю:
Мой последний слышьте вздох.

1807 (?)

Это стихотворение являет собой один из первых в русской поэзии образцов изящной поэтической словесности в прямой функции, реализующейся в процессе совмещения просо-

дической легкости пасторали с содержательной глубиной и светлой трагичностью сознания своей смерти. Кроме того, графика текста содержит элементы, или фрагмент, акростиха: РУИНАЧТИ; данное, скорее всего, словосочетание «Руина чти...» может быть началом незавершенной фразы.

Последнее стихотворение:

***

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

6 июля 1816

БОГДАНОВИЧ
Ипполит Федорович

1. Родился 23 декабря 1713 г. в местечке Переволочна на Днепре, в семье, принадлежащей предположительно к мелкопоместной украинской шляхте; умер 6 января 1803 г. в Курске.

Поэтическая личность И. Богдановича формировалась на основе европейских и зародившихся русских традиций поэтического классицизма, а также в процессе личного (и активного!) участия поэта в создании нового поэтического языка посредством стилистических и жанровых нарушений общепринятых в XVIII в. правил лингво-поэтической игры. Поэтическая личность И. Богдановича балансировала на грани лингво-стилистической самостоятельности и жанрово-стилистической зависимости. Для выработки своего поэтического языка И. Богдановичу не хватало той поэтической энергии, накопленной до него в своих поэтических текстах А. Кантемиром, М. Ломоносовым, И. Барковым и др. Поэтому степень поэтической свободы И. Богдановича определяется как средняя.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности И. Богдановича – русско-европейский классицизм, демократизированный зависимостью поэта от народно-поэтических (в рамках силлабо-тоники) традиций.

Доминанта поэтического дискурса – музыкально-строфическая с элементами метрического ритма.

Доминанта языковой способности – лексико-стилистическая (поэты второй половины XVIII в. вообще начинают активно осваивать лексический уровень поэтического языка (языка в поэтическом состоянии)).

Степень языковой свободы – средняя.

3. Парадигма последнего стихотворения И. Богдановича складывалась на протяжении практически всей его поэтической деятельности. Пропозицию последнего стихотворения среди прочих составляют следующие стихотворения:

***

О ты, земли и неба царь!
Ты смертным тишину приносишь, –
Доколе злобы не подкосишь,
От коей мучится вся тварь?
Доколе стрел на тех не бросишь,
Которы твой скверняют олтарь?
Ты молнии в деснице носишь, –
Ты в злых перунами ударь.
Пусть их советы сокрушатся
И чаемых утех лишатся,
Не зря погибели других;
А правые твой суд узнают,
Когда злодеи восстенают
И ветер прах развеет их.

1761

***

Премудрость тщетная не может нас избавить
От смерти лютыя, ни сохранить от бед,
И не предскажет нам, что будет с нами впредь;
Не лучше ли сей труд, о смертные! оставить,
В котором пользы нет?

1763

Последнее стихотворение:

***

У речки птичье стадо
Я с утра стерегла;
Ой Ладо, Ладо, Ладо!
У стада я легла.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Под кустиком лежала
Оденешенька млада,
Устала я, вздремала,
Вздремала от труда.

А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Под кустиком уснула,
Глядя по берегам;
За кустик не взглянула,
Не видела, кто там.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

За кустиком таяся,
Иванушка сидел,
И тамо, мне дивяся,
Сквозь веточки глядел.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Он веточки и травки
Тихохонько склонил;
Прокрался сквозь муравки,
Как будто тут он был.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Почасту ветерочек
Дул платьице на мне;
Почасту там кусточек
Колол меня во сне.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Мне снилося в то время,
Что ястреб налетел
И птенчика от племя
В глазах унесть хотел.

А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

От ястреба поймала
Я птенчика сквозь сон;
Я птенчика прижала,
Прижался также он.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Сон грозный не собылся,
То был лишь сонный страх;
А въяве очутился
Иванушка в руках.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

год создания неизвестен

ХЕМНИЦЕР
Иван Иванович

1. Родился 5 января ст. ст. 1745 г. в Енотаевской крепости Астраханской губернии, умер в Турции, будучи генеральным консулом, в Смирне 20 марта ст. ст. 1784 г. от «моровой язвы» в возрасте 39 лет.

Поэтическая личность И. Хемницера развивалась примерно по тому же внутреннему поэтическому сценарию, как и личности И. Богдановича, В. Капниста. Возраст поэтической личности И. Хемницера характеризуется активным преодолением риторической, прагматической и в целом архаической поэтики В. Тредиаковского и А. Кантемира. Поэт пытался создать свой поэтический язык, интенсивно осваивая новый поэтический дискурс в рамках силлабо-тоники, а главное, бесстрашно работая с единицами лексико-стилистической системы языка. Степень поэтической свободы – средняя.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности И. Хемницера формируется на основе становящегося уже традиционным русско-европейского (и шире – евроазиатского) поэтического классицизма.

Доминанта поэтического дискурса – метрико-музыкальная и строфическая (освоение катрена с преимущественно перекрестной рифмовкой).

Доминанта языковой способности – лексико-стилистическая с элементами синтаксического компонента.

Степень языковой свободы – средняя.

3. К устойчивым жанрам поэзии XVIII в. (сатира, басня, ода, сказка и проч.) И. Хемницер добавляет жанр лирической миниатюры, стихотворения как такового, свободного от жанровой стилистики, риторики и прагматики. Парадигма последнего стихотворения имеет весьма расплывчатые очертания.

О ПЕРЕМЕНЕ

Все подвластно перемене, что на свете сем ни есть:
Знатность, слава и богатство, жизнь, имение и честь,
И на что мы ни взираем,
Перемену примечаем.
Все, что есть, – все исчезает безвозвратно навсегда,
И что было, уж не будет к нам вовеки никогда;
Но сим самым пребывает
Сила та, что все рождает.
Все, что есть, одно другому должно место уступать,
И без сей премены миру часу бы нельзя стоять.
Частной вещи разрушенье –
Всех вещей произведенье.

17??, опубл. 1873

ЧАСТЬ КАРТИНЫ САДЯЩЕГОСЯ СОЛНЦА

Уж начал солнца луч златой ослабевати
И бледный только вид багровый оставляти.
Цвет огненный тогда поверхности земной,
Переменяясь всё, переходил в другой.
Багровая краса очам уже явилась
И, множа тень свою, сугубо помрачилась;
Последний, скрывшись, нам еще казало след
В собравшихся парах, объемлющих наш свет.
Но скоро все и то от наших глаз сокрылось
И по степйни в мрак сугубый претворилось.

17??

Последнее стихотворение (моностих):

Что пользы в тишине, когда корабль разбит?

17??

РАДИЩЕВ
Александр Николаевич

1. Родился 20 (31 н. ст.) августа 1749 г., умер в ночь с 11 на 12 февраля 1802 г., отравившись и таким образом реализовав «просветительскую», т. е. – свою, идею о праве человека на самоубийство, которое рассматривалось поэтом и первым явным демократом в Российской империи как трагическая форма протеста.

Поэтическая личность А. Радищева формировалась в большей степени под влиянием его революционно-демократического миропонимания, нежели под воздействием общепоэтических тенденций в словесной культуре середины и второй половины XVIII в. Поэтому с точки зрения развития своей поэтической способности А. Радищев значительно отстал от И. Богдановича, И. Хемницера, В. Капниста и др. Возраст поэтической личности А. Радищева достиг лишь стадии подражания, хотя архаичность его поэтического дискурса, мешая поэту, ничуть не препятствовала демократу прямо и смело излагать и выражать свои мысли и свое отношение к источникам «страданий человеческих». Степень поэтической свободы определяется как низкая и средне-низкая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности А. Радищева в последней четверти XVIII в. основывалась на архаике русско-европейского классицизма, обусловленного тотальной риторикой, прагматикой и дидактизмом.

Доминанта поэтического дискурса – метрико-ритмическая и строфическая.

Доминанты языковой способности – лексико-стилистический и грамматический в архаическом варианте компоненты.

Степень языковой свободы определяется как средне-низкая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения А. Радищева формировалась в течение всей его жизни и была обусловлена репрессиями государственной власти, направленными против политического поведения поэта. Среди многих

стихотворений пропозиционального характера по отношению к последнему стихотворению наиболее интересными оказываются следующие:

ВОЛЬНОСТЬ

(Фрагмент оды, финальная строфа)

Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества;
Трясутся вечна мрака своды,
Се миг рожденью вещества.
Се медленно и в стройном чине
Грядет зиждитель наедине –
Рекл... яркий свет пустил свой луч
И, ложный плена скиптр поправши,
Сгущенную мглу разогнавши,
Блестящий день родил из туч.

1783 (?)

***

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?
Я тот же, что и был и буду весь мой век.
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду.

начало 1791 (?)

***

Час преблаженный,
День вожделенный!
Мы оставляем,
Мы покидаем
Илимски горы,
Берлоги, норы!

середина января 1797

Фактическое последнее стихотворение:

МОЛИТВА

Тебя, о боже мой, тебя не признавают, –
Тебя, что твари все повсюду возвещают.
Внемли последний глас: я если прегрешил,
Закон я твой искал, в душе тебя любил;
Не колебаяся на вечность я взираю;
Но ты меня родил, и я не понимаю,
Что бог, кем в дни мои блаженства луч сиял,
Когда прервется жизнь, навек меня терзал.

1792 (?)

Номинальное последнее стихотворение:

ОСЬМНАДЦАТОЕ СТОЛЕТИЕ

Урна времян часы изливает каплям подобно:
Капли в ручьи собрались; в реки ручьи возросли
И на дальнейшем брегу изливают пенистые волны
Вечности в море; а там нет ни предел, ни брегов;
Не возвышался там остров, ни дна там лот не находит;
Веки в него протекли, в нем исчезает их след.
Но знаменито вовеки своею кровавой струею
С звуками грома течет наше столетье туда;
И сокрушил наконец корабль, надежды несущий,
Пристани близок уже, в водоворот поглощен,
Счастие и добродетель, и вольность пожрал омут ярый,
Зри, восплывают еще страшны обломки в струе.
Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро,
Будешь проклято вовек, ввек удивлением всех,
Крови – в твоей колыбели, припевание – громы сражень-ев,
Ах, омоченно в крови ты ниспадаешь во гроб;
Но зри, две вознеслися скалы во среде струй кровавых:
Екатерина и Петр, вечности чада! и росс.
Мрачные тени созади, впреди их солнце;
Блеск лучезарный его твердой скалой отражен.
Там многотысячнолетны растаяли льды заблужденья,
Но зри, стоит еще там льдяный хребет, теремясь;
Так и они – се воля господня – исчезнут, растая,

Да человечество в хлябь льдяну, трясясь, не падет.
О незабвенно столетие! радостным смертным даруешь
Истину, вольность и свет, ясно созвездье вовек;
Мудрости смертных столпы разрушив, ты их паки создало;
Царства погибли тобой, как раздробленный корабль;
Царства ты зиждешь; они расцветут и низринутся паки;
Смертный что зиждет, всё то рушится, будет всё прах.
Но ты творец было мысли: они ж суть творения Бога,
И не погибнут они, хотя бы гибла земля;
Смело счастливой рукою завесу творенья возвеяв,
Скрыту природу сглядев в дальном таилище дел,
Из океана возникли новы народы и земли,
Нощи глубокой из недр новы металлы тобой.
Ты исчисляешь светила, как пастырь играющих агнцев;
Нитью вождения вспять ты призываешь комет;
Луч рассечен тобой света; ты новые солнца воззвало;
Новы луны изо тьмы дальной воззвало пред нас;
Ты побудило упряму природу к рожденью чад новых;
Даже летучи пары ты заключило в ярем;
Молнью небесну сманило во узы железны на землю
И на воздушных крылах смертных на небо взнесло.
Мужественно сокрушило железны ты двери призраков,
Идолов свергло к земле, что мир на земле почитал.
Узы прервало, что дух наш тягчили, да к истинам новым
Молньей крылатой парит, глубже и глубже стремясь.
Мощно, велико ты было, столетье! дух веков прежних
Пал пред твоим олтарем ниц и безмолвен, дивясь.
Но твоих сил недостало к изгнанию всех духов ада,
Брызжущих пламенный яд чрез многотысящный век,
Их недостало на бешенство, ярость, железной ногою
Что подавляют цветы счастья и мудрости в нас.
Кровью на жертвеннике еще хищности смертны багрятся,
И человек претворен в люта тигра еще.
Пламенник браней, зри, мычется там на горах и на нивах,
В мирных долинах, в лугах, мычется в бурной волне.
Зри их сопутников черных! – ужасны!.. идут – ах! идут, зри:
(Яко ночные мечты) лютости, буйства, глад, мор! –
Иль невозвратен навек мир, дающий блаженство народам?
Или погрязнет еще, ах, человечество глубже?
Из недр гроба столетия глас утешенья изыде:

Срини отчаяние! смертный, надейся, Бог жив.
Кто духу бурь повелел истязати бунтующи волны,
Времени держит еще цепь тот всесильной рукой:
Смертных дух бурь не развеет, зане суть лишь твари дневные,
Солнца на всходе цветут, блекнут с закатом они;
Вечна едина премудрость. Победа ее увенчает,
После тревог воззовет, смертных достойный...
Утро столетия нова кроваво еще нам явилось,
Но уже гонит свет дня нощи угрюмую тьму;
Выше и выше лети ко солнцу, орел ты российский,
Свет ты на землю снеси, молньи смертельны оставь.
Мир, суд правды, истина, вольность лиются от трона,
Екатериной, Петром вздвигнут, чтоб счастлив был росс.
Петр и ты, Екатерина! дух ваш живет еще с нами.
Зрите на новый вы век, зрите Россию свою.
Гений хранитель всегда, Александр, будь у нас...

1801–1802

КАПНИСТ
Василий Васильевич

1. Родился 12 (23 н. ст.) февраля предположительно 1758 г. в селе Обуховка Миргородского повета (уезда) Полтавской губернии в семье греческого переселенца (дед Петр Христофорович Капниссиˊ бежал от турецкого ига в 1711 г. на Украину); умер от воспаления легких 28 октября 1823 г. в возрасте 65 лет.

Поэтическая личность В. Капниста формировалась под влиянием поэтики прежде всего И. Богдановича и И. Хемницера: во второй половине XVIII в. поэты со средней силой дарования оказались в промежутке между архаикой В. Тредиаковского и А. Кантемира (русский классицизм) и новизной нарождающегося и крепнущего поэтического традиционализма (М. Ломоносов, И. Барков, Г. Державин). Поэтому возраст поэтической личности В. Капниста остановился на стадии сопротивления поэтической архаике, риторике и прагматике. Поэтическому поколению И. Богдановича, И. Хемницера и В. Капниста удалось «взорвать» – содержательно – жанр оды изнутри и заставить метрику двусложных размеров выражать новые – лирические, эмоциональные – смыслы. В. Капнист осознает перемену поэтических (языковых, эстетических и культурных) ориентиров:

Счастлив, коль голос мой унылый
С чужою грустью соглашу
И тайной соучастья силой
Слезу страдальца осушу.

«Различность дарований» (15 июля 1818)

Степень эстетической свободы – средняя.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности В. Капниста развивалась по двум разнородным сценариям – в русле архаического европейского классицизма и «модернистского» русского традиционализма (который из XXI в. воспринимается нами одновременно как модернизм (по отношению

к В. Тредиаковскому) и традиционализм (по отношению, например, к поэтике И. Анненского, А. Блока и И. Бродского).

Доминанта поэтического дискурса – ритмическая, строфическая.

Доминанта языковой способности – лексико-стилистическая с элементами синтаксиса.

Степень языковой свободы определяется как средняя.

3. Поэтическую парадигму последнего стихотворения В. Капниста составляет ряд стихотворений лирической природы, однако следует отметить, что и в некоторых одах этого поэта содержатся попытки выражения неизъяснимого (ода «Убийство», 7 декабря 1822), затрудненные все еще жесткими схемами стихотворной риторики и прагматики.

Пропозиция последнего стихотворения:

ОДА «РАЗЛИЧНОСТЬ ДАРОВАНИЙ»

В странах полнощных Ломоносов
На лире первый возгремел,
Высоки гимны в слух он россов
В божественном восторге пел.
Равно велик, бессмертно славен,
Внушенный музами Державин
В златые струны ударял
И переходом в тон из тона
Горация, Анакреона
И Пиндара нам воскрешал.

Кто исполинам сим знакомо
Посмеет поприще протечь?
Ползуще в прахе насекомо
Не устрашиться ль грозных встреч?
С холма на холм они ступали,
Широки реки прешагали,
Круг мира был их небокруг;
Верх облак глас их раздавался,
С перунами перекликался,
Пленял и поражал наш слух.

А мне судьба скупой рукою
Коль скудный уделила дар,

Я горней не помчусь стезею,
Как дерзкий в древности Икар,
Но, подвиг соразмеря с силой,
Как мотылек сей легкокрылый,
Порхать лишь буду по цветам;
Без смелого стихов искусства,
Простые, к сердцу близки чувства
В простых напевах передам.

Счастлив, коль голос мой унылый
С чужою грустью соглашу.
И тайной соучастья силой
Слезу страдальца осушу,
Коль мной печальный убедится,
Что скорби нить не вечно длится,
Что здесь надеждам нет конца.
Счастлив, гнетомого тоскою
Коль сладкой мыслью успокою,
Что есть чувствительны сердца.

15 июля 1818

Последнее стихотворение:

***

Зачем, не только в то лишь время,
Когда его тягчило бремя
Фемидных несносных уз,
Отрекся он от милых муз
И с ними разорвал любезный,
Для всех питомцев их полезный,
Скрепленный славою союз?

Но даже, посреди свободы,
Сестер парнасских хороводы
Его уж боле не манят?
Но пусть неблагодарный знает,
Что хоть он их и забывает,
Они взаимно не хотят
Платить любимцу их забвеньем
И с нежным дружеским терпеньем
Бессмертный лавр ему хранят.

7 января 1823, Обуховка

КАРАМЗИН
Николай Михайлович

1. Родился 1 (12 н. ст.) декабря 1766 г. в селе Михайловка Бузулукского уезда Симбирской губернии, умер 22 мая (3 июня н. ст.) 1826 г. в Петербурге в возрасте 59 с половиной лет.

Поэтическая личность Н. Карамзина складывалась в тесном взаимодействии с другими сферами деятельности поэта – ученого, историка, прозаика и проч. Н. Карамзин-поэт подтвердил всей своей жизнью нормативность (не-уникальность) двойственного (вообще множественного) развития личности художника, которая одновременно является и личностью ученого (М. Ломоносов, В. Тредиаковский), и личностью прозаика / вообще литератора (А. Пушкин, М. Лермонтов, А.К. Толстой и др.). Возраст поэтической личности Н. Карамзина определяется стадией преодоления поэтического влияния предшественников – как русских, так и европейских, а также выработкой своего поэтического языка, когда процессы языковой и дискурсной индивидуализации облегчались продуктивным влиянием таких младших современников Н. Карамзина, как К. Батюшков, В. Жуковский и др. Степень поэтической свободы Н. Карамзина определяется как средне-высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности Н. Карамзина формировалась в рамках двойного эстетического сценария и на основе уже устойчивого к концу XVIII в. русского классицизма, а также на основе крепнущего отечественного поэтического «модернизма», когда номинативно-риторическая (прагматическая) поэтическая номинация вытеснялась процессами номинативно-эмоционального поэтического выражения.

Доминанта поэтического дискурса – ритмико-музыкальная, строфическая.

Доминанта языковой способности –фонетико-лексическая.

Степень языковой свободы – средне-высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения Н. Карамзина такова:

ПРОЩАНИЕ

Ударил час – друзья, простите!
Иду – куда, вы знать хотите?
В страну покойников – зачем? –
Спросить *там*, для чего мы *здесь*, друзья, живем!

1795

ВРЕМЯ

(ПОДРАЖАНИЕ)

Все вещи разрушает время,
И мрачной скукой нас томит;
Оно как тягостное бремя
У смертных на плечах лежит.

Нам, право, согласиться должно
Ему таким же злом платить
И делать все, чем только можно
Его скорее погубить.

1795

Карамзинское определение характера стихотворения «Время» как подражания свидетельствует, во-первых, о высоком уровне его поэтического самосознания, а во-вторых, о высокой степени самоопределения и поэтической свободы.

Последнее стихотворение:

***

Не сон ли жизнь и здешний свет?
Но тот, кто видит сон, – живет.

28 июня 1825, Царское Село

XIX век

ПУШКИН Василий Львович
КРЫЛОВ Иван Андреевич
КОЗЛОВ Иван Иванович
ЖУКОВСКИЙ Василий Андреевич
ГНЕДИЧ Николай Иванович
ДАВЫДОВ Денис Васильевич
ГЛИНКА Федор Николаевич
БАТЮШКОВ Константин Николаевич
ВЯЗЕМСКИЙ Петр Андреевич
ГРИБОЕДОВ Александр Сергеевич
РАЕВСКИЙ Владимир Федосеевич
РЫЛЕЕВ Кондратий Федорович
МЯТЛЕВ Иван Петрович
БЕСТУЖЕВ Александр Александрович
ДЕЛЬВИГ Антон Антонович
ПУШКИН Александр Сергеевич
БАРАТЫНСКИЙ Евгений Абрамович
ОДОЕВСКИЙ Александр Иванович
ЯЗЫКОВ Николай Михайлович

ТЮТЧЕВ Федор Иванович
ХОМЯКОВ Алексей Степанович
ПОЛЕЖАЕВ Александр Иванович
ВЕНЕВИТИНОВ Дмитрий Владимирович
ПАВЛОВА Каролина Карловна
БЕНЕДИКТОВ Владимир Григорьевич
КОЛЬЦОВ Алексей Васильевич
ЛЕРМОНТОВ Михаил Юрьевич
ЕРШОВ Петр Павлович
ТОЛСТОЙ Алексей Константинович
ПОЛОНСКИЙ Яков Петрович
ФЕТ Афанасий Афанасьевич
НЕКРАСОВ Николай Алексеевич
ГРИГОРЬЕВ Аполлон Александрович
КУРОЧКИН Василий Степанович
СЛУЧЕВСКИЙ Константин Константинович
АПУХТИН Алексей Николаевич
СОЛОВЬЕВ Владимир Сергеевич
ФОФАНОВ Константин Михайлович

ПУШКИН
Василий Львович

1. Родился 27 апреля 1766 г. в Москве в семье богатого помещика Л.А. Пушкина, деда А.С. Пушкина; умер 20 августа 1830 г. в Москве в возрасте 64 лет.

Поэтическая личность В. Пушкина формировалась в период перехода общего развития русского поэтического выражения от калькированных (европейских) способов и жестких жанровых стихотворных форм к процессам новой поэтической номинации преимущественно эмоционально-номинативного («лирического») характера. Именно на границе XVIII и XIX вв., в моменты зарождения Новой русской поэзии и ее появления в сфере русского языка, эстетики и русской духовной культуры, такие поэты, как В. Пушкин, И. Дмитриев, Н. Карамзин, выполнили прямую протетическую функцию (функцию «поддержки») в период становления и мужания поэзии «вечных современников – современников всем, всему, всегда и везде» В. Жуковского, К. Батюшкова, А. Пушкина, Е. Баратынского, Ф. Тютчева, М. Лермонтова и др. Поэтический возраст В. Пушкина определялся в основном не индивидуальным качеством его таланта, а влиянием последних басно- и одописцев, сумевших все-таки произвести попытку выражения неизъяснимого в поэтических парадигмах, предшествовавших появлению последних стихотворений.

Поэтическая личность В. Пушкина остановилась на стадии преодоления влияния риторики и прагматики поэтического XVIII в., поэтому степень его поэтической свободы определяется как средняя.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности В. Пушкина имеет множественную природу, так как формировалась она в процессуальном отношении прерывисто как на основе русского эстетического сценария, так и европейского (опосредованно через Европу, особенно Францию, – античного) сценария.

Доминантой поэтического дискурса являются метр, ритм, рифма и строфа, а также поэтическая графика (графическое оформление басни как поэтического текста).

Доминанта языковой способности – лексико-стилистическая.

Степень языковой свободы – средняя.

3. Пропозицию последнего стихотворения В. Пушкина составляет поэтическая парадигма прощальных (предсмертных) посланий к друзьям-поэтам:

К А. С. ПУШКИНУ

Поэт-племянник, справедливо
Я назван классиком тобой!
Все, что умно, красноречиво,
Все, что написано с душой,
Мне нравится, меня пленяет.
Твои стихи, поверь, читает
С живым восторгом дядя твой.
Латоны сына ты любимец,
Тебя он вкусом одарил;
Очарователь и счастливец,
Сердца ты наши полонил
Своим талантом превосходным,
Все мысли выражать способным.
«Руслан», «Кавказский пленник» твой,
«Фонтан», «Цыганы» и «Евгений»
Прекрасных полны вдохновений!
Они всегда передо мной,
И не для критики пустой.
Я их твержу для наслажденья.
Тацита нашего творенья
Читает журналист иной,
Чтоб славу очернить хулой.
Зоил достоин сожаленья;
Он позабыл, что не вредна
Граниту бурная волна.

1829

К В. А. ЖУКОВСКОМУ

Товарищ-друг! Ты помнишь ли, что я
Еще живу в сем мире?
Что были в старину с тобою мы друзья,
Что я на скромной лире,
Бывало, воспевал талант изящной твой?
Бывало, часто я, беседуя с тобой,
Читал твои баллады и посланья:
Приятные, увы, для сердца вспоминанья!
Теперь мне некому души передавать:
С тобою, Вяземским, со всеми я в разлуке;
Мне суждено томиться, горевать
И дни влачить в страданиях и скуке.
Где Блудов? Где Дашков? Жизнь долгу посвятив,
Но и в трудах своих нередко, может статься,
Приходит им на мысль, что друг их старый жив.
Я жив, чтоб вас любить, чтоб помнить всякий час,
Что вас еще имею;
Благодаря судьбу, я в чувствах не хладею.
Молю, чтоб небеса соединили нас.

9 января 1830

Последнее стихотворение:

А. С. ПУШКИНУ

Племянник и поэт! Позволь, чтоб дядя твой
На старости в стихах поговорил с тобой.
Хоть модный романтизм подчас я осуждаю,
Но истинный талант люблю и уважаю.
Послание твое к вельможе есть пример,
Что не забыт тобой затейливый Вольтер.
Ты остроумие и вкус его имеешь
И нравиться во всем читателю умеешь.
Пусть бесится, ворчит московский Лабомель:
Не оставляй свою прелестную свирель!
Пустые критики достоинств не умалят;
Жуковский, Дмитриев тебя и чтут и хвалят;
Крылов и Вяземский в числе твоих друзей;
Пиши и утешай их музою своей,

Наказывай глупцов, не говоря ни слова,
Печатай им назло скорее «Годунова».
Творения твои для них тяжелый бич,
Нибуром никогда не будет наш москвич,
И автор повести топорныя работы
Не может, кажется, проситься в Вальтер Скотты.
Довольно и того, что журналист сухой
В журнале чтит себя романтиков главой.

Но полно! Что тебе парнасские пигмеи,
Нелепая их брань, придирки и затеи!
Счастливцу некогда смеяться даже им.
Благодаря судьбу, ты любишь и любим.
Венчанный розами ты грации рукою,
Вселенную забыл, к ней прилепясь душою.
Прелестный взор ее тебя животворит
И счастье прочное, и радости сулит.
Блаженствуй, но в часы свободы, вдохновенья
Беседуй с музами, пиши стихотворенья,
Словесность русскую, язык обогащай
И вечно с миртами ты лавры съединяй.

июль 1830

КРЫЛОВ
Иван Андреевич

1. Родился 2 февраля 1768 г. (или, как считают некоторые биографы, 1769 г.) в Москве в семье небогатого армейского офицера, умер 9 ноября 1844 г. в Петербурге.

Поэтическая личность И. Крылова формировалась и развивалась в процессе освоения новой сферы поэтического языка конца XVIII – первой четверти XIX вв. – сферы разговорной речи. На рубеже XVIII–XIX вв. завершилось оформление ядерной части лексической системы нового общенационального языка, которая апробировалась в качестве языка литературы (прозы, драмы) и поэзии такими поэтами, как В. Жуковский, А. Грибоедов, А. Пушкин и др. И. Крылов, обладая замечательным талантом баснописца, значительно расширил новый лексикон русского языка первой половины XIX в. Поэтическая способность И. Крылова настолько высока, что поэтические тексты, созданные им около 200 лет назад, остаются до сих пор лингвистически актуальными и погашающими в себе за счет огромной лингво-поэтической энергии стилистическую архаику. Поэтическая личность И. Крылова создала свой индивидуальный язык с универсальной грамматикой и синтаксисом. Поэтому степень свободы И. Крылова характеризуется как средне-высокая и высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности И. Крылова формируется на античных, народных и «литературно-модернистских» (для того времени) способах восприятия, выражения и оценки действительности. Новый для зарождающейся в начале XIX в. русской поэзии язык оживляет и наполняет энергией разговорной интонации старые риторические и жанрово-прагматические формы русского стиха.

Доминанты поэтического дискурса – индивидуально-авторский ритм, рифма и строфа.

Доминантой языковой способности И. Крылова являются лексико-стилистический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы – высокая.

3. Пропозицию последнего стихотворения И. Крылова составляет поэтическая парадигма лирических (шутливо-серьезных по тону) стихотворений, среди которых «Сонет (К Нине)» является наиболее близким по тематике и по глубине реализации функционально-смысловых структур последнему стихотворению:

К НИНЕ

Сонет

Нет мира для меня, хотя и брани нет;
В надежде, в страхе я; в груди то хлад, то пламень;
То вьюсь я в небесах, то вниз лечу, как камень;
То в сердце пустота, то весь в нем замкнут свет.

Та, кем познал мой дух мучения суровы,
Ни быть рабом, ни быть свободным не велит;
Ни послабляет мне, ни тяготит оковы,
Ни смертью не грозит, ни жизни не сулит.

Гляжу не видя я – и молча призываю;
Ищу погибели – и помощи желаю;
Зову, гоню, кляну, объемлю тень драгой.

Сквозь слезы я смеюсь; в печалях трачу силы;
И жизнь и смерть равно душе моей постылы –
Вот, Нина, до чего я доведен тобой!

1794–1795 (?)

Фактическое последнее стихотворение:

<ЭПИТАФИЯ Е.М. ОЛЕНИНОЙ>

Супруга нежная и друг своих детей,
Да успокоится она от жизни сей
В бессмертьи там, где нет ни слез, ни воздыханья,
Оставя по себе тоску семье своей
И сладостные вспоминанья!

1838–1839

Текст стихотворения высечен на надгробии и датирован в списке А. Н. Олениным: «6 января 1839».

КОЗЛОВ
Иван Иванович

1. Родился 11 (22 н. ст.) апреля 1779 г. в Москве в семье, принадлежащей к старинному дворянскому роду; в 1818 г. у И. Козлова появляются признаки паралича ног, а в 1821 г. он слепнет; умер 30 января (11 февраля н. ст.) 1840 г. в Петербурге.

Поэтическая личность И. Козлова начала формироваться в процессе переводческой работы (европейская поэзия, преимущественно французская), именно музыкальность и ритмичность французского стиха помогли появлению нового поэтического дискурса, когда ритм, метр, строфа, рифма и проч. были подчинены благозвучности, изящности и музыкальности стиха. Поэтический текст И. Козлова может и должен интерпретироваться как прежде всего текст звуковой, напевный, музыкальный.

Доминанта поэтической способности И. Козлова – благозвучность – ограничивала и сужала языковую и тематическую содержательность текста, превращая стихотворение – без какого-либо музыкального сопровождения – в песню, в романс (в 1825 г. А. Пушкин заметил, что И. Козлову не хватает «замашки и размашки в слоге»). Поэтому некоторые стихотворения И. Козлова – это прообразы текстов авторской (в отличие от народной) песни.

Степень поэтической свободы И. Козлова определяется как средняя.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности И. Козлова основывается на искусственно воспринятом в России европейском романтизме и на русской традиции эмоциональных номинаций (некоторые переводы И. Козлова из Байрона, Мура, Шенье, Шекспира, Мицкевича, Бернса, Вордсворта остаются одновременно шедеврами и в сфере иностранной / переводной, и в сфере русской поэзии).

Доминанты поэтического дискурса – метр, ритм, музыкальность.

Доминанта языковой способности – лексический и синтаксический компоненты (высокая степень связности стихотворений И. Козлова достигается упорной работой поэта с синтаксисом).

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения включает в себя следующие тексты:

ГИМН ОРФЕЯ

Когда целуете прелестные уста
И сердце тает негой наслажденья,
Вам шепчутся и ласки и моленья,
И безгранично своевольствует мечта...
Тогда, любовью пламенея,
Вы слушаете *страстный* гимн Орфея.
Когда душа тоскою сражена,
Нет слез от полноты томленья,
И меркнет свет, и мысли без движенья,
И волны времени без цели и без дна...
Тогда, от горя каменея,
Вам чудится *плачевный* гимн Орфея.
Когда к творцу миров возносите мольбы
И тонет взор в безбрежности творенья,
Молчат уста в избытке умиленья,
Вы доверяетесь влечению судьбы...
Тогда, вам благодатью вея,
Весь мир гремит *священный* гимн Орфея!
Когда поэт на языке земном
Передает пророческим пером
Таинственные вдохновенья,
И осветлит души виденья
Поэзии огнем, –
Венчает мир, исполнен удивленья,
Чело певца бессмертия венком.

1839

Предпоследнее стихотворение:

МОЛИТВА

Прости мне, боже, прегрешенья
И дух мой томный обнови,

Дай мне терпеть мои мученья
В надежде, вере и любви.

Не страшны мне мои страданья:
Они залог любви святой;
Но дай, чтоб пламенной душой
Я мог лить слезы покаянья.

Взгляни на сердца нищету,
Дай Магдалины жар священный,
Дай Иоанна чистоту;

Дай мне донесть венец мой тленный
Под игом тяжкого креста
К ногам Спасителя Христа.

3 декабря 1839

В. Жуковский вспоминал: «Следующая молитва написана незадолго до смерти; это последний звук его арфы». Как оказалось, последним звуком стала «Легенда».

Последнее стихотворение:

ЛЕГЕНДА

Меж африканских диких гор,
Над средиземными волнами,
Святая обитель влечет к себе взор
В лесу, с блестящими крестами.
В ней иноки молят весь день и всю ночь,
Земная забота бежит от них прочь;
Одно у них в думах, одно в их сердцах –
Чтоб дал им спаситель свой мир в небесах!

Обители тихой игумен святой
Давно в ней спасался, с страстями в борьбе;
Отшельников прежних он образ живой,
Ко всем был радушен, но строг сам к себе.
И нищ он был духом, и чист сердцем был,
Любил страстно бога и ближних любил,
Творя в умиленьи, под сенью креста,
И заповедь божью, и волю Христа.

Один инок бедный меж иноков всех,
Божественной верой сгорая,
Был всех их моложе, усерднее всех:
Он жил, для себя умирая.
Зари луч огнистый едва заблестит,
А он уж в пустыню молитвой летит,
И, в Фивы стремяся в порыве святом, –
Он Павел Фивейский в цвету молодом.

И слух об обители всюду гремел,
И бедные братья смутились, –
Так был им по сердцу их тихий удел,
Они в нем измены страшились.
Один португалец весенней порой
Приехал в обитель с прелестной женой.
О, может лишь сердце одно обуздать,
Одно, что не наше, – его благодать!

И только что инок Инесу узрел,
В нем дух взбунтовался и сердце кипит;
Уж думать святое он, грешник, не смел,
И пагубной страстью безумец горит;
Ее похищает, в Дамасский предел
С собою увозит, где скрыться хотел;
И веру забыл он, и, в пагубной тме,
Меж турок живет он и ходит в чалме.

Семь лет миновало, – уж совесть не спит;
Спешит он к евангельской сени,
В раскаяньи сердца к игумну бежит
И пал перед ним на колени.
И тот отвечает: «Толь страшным грехам
Простить не могу я; но плачь, молись сам:
Как грех ни ужасен, но огнь роковой
Раскаянье тушит одною слезой!

А я сберу братьев, и в храм мы пойдем
Три дня и три ночь молиться;
Быть может, прощенье у бога найдем –
Спасителя воля явится».

И молятся братья; их слезы текли
За грешного брата в святой их любви.
Но ах! ни днем светлым, ни в мраке ночей
Христос не являет им воли своей!

И братьев усталых отец распустил,
И в прахе один перед престолом
Он плакал, молился и в грудь себе бил,
Терзаясь грехом столь тяжелым.
«Прости, милосердный отец мой, прости!
Кто может безгрешно крест тяжкий нести!
Да праведный гнев твой падет на меня,
Да буду я жертвой, – один, один я!»

Едва он молитву в слезах сотворил,
Чудесно престол озарился,
И волю святую спаситель явил –
В лучах милосердный явился.
«О старец! молитва святая твоя
Мне в сердце проникла, в ней заповедь вся;
И ею подобен ты мне самому, –
Любовью твоею прощаю ему!».

конец декабря 1839 – начало января 1840

ЖУКОВСКИЙ
Василий Андреевич

1. Родился 29 января (9 февраля н. ст.) 1783 г. в с. Мишенском Белевского уезда Тульской губернии от пленной турчанки Сальхи (отец – богатый помещик Афанасий Иванович Бунин); отчество и фамилию получил от мелкопоместного дворянина Андрея Жуковского; умер 12 (24 н. ст.) апреля 1852 г. в Баден-Бадене (Германия); похоронен в Александро-Невской лавре.

Становление поэтической личности В. Жуковского происходило в условиях формирования новой поэтики XIX–XX вв., когда единицы поэтического дискурса утрачивали свою автономность по отношению к единицам языка и культуры. Ведущим типом поэтической номинации становилось эмоционально-образное, номинативно-философское называние предметов, явлений и процессов мира реального и «внутреннего» – метафизического. Мастерство поэта В. Жуковского оттачивалось прежде всего на переводах образцов европейской поэзии, что, с одной стороны, способствовало взаимодействию разных культур и формированию некоего общего, евразийского (читай – русского, российского) варианта и поэтической культуры, и поэтосферы, и духовной культуры в целом; с другой стороны, позволило поэту создать ряд поэтических шедевров – образцов выражения неизъяснимого.

Поэтическая способность В. Жуковского обладала огромной репродуцирующей силой: личность этого поэта являлась эталонной для таких стихотворцев, как А. Пушкин, Е. Баратынский, А. Фет и др.

В. Жуковскому удалось создать свой поэтический язык, и потому степень его поэтической свободы определяется как высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности В. Жуковского основывается на сформировавшемся к1810-м гг. поэтическом традиционализме евразийского типа, который – по отношению к поэтике XVIII в. – уже не воспринимался

как модернизм. В. Жуковский впервые в России назвал поэтическое выражение – и поэтический язык в целом – тайной.

Доминанта поэтического дискурса – комплексное, цельнооформленное единство всех дискурсных единиц, находящихся в гармонической взаимосвязи с единицами всех планов содержания (языкового, эстетического, культурного, духовного) поэтического текста.

Доминанта языковой способности выражается в синтезе фонетических, грамматических и лексических единиц.

Степень языковой свободы – высокая.

3. Ядро поэтической парадигмы (пропозиции) последнего стихотворения В. Жуковского составляет стихотворение «Невыразимое».

НЕВЫРАЗИМОЕ (ОТРЫВОК)

Что наш язык земной пред дивною природой?
С какой небрежною и легкою свободой
Она рассыпала повсюду красоту
И разновидное с единством согласила!
Но где, какая кисть ее изобразила?
Едва-едва одну ее черту
С усилием поймать удастся вдохновенью...
Но льзя ли в мертвое живое передать?
Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?..
Святые таинства, лишь сердце знает вас.
Не часто ли в величественный час
Вечернего земли преображенья –
Когда душа смятенная полна
Пророчеством великого виденья
И в беспредельное унесена –
Спирается в груди болезненное чувство,
Хотим прекрасное в полете удержать,
Ненареченному хотим названье дать –
И обессиленно безмолвствует искусство?
Что видимо очам – сей пламень облаков,
По небу тихому летящих,
Сие дрожанье вод блестящих,
Сии картины берегов
В пожаре пышного заката –

Сии столь яркие черты –
Легко их ловит мысль крылата,
И есть слова для их блестящей красоты.
Но то, что слито с сей блестящей красотою, –
Сие столь смутное, волнующее нас,
Сей внемлемый одной душою
Обворожающего глас,
Сие к далекому стремленье,
Сей миновавшего привет
(Как прилетевшее незапно дуновенье
От луга родины, где был когда-то цвет,
Святая молодость, где жило упованье),
Сие шепнувшее душе воспоминанье
О милом радостном и скорбном старины,
Сия сходящая святыня с вышины,
Сие присутствие создателя в созданье –
Какой для них язык?.. Горе́ душа летит,
Все необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчание понятно говорит.

вторая половина августа 1819

Последнее стихотворение:

ЦАРКОСЕЛЬСКИЙ ЛЕБЕДЬ

Лебедь белогрудый, лебедь белокрылый,
Как же нелюдимо ты, отшельник хилый,
Здесь сидишь на лоне вод уединенных!
Спутников давнишних, прежней современных
Жизни, переживши, сетуя глубоко,
Их ты поминаешь думой одинокой!
Сумрачный пустынник, из уединенья
Ты на молодое смотришь поколенье
Грустными очами; прежнего единый
Брошенный обломок, в новый лебединый
Свет на пир веселый гость не приглашенный,
Ты вступить дичишься в круг неблагосклонный
Резвой молодежи. На водах широких,
На виду царевых теремов высоких,
Пред Чесменской гордо блещущей колонной,
Лебеди младые голубое лоно

Озера тревожат плаваньем, плесканьем,
Боем крыл могучих, белых шей купаньем;
День они встречают, звонко окликаясь;
В зеркале прозрачной влаги отражаясь,
Длинной вереницей, белым флотом стройно
Плавают в сиянье солнца по спокойной
Озера лазури; ночью ж меж звездами
В небе, повторенном тихими водами,
Облаком перловым, вод не зыбля, реют
Иль двойною тенью, дремля, в них белеют;
А когда гуляет месяц меж звездами,
Влагу расшибая сильными крылами,
В блеске волн, зажженных месячным сияньем,
Окруженны брызгов огненных сверканьем,
Кажутся волшебным призраков явленьем –
Племя молодое, полное кипеньем
Жизни своевольной. Ты ж старик печальный,
Молодость их образ твой монументальный
Резвую пугает; он на них наводит
Скуку, и в приют твой ни один не входит
Гость из молодежи, ветрено летящей
Вслед за быстрым мигом жизни настоящей.
Но не сетуй, старец, пращур лебединый:
Ты родился в славный век Екатерины.
Был ее ласкаем царскою рукою, –
Памятников гордых битве под Чесмою,
Битве при Калуге воздвиженье зрел ты;
С веком Александра тихо устарел ты;
И, почти столетний, в веке Николая
Видишь, угасая, как вся Русь святая
Вкруг царевой силы – вековой зеленый
Плющ вкруг силы дуба – вьется под короной
Царской, от окрестных бурь ища защиты.

Дни текли за днями. Лебедь позабытый
Таял одиноко; а младое племя
В шуме резвой жизни забывало время...
Раз среди их шума раздался чудесно
Голос, всю пронзивший бездну поднебесной;
Лебеди, услышав голос, присмирели

И, стремимы тайной силой, полетели
На́ голос: пред ними, вновь помолоделый,
Радостно вздымая перья груди белой,
Голову на шее гордо распрямленной
К небесам подъемля, – весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины
Пел, прощаясь с жизнью, гимн свой лебединый!
А когда допел он – на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши, –
К небу, как во время оное бывало,
Он с земли рванулся... и его не стало
В высоте... и навзничь с высоты упал он;
И прекрасен мертвый на хребте лежал он,
Широко раскинув крылья, как летящий,
В небеса вперяя взор уж не горящий.

ноябрь – начало декабря 1851

ГНЕДИЧ
Николай Иванович

1. Родился 2 (13 н. ст.) февраля 1784 г. в Полтаве, умер 3 (15 н. ст.) февраля 1833 г. в Петербурге.

Поэтическая личность переводчика «Илиады» в своем развитии была ориентирована почти целиком на поэтику второй половины XVIII в. (Гнедич был близок одновременно и поэтической школе Г. Державина, и Вольному обществу любителей наук и художеств («поэты-радищевцы»).

Поэтическая способность Н. Гнедича была ограничена неслиянием его поэтического дискурса с поэтическим языком. Возраст поэтической личности Н. Гнедича оставался на стадии пассивного (за счет преобладания в его творчестве крупножанровых реализаций поэтического текста) преодоления влияний поэтов XVIII в. Поэтому степень поэтической свободы определяется как средняя.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности Н. Гнедича основывается одновременно на античных и европейско-русских способах отображения мира.

Доминанты поэтического дискурса – метрика архаического (античного – преимущественно гекзаметрического с вариантами) характера и строфа.

Доминанта языковой способности – лексико-стилистическая с элементами синтаксиса, активизированного сложно организованными метром, ритмом и строфой.

Степень языковой свободы – средне-низкая / средняя.

3. Поэтическую парадигму последнего стихотворения Н. Гнедича составляют следующие стихотворения:

ДУМА

Печален мой жребий, удел мой жесток!
Ничьей не ласкаем рукою,
От детства я рос одинок, сиротою:
В путь жизни пошел одинок;

Прошел одинок его – тощее поле,
На коем, как в знойной ливийской юдоле,
Не встретились взору ни тень, ни цветок;
Мой путь одинок я кончаю,
И хилую старость встречаю
В домашнем быту одинок:
Печален мой жребий, удел мой жесток!

1832

ДУМА

Кто не земле не вкушал жизни на лоне любви,
Тот бытия земного возвышенной цели не понял;
Тот предвкусить не успел сладостной жизни *другой*:
Он, как туман, при рождении гибнущий, умер, не живши.

1832

***

Амбра, душистая амбра, скольких ты и мух и червей
Предохраняешь от тленья!
Амбра – поэзия: что без нее именитость людей?
Блеск метеора, добыча забвенья!

183?

Фактическое последнее стихотворение:

К НЕМУ ЖЕ,*
ПРИ ПОГРЕБЕНИИ

Друг, до свидания! Скоро и я наслажусь моей частью:
Жил я , чтобы умереть; скоро умру, чтобы жить!

1831

* А. Дельвигу

ДАВЫДОВ
Денис Васильевич

1. Родился 16 (27 н. ст.) июля 1784 г. в Москве, умер 22 апреля (4 мая н. ст.) 1839 г. в д. Верхняя Мыза Симбирской губернии.

Поэтическая личность героя Отечественной войны 1812 г. формировалась под влиянием поэтики баснописца И. Крылова, с одной стороны, а с другой стороны – она испытывала сильнейшее воздействие поэтической энергии лирики В. Жуковского, А. Пушкина, П. Вяземского, Н. Языкова, Е. Баратынского, Ф. Глинки и др.

Поэтическая способность Д. Давыдова развивалась за счет благотворного влияния высокой степени свободы, царившей в поэтологическом контексте, в котором создавались басни и стихотворения опального поэта и славного гусара. Д. Давыдову удалось выработать элементы своего индивидуального поэтического языка, поэтому степень его поэтической свободы характеризуется как средне-высокая / высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности Д. Давыдова сформировалась на основе русского иронического выражения и оценки действительности, а также на основе эмоциональной номинации реального и духовного миров.

Доминанта поэтического дискурса – ритмическая, рифмострофическая.

Доминанта языковой способности – лексико-фонетическая.

Степень языковой свободы – средне-высокая / высокая.

3. В поэтическую парадигму последнего стихотворения Д. Давыдова входят следующие стихотворения:

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Прошла борьба моих страстей,
Болезнь души моей мятежной,
И призрак пламенных ночей
Неотразимый, неизбежный,

И милые тревоги милых дней,
И языка несвязный лепет,
И сердца судорожный трепет,
И смерть и жизнь при встрече с ней...
Исчезло все! – Покой желанный
У изголовия сидит...
Но каплет кровь еще из раны,
И грудь усталая и ноет и болит!

1836

ЧЕЛОБИТНАЯ

В дни былые сорванец,
Весельчак и веселитель,
А теперь Москвы строитель,
И сенатор, и делец,
О мой давний покровитель,
Сохрани меня, отец,
От соседства шумной тучи
Полицейской саранчи,
И торчащей каланчи,
И пожарных труб и крючий.
То есть, попросту сказать:
Помоги в казну продать
За сто тысяч дом богатый,
Величавые палаты,
Мой Пречистенский дворец.
Тесен он для партизана!
Сотоварищ урагана,
Я люблю – казак-боец –
Дом без окон, без крылец,
Без дверей и стен кирпичных,
Дом разгулов безграничных
И налетов удалых,
Где могу гостей моих
Принимать картечью в ухо,
Пулей в лоб иль пикой в брюхо.
Друг, вот истинный мой дом!
Он везде, – но скучно в нем:
Нет гостей для угощенья.
Подожду... а ты пока

Вникни в просьбу казака
И уважь его моленье.

1836

Последнее стихотворение:

***

Как будто Диоген с зажженным фонарем,
Я по свету бродил, искавши человека,
И, сильно утвердясь в намереньи моем,
В столицах потерял я лучшую часть века.
Судей, подьячих я, сенаторов нашел,
Вельмож, министров, прокуроров,
Нашел людей я разных сборов –
Фонарь мой всё горел.
Но, встретившись с тобой, я вздрогнул, удивился –
Фонарь упал из рук, но ах, не погасился.

1830-е (?)

ГЛИНКА
Федор Николаевич

1. Родился 8 (19 н. ст.) июня 1786 г. (по др. данным – 1785 г.) в имении Сутоки Духовщинского уезда Смоленской губернии, умер 11 (23 н. ст.) февраля 1880 г. в Твери в возрасте 93 с половиной лет.

Поэтическая личность Ф. Глинки формировалась под влиянием одновременно поэтики XVIII в. (Г. Державин) и новой поэтики XIX в. (В. Жуковский и отчасти Н. Карамзин-лирик).

На основе двух различных способов поэтического выражения Ф. Глинка приблизился к стадии выработки своего поэтического языка, однако средний уровень его поэтической способности и текстовая тематическая прагматика помешали приблизиться вплотную к своим способам выражения неизъяснимого. Поэтому степень его поэтической свободы определяется как средняя.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности Ф. Глинки формировалась в течение всей долгой жизни на двух противоречивых основах риторики и прагматики поэзии XVIII в. и лирики XIX в.

Доминанта поэтического дискурса – ритмическая и музыкальная.

Доминанта языковой способности – лексико-стилистическая с элементами синтаксического компонента.

Степень языковой свободы – средняя / средне-высокая (тематическая заданность и поэтическая прагматика / риторика тормозили развитие языковой способности поэта).

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения включает в себя следующие стихотворения:

ЖАТВА

Густая рожь стоит стеной!
Леса вкруг нивы как карнизы,
И всё окинул вечер сизый

Полупрозрачной пеленой...
Порою слышны отголосья
Младых косцов и сельских жниц;
Волнами зыблются колосья
Под пылкой ясностью зарниц;
И жатва, дочь златого лета,
Небесным кормится огнем,
И жадно пьет разливы света,
И зреет, утопая в нем...
Так горний пламень вдохновенья
Горит над нивою души,
И спеет жатва дум в тиши,
И созревают песнопенья...

1826

В ЗАЩИТУ ПОЭТА

Два я боролися во мне:
Один рвался в мятеж тревоги,
Другому сладко в тишине
Сидеть в тиши дороги
С самим собой, в себе самом.
Несправедливо мыслят, нет!
И порицают лиры сына
За то, что будто гражданина
Условий не снесет поэт...
Пусть не по нем и мир наш внешний,
Пусть, по мечтам, он и нездешний,
А где-то всей душой гостит;
Зато, вскипевши в час досужный,
Он стих к стиху придвинет дружный,
И брызнет рифмою жемчужной,
И высоко заговорит!..
И говор рифмы музыкальной
Из края в край промчится дальной,
Могучих рек по берегам,
От хижин мирных к городам,
В дома вельмож... И под палаткой,
В походном часто шалаше,
Летучий стих, мелькнув украдкой,

С своею музыкою сладкой
Печатью ляжет на душе.
И в дни борьбы, и сеч и шума
Отрадно-радужная дума
Завьется у младых бойцов,
По свежим лаврам их венцов.
И легче станет с жизнью битва
И труд страдальца под крестом,
Когда холодная молитва
Зажжется пламенным стихом!
Не говори: «Поэт спокойным
И праздным гостем здесь живет!»
Он буквам мертвым и нестройным
И жизнь, и мысль, и строй дает...

1854

Последнее стихотворение:

ДВА Я

1.

Как в зной в кипящий муравейник
Заброшен бледный мотылек,
Меня забросил злой мой рок
В крапиву жизни да в репейник!

2.

И я – когда-то было с жаром
И говорил и утверждал.
Горел земных надежд пожаром,
Искал, просил, хотел, желал,
Гнался за тенью... И все даром;
И наконец умнее стал:
Погас, затух и... отлетал.
Теперь смирней подпольной мыши
Я тихо в уголке сижу
И, вынырнув, порой гляжу,
Как ветер рвет с чертогов крыши.

18??

БАТЮШКОВ
Константин Николаевич

1. Родился 18 (29 н. ст.) мая 1787 г. в Вологде в старинной дворянской семье; 29 мая 1807 г. тяжело ранен в позвоночник; в 1821 г. после неприятностей на дипломатической службе (поэта упрекали в писании стихов), обладая тяжелой наследственностью и хрупкой натурой, К. Батюшков сходит с ума; умер в Вологде 7 (19 н. ст.) июля 1855 г. от тифа.

Поэтическая личность К. Батюшкова формировалась на стыке трех поэтических мировоззрений: французского, русского XVIII в. и русского XIX в. Поэт обладал уникальной поэтической способностью, которая выражалась в гармоническом соединении старого и нового поэтического дискурса (от И. Крылова и Г. Державина к В. Жуковскому и др.), в освоении французской «легкой» музыкальности и истинной, индивидуальной ритмичности стиха (А. Пушкин высоко ценил музыкально-звуковую гармонию батюшковского стиха). К. Батюшкову удалось создать (за достаточно короткий срок) свой способ поэтического выражения, зачатки своего поэтического языка. Поэтому степень поэтической свободы К. Батюшкова определяется как высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности К. Батюшкова сформировалась на основе эстетики французского просветительства / просвещения (Вольтер, Дидро, Д'Аламбер), античной миметической поэтики (Гораций, Вергилий, Овидий, Катулл, Сафо и др.), поэтики Возрождения (Данте, Петрарка, Боккаччо, Тассо и др.) и русской новой поэтической традиции.

Доминанты поэтического дискурса – гармоническое единство ритма, музыкальность рифмы, строфы и проч.

Доминанта языковой способности – лексико-фонетический и синтаксический компоненты. Степень языковой свободы – высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения К. Батюшкова включает в себя следующие стихотворения:

МОЙ ГЕНИЙ

О, память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью твоей
Меня в стране пленяешь дальной.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный,
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой – любовью
В утеху дан разлуке он;
Засну ль? приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

июль или август 1815

РАЗЛУКА

Напрасно покидал страну моих отцов,
Друзей души, блестящие искусства,
И в шуме грозных битв, под тению шатров
Старался усыпить встревоженные чувства.
Ах! небо чуждое не лечит сердца ран!
Напрасно я скитался
Из края в край, и грозный океан
За мной роптал и волновался;
Напрасно от брегов пленительных Невы
Отторженный судьбою,
Я снова посещал развалины Москвы,
Москвы, где я дышал свободою прямою!
Напрасно я спешил от северных степей,
Холодным солнцем освещенных,
В страну, где Тирас бьет излучистой струей,
Сверкая между гор, Церерой позлащенных,
И древние поит народов племена.

Напрасно: всюду мысль преследует одна
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мне священно,
Которой взор один лазоревых очей
Все – неба на земле – блаженства отверзает,
И слово, звук один, прелестный звук речей
Меня мертвит и оживляет.

июль или август 1815

***

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском бреге,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом годов.
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает стройных слов,
И как молчать об них не знаю.

июль или август 1819

***

Жуковский, время все проглотит,
Тебя, меня и славы дым,
Но то, что в сердце мы храним,
В реке забвенья не потопит!
Нет смерти сердцу, нет ее!
Доколь оно для блага дышит!..
А чем исполнено твое,
И сам Плетаев не опишет.

начало ноября 1821

Последнее стихотворение:

***

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнию, седой Мельхиседек?
Рабом родится человек
Рабом в могилу ляжет.
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.

1821 (?)

ВЯЗЕМСКИЙ
Петр Андреевич

1. Родился 12 (23 н. ст.) июля 1792 г. в Москве в семье, принадлежащей к древнему княжескому роду, ведущему начало от Рюрика, от потомков Мономаха; умер в возрасте 86 лет 10 (22 н. ст.) ноября 1878 г. в Баден-Бадене (Германия); похоронен в Петербурге.

Поэтическая личность П. Вяземского сформировалась в поле активного действия и соприкосновения трех культур – античной, французской и русской, а также под влиянием сначала поэтики Н. Карамзина, а затем Д. Давыдова, К. Батюшкова, В. Жуковского и А. Пушкина. Поэтическая личность П. Вяземского реализовалась одновременно и в равной степени эффективно и в поэзии, и в философии, и в литературоведении.

Поэтическая способность П. Вяземского развивалась в течение всей его долгой жизни. Поэту удалось создать свой язык, который, однако уступал в целом поэтическому языку А. Пушкина по степени свободы. Степень поэтической свободы П. Вяземского определяется как высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности П. Вяземского выражается в гибких формах и способах поэтического выражения в русле сформировавшегося к 1820-м гг. традиционализма (традиционализма – с точки зрения сегодняшнего дня): поэт, учась новому, стремительно преодолевает риторическую и прагматическую архаику, совмещая в содержательной части своей поэзии эмоциональность и философичность (синтез индивидуального и общего чуть позже блестяще реализует Ф. Тютчев), что делает поэтическое выражение П. Вяземского актуальным на долгие годы.

Доминанты поэтического дискурса – ритм, рифма, строфа в гармоническом и смысловом единстве с языковыми единицами.

Доминанта языковой способности – лексический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы – высокая.

3. Поэтическую парадигму последнего стихотворения среди других составляют следующие стихотворения:

***

Пью по ночам хлорал запоем,
Привыкший к яду Митридат,
Чтоб усладить себя покоем
И сном, хоть взятым напрокат.

Мне в тягость жить; хочу забыться,
Хочу не знать, что я живу,
Хочу от жизни отрешиться
И от всего, что наяву.

Ничтожества сон непробудный!
Затишье по тревожным дне!
Возмездьем будь за подвиг трудный,
За жизнь, столь тягостную мне.

1876

***

Чувств одичалых и суровых
Гнездилище душа моя:
Я ненавижу всех здоровых,
Счастливцев ненавижу я.

В них узнаю свои утраты:
И мне сдается, что они –
Мои лихие супостаты
И разорители мои,

Что под враждебным мне условьем,
С лицом насмешливым и злым,
Они живут моим здоровьем
И счастьем, некогда моим.

1876

***

Что выехал в Ростов.

Дмитриев

«Такой-то умер». Что ж? Он жил да был и умер.
Да, умер! Вот и всё. Всем жребий нам таков.
Из книги бытия один был вырван нумер.
И в книгу внесено, что «выехал в Ростов».
Мы все попутчики в Ростов. Один поране,
Другой так попоздней, но всем ночлег один:
Есть подорожная у каждого в кармане,
И похороны всем – последствие крестин.
А после? Вот вопрос. Как знать, зачем пришли мы?
Зачем уходим мы? На всем лежит покров,
И думают себе земные пилигримы:
А что-то скажет нам загадочный Ростов?

1876 (?)

***

Куда девались вы с своим закатом ясным,
Дни бодрой старости моей!
При вас ни жалобой, ни ропотом напрасным
Я не оплакивал утраты юных дней.

Нет, бремя поздних лет на мне не тяготело,
Еще я полной жизнью жил;
Ни ум не увядал, ни сердце не старело,
Еще любил я все, что прежде я любил.

Не чужды были мне налеты вдохновенья,
Труд мысли, светлые мечты,
И впечатлительность, и жертвоприношенья
Души, познавшей власть и прелесть красоты.

Как ветр порывистый ломает дуб маститый,
Так и меня сломил недуг.
Все радости земли внезапной тьмой покрыты
Во мне, и всё кругом опустошилось вдруг.

С днем каждым жизни путь темней и безнадежней,
Порвались струны бытия:
Страдающая тень, обломок жизни прежней,
Себя, живой мертвец, переживаю я.

Из жизни уцелеть могли одни мученья,
Их острый яд к груди прирос.
И спрашиваю я: где ж благость провиденья?
И нет ответа мне на скорбный мой вопрос.

между 1874 и 1877

Фактическое последнее стихотворение:

***

Жизнь наша в старости – изношенный халат:
И совестно носить его, и жаль оставить;
Мы с ним давно сжились, давно, как с братом брат;
Нельзя нас починить и заново исправить.

Как мы состарились, состарился и он;
В лохмотьях наша жизнь, и он в лохмотьях тоже,
Чернилами он весь расписан, окроплен,
Но эти пятна нам узоров всех дороже;

В них отпрыски пера, которому во дни
Мы светлой радости иль облачной печали
Свои все помыслы, все таинства свои,
Всю исповедь, всю быль свою передавали.

На жизни также есть минувшего следы:
Записаны на ней и жалобы, и пени,
И на нее легла тень скорби и беды,
Но прелесть грустная таится в этой тени.

В ней есть предания, в ней отзыв, нам родной,
Сердечной памятью еще живет в утрате,
И утро свежее, и полдня блеск и зной
Припоминаем мы и при дневном закате.

Еще люблю подчас жизнь старую свою
С ее ущербами и грустным поворотом,
И, как боец свой плащ, простреленный в бою,
Я холю свой халат с любовью и почетом.

между 1874 и 1877

ГРИБОЕДОВ
Александр Сергеевич

1. Родился 4 (15 н. ст.) января 1795 г. (по другим данным 1790, 1794; в послужных списках А.С. Грибоедова за 1818, 1819, 1820, 1826, 1828 и 1829 гг. годом рождения указывается 1790); был убит мусульманами-фанатиками в Тегеране 30 января (11 февраля н. ст.) в 1829 г.; похоронен в Тифлисе.

Поэтическая личность А. Грибоедова формировалась в следующих сферах отечественной культуры: академической (Московский университет, где поэт учился), философской (его друзьями были П. Чаадаев, Н. Муравьев, Н. Тургенев и др.), литературной (сослуживцами А. Грибоедова по Коллегии иностранных дел были А. Пушкин и В. Кюхельбекер). Поэтическая способность А. Грибоедова развивалась в двух направлениях – комедиографическом («Горе от ума» и др.) и литературном. А. Грибоедов обладал замечательной языковой способностью: ему удалось обогатить русскую фразеологическую систему, поэт создал образец своего поэтического ритма, в основу которого положена разговорная речь (интонация, лексика, синтаксис). Поэту удалось создать свой индивидуальный и универсальный (для разных типов поэтического текста) язык. Поэтому степень поэтической свободы А. Грибоедова определяется как высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности А. Грибоедова сформировалась на основе нескольких способов поэтической номинации: народно-иронической (происхождение – ирои-комическая поэма), философско-динамической (поэтическая комедиография) и эмоционально-номинативной (лирика).

Доминанты поэтического дискурса – ритм, строфа, рифма в интонационно-смысловом / лингвистическом единстве.

Доминанты языковой способности – лексико-стилистический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы – высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения А. Грибоедова включает такие тексты:

***

По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово «раб».
Меня позвали в Главный штаб
И потянули к Иисусу.

1826

А. О[ДОЕВСКОМУ]

Я дружбу пел... когда струна́м касался,
Твой гений над главой моей парил,
В стихах моих, в душе тебя любил
И призывал, и о тебе терзался!..
О мой Творец! Едва расцветший век
Ужели ты безжалостно пресек?
Допустишь ли, чтобы его могила
Живого от любви моей сокрыла!..

между 1826 и 1828

Фактическое и номинальное последнее стихотворение:

ОСВОБОЖДЕННЫЙ

Луг шелко́вый, мирный лес!
Сквозь колеблемые своды
Ясная лазурь небес!
Тихо плещущие воды!
Мне ль возвращены назад
Все очарованья ваши?
Снова ль черпаю из чаши
Нескудеющих отрад?
Будто сладостно-душистый
В воздух пролилась струя;
Снова упиваюсь я
Вольностью и негой чистой.
Но где друг?.. но я один!..
Но давно ль, как привиденье,
Предстоял очам моим

Вестник зла? Я мчался с ним
В дальний край на заточенье.
Окрест дикие места,
Снег пушился под ногами;
Горем скованы уста,
Руки тяжкими цепями.

Там, где вьется Алазань,
Веет нега и прохлада,
Где в садах сбирают дань
Пу́рпурного винограда,
Све́тло светит луч дневной,
Рано ищут, любят друга...
Ты знаком ли с той страной,
Где земля не знает плуга,
Вечно юная, блестит
Пышно яркими цветами
И садителя дарит
Золотистыми плодами?..
Странник, знаешь ли любовь,
Не подругу снам покойным,
Страшную под небом знойным?
Как пылает ею кровь?
Ей живут и ею дышат,
Страждут и падут в боях
С ней в душе и на устах.
Так самумы с юга пышат,
Раскаляют степь...
Что судьба, разлука, смерть!..

1828

РАЕВСКИЙ
Владимир Федосеевич

1. Родился 28 марта (8 апреля н. ст.) 1795 г. в селе Хворостянка Курской губернии; участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов. Декабрист. В 1822 г. был арестован и пять лет провел в одиночном заключении, а затем удален в Сибирь на поселение; умер 8 (20 н. ст.) июля 1872 г. в деревне Малышевка Иркутской губернии.

Поэтическая личность В. Раевского формировалась под влиянием новой поэтики XIX в. не без влияния сентиментализма Н. Карамзина и романтизма В. Жуковского. Поэт как профессиональный военный и член «Союза благоденствия» (руководитель кишиневской группы декабристов) более всего был озабочен пропагандистской прагматикой содержательного плана своих стихотворений, формирующегося на основе особого поэтического выражения – одновременно дидактического и эмоционально-номинативного.

Поэтическая способность В. Раевского определяется промежуточной стадией возраста его поэтической личности: подражательность не была преодолена стихотворцем, хотя В. Раевский в поэтической парадигме последнего стихотворения приближался к созданию своего языка. Таким образом, степень поэтической свободы В.Раевского определяется как средняя.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности В. Раевского выражается в противоречивом соединении прагматики, дидактики и революционного романтизма; в целом поэтическая личность В. Раевского является недооформленной, поскольку его поэтическая деятельность характеризуется дискретностью (прерывистостью).

Доминанты поэтического дискурса – метр, ритм и строфа.

Доминанта языковой способности – лексическая.

Степень языковой свободы – средняя.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения В. Раевского включает в себя стихотворное обращение поэта к до-

чери Александре Владимировне Раевской, вообще к молодому поколению:

***

Мой милый друг, твой час пробил,
Твоя заря взошла для света;
Вдали – безвестной жизни мета
И трудный путь для слабых сил.
Теперь в твои святые годы
Явленья чудные природы:
Блеск солнца в радужных лучах,
Светило ночи со звездами
В неизмеримых небесах,
Раскаты грома за горами,
Реки взволнованный поток,
Луга, покрытые цветами,
Огнем пылающий восток...
Зовут твой взор, твое вниманье,
Тревожат чувства и мечты;
Ты дышишь миром красоты,
И мир – твое очарованье!..

Твой век младенческий, как день,
Прошел, погас невозвратимо;
В незрелой памяти, как тень,
Исчезнет жизни след счастливый.

Тебя вскормила в пеленах
Не грудь наемницы холодной –
На нежных матери руках,
Под властью кроткой и природной,
Ты улыбаяся взросла.
Ты доли рабской не видала,
И сил души не подавляла
В тебе печальная нужда.
Отец, забывши суд людей,
Ночные думы, крест тяжелый,
Играл, как юноша веселый,
С тобой в кругу своих детей.
И луч безоблачной денницы
Сиял так светло для тебя!

Ты знала только близ себя
Одни приветливые лица,
Не как изгнанника дитя,
Но как дитя отца-счастливца!

И ты узнаешь новый свет,
И ты, мой друг, людей увидишь;
Ты встретишь ласки и привет
И голос странный их услышишь.
Там вечный шумный маскарад,
В нем театральные наряды,
Во всем размер, во всем обряды,
На всё судейский строгий взгляд –
Ты не сочтешь смешной игрою,
Торговлей лжи, набором слов,
Поддельной, грубой мишурою
И бредом страждущих голов...
Нет, для тебя блестит, алеет
И дышит мир еще весной,
Твой лик невинный не бледнеет
И не сверкает взор враждой.

А я в твои младые годы
Людей и света не видал...
Я много лет не знал свободы,
Одних товарищей я знал
В моем учебном заключеньи,
Где время шло как день один,
Без жизни, красок и картин,
В желаньях, скуке и ученьи.
Там в книгах я людей и свет
Узнал. Но с волею мятежной,
Как видит бой вдали атлет,
В себе самом самонадежный
Пустил чрез океан безбрежный
Челнок мой к цели роковой.
О друг мой, с бурей и грозой
И с разъяренными волнами
Отец боролся долго твой...
Он видел берег в отдаленьи,
Там свет зари ему блистал,

Он взором пристани искал
И смело верил в провиденье,
Но гром ударил в тишине...
Как будто бы в ужасном сне
На бреге диком и бесплодном,
Почти безлюдном и холодном,
Борьбой измученный пловец
Себя увидел, как пришлец
Другого мира.
В свете новом,
Своекорыстном и суровом,
С полудня жизни обречен
Нести в молчаньи рабском он
Свой крест без слез, без укоризны,
И не видать своих друзей,
Своих родных, своей отчизны,
И все надежды юной жизни
Изгнать из памяти своей...
О, помню я моих судей,
Их смех торжественный, их лицы
Мрачнее стен моей темницы
И их предательский вопрос:
«Ты людям славы зов мятежный,
И жизнь цветущую принес,
Что ж люди?»
С набожной мечтою
И с чистой верой – не искал
Я власти, силы над толпою;
Не удивленья, не похвал
От черни я бессильной ждал;
Я не был увлечен мечтою,
Что скажут люди – я не знал!

О добродетель! где ж непрочный
Твой гордый храм, твои жрецы,
Твои поклонники-слепцы
С обетом жизни непорочной?
Где мой кумир, и где моя
Обетованная земля?
Где труд тяжелый и бесплодный?

Он для людей давно пропал,
Его никто не записал,
И человек к груди холодной
Тебя, как друга, не прижал!..
Когда гром грянул над тобою –
Где были братья и друзья?
Раздался ль внятно за тебя
Их голос смелый под грозою?
Нет, их раскрашенные лица
И в счастьи гордое чело
При слове *казни и темницы*
Могильной тенью повело...

Скажи, чем люди заплатили
Утрату сил, души урон
И твой в болезнях тяжкий стон
Какою лаской облегчили?
Какою жертвой окупили
Они твой труд и подвиг твой?
Не ты ль, как мученик святой,
Молил изгнанья, как свободы?
В замену многих тяжких лет
Молил увидеть солнца свет,
И не темниц, а неба своды?

И что ж от пламенных страстей,
Надежд, возвышенных желаний,
Мольбы и набожных мечтаний
В душе измученной твоей
Осталось?

Вера в провиденье,
Познанье верное людей,
Жизнь без желаний, без страстей,
В болезнях сила и терпенье,
Всё та же воля, как закон,
Давно прошедшего забвенье
И над могилой сладкий сон!

Вот, друг мой, книга пред тобою
Протекшего. Ты видишь в ней
Мою борьбу людьми, с судьбою

И жизнь труда, терпенья и страстей.
Не видел я награды за терпенье
И цели я желанной не достиг,
Не встретил я за труд мой одобренья,
Никто не знал, не видел слез моих.
С улыбкой я несу на сердце камень,
Никто, мой друг, его не приподнял,
Но странника везде одушевлял
Высоких дум, страстей заветный пламень.

Печальный сон, но ясно вижу я,
Когда, людей еще облитый кровью,
Я сладко спал под буркой у огня, –
Тогда я не горел к высокому любовью,
Высоких тайн постигнуть не алкал,
Не жал руки гонимому украдкой
И шепотом надежды сладкой
Жильцу темницы не вливал...
Но для слепца свет свыше просиял...
И всё, что мне казалося загадкой,
Упрек людей болезненный сказал...
И бог простил мне прежние ошибки,
Не для себя я в этом мире жил,
И людям жизнь я щедро раздарил...
Не злата их – я ждал одной улыбки.
И что ж они? Как парий, встретил я
Везде одни бледнеющие лица,
И брат и друг не смел узнать меня;
Но мне блистал прекрасный луч денницы,
Как для других людей;
Я вопрошал у совести моей
Мою вину... она молчала,
И светлая заря в душе моей сияла!..

Бог видел всё... Он труд мой освятил...
Он мне детей, как дар святой, заветный,
Как мысль, как цель, как мира ветвь вручил!
Итак, мой друг, я волей безотчетной
И мысль и цель тебе передаю.
Тот знает их, кто знает жизнь мою.
Я эту жизнь провел не в ликованьи.

Ты видела – на розах ли я спал;
Шесть лет темничною заразою дышал
И двадцать лет в болезнях и в изгнаньи,
В трудах для вас, без меры, выше сил...
Не падаю, иду вперед с надеждой,
Что жизнию тревожной и мятежной
Я вашу жизнь и счастье оплатил...
Иди ж вперед, иди к призванью смело,
Люби людей, дай руку им в пути,
Они слепцы, но, друг мой, наше дело
Жалеть о них и ношу их нести.
Нет, не карай судом и приговором
Ошибки их. Ты знаешь, кто виной,
Кто их сковал железною рукой
И заклеймил и рабством и позором.

Не верь ласкательным словам,
Ни дружества коварным увереньям,
Ни зависти бесчестным похвалам,
Ни гордости униженной – смиренью.
Не доверяй усердию рабов:
Предательство – потребность рабской доли...

Не преклоняй главы для сильной воли,
Не расточай в толпе бесплодных слов...
Иди вперед... прощай другим пороки,
Пусть жизнь твоя примером будет им,
И делом ты и подвигом святым
Заставишь чтить и понимать уроки.
Ты мир пройдешь поросшею стезей,
Но не бледней пред тайной клеветою,
Не обличай пред наглою толпою
Борьбу души невольною слезой.
Будь выше ты бессмысленного мненья...
И люди, верь, прочтут с благоговеньем
В глазах твоих спасительный упрек...

Я знаю сам, трудна твоя дорога,
Но радостно по ней идти вперед,
Тебя не звук хвалы кимвальной ждет,
Но милость праведного бога!..

Когда я в мир заветный отойду,
Когда меня не будет больше с вами,
Не брошу вас, я к вам еще прийду
И внятными знакомыми словами
К отчету вас я строго призову.
От вас мои иль вечные страданья,
Иль вечное блаженство – всё от вас.
Исполните надежды и призванье –
И труд земной пройдет как день, как час
Для нераздельного небесного свиданья.

1846 или 1848

Фактическое последнее стихотворение:

ПРЕДСМЕРТНАЯ ДУМА

Меня жалеть?.. О люди, ваше ль дело?
Не вами мне назначено страдать!
Моя болезнь, разрушенное тело –
Есть жизни след, душевных сил печать!

Когда я был младенцем в колыбели,
Кто жизни план моей чертил,
Тот волю, мысль, призыв к высокой цели
У юноши надменного развил.

В моих руках протекшего страницы –
Он тайну в них грядущего мне вскрыл:
И, гость земли, я, с ней простясь, входил,
Как в дом родной, в *мои темницы!*

И жизнь страстей прошла как метеор,
Мой кончен путь, конец борьбы с судьбою;
Я выдержал с людьми опасный спор
И падаю пред силой неземною!

К чему же мне бесплодный толк людей?
Пред ним отчет мой кончен без ошибки;
Я жду не слез, не скорби от друзей,
Но одобрительной улыбки!

ноябрь 1842, село Олонки

РЫЛЕЕВ
Кондратий Федорович

1. Родился 18 (29 н. ст.) сентября 1795 г. в селе Батово Софийского уезда Петербургской губернии; участник заграничных походов Русской армии, декабрист, член, а затем один из руководителей Северного общества; казнен 13 (25 н. ст.) июля 1826 г.

Поэтическая личность К. Рылеева формировалась на основе фольклорных традиций, а также на основе поэтики переходного типа (от XVIII в. к XIX в.), и характеризовалась одновременно крайним прагматизмом содержания (думы и агитационные песни, сочиненные совместно с А.А. Бестужевым), риторичностью и эмоциональной выразительностью, а также наивным лиризмом.

Поэтическая личность К. Рылеева осталась в недооформленном виде, ее развитие было остановлено на стадии хаотического выражения и поэтического подражания. Поэтическая способность К. Рылеева не может быть охарактеризована объективно в силу ее неполной реализованности. Степень поэтической свободы – средне-низкая / средняя.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности К. Рылеева выражается в синтезе двух противоречивых методов поэтического выражения – критического (прагматического, дидактического, риторического) и эмоционально-экспрессивного (наивно-лирического, наивно-«пафосного»). В 1818–1820 гг. поэт сближается с поэтами-декабристами В. Кюхельбекером и Ф. Глинкой, оказавшими огромное влияние на формирование индивидуального активного («до-эстетического») отношения К. Рылеева к миру.

Доминанты поэтического дискурса – метр и строфа.

Доминанта языковой способности – лексическая.

Степень языковой свободы – средне-низкая / средняя.

3. В поэтическую парадигму последнего стихотворения К. Рылеева включается следующее послание:

БЕСТУЖЕВУ

Хоть Пушкин суд мне строгий произнес
И слабый дар, как недруг тайный, взвесил,
Но от того, Бестужев, еще нос
Я недругам в угоду не повесил.

Моя душа до гроба сохранит
Высоких дум кипящую отвагу;
Мой друг! Недаром в юноше горит
Любовь к общественному благу!

В чью грудь *порой теснится целый свет*,
Кого с земли восторг души уносит,
Назло врагам тот завсегда поэт,
Тот славы требует, не просит.

Так и ко мне, храня со мной союз,
С улыбкою и с ласковым приветом
Слетит порой толпа вертлявых муз,
И я вдруг делаюсь поэтом.

1825

Последнее стихотворение:

<КНЯЗЮ Е. П. ОБОЛЕНСКОМУ>

1

Прими, прими, святый Евгений,
Дань благодарную певца,
И слово пламенных хвалений,
И слезы, катящи с лица.
Отныне день твой до могилы
Пребудет свят душе моей:
В сей день твой соимянник милый
Освобожден был от цепей.

21 января 1826

2

Мне тошно здесь, как на чужбине.
Когда я сброшу жизнь мою?

Кто даст крыле мне голубине,
Да полечу и почию.
Весь мир как смрадная могила!
Душа из тела рвется вон.
Творец! Ты мне прибежище и сила,
Вонми мой вопль, услышь мой стон:
Приникни на мое моленье,
Вонми смирению души,
Пошли друзьям моим спасенье,
А мне даруй грехов прощенье
И дух от тела разреши.

между январем и маем 1826

3

О милый друг, как внятен голос твой,
Как утешителен и сердцу сладок:
Он возвратил душе моей покой
И мысли смутные привел в порядок.
Ты прав: Христос спаситель нам один,
И мир, и истина, и благо наше;
Блажен, в ком дух над плотью властелин,
Кто твердо шествует к Христовой чаше.
Прямой мудрец: он жребий свой вознес,
Он предпочел небесное земному,
И, как Петра, ведет его Христос
По треволнению мирскому.
Душою чист и сердцем прав,
Перед кончиною подвижник постоянный,
Как Моисей с горы Навав,
Узрит он край обетованный.

Для цели мы высокой созданы:
Спасителю, сей истине верховной,
Мы подчинять от всей души должны
И мир вещественный и мир духовный.
Для смертного ужасен подвиг сей,
Но он к бессмертию стезя прямая;
И благовествуя, мой друг, речет о ней
Сама нам истина святая:

«[И плоть и кровь преграды вам поставит,
Вас будут гнать и предавать,
Осмеивать и дерзостно бесславить,
Торжественно вас будут убивать,
Но тщетный страх не должен вас тревожить].
И страшны ль те, кто властен жизнь отнять
И этим зла вам причинить не может.
Счастлив, кого Отец мой изберет,
Кто истины здесь будет проповедник;
Тому венец, того блаженство ждет,
Тот царствия небесного наследник».

Как радостно, о друг любезный мой,
Внимаю я столь сладкому глаголу
И, как орел, на небо рвусь душой,
Но плотью увлекаюсь долу.

май или июнь 1826; написано в Алексеевском равелине Петропавловской крепости за год с небольшим до казни

МЯТЛЕВ
Иван Петрович

1. Родился 29 января (6 февраля н. ст.) 1796 г. в Петербурге в старинной и богатой дворянской семье; умер 13 (25 н. ст.) февраля 1844 г. в Петербурге.

Поэтическая личность И. Мятлева формировалась в период становления новой поэтики (дискурса, эстетики и поэтического языка) XIX в. в контексте поэтических личностей, составляющих культурное единство, таких поэтов, как В. Жуковский, П. Вяземский, И. Крылов, позднее Е. Баратынский, М. Лермонтов и др.

Поэтическая способность И. Мятлева выражалась одновременно и в возможности литературной стихотворной игры, и в обязательности глубоких эмоциональных номинаций. Возраст поэтической личности И. Мятлева достиг такой стадии, когда начинает формироваться свой язык в процессе развития игровой поэтики и преодоления чужого поэтического влияния. Степень поэтической свободы И. Мятлева определяется как средне-высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности И. Мятлева формируется на основе синтеза иронического и «серьезного» эмоционального типов поэтического отображения мира. Острословие, стихотворная игра, игровая небанальная рифма – вот основные приметы индивидуального стиля поэта.

Доминанты поэтического дискурса – ритм, рифма и строфа (основная текстообразующая единица – рифма).

Доминанта языковой способности – лексический компонент с элементами синтаксического.

Степень языковой свободы – средне-высокая.

3. В поэтическую парадигму последнего стихотворения И. Мятлева входят следующие стихотворения:

РОЗЫ

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодною рукой!

Как я берег, как я лелеял младость
Моих цветов заветных, дорогих;
Казалось мне, в них расцветала радость;
Казалось мне, любовь дышала в них.

Но в мире мне явилась дева рая,
Прелестная, как ангел красоты;
Венка из роз искала молодая –
И я сорвал заветные цветы.

И мне в венке цветы еще казались
На радостном челе красивее, свежей;
Как хорошо, как мило соплетались
С душистою волной каштановых кудрей!

И заодно они цвели с девицей!
Среди подруг, средь плясок и пиров,
В венке из роз она была царицей,
Вокруг ее вились и радость и любовь!

В ее очах – веселье, жизни пламень,
Ей счастье долгое сулил, казалось, рок, –
И где ж она?.. В погосте белый камень,
На камне – роз моих завянувший венок.

1834

ЧАСЫ

Стучат, стучат,
Не замолчат
Часы всю ночь,
И мне невмочь
Их слышать шум;
Тяжелых дум
Душа полна,
И стеснена

Тоской она.
Часы, часы,
Где все красы
Минувших лет?
Увял их цвет...
Постыл мне свет.
Часы, часы,
Что те красы, –
Ужель опять
Их не видать?
Часы в ответ
Ни да, ни нет;
И я вздохнул
И с тем уснул.

18 марта 1843

Два последних стихотворения:

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Еще год как не бывало
Над моею головой
Пробежал, – и только стало
Мне грустней: как часовой
Безответный, я до смены
Простою; потом, бедняк,
Как актер, сойду со сцены –
И тогда один червяк
Будет мною заниматься,
А товарищи, друзья
Позабудут, может статься,
Что когда-то жил и я,
Что и мне они внимали,
Когда в песнях изливал
Я сердечные печали
Иль на радость призывал.
Гость в пирушке запоздалый,
Я допил уже до дна
Чашу радости бывалой,
И разбита уж она!

Понемногу отлетели
Обольщенья и любовь,
И лампады догорели
Наших дружеских пиров.
Новые огни засветят,
Новый явится поэт,
Зашумят и не приметят,
Что меня в пирушке нет.
Может быть, и всю беседу
Нашу годы разнесут,
Раскидают, и к обеду
Гости новые придут.
Но и мы соединимся,
К жизни мы воскреснем вновь,
И тогда мы погрузимся
В беспредельную любовь.

опубл. в 1857

ЗВЕЗДА

Звезда, прости! Пора мне спать,
Но жаль расстаться мне с тобою,
С тобою я привык мечтать,
А я теперь живу мечтою.

И даст ли мне тревожный сон
Отраду ложного виденья?
Нет, чаще повторяет он
Дневные сердцу впечатленья.

А ты, волшебная звезда,
Неизменимая, сияешь,
Ты сердцу грустному всегда
О лучших днях напоминаешь.

И к небу там, где светишь ты,
Мои стремятся все желанья,
Мои там сбудутся мечты...
Звезда, прости же! До свиданья!

опубл. в 1857

БЕСТУЖЕВ (БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ) Александр Александрович

1. Родился 23 октября (3 ноября н. ст.) 1797 г. в Петербурге (второй сын радикально настроенного писателя А. Ф. Бестужева); офицер, поэт, переводчик, литературный критик, прозаик («зачинщик русской повести», по словам В. Белинского), декабрист, с января 1825 г. активный член Северного общества, соавтор (с К. Рылеевым) агитационных песен; после восстания декабристов был приговорен к 20, потом к 15 годам каторжных работ; до июля 1829 г. находится на поселении в Якутске, с августа 1829 г. определен рядовым в действующую армию; погиб 7 (19 н. ст.) июня 1837 г. в бою на мысе Адлер.

Поэтическая личность А. Бестужева развивалась под влиянием античной поэзии (Овидий), французской литературы (Буало, Мольер) и русской новой поэзии (А. Дельвиг, Е. Баратынский, К. Рылеев, А. Пушкин и др.).

Поэтическая способность А. Бестужева реализовывалась дискретно и одновременно в прагматической и лирической поэзии, а также в эссеистике и прозе.

А. Бестужев в своем поэтическом развитии приблизился к возрастной стадии полного освоении русского поэтического дискурса XIX в. и преодоления влияния. Однако прерывистость развития поэтической личности А. Бестужева помешала поэту выработать свой оригинальный поэтический язык.

Степень поэтической свободы – средняя.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности А. Бестужева выражается в соединении двух разных способов художественного познания мира: героика, прагматика и риторика активной эстетики (и поэтики) совмещались на романтической основе с лирическим и способами эмоционально-номинативного поэтического выражения, оставшегося в недооформленном виде.

Доминанты поэтического дискурса – ритм и строфа.

Доминанта языковой способности – лексическая.

Степень языковой свободы – средняя.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения А. Бестужева включает в себя следующие тексты:

ИЗ РАССКАЗА «ЛАТНИК»

... всякий раз, склоняя голову на подушку, я обнимал ее, как друга-чародея, который унесет меня к милым.

Отрадно плыть во сне туманной Летой,
Забыв часов бряцающую медь;
В видениях пожить вне жизни этой
И без кончины умереть!

Моралисты сулят покой несчастным за дверью гроба. Зачем ходить так далеко? Сон есть лучший уравнитель в жизни...

1831

Эпиграф к отрывку
«ОН БЫЛ УБИТ»

От праха взят, ты снова станешь прахом!
Но вечно ли? Но весь ли я? Мой взор,
Неведомым одолеваем страхом,
Таинственный читает приговор.
Ужели дух и мысли чада света
Не убегут тлетворного завета?

между 1828 и 1835

Фактическое и номинальное последнее стихотворение:

АДЛЕРСКАЯ ПЕСНЯ

(На голос «Как по камешкам чиста реченька течет...»)

Плывет по морю стена кораблей,
Словно стадо лебедей, лебедей.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Словно стадо лебедей, лебедей.

Волны по морю кипят и шумят,
Меж собою таку речь говорят –
Ай, жги, жги, жги, говори,
Меж собою таку речь говорят:

«Уж зачем это наши корабли,
Как щетиною, штыками поросли?

Ай, жги, жги, жги, говори,
Как щетиною, штыками поросли?

Уж не будет ли турецкая кровь
Нас румянить по-старому вновь?
Ай, жги, жги, жги, говори,
Нас румянить по-старому вновь?»

Тучи по небу летят и шумят,
Меж собой они речь говорят –
Ай, жги, жги, жги, говори –
Меж собой они речь говорят:

«Для чего полны солдат корабли,
У орудий курятся фитили?
Ай, жги, жги, жги, говори,
У орудий курятся фитили?

Уж недаром слетаются орлы,
Как на пир, на черкесские скалы.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Как на пир, на черкесские скалы».

Паруса надуваются, шумят,
Что на палубах солдатушки сидят.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Что на палубах солдатушки сидят.

Им ефрейторы делают наряд,
Усачи молодым говорят –
Ай, жги, жги, жги, говори –
Усачи молодым говорят:

«Ей вы, гой еси кавказцы-молодцы,
Удальцы, государевы стрельцы!
Ай, жги, жги, жги, говори,
Удальцы, государевы стрельцы!

Посмотрите, Адлер-мыс недалеко,
Нам его забрать славно и легко.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Нам его забрать славно и легко.

Каждый гоголем встряхнись, встрепенись,
Осмотри ружье да в шлюпочки садись.

Ай, жги, жги, жги, говори,
Осмотри ружье да в шлюпочки садись.

С кораблей врагам пару поддадут,
Через головы там ядра заревут.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Через головы там ядра заревут.

А чуть на мель, мы вперед, усачи,
Сумы в зубы, в воду по пояс скачи!
Ай, жги, жги, жги, говори,
Сумы в зубы, в воду по пояс скачи!

Вражьих пуль не считай, не зевай,
Мигом стройся, да команды ожидай.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Мигом стройся, да команды ожидай.

И придет вам потешиться пора –
Дрогнет Адлер от солдатского ура.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Дрогнет Адлер от солдатского ура.

Беглым шагом на завал, на завал,
Тому честь и крест, кто прежде добежал.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Тому честь и крест, кто прежде добежал.

В рукопашную пали и коли,
И вали, и усами шевели.
Ай, жги, жги, жги, говори,
И вали, и усами шевели.

Нам похвально, гренадеры, егеря,
Молодцами умирать за царя.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Молодцами умирать за царя.

Нам не диво, гренадеры, егеря,
Пить победную чару за царя.
Ай, жги, жги, жги, говори,
Пить победную чару за царя».

5 июня 1837; на 44 пушечном фрегате «Анна»

ДЕЛЬВИГ
Антон Антонович

1. Родился 6 (17 н. ст.) августа 1798 г. в Москве в семье, принадлежавшей к старинному обедневшему роду обрусевших лифляндских баронов; однокашник А. Пушкина по Царскосельскому лицею; умер 14 (26 н. ст.) января 1831 г. в Петербурге.

Поэтическая личность А. Дельвига начала формироваться под влиянием поэтики Г. Державина, античной поэзии и новой русской поэтики романса. Поэтическая личность А. Дельвига развивалась не столь интенсивно, как этого требовали динамическое пространство и время новой поэзии первой четверти XIX в.

Поэтическая способность А. Дельвига не была реализована полностью, во-первых, в силу его недолгой жизни (ок. 33 лет), а во-вторых, пассивное отношение поэта к возможности объединить две поэтики – старую XVIII в. и новую XIX в. – в одно целое не позволило ему выработать свой индивидуальный поэтический язык. Степень поэтической свободы А. Дельвига определяется как средняя.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности А. Дельвига выражается в синтезе античного способа отстраненности от объекта поэтического выражения и русского пути эмоциональных (наивно-лирических) номинаций того же объекта.

Доминанты поэтического дискурса – метр и ритм в стиховом и интонационном единстве.

Доминанта языковой способности – лексический компонент с элементами синтаксиса.

Степень языковой свободы – средняя.

3. В поэтическую парадигму последнего стихотворения А. Дельвига входят в качестве базовых следующие стихотворения:

ГРУСТЬ

Счастлив, здоров я! Что ж сердце грустит? Грустит не
о прежнем;
Нет! не грядущего страх жмет и волнует его.

Что же? Иль в миг сей родная душа расстается
с землею?
Иль мной оплаканный друг вспомнил на небе меня?

1829

ПОЭТ

Долго на сердце хранит он глубокие чувства и мысли:
Мнится, с нами, людьми, их он не хочет делить!
Изредка, так ли, по воле ль небесной, вдруг запоет он, –
Боги! в песнях его счастье, и жизнь, и любовь,
Всё, как в вине вековом, початом для гостя родного,
Чувства ласкают равно: цвет, благовонье и вкус.

1830

Последнее стихотворение:

***

Смерть, души успокоенье!
Наяву или во сне
С милой жизнью разлученье
Объявить слетишь ко мне?
Днем ли, ночью ли задуешь
Бренный пламенник ты мой
И в обмен его даруешь
Мне твой светоч неземной?

Утром вечного союза
Ты со мной не заключай!
По утрам со мною муза,
С ней пишу я – не мешай!
И к обеду не зову я:
Что пугать друзей моих;
Их люблю, как есть люблю я
Иль как свой счастливый стих.

Вечер тоже отдан мною
Музам, Вакху и друзьям;
Но ночною тишиною
Съединиться можно нам:
На одре один в молчаньи
О любви тоскую я,
И в напрасном ожиданьи
Протекает ночь моя.

1830 или 1831

ПУШКИН
Александр Сергеевич

1. Родился 26 мая (6 июня н. ст.) 1799 г. в Москве в семье, принадлежавшей к старинному дворянскому роду; умер от раны, полученной на дуэли, 29 января (10 февраля н. ст.) 1837 г. в Петербурге.

Поэтическая личность А. Пушкина формировалась в широком поэтологическом контексте русской культуры в целом. Физическое появление русских поэтов, создавших новую русскую поэзию, было обусловлено необъяснимыми временными факторами: первая волна рождения реформаторов русской стихотворной просодии пришлась на 10-е гг. XVIII в. (В. Тредиаковский – 1703 г., А. Кантемир – 1708 г., М. Ломоносов – 1711 г.), вторая волна рождения поэтов-предтеч новой поэзии пришлась на 40-е гг. XVIII в. (Г. Державин – 1743 г., И. Богданович – 1743 / 44 г., И. Хемницер – 1745 г., А. Радищев – 1749 г.), третья волна рождения поэтов-творцов современного (на два века вперед) поэтического языка началась в 80-х гг. XVIII в. (Жуковский – 1783 г., Д. Давыдов – 1784 г., Ф. Глинка – 1785 / 86 г., К. Батюшков – 1787 г. и др.) и, продолжившись в 90-х гг. XVIII в., завершилась в начале уже XIX в. (П. Вяземский – 1792 г., А. Грибоедов – 1794 / 95 / 96 г., И. Мятлев – 1796 г., А. Дельвиг – 1798 г., А. Пушкин – 1799 г., Е. Баратынский – 1800 г., А. Одоевский – 1802 г. и др.). Именно в 10-е и 40-е гг. XVIII в., а также в 80–90-е гг. XIX в. этническая энергия России соединилась с поэтической, креативной энергией русского языка, что и способствовало появлению, развитию и функционированию поэтологического ядра поэтосферы русской/российской культуры.

Впервые русская поэтическая личность (поэтическая личность А. Пушкина) освоила, усвоила и преувеличила (в качественном отношении) весь опыт не только поэтической и литературной, но и общей культуры античности и современной тому веку Евразии. Уникальность и универсальность поэти-

ческой способности А. Пушкина заключалась в том, что поэт крайне интенсивно и продуктивно индивидуализировал, а затем и национализировал чужой эстетический, языковой и духовный опыт.

А. Пушкин еще в течение отроческих лет своих преодолел такие стадии развития поэтической личности, как хаос выражения, поэтическая игра, подражание, преодоление влияния, – и к 20-м годам выработал свой индивидуальный поэтический язык, адекватный – и в качественном, и в количественном отношении – общенациональному литературному языку первой половины XIX в.

Степень поэтической свободы А. Пушкина определяется как очень высокая, приближающаяся к абсолютной.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности А. Пушкина сформировалась на основе комплексного (активного, динамического, прагматического, риторического, лирического, эпического, эмоционально-номинативного и проч. методов) поэтического выражения, базирующегося на античном, современном, европейском, русском, азиатском и в целом общечеловеческом оценочном отношении к быту и бытию.

Эстетика Пушкина креативна: на основе гуманистических (религиозных, языческих, христианских и нехристианских) структур пушкинской, а значит русской, системы идеалов поэт создает свою художественную картину мира, которая во многом совпадает с общенациональной языковой картиной мира.

Доминантой поэтического дискурса А. Пушкина является гармоническое нерасторжимое единство всех дискурсных единиц: метра, ритма, музыкальности, графики, рифмы, строфы и т. д.

Доминантой языковой способности А. Пушкина является гармоническое единство всех единиц и компонентов языка: фонетики, грамматики, словообразования, лексики, стилистики и синтаксиса.

Степень языковой свободы А. Пушкина определяется как очень высокая, приближающаяся к абсолютной.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения А. Пушкина включает в себя достаточно большое количество текстов, среди которых следующие:

***

26 мая 1828

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

***

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды –
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую годину
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

1829

ЭЛЕГИЯ

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино, – печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть – на мой закат печальный
Блеснёт любовь улыбкою прощальной.

1830

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ ВО ВРЕМЯ БЕССОНИЦЫ

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

1830

***

Пора, мой друг, пора! покоя сердца просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём
Предполагаем жить... И глядь – как раз – умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальную трудов и чистых нег.

1834

Фактическое последнее стихотворение:

***

*Exegi monumentum.**

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,

* «Я воздвиг памятник» (лат.). Эпиграф взят из произведений Горация, знаменитого римского поэта (65-8 гг. до н. э.).

Вознёсся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.**

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

1836

Номинальное последнее стихотворение:

***

Забыв и рощу и свободу,
Невольный чижик надо мной
Зерно клюет и брызжет воду,
И песнью тешится живой.

1836

** Александрийский столп – колонна, поставленная в честь царя Александра I на Дворцовой площади в Петербурге.

БАРАТЫНСКИЙ (БОРАТЫНСКИЙ)
Евгений Абрамович

1. Родился 19 февраля (2 марта н. ст.) 1800 г. в селе Мара Кирсановского уезда Тамбовской губернии, умер 29 июня (11 июля н. ст.) 1844 г. в Неаполе, похоронен в Петербурге.

Поэтическая личность Е. Баратынского сформировалась и развивалась в широком поэтологическом контексте русской и европейской культуры. Поэтическая личность Е. Баратынского по своей структуре и степени реализованности поэтической способности очень близка пушкинской: поэту удалось создать свой поэтический язык, что обусловило высокую степень адекватности такого языка языку общенациональному, литературному. Следует отметить, что личности русских поэтов, родившихся после 1799 г., в своем развитии и становлении под влиянием языковой и духовной культуры были ориентированы (волей-неволей) на систему, структуру и объем поэтической личности А. Пушкина как на явления образцового и в достаточно высокой степени оптимального характера. Степень адекватности личностей поэта Е. Баратынского и поэта А. Пушкина (поэта, но не прозаика, литературоведа, журналиста, историка и вообще ученого) очень высокая.

Степень поэтической свободы Е. Баратынского определяется как очень высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности Е. Баратынского основана на гуманистической комплексной системе способов поэтического выражения, когда креативность новой евразийской (российской) эстетики совпадает с креативным, поэтическим состоянием русского языка.

Доминанта поэтического дискурса – гармоническое единство всех дискурсных единиц.

Доминанта языковой способности – гармоническое единство единиц фонетического, словообразовательного, грамматического, лексического, стилистического и синтаксического компонентов.

Степень языковой свободы – высокая / очень высокая.

3. Ядром поэтической парадигмы последнего стихотворения Е. Баратынского является элегия «Осень»:

ОСЕНЬ

1

И вот сентябрь! замедля свой восход,
Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его в зерцале зыбком вод
Неверным золотом трепещет.
Седая мгла виется вкруг холмов;
Росой затоплены равнины;
Желтеет сень кудрявая дубов,
И красен круглый лист осины;
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса!

2

И вот сентябрь! и вечер года к нам
Подходит. На поля и горы
Уже мороз бросает по утрам
Свои сребристые узоры.
Пробудится ненастливый Эол;
Пред ним помчится прах летучий,
Качаяся, завоет роща, дол
Покроет лист ее падучий,
И набегут на небо облака,
И, потемнев, запенится река.

3

Прощай, прощай, сияние небес!
Прощай, прощай, краса природы!
Волшебного шептанья полный лес,
Златочешуйчатые воды!
Веселый сон минутных летних нег!
Вот эхо в рощах обнаженных
Секирою тревожит дровосек,
И скоро, снегом убеленных,
Своих дубров и холмов зимний вид
Застылый ток туманно отразит.

4

А между тем досужий селянин
Плод годовых трудов сбирает;
Сметав в стога скошенный злак долин,
С серпом он в поле поспешает.
Гуляет серп. На сжатых бороздах
Снопы стоят в копнах блестящих
Иль тянутся вдоль жнивы, на возах,
Под тяжкой ношею скрыпящих,
И хлебных скирд золотоверхий град
Подъемлется кругом крестьянских хат.

5

Дни сельского, святого торжества!
Овины весело дымятся,
И цеп стучит, и с шумом жернова
Ожившей мельницы крутятся.
Иди, Зима! на строги дни себе
Припас оратай много блага:
Отрадное тепло в его избе,
Хлеб-соль и пенистая брага;
С семьей своей вкусит он без забот
Своих трудов благословенный плод!

6

А ты, когда вступаешь в осень дней,
Оратай жизненного поля,
И пред тобой во благостыне всей
Является земная доля;
Когда тебе житейские бразды,
Труд бытия вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды
И спеет жатва дорогая,
И в зернах дум ее сбираешь ты,
Судеб людских достигнув полноты, –

7

Ты так же ли, как земледел, богат?
И ты, как он, с надеждой сеял;
И ты, как он, о дальнем дне наград

Сны позлащенные лелеял...
Любуйся же, гордись восставшим им!
Считай свои приобретенья!..
Увы! к мечтам, страстям, трудам мирским
Тобой скопленные презренья,
Язвительный, неотразимый стыд
Души твоей обманов и обид!

8

Твой день взошел, и для тебя ясна
Вся дерзость юных легковерий;
Испытана тобою глубина
Людских безумств и лицемерий.
Ты, некогда всех увлечений друг,
Сочувствий пламенный искатель,
Блистательных туманов царь – и вдруг
Бесплодных дебрей созерцатель,
Один с тоской, которой смертный стон
Едва твоей гордыней задушен.

9

Но если бы негодованья крик,
Но если б вопль тоски великой
Из глубины сердечныя возник,
Вполне торжественный и дикой, –
Костями бы среди своих забав
Содроглась ветреная младость,
Играющий младенец, зарыдав,
Игрушку б выронил, и радость
Покинула б чело его навек,
И заживо б в нем умер человек!

10

Зови ж теперь на праздник честный мир!
Спеши, хозяин тороватый!
Проси, сажай гостей своих за пир
Затейливый, замысловатый!
Что лакомству пророчит он утех!
Каким разнообразьем брашен
Блистает он!.. Но вкус один во всех

И, как могила, людям страшен;
Садись один и тризну соверши
По радостям земным твоей души!

11

Какое же потом в груди твоей
Ни водворится озаренье,
Чем дум и чувств ни разрешится в ней
Последнее вихревращенье –
Пусть в торжестве насмешливом своем
Ум бесполезный сердца трепет
Угомонит и тщетных жалоб в нем
Удушит запоздалый лепет,
И примешь ты, как лучший жизни клад,
Дар опыта, мертвящий душу хлад.

12

Иль, отряхнув видения земли
Порывом скорби животворной,
Ее предел завидя невдали,
Цветущий брег за мглою черной,
Возмездий край, благовестящим снам
Доверясь чувством обновленным,
И бытия мятежным голосам,
В великом гимне примиренным,
Внимающий, как арфам, коих строй
Превыспренний не понят был тобой, –

13

Пред Промыслом оправданным ты ниц
Падешь с признательным смиреньем,
С надеждою, не видящей границ,
И утоленным разуменьем, –
Знай, внутренней своей вовеки ты
Не передашь земному звуку
И легких чад житейской суеты
Не посвятишь в свою науку;
Знай, горняя иль дольная, она
Нам на земле не для земли дана.

14

Вот буйственно несется ураган,
И лес подъемлет говор шумный,
И пенится, и ходит океан,
И в берег бьет волной безумной;
Так иногда толпы ленивый ум
Из усыпления выводит
Глас, пошлый глас, вещатель общих дум,
И звучный отзыв в ней находит,
Но не найдет отзыва тот глагол,
Что страстное земное перешел.

15

Пускай, приняв неправильный полет
И вспять стези не обретая,
Звезда небес в бездонность утечет;
Пусть заменит ее другая;
Не явствует земле ущерб одной,
Не поражает ухо мира
Падения ее далекий вой,
Равно как в высотах эфира
Ее сестры новорожденный свет
И небесам восторженный привет!

16

Зима идет, и тощая земля
В широких лысинах бессилья,
И радостно блиставшие поля
Златыми класами обилья,
Со смертью жизнь, богатство с нищетой –
Все образы годины бывшей
Сровняются под снежной пеленой,
Однообразно их покрывшей, –
Перед тобой таков отныне свет,
Но в нем тебе грядущей жатвы нет!

1837

Последнее стихотворение:

***

Небо Италии, небо Торквата,
Прах поэтический древнего Рима,
Родина неги, славой богата,
Будешь ли некогда мною ты зрима?
Рвется душа, нетерпеньем объята,
К гордым остаткам падшего Рима!
Снятся мне долы, леса благовонны,
Снятся упадших чертогов колонны!

осень 1843

ОДОЕВСКИЙ
Александр Иванович

1. Родился 26 ноября (8 декабря н. ст.) 1802 г. в Петербурге; член Северного общества декабристов, был осужден за активное участие в восстании, провел несколько месяцев в Петропавловской крепости, приговорен к каторжным работам (Петровский завод), в 1833 г. был переведен на поселение в Иркутскую, а потом в Тобольскую губернию; в августе 1837 г. определен рядовым в кавказский корпус; умер 10 (22 н. ст.) октября (по другим данным 15 (27 н. ст.) августа 1839 г.) от «кавказской» злокачественной лихорадки (малярии) в укреплении Псезуапе (ныне Лазаревское).

Процессы формирования и развития поэтической личности А. Одоевского имели дискретный характер, что объясняется прямым вторжением социальной и политической сфер действительности в сферу поэтологического контекста русской культуры в 20–30-х гг. XIX в. и что напрямую связывается с движением декабристов. Поэтическая способность А. Одоевского развивалась толчками в двух абсолютно разных направлениях: революционная прагматика в конце концов была подавлена мощным поэтическим выражением, основанным на эмоционально-номинативном способе отображения мира внешнего и мира внутреннего.

В этом заключался трагизм не совсем естественного развития и мужания поэтической личности декабриста, революционера и протестанта вообще (по преданию, стихи А. Одоевского высоко ценил М. Лермонтов).

Однако А. Одоевский сумел создать свой поэтический язык, поскольку промежуточные стадии поэтического взросления он был вынужден преодолевать более интенсивно и эффективно, нежели поэты, не наказанные за сочувствие повстанцам и остававшиеся на воле (А. Пушкин, например). Поэтому степень поэтической свободы А. Одоевского определяется как высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности А. Одоевского основывается на гуманистическом (пушкинском) художественном отношении к миру. Эстетический сценарий его поэзии сформировался одновременно на активных и пассивных (импрессионистических) способах создания своей художественной и духовной, по определению, картины мира.

Доминанта поэтического дискурса – комплексная, выражающаяся в гармоническом единстве музыкальности, ритмичности, рифмы, строфичности и проч.

Доминанта языковой способности – единицы фонетического, лексического и синтаксического компонентов.

Степень языковой свободы А. Одоевского определяется как высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения А. Одоевского включает в себя следующие тексты:

***

Ты знаешь их, кого я так любил,
С кем черную годину я делил...
Ты знаешь их! Как я, ты жал им руку
И передал мне дружний разговор,
Душе моей знакомый с давних пор;
И я опять внимал родному звуку,
Казалось, был на родине моей,
Опять в кругу соузников-друзей.
Так путники идут на богомолье
Сквозь огненно-песчаный океан,
И пальмы тень, студеных вод приволье
Манят их в даль... лишь сладостный обман
Чарует их; но их бодреют силы,
И далее проходит караван,
Забыв про зной пылающей могилы.

3 октября 1836, Ишим

***

Пусть нежной думой – жизни цветом –
Благоухает твой альбом!
Пусть будет дума та заветом
И верным памяти звеном!

И если кто – альбома данник –
Окончит грустный путь земной
И, лучшей жизни новый странник,
Навек разлучится с тобой, –

Взгляни с улыбкою унылой
На мысль, души его завет,
Как на пустынный скромный цвет,
Цветущий над могилой.

1836 (?)

Номинальное последнее стихотворение:

***

Я разлучился с колыбели
С отцом и матерью моей,
И люди грустно песнь запели
О бесприютности моей.

Но жалость их – огонь бесплодный,
Жжет укоризненной слезой;
Лишь дева, ангел земнородный,
Простерла крылья надо мной.

Мне, сирому, ты заменила
Отца и мать, вдали от них,
И вполовину облегчила
Печаль родителей моих.

С отцом и матерью родною
Теперь увиделся я вновь,
Чтоб ввек меж ними и тобою
Делить сыновнюю любовь.

22 июня 1838, Пятигорск

Фактическое последнее стихотворение:

***

Куда несетесь вы, крылатые станицы?
В страну ль, где на горах шумит лавровый лес,

Где реют радостно могучие орлицы
И тонут в синеве пылающих небес?
И мы – на Юг! Туда, где яхонт неба рдеет
И где гнездо из роз себе природа вьет,
И нас, и нас далекий путь влечет...
Но солнце там души не отогреет
И свежий мирт чела не обовьет.

Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Но тем ли, после бурь, нам будет смерть красна,
Что нас не Севера угрюмая сосна,
А южный кипарис своей покроет тенью?
И что не мерзлый ров, не снеговой увал
Нас мирно подарят последним новосельем;
Но кровью жаркою обрызганный чакал
Гостей бездомный прах разбросит по ущельям.

октябрь–декабрь (?) 1837

ЯЗЫКОВ
Николай Михайлович

1. Родился 4 (16 н. ст.) марта 1803 г. в Симбирской губернии в богатой помещичьей семье; умер 26 декабря 1846 г. (7 января 1847 г. н. ст.) в Москве.

Поэтическая личность Н. Языкова формировалась в поэтологическом контексте конца XVIII – начала XIX в. (Н. Карамзин, И. Крылов, А. Грибоедов, В. Жуковский, А. Дельвиг, А. Пушкин и др.), а также на основе культурно-философских и исторических влияний Европы (Тик, Байрон, Шиллер) и Древней Руси (демократическая вольница Новгорода и Пскова).

Пик развития поэтической способности Н. Языкова приходится на 20-30-е гг. XVIII в. и вполне соответствует наступлению зрелости таких поэтов, как А. Пушкин и Е. Баратынский.

Н. Языков создает свой язык и свой поэтический дискурс, поэтому степень его поэтической свободы определяется как высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности Н. Языкова основана на гуманистических и национально-исторических ориентирах духовности, способствовавших формированию особого эмоционально-номинативного и национально-философского поэтического выражения.

Доминанта поэтического дискурса – свободная строфа (смысловая адекватность синтаксиса и строфы: совпадение строфы с синтаксическим периодом, зависимость строфы не от метра, ритма и рифмы, а от единиц языка), а также ритм и музыкальность.

Доминанта языковой способности Н. Языкова – это единство фонетического, лексического и синтаксического компонентов.

Степень языковой свободы – высокая.

3. В поэтическую парадигму последнего стихотворения Н. Языкова входят следующие тексты:

ЭЛЕГИЯ

Бог весть, не втуне ли скитался
В чужих страна́х я много лет!
Мой черный день не разгулялся,
Мне утешенья нет как нет.
Печальный, трепетный и томный
Назад, в отеческий мой дом,
Спешу, как птица в куст укромный
Спешит, забитая дождем.

конец 1841, Швальбах

ГОРА

Взойди вон на эту безлесную гору,
Что выше окружных, подоблачных гор;
Душе там отрадно и вольно, а взору
Оттуда великий, чудесный простор.

Увидишь недвижное море громадных
Гранитных, ледя́ных и снежных вершин,
Отважные беги стремнин водопадных,
Расселины гор; логови́ща лавин,

Угрюмые пропасти, полные мглою,
И светлые хо́лмы, поляны, леса,
И грады, и села внизу под тобою;
А выше тебя лишь одни небеса!

ЭЛЕГИЯ

Ивану Петровичу Постникову

В тени громад снеговершинных,
Суровых, каменных громад
Мне тяжело от дум кручинных:
Кипит, шумит здесь водопад,
Кипит, шумит он беспрестанно,
Он усыпительно шумит!
Безмолвен лес и, постоянно
Пуст, и невесело глядит;
А вон охлопья серой тучи,
Цепляясь за́ лес, там и сям

Ползут, пушисты и тягучи,
Вверх к задремавшим небесам.
Ах, горы, горы! Прочь скорее
От них домой! Не их я сын!
На Русь! Там сердцу веселее
В виду смеющихся долин!

10 июня 1843, Вильдбад-Гаштейн

ЭЛЕГИЯ

И тесно и душно мне в области гор –
В глубоких вертепах, в гранитных лощинах;
Я вырос на светлых холмах и равнинах,
Привык побродить, разгуляться мой взор;
Мне своды небес чтоб высоко, высоко
Сияли открыты – туда и сюда,
По краю небес чтоб тянулась гряда
Лесистых пригорков, синеясь далеко,
Далеко; там дышит свободнее грудь!
А горы да горы... они так и давят
Мне душу, суровые: словно заставят
Они мне желанный на родину путь!

16 июня 1843, Вильбад-Гаштейн

Последнее стихотворение:

***

Сияет яркая полночная луна
На небе голубом; и сон и тишина
Лелеят и хранят мое уединенье.
Люблю я этот час, когда воображенье
Влечет меня в тот край, где светлый мир наук,
Привольное житье и чаш веселый стук,
Свободные труды, разгульные забавы,
И пылкие умы, и рыцарские нравы...
Ах, молодость моя, зачем она прошла!
И ты, которая мне ангелом была
Надежд возвышенных, которая любила
Мои стихи; она, прибежище и сила
И первых нежных чувств, и первых смелых дум,
Томивших сердце мне и волновавших ум,

Она – ее уж нет, любви моей прекрасной!
Но помню я тот взор, и сладостный и ясный,
Каким всего меня проникнула она:
Он безмятежен был, как неба глубина,
Светло-спокойная, исполненная бога, –
И грудь мою тогда не жаркая тревога
Земных надежд, земных желаний потрясла;
Нет, гармонической тогда она была,
И были чувства в ней высокие, святые,
Каким доступны мы, когда в часы ночные
Задумчиво глядим на звездные поля:
Тогда бесстрастны мы, и нам чужда земля,
На мысль о небесах промененная нами!
О, как бы я желал бессмертными стихами
Воспеть ее, красу счастливых дней моих!
О, как бы я желал хотя б единый стих
Потомству передать ее животворящий,
Чтоб был он тверд и чист, торжественно звучащий, –
И, словно блеском дня и солнечных лучей,
Играл бы славою и радостью о ней.

1846 (?)

ТЮТЧЕВ
Федор Иванович

1. Родился 23 ноября (5 декабря н. ст.) 1803 г. в дворянской семье среднего достатка в усадьбе Овстуг Брянского уезда Орловской губернии; умер 15 (27 н. ст.) июля 1873 г. в Царском Селе; похоронен в Петербурге (кладбище Новодевичьего монастыря).

Поэтическая личность Ф. Тютчева сформировалась в поэтологическом и философском контексте России и Европы. Его поэтическая способность в равной степени полно и продуктивно освоила и усвоила архаичность русской поэзии XVIII в., глубину и дискурсную универсальность новой русской поэзии и лирический рационализм немецкой поэзии. Ф. Тютчев создал свой поэтический язык, способный выражать все части и оттенки быта и бытия.

Степень поэтической свободы Ф. Тютчева определяется как высокая / очень высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности Ф. Тютчева сформировалась на тройственной основе – единстве немецкой философии (Шеллинг, Гейне, Шиллер, Гете), русской национальной идее (славянофилы) и новом гуманистическом отношении к действительности (новая русская поэзия XIX в.).

Поэтическое выражение Ф. Тютчева всегда направлено на один и тот же предмет – невыразимое / неизъяснимое (поэтому основными эстетическими и онтологическими антиномиями содержательной поэтики Ф. Тютчева являются следующие: Молчание – Речь, Тишина – Звук, Космос – Хаос, Свет – Тьма и проч.).

Доминанты поэтического дискурса Ф. Тютчева имеют комплексный характер – это гармоническое единство всех элементов дискурса, ядро которого составляют музыкальность, ритм и строфа.

Доминанты языковой способности – лексический, стилистический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы Ф. Тютчева определяется как высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения Ф. Тютчева среди прочих включает в себя следующие тексты:

ПАМЯТИ М. К. ПОЛИТКОВСКОЙ

*Elle a ete douce devant la mort.**

Многозначительное слово
Тобою оправдалось вновь:
В крушении всего земного
Была ты – кротость и любовь.

В самом преддверье тьмы могильной
Не оскудел, в последний час,
Твоей души любвеобильной
Неисчерпаемый запас...

И та же любящая сила,
С какой, себе не изменя,
Ты до конца переносила
Весь жизни труд, всю злобу дня, –

Та ж торжествующая сила
Благоволенья и любви,
Не отступив, приосенила
Часы последние твои.

И ты, смиренна и послушна,
Все страхи смерти победив,
Навстречу ей шла благодушно,
Как на отеческий призыв.

О, сколько душ, тебя любивших,
О, сколько родственных сердец –
Сердец, твоею жизнью живших,
Твой ранний поразит конец!

Я поздно встретился с тобою
На жизненном моем пути,
Но с задушевною тоскою
Я говорю тебе: прости.

* Она была кроткой перед лицом смерти (фр.).

В наш век отчаянных сомнений,
В наш век, неверием больной,
Когда все гуще сходят тени
На одичалый мир земной, –

О, если в страшном раздвоенье,
В котором жить нам суждено,
Еще одно есть откровенье,
Есть уцелевшее звено

С великой тайною загробной,
Так это – видим, верим мы –
Исход души, тебе подобной,
Ее исход из нашей тьмы.

начало марта 1872

***

Как бестолковы числа эти,
Какой сумбур в календаре!
Теперь зима уж на дворе,
А мне вот довелось во всем ее расцвете,
В ее прелестнейшей поре,
Приветствовать Весну лишь в позднем ноябре.

23 ноября 1872

<Е.К. ЗЫБИНОЙ>

Тут целый мир, живой, разнообразный,
Волшебных звуков и волшебных снов, –
О, этот мир, так молодо-прекрасный –
Он стоит тысячи миров.

1872

Последнее стихотворение:

<Э. Ф. ТЮТЧЕВОЙ>

Все отнял у меня казнящий бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему еще молиться мог.

февраль 1873

ХОМЯКОВ
Алексей Степанович

1. Родился 1 (13 н. ст.) мая 1804 г. в Москве в старинной дворянской семье; умер 23 сентября (5 октября н. ст.) 1860 г. в селе Ивановское (ныне Липецкой обл.); похоронен в Москве.

Поэтическая личность А. Хомякова формируется в культурном контексте античности (поэт переводит Вергилия, Горация и др.), русской поэтической архаики (поэзия XVIII в.) и русской национальной идеи (поэт-историк пишет труд «Записка о всемирной истории» [ч. 1-2; опубл. в 1871-73 гг.], где развитие мировой культуры и цивилизации рассмотрено с точки зрения славянофильского учения).

Поэтическая способность А. Хомякова развивается в сфере не только русской языковой культуры (поэт был полиглотом, кроме европейских языков он изучил санскрит, греческий, еврейский и др. языки). Поэт вплотную приблизился к созданию своего языка и оригинальных способов поэтического выражения, поэтому степень поэтической свободы А. Хомякова определяется как средне-высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности А. Хомякова основана на оригинальном эстетическом сценарии и поведении поэта: А. Хомяков пытался, по его словам, «восстановить наши частные, умственные силы путем оживления традиции, соединения с стародавнею и все-таки нам современною русскою жизнью». Особое, хомяковское, поэтическое выражение подтвердило «возможность русской художественной школы» (работа А. Хомякова с таким названием была опубликована в 1847 г.).

Доминанты поэтического дискурса А. Хомякова – ритм и строфа.

Доминанта языковой способности – синтез лексического и синтаксического компонентов.

Степень языковой свободы А. Хомякова определяется как средне-высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения А. Хомякова включает следующие стихотворения:

***

Счастлива мысль, которой не светила
Людской молвы приветная весна!
Безвременно рядиться не спешила
В листы и цвет ее младая сила,
Но корнем вглубь врывалася она.

И ранними и поздними дождями
Вспоенная, внезапно к небесам
Она взойдет, как ночь темна ветвями,
Как ночь в звездах, осыпана цветами,
Краса земле и будущим векам.

1858

***

Парус поднят; ветра полный,
Он канаты натянул
И на ропщущие волны
Мачту длинную нагнул.

Парус русский. Через волны
Уж корабль несется сам.
И готов всех братьев челны
Прицепить к крутым бокам.

Поднят флаг: на флаге виден
Правды суд и мир любви.
Мчись, корабль: твой путь завиден...
Господи, благослови!

конец 1858

***

Поле мертвыми костями
Всё белелося кругом;
Ветер бил его крылами,
Солнце жгло его огнем.

Ты, пророк, могучим словом
Поле мертвое воздвиг;
И оделись плотью кости,
И восстал собор велик.

Но не полно возрожденье,
Жизнь проснулась не сполна;
Всех оков земного тленья
Не осилила она;

И в соборе том великом
Ухо чуткое порой
Слышит под румяной плотью
Кости щелканье сухой.

О, чужие тайны зная,
Ты, певец, спроси себя –
Не звенит ли кость сухая
В песнях, в жизни у тебя?..

начало 1859

Последнее стихотворение:

***

Днем наигравшись, натешившись, к ночи забылся ты сном;
Спишь, улыбаясь, малютка: весеннего утра лучом
Жизнь молодая, играя, блестит в сновиденьи твоем.
Спи!

Труженик, в горести, в радости, путь ты свершаешь земной;
Утром отмеренный, к вечеру кончен твой подвиг дневной;
Что-нибудь начато, что-нибудь сделано: куплен твой отдых ночной.
Спи!

С светлым лицом засыпаешь ты, старец, трудом утомлен.
Видно, как в ночь погружается жизни земной небосклон:
Дня замогильного первым сияньем уж твой озаряется сон.
Спи!

август или сентябрь 1859

ПОЛЕЖАЕВ
Александр Иванович

1. Родился 30 августа (11 сентября н. ст.) 1804 г. (по другим данным 1805 г.) в селе Покрышкино Инсарского уезда Пензенской губернии (по другим данным – в селе Рузаевка); внебрачный сын богатого помещика Л. Н. Струйского и крепостной девушки А. И. Федоровой, выданной замуж за саранского мещанина И. И. Полежаева; А. Полежаев рос в «людской» избе; после окончания Московского университета за поэму «Сашка» (грубоватая пародия / переложение «Евгения Онегина») поэта назначили (а буквально, силой направили в армию) унтер-офицером Бутырского пехотного полка под строгий армейский и полицейский надзор; бежал из полка, был разжалован в рядовые без права выслуги; в 1828 г. на А. Полежаева заведено новое дело, он арестован и заключен на год в тюремный каземат, где, вероятно, заболевает чахоткой, воевал на Кавказе; умер 16 (28 н. ст.) января 1838 г. в возрасте 33 с половиной лет в Москве.

Развитие поэтической личности А. Полежаева имело дискретный характер и неоднократно переносило сильнейшие удары судьбы человека – незаконнорожденного, сосланного, разжалованного, больного, но не сломленного.

Поэтическая способность А. Полежаева могла реализоваться только в русле трагического видения мира и себя в нем.

А. Полежаев приблизился к созданию своего поэтического языка, основанного на поэтическом выражении трагической сущности быта и бытия.

Степень поэтической свободы А. Полежаева определяется как средне-высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности А. Полежаева сформировалась на тройственной основе гуманистического художественного отображения действительности (эстетический сценарий В. Жуковского, А. Грибоедова, А. Пушкина), трагического видения мира (этот эстетический сценарий будет неоднократно реализован в русской поэтической эстетике

от К. Фофанова до И. Бродского и Б. Рыжего) и на глубоком эмоционально-номинативном освоении русского быта и бытия.

Доминанты поэтического дискурса – ритм, рифма, свободная строфа.

Доминанта языковой способности А. Полежаева выражается в единстве лексического и синтаксического компонентов.

Степень языковой свободы определяется как средне-высокая.

3. В поэтическую парадигму последнего стихотворения А. Полежаева может войти любое стихотворение конца 20–30-х гг., вот некоторые из них:

ОЖИДАНИЕ

Напрасно маменька при мне
Всегда бывает безотлучно.
Мне на пятнадцатой весне
При ней, ей-богу, что-то скучно!

Нельзя природу обмануть, –
Я это очень замечаю!
И уж давно кого-нибудь
Как будто жду – и не встречаю!

Но он, желаемый, придет,
Рассеет думу роковую –
И роза бледная вопьет
В себя росинку дождевую.

1837

ВЕНОК НА ГРОБ ПУШКИНА

Oh, qui'il est saint et pur le transport du po'ete,
Quand il voit en espoir, bravant la mort muette,
Du voyage des temps sa gloire revenir!
Sur les 'ages futures, de sa hauteur sublime,
Il se penche, 'ecountant son lointain souvenir;
Et son nom, comme un poids jet'e dans un abome,
Eveille mille ŭchos au fond de l'avenir!

V. Hugo*

1

Эпоха! Год неблагодарный!..
Россия, плачь!.. Лишилась ты
Одной прекрасной, лучезарной,
Одной брильянтовой звезды.
На торжестве великом жизни
Угас для мира и отчизны
Царь сладких песен, гений лир!
С лица земли, шумя крылами,
Сошел, увенчанный цветами,
Народной гордости кумир!

И поэтические вежды
Сомкнула грозная стрела,
Тогда как светлые надежды
Вились вокруг его чела!
Когда рука его сулила
Нам тьму надежд, тогда сразила
Его судьба, седой палач!
Однажды утро голубое
Узрело дело роковое...
О, плачь, Россия, долго плачь!
Давно ль тебя из недр пустыни полудикой
Возвел для бытия и славы Петр Великий,
Как деву робкую на трон!

* О, как свят и чист восторг поэта, когда зрит он с надеждой, презирая немую смерть, как слава его остается в течении времени! Он склоняется со своей превыспренней высоты над грядущими веками, внимая своему отдаленному существованию. Имя его, как некая тяжесть, брошенная в бездну, пробуждает тысячекратное эхо в глубине будущего. В. Гюго.

Давно ли озарил лучами просвещенья
С улыбкою отца, любви и одобренья
Твой полунощный небосклон.
Под знаменем наук, под знаменем свободы
Он новые создал, великие народы,
И в ризы новые облек;
И ярко засиял над царскими орлами,
Прикрытыми всегда победными громами,
Младой поэзии венок.

Услыша зов Петра, торжественный и громкий,
Возникли: старина, грядущие потомки,
И Кантемир, и Феофан;
И наконец во дни величия и мира
Взгремела и твоя божественная лира,
Наш холмогорский великан!
И что за лира! Жизнь! Ее златые струны
Воспоминали вдруг и битвы и перуны
Стократ великого царя,
И кроткие твои дела, Елисавета;
И пели все они в услышание света
Под смелой дланью рыбаря!
Открылась для ума неведомая сфера,
В младенческих душах зиждительная вера
Во всё прекрасное зажглась,
И счастия заря роскошно и приветно
До скал и до степей Сибири многоцветной
От вод балтийских разлилась!
Посеяли тогда изящные искусства
В груди богатырей возвышенные чувства;
Окреп полмира властелин.
И обрекли его в воинственной державе
Бессмертию веков, незакати́мой славе
Петров, Державин, Карамзин!

2

Потом, когда неодолимый
Сын революцьи Бонапарт
Вознес рукой непобедимой
Трехцветный Франции штандарт,

Когда под сень его эгиды
Склонились робко пирамиды
И Рима купол золотой;
Когда смущенная Европа
В волнах кровавого потопа
Страдала под его пятой;

Когда, отважный, вне законов,
Как повелительное зло,
Он диадимою Бурбонов
Украсил дерзкое чело;
Когда, летая над землею,
Его орлы, как будто мглою,
Мрачили день и небеса;
Когда муж пагубы и рока
Устами грозного пророка
Вещал вселенной чудеса;

Когда воинственные хоры
И гимны звучные певцов
Ему читали приговоры
И одобрения веков;
И в этом гуле осуждений,
Хулы, вражды, благословений
Гремел, гремел, как дикий стон,
Неукротимый и избра́нный
Под небом Англии туманной
Твой дивный голос, о Байро́н!..

Тогда, тогда в садах Лицея,
Природный русский соловей,
Весенней жизнью пламенея,
Расцвел наш юный корифей.
И гармонические звуки
Его младенческие руки
Умели рано извлекать;
Шутя пером, играя с лирой,
Он Оссиановой порфирой
Хотел, казалось, обладать...

Он рос, как пальма молодая
На иораданских берегах,
Главу высокую скрывая
В ему знакомых облаках;
И, друг волшебных сновидений,
Он понял тайну вдохновений,
Глагол всевышнего постиг,
Восстал, как новая стихия,
Могуч, и славен, и велик, –
И изумленная Россия
Узнала гордый свой язык!

3

И стал он петь, и всё вокруг него внимало;
Из радужных цветов вручил он покрывало
Своей поэзии нагой.
Невинна и смела, божественная дева
Отважному ему позволила без гнева
Ласкать, обвить себя рукой
И странствовала с ним, как верная подруга,
По лаковым парке́ блистательного круга
Временщиков, князей, вельмож,
Входила в кабинет ученых и артистов
И в залы, где шумят собрания софистов,
Меняя истину на ложь!
Смягчала иногда, как гений лучезарный,
Гонения судьбы, то славной, то коварной,
Была в тоске и на пирах,
И вместе пронеслась, как буйная зараза,
Над грозной высотой мятежного Кавказа
И Бессарабии в степях.
И никогда, нигде его не покидала;
Как милое дитя, задумчиво играла
Или волной его кудрей,
Иль бледное чело, объятое мечтами,
Любила украшать небрежными перстами
Венком из лавров и лилей.
И были времена: унылый и печальный,
Прощался иногда он с музой гениальной,
Искал покоя, тишины;

Но и тогда, как дух приникнув к изголовью,
Она его душе с небесною любовью
Дарила праведников сны.
Когда же, утомясь минутным упоеньем,
Всегдашним торжеством – высоким наслажденьем,
Всегда юна, всегда светла –
Красавица земли, она смыкала очи,
То было на цветах, а их во мраке ночи
Для ней рука его рвала.
И в эти времена всеведущая Клио
Являлась своему любимцу горделиво,
С скрижалью тайною веков;
И пел великий муж великие победы,
И громко вызывал, о праотцы и деды,
Он ваши тени из гробов!

4

Где же ты, поэт народный,
Величавый, благородный,
Как широкий океан,
И могучий и свободный,
Как суровый ураган!
Отчего же голос звучный,
Голос, с славой неразлучный,
Своенравный и живой,
Уж не царствует над скучной,
Полумертвою душою,
Не владеет нашей думой,
То отрадной, то угрюмой,
По внушенью твоему?
Не всегда ли безотчетно,
Добровольно и охотно
Покорялись мы ему?
О так! О так! Певец Людмилы и Руслана,
Единственный певец волшебного Фонтана,
Земфиры, невских берегов,
Певец любви, тоски, страданий неизбежных, –
Ты мчал нас, уносил по лону вод мятежных
Твоих пленительных стихов,
Как будто усыплял их ропот грациозный,

Как будто наполнял мечтой религиозной
Давно почивших мертвецов.

И долго, превратясь в безмолвное вниманье,
Прислушивались мы, когда их рокотанье
Умолкнет с отзывом громов.
Мы слушали, томясь приятным ожиданьем,
И вдруг, поражена невольным содроганьем,
Россия мрачная в слезах
Высо́ко над главой поэзии печальной
Возносит не венок... но факел погребальный,
И Пушкин – труп, и Пушкин – прах!..
Он прах!.. Довольно! Прах, и прах непробудимый!
Угас и навсегда, мильонами любимый,
Державы северной Боян!
Он новые приял, нетленные одежды
И к небу воспарил под радугой надежды,
Рассея вечности туман!

5

ГИМН СМЕРТИ

Совершилось! Дивный гений!
Совершилось: славный муж
Незабвенных песнопений
Отлетел в страну видений,
С лона жизни в царство душ!

Пир унылый и последний
Он окончил на земле,
Но бесчувственный и бледный,
Носит он венок победный
На возвышенном челе.

О, взгляните, как свободно
Это гордое чело!
Как оно в толпе народной
Величаво, благородно,
Будто жизнью расцвело.

Если гибельным размахом
Беспощадная коса
Незнакомого со страхом
Уравнять умела с прахом, –
То узрел он небеса!

Там, под сению святого,
Милосердного творца,
Без печального покрова
Встретят жителя земного,
Знаменитого певца.

И благое провиденье
Слово мира изречет,
И небесное прощенье,
Как земли благословенье,
На главу его сойдет.

Тогда, как дух бесплотный, величавый,
Он будет жить бессумрачною славой;
Увидит яркий, светлый день,
И пробежит неугасимым оком
Мильон миров в покое их глубоком
Его торжественная тень!
И окружи́т ее над облаками
Теней, давно прославленных веками,
Необозримый легион:
Петрарка, Тасс, Шенье – добыча казни...
И руку ей с улыбкою приязни
Подаст задумчивый Байро́н.
И между тем, когда в России изумленной
Оплакали тебя и старец и младой
И совершили долг последний и священный,
Предав тебя земле холодной и немой,
И, бледная, в слезах, в печали безотрадной,
Поэзия грустит над урною твоей, –
Неведомый поэт, но юный, славы жадный,
О Пушкин, преклонил колено перед ней!
Душистые венки великие поэты
Готовят для нее, второй Анакреон,

Но верю я – и мой в волнах суровой Леты
С рождением его не будет поглощен:
На пепле золотом угаснувшей кометы
Несмелою рукой он с чувством положе́н!
Утешение
Над лирою твоей разбитою, но славной
Зажглася и горит прекрасная заря!
Она облечена порфирою державной
Великодушного царя.

2 марта 1837

Последнее стихотворение:

К МОЕМУ ГЕНИЮ

Ужель, мой гений быстролетный,
Ужель и ты мне изменил
И думой черной, безотчетной,
Как тучей, сердце омрачил?
Погасла яркая лампада –
Заветный спутник прежних лет,
Моя последняя отрада
Под свистом бурь, на море бед...
Давно челнок мой одинокой
Скользит по яростной волне,
И я не вижу в тме глубокой
Звезды приветной в вышине;
Давно могучий ветер носит
Меня вдали от берегов;
Давно душа покоя просит
У благодетельных богов...
Казалось, теплые молитвы
Уже достигли к небесам,
И я, как жрец, на поле битвы
Курил мой светлый фимиам,
И благодетельное слово
В устах правдивого судьи,
Казалось, было уж готово
Изречь: «Воскресни и живи!»
Я оживал... Но ты, мой гений,
Исчез, забыл меня, а я

Теперь один в цепи творений
Пью грустно воздух бытия...
Темнеет ночь, гроза бушует,
Несется быстро мой челнок –
Душа кипит, душа тоскует,
И, мнится, снова торжествует
Над бедным плавателем рок.
Явись же, гений прихотливый!
Явись опять передо мной
И проведи меня счастливо
К стране, знакомой с тишиной!

1836–1837

ВЕНЕВИТИНОВ
Дмитрий Владимирович

1. Родился 14 (26 н. ст.) сентября 1805 г. в Москве в родовитой дворянской семье; симпатизировал декабристам, но к заговору причастен не был; в октябре 1826 г. был задержан на два дня на одной из застав Петербурга; умер внезапно от сильной простуды 15 (27 н. ст.) марта 1827 г. в возрасте 21 с половиной года в Петербурге; похоронен в Москве.

Поэтическая личность Д. Веневитинова формировалась в поэтологическом контексте европейской и русской культуры: поэт увлекался изучением языков, философией, историей и теоретической лингвистикой.

Поэтическая способность Д. Веневитинова была реализована гораздо полнее, нежели его столь короткая жизнь. Поэтический язык Д. Веневитинова обладал огромным запасом языковой, культурной и духовной энергии. Степень поэтической свободы Д. Веневитинова определяется как средневысокая / высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности Д. Веневитинова формировалась на основе евразийского художественного отношения к миру (гармонический сплав идей славянофильства и концепции самопознания Шеллинга). Поэту удалось создать свою оригинальную художественную картину мира, ядро которой составляет поэт как лирически активный субъект поэтического познания бытия.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальность, ритм, рифма и свободная, вариативная строфа.

Доминанты языковой способности – лексический и синтаксический компоненты. Степень языковой свободы Д. Веневитинова определяется как высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения Д. Веневитинова в числе прочих включает в себя следующие тексты:

ПОЭТ

Тебе знаком ли сын богов,
Любимец муз и вдохновенья?
Узнал ли б меж земных сынов
Ты речь его, его движенья?
Не вспыльчив он, и строгий ум
Не блещет в шумном разговоре,
Но ясный луч высоких дум
Невольно светит в ясном взоре.
Пусть вкруг него, в чаду утех,
Бушует ветреная младость,
Безумный крик, нескромный смех
И необузданная радость:
Всё чуждо, дико для него,
На всё спокойно он взирает,
Лишь редко что-то с уст его
Улыбку беглую срывает.
Его богиня – простота,
И тихий гений размышленья
Ему поставил от рожденья
Печать молчанья на уста.
Его мечты, его желанья,
Его боязни, упованья –
Всё тайна в нем, всё в нем молчит:
В душе заботливо хранит
Он неразгаданные чувства...
Когда ж внезапно что-нибудь
Взволнует огненную грудь –
Душа, без страха, без искусства,
Готова вылиться в речах
И блещет в пламенных очах...
И снова тих он, и стыдливый
К земле он опускает взор,
Как будто слышит он укор
За невозвратные порывы.
О, если встретишь ты его
С раздумьем на челе суровом –
Пройди без шума близ него,
Не нарушай холодным словом
Его священных, тихих снов;

Взгляни с слезой благоговенья
И молви: это сын богов,
Любимец муз и вдохновенья.

конец 1826

ЖИЗНЬ

Сначала жизнь пленяет нас;
В ней все тепло, все сердце греет
И, как заманчивый рассказ,
Наш ум причудливый лелеет.
Кой-что страшит издалека, –
Но в этом страхе наслажденье:
Он веселит воображенье,
Как о волшебном приключенье
Ночная повесть старика.
Но кончится обман игривый!
Мы привыкаем к чудесам –
Потом на все глядим лениво,
Потом и жизнь постыла нам:
Ее загадка и развязка
Уже длинна, стара, скучна,
Как пересказанная сказка
Усталому пред часом сна.

конец 1826

МОЯ МОЛИТВА

Души невидимый хранитель,
Услышь моление мое!
Благослови мою обитель
И стражем стань у врат ее,
Да через мой порог смиренный
Не прешагнет, как тать ночной,
Ни обольститель ухищренный,
Ни лень с убитою душой,
Ни зависть с глазом ядовитым,
Ни ложный друг с коварством скрытым.
Всегда надежною броней
Пусть будет грудь моя одета,
Да не сразит меня стрелой
Измена мстительного света.

Не отдавай души моей
На жертву суетным желаньям;
Но воспитай спокойно в ней
Огонь возвышенных страстей.
Уста мои сомкни молчаньем,
Все чувства тайной осени,
Да взор холодный их не встретит,
Да луч тщеславья не просветит
На незамеченные дни.
Но в душу влей покоя сладость,
Посей надежды семена
И отжени от сердца радость:
Она – неверная жена.

1826

ЗАВЕЩАНИЕ

Вот час последнего страданья!
Внимайте: воля мертвеца
Страшна, как голос прорицанья.
Внимайте: чтоб сего кольца
С руки холодной не снимали;
Пусть с ним умрут мои печали
И будут с ним схоронены.
Друзьям – привет и утешенье:
Восторгов лучшие мгновенья
Мной были им посвящены.
Внимай и ты, моя богиня:
Теперь души твоей святыня
Мне и доступней, и ясней;
Во мне умолкнул глас страстей,
Любви волшебство позабыто,
Исчезла радужная мгла,
И то, что раем ты звала,
Передо мной теперь открыто.
Приближься! вот могилы дверь!
Мне всё позволено теперь:
Я не боюсь суждений света.
Теперь могу тебя обнять,
Теперь могу тебя лобзать,

Как с первой радостью привета
В раю мы ангелов своих
Устами б чистыми лобзали,
Когда бы мы в восторге их
За гробом сумрачным встречали.
Но эту речь ты позабудь:
В ней тайный ропот исступленья;
Зачем холодные сомненья
Я вылью в пламенную грудь?
К тебе одно, одно моленье!
Не забывай!.. прочь уверенья –
Клянись!.. Ты веришь, милый друг,
Что за могильным сим пределом
Душа моя простится с телом
И будет жить, как вольный дух,
Без образа, без тьмы и света,
Одним нетлением одета.
Сей дух, как вечно бдящий взор,
Твой будет спутник неотступный,
И если памятью преступной
Ты изменишь, беда с тех пор!
Я тайно облекусь в укор;
К душе прилипну вероломной,
В ней пищу мщения найду,
И будет сердцу грустно, томно, –
А я, как червь, не отпаду.

1826 или 1827

Последнее стихотворение:

***

Люби питомца вдохновенья
И гордый ум пред ним склоняй;
Но в чистой жажде наслажденья
Не каждой арфе слух вверяй.
Не много истинных пророков
С печатью власти на челе,
С дарами выспренних уроков,
С глаголом неба на земле.

март (?) 1827

ПАВЛОВА
Каролина Карловна
(урожд. ЯНИШ)

1. Родилась 10 (22 н. ст.) июля 1807 г. в Ярославле в семье врача, обрусевшего немца; в Москву семья Янишей переехала в 1808 г.; 10 ноября 1827 г. Адам Мицкевич делает Каролине Яниш предложение, которое принимается, однако брак не состоялся: весной 1829 г. польский поэт навсегда покидает Россию; первые стихи изданы на немецком в Германии в 1833 г. вместе с переводами К. Павловой из русских поэтов; умерла 2 (14 н. ст.) декабря 1893 г. в возрасте ок. 84 лет.

Поэтическая личность К. Павловой формировалась в поэтологическом контексте двух поэтических и языковых культур – немецкой и русской. Поэтическая способность К. Павловой смогла реализоваться полностью. Поэт приблизился к созданию своего языка, однако изначально двуязычие К. Павловой, возможно, препятствовало абсолютно глубокому и широкому освоению культурной и духовной сфер русского (неродного) языка.

Степень поэтической свободы – средняя.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности К. Павловой формировалась на основе двух эстетических сценариев: немецкого (рационально-художественное познание мира) и русского (эмоционально-номинативное поэтическое выражение).

Доминанты поэтического дискурса – ритм, строфа.

Доминанта языковой способности – лексический компонент.

Степень языковой свободы – средняя.

3. В поэтическую парадигму последнего стихотворения К. Павловой включаются стихотворения, написанные как по-русски, так и по-немецки:

***

Не надо слов о доме, о разлуке,
О том, что рок безжалостно суров.
Я вижу взор, что скрыт туманом муки,
И верю я, что плакать ты готов.
Не надо слов!

Ты все же мой! – о чем бы ни твердили
Твои уста – ты слышишь стук живой
В своей груди: ты знаешь, мы любили,
И нас никто не разлучит с тобой –
Ты все же мой!

сер. 1870-х гг. (пер. с нем. Вс. Рождественского)

***

Страницы часть в альбоме этом
С трудом решаюсь я занять:
Вступить в него, с своим приветом,
Скажите, мне какая стать?
Здесь, в сонме звуков, речи бледной
Стоять неловко, и похож
Близ стройных тонов стих мой бедный
На мещанина средь вельмож.

28 апреля 1861, Дрезден

***

Труд ежедневный, труд упорный!
Ты дух смиряешь непокорный,
Ты гонишь нежные мечты;
Неумолимо и сурово
По сердца области все снова,
Как тяжкий плуг, проходишь ты,
Ее от края и до края
В простор невзрачный превращая,
Где пестрый блеск цветов исчез...
Но на нее, в ночное время,
В бразды – святое сеять семя
Нисходят ангелы с небес.

1862

Фактическое последнее стихотворение:

***

Когда встречаюсь я случайно
С друзьями прошлых, лучших лет, –
Мне кажется, меж нами тайна
Все то, чего уж больше нет.

Как связывает преступленье
Убийц, свершивших ночью грех,
Нас вяжет прошлое волненье,
Былая грусть и прежний смех.

Да: наши лучшие надежды
Убили мы в себе самих,
Мы разодрали их одежды
И спрятали богатства их.

И грустно нам напоминанье
О том, что утаили мы,
Что без креста и без названья
Лежит в могиле черной тьмы.

И, презря долгую разлуку,
Мы, встретившись, уже спешим
Пожать друг другу молча руку,
Не возвращаясь к дням былым.

конец 1850-х – начало 1860-х

Последнее стихотворение:

***

Довольно слов, что нижут ожерелья,
В пустой игре за стих цепляя стих,
Довольно слов, и пошлого веселья,
И гнусных дел – уж слишком много их!

Таких забав достоинство поэта
Пускай бежит. Да будет речь ему
Залогом милосердия и света,
Убежищем, не зримым никому.

Нельзя, нельзя грешить в ней бесконечно,
Ее отдать для шутки – было б жаль
Тому, кто ею выражает вечно
Земной души и радость и печаль.

31 августа 1870, Пильниц
(пер. с нем. Вс. Рождественского)

БЕНЕДИКТОВ
Владимир Григорьевич

1. Родился 5 (17 н. ст.) ноября 1807 г. в Петербурге в семье чиновника среднего класса; умер 14 (26 н. ст.) апреля 1877 г. в Петербурге.

Поэтическая личность В. Бенедиктова складывалась в контексте двух поэтических культур – европейской и российской. Однако поэтическая способность В. Бенедиктова реализовывалась ненаправленно и достаточно хаотично: поэт постоянно менял свою поэтологическую ориентацию – от А. Пушкина до А. Бестужева-Марлинского, от В. Жуковского до С. Шевырева, от Ф. Глинки до А. Хомякова и т. д.

Попытка В. Бенедиктова создать свой язык оказалась не совсем удачной: возраст его поэтической личности остановился в своем развитии на стадии преодоления влияний.

Степень поэтической свободы В. Бенедиктова определяется как средняя.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности В. Бенедиктова формировалась в рамках весьма подвижного эстетического сценария на основе многих (и общеизвестных, и оригинальных) способов поэтического отношения к миру и выражения его, однако ведущего, стержневого метода создания своей поэтической картины мира (как, например, это было у Д. Веневитинова в его 20–21,5 года) стихотворцем выработано не было.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальность, ритм, рифма и строфа.

Доминанты языковой способности – лексический и стилистический компоненты с элементами синтаксиса.

Степень языковой свободы определяется как средняя.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения включает в себя среди прочих такие стихотворения:

ГРОЗА

В тяжелом воздухе соткалась мгла густая,
Взмахнул крылами ветр, зубчатой бороздой
Просеклась молния, завыла хлябь морская,
Лес ощетинился, расселся дуб седой.

Как хохот сатаны несется, замирая,
Громов глухой раскат, – и снова над землей
Небесный пляшет огнь, по ребрам туч мелькая,
И грозно вдруг сверкнет изломанной чертой.

Смутилась чернь земли и мчится под затворы...
Бегите! этот блеск лишь для очей орла...
Творенья робкие, спешите в ваши норы!

Кто ж там – на гребне скал? Стопа его смела,
Открыта грудь его, стремятся к небу взоры,
И молния – венец вокруг его чела!

1835

ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ

В златые дни весенних лет,
В ладу с судьбою, полной ласки,
Любил я радужные краски;
Теперь люблю я черный цвет.

Люблю я черный шелк кудрей
И черны очи светлой девы,
Воззвавшей грустные напевы
И поздний жар души моей.

Мне музы сладостный привет
Волнует грудь во мраке ночи,
И чудный свет мне блещет в очи,
И мил мне ночи черный цвет.

Темна мне скудной жизни даль,
Печаль в удел мне боги дали,

Не радость – черен цвет печали,
А я люблю мою печаль.

Иду туда, где скорби нет,
И скорбь несу душою сильной,
И милы мне приют могильный
И цвет могильный, черный цвет.

1838

ТОСКА

Порою внезапно темнеет душа, –
Тоска! А Бог знает – откуда?
Осмотришь кругом свою жизнь – хороша,
А к сердцу воротишься – худо!

Все хочется плакать. Слезами средь бед
Мы сердце недужное лечим.
Горючие, где вы? – Горючих уж нет!
И рад бы поплакать, да нечем.

Ужели пророческий сердца язык
Сулит мне удар иль потерю?
Нет, я от мечты суеверной отвык,
Предчувствиям темным не верю.

Нет! Это не будущих бедствий залог,
Не скорби грядущей задаток,
Не тайный на новое горе намек,
А старой печали остаток.

Причина ее позабыта давно, –
Она лишь сама сохранилась,
В груди опустелой упала на дно
И там залегла, притаилась –

Уснула и тихо в потемках лежит,
Никто ее скрытой не видит;
А отдыхом силы она освежит,
Проснется – и выглянет, выйдет –

И душу обнимет. Той мрачной поры
Пошел бы рассеять ненастье,
С людьми поделился б... Они так добры,
У них наготове участье.

Их много – с лишком – к утехе моей.
Творец мой! Кому не известно,
Что мир твой так полон прекрасных людей,
Что прочим становится тесно?

Да думаю: нет! Пусть же сердце мое
Хоть эта подруга голубит!
Она не мила мне, но гнать ли ее,
Тогда как она меня любит?

Ее ласка жестка, ее чаша горька,
Но есть в ней и тайная сладость,
Ее схватка крепка, и рука нелегка, –
Что же делать? Она ведь – не радость!

Останусь один. Пусть никто из друзей
Ее не осудит, не видит,
И пусть ни единый из добрых людей
Насмешкой ее не обидит!

между 1842 и 1850

ПОЗДНО

Время шло. Время шло. Не считали мы дней,
Нас надежда все вдаль завлекала,
Мы судили-рядили о жизни своей,
А она между тем утекала.

Мы все жить собирались, но как? – был вопрос.
Разгорались у нас разговоры,
Простирались до мук, доходили до слез
Бесконечные споры и ссоры.

Сколько светлых минут перепортили мы
Тем, что лучших минут еще ждали,

Изнуряли сердца, напрягали умы
Да о будущем все рассуждали.

Настоящему все мы кричали: «Иди!»
Но вдруг холодно стало, морозно...
Оглянулись – и видим: вся жизнь – назади,
Так что жить-то теперь уж и поздно!

1866

Последнее стихотворение:

***

Ну вот – все ладится, идет все понемногу
Вперед. Надежда есть: жить будем, слава богу!
Вот и устроились! – И светлый день блестит
В грядущем... Поглядишь – и рухнет все мгновенно,
И все, что строил ты так долго, постепенно,
В один прекрасный день все к черту полетит!

187?

КОЛЬЦОВ
Алексей Васильевич

1. Родился 3 (15 н. ст.) октября 1809 г. в зажиточной мещанской семье скототорговца в Воронеже; умер от чахотки 29 октября (10 ноября н. ст.) 1842 г. в Воронеже в возрасте 33 лет.

Поэтическая личность А. Кольцова сложилась в контексте русских фольклорных традиций, а также поэтической культуры XVIII в. (М. Ломоносов, Г. Державин, И. Богданович) и XIX в. (И. Дмитриев, А. Мерзляков, А. Дельвиг и А. Пушкин). Поэтическая способность А. Кольцова реализовалась в органическом единстве народно-мифологического и эмоционально-номинативного поэтического выражения мира внешнего и мира внутреннего, существовавших для поэта как нерасторжимое целое.

А. Кольцов создал свой оригинальный поэтический язык, способный выражать в основном особенности эмоциональной сферы русского быта и бытия. Степень поэтической свободы А. Кольцова определяется как средне-высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности А. Кольцова сформировалась преимущественно в сфере народно-поэтической песенной традиции, характеризующейся сильнейшей просодической энергией эмоционального (преимущественно трагического) поэтического выражения.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальность, ритм, строфа.

Доминанта языковой способности – лексико-стилистическая с элементами синтаксиса.

Степень языковой свободы определяется как средняя.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения А. Кольцова включает среди прочих следующие тексты:

ЖИЗНЬ

Дума

Умом легко нам свет обнять;
В нем мыслью вольной мы летаем:
Что не дано нам понимать –
Мы все как будто понимаем.

И резко судим обо всем,
С веков покрова не снимая;
Дошло – что людям нипочем
Сказать: вот тайна мировая!

Как свет стоит, до этих пор
Всего мы много пережили:
Страстей мы видели напор;
За царством царство схоронили.

Живя, проникли глубоко
В тайник природы чудотворной;
Одни познанья взяли мы легко,
Другие – силою упорной...

Но все ж успех наш невелик.
Что́ до преданий? – мы не знаем.
Вперед что́ будет – кто проник?
Что́ мы теперь? – не разгадаем.

Один лишь опыт говорит,
Что прежде нас здесь люди жили –
И мы живем – и будут жить.
Вот каковы все наши были!..

18 октября 1841

НА НОВЫЙ 1842 ГОД

Прожитый год, тебя я встретил шумно,
В кругу знакомых и друзей;
Широко, вольно и безумно,
При звуках бешеных речей.

Тогда, забывшись на мгновенье,
Вперед всяк дерзостно глядел,

Своих страстей невольное стремленье
Истолковать пророчески хотел.

В ком сила есть на радость, на страданье,
В том дух огнем восторженным горит,
Тот о своем загадочном призваньи
Свободно, смело говорит.

Так, до зари беседа наша
Была торжественно-шумна!
Веселья круговая чаша
Всю ночь неисчерпаема была!

Но год прошел: одним звездою ясной,
Другим он молоньей мелькнул;
Меня ж год, встреченный прекрасно, –
Как друг, как демон, – обманул!

Он за таинственным покровом
Мученья горькие скрывал;
И в этом свете бестолковом
Меня вполне рок грозный испытал.

Тяжелый год, тебя уж нет, а я еще живу,
И новый тихо, без друзей, один встречаю,
Один в его заманчивую тьму
Свои я взоры потопляю...

Что в ней таится для меня?
Ужели новые страданья?
Ужель безвременно из мира выйду я,
Не совершив и задушевного желанья?

1 января 1842, полночь

***

Когда есть жизнь другая там,
Прощай! Счастливый путь!
А нет – скорее к нам,
Пока жить можно тут.

февраль (?) 1842

Последнее стихотворение:

***

Ночка темная,
Время позднее, –
Скучно девице
Без товарища.

Полюби меня,
Душа-девица,
Меня, молодца
Разудалого.

Ночка темная
Не протянется,
Веселей тебе
Будет на сердце.

Кровь горячая
Разыграется,
Обольет огнем
Груди белые.

Припаду я к ним
С негой страстною,
С жаждой пылкою
Наслаждения.

Обовью рукой
Шейку стройную,
Шейку белую,
Лебединую.

Я вопьюсь в твои
Уста сладкие,
Я с любовию
Страстной, пламенной...

Мы тогда с тобой
Весь забудем мир,
И наплачемся,
И натешимся.

184?

ЛЕРМОНТОВ
Михаил Юрьевич

1. Родился в ночь со 2 (14 н. ст.) на 3 (15 н. ст.) октября 1814 г. в Москве в семье армейского капитана Ю. П. Лермонтова и М. М. Лермонтовой, урожденной Арсеньевой; воспитывался у бабушки Е. А. Арсеньевой, принадлежавшей в богатому и влиятельному роду Столыпиных; после написания стихотворения памяти А. Пушкина «Смерть поэта» переведен из гвардии в Нижегородский драгунский полк и выехал на Кавказ; в январе 1838 г. возвращается в гвардию и в Петербург; в марте 1840 г. после дуэли с сыном посла Франции Э. де Барантом переведен в Тенгинский полк и отправлен в действующую армию на Кавказ, где проявил себя как умелый и храбрый офицер; убит 15 (27 н. ст.) июля 1841 г. на дуэли в 4 верстах от Пятигорска на подножии горы Машук в возрасте 26 лет 10, 5 месяца.

Поэтическая личность М. Лермонтова сформировалась в поэтологическом контексте европейской и русской культуры XVIII в. (М. Ломоносов, Г. Державин) и XIX в. (К. Батюшков, В. Жуковский, И. Козлов, А. Пушкин и др.). Поэтическая способность М. Лермонтова реализовала огромный запас языковой, поэтической, эстетической и духовной энергии, которая распространялась на различные сферы художественной словесности (драма «Маскарад» и др., проза «Герой нашего времени» и др., поэма «Демон» и др., стихотворения).

Поэтическая личность М. Лермонтова функционировала в уникальных условиях и отношениях изоморфизма его индивидуального языка и языка общенационального, его текстов и культуры, его духовной (художественной) картины мира и общечеловеческого быта-бытия.

Поэтическая личность Лермонтова вступила в отношения единства и противоположенности с эталонной личностью поэта, писателя, журналиста и ученого А. Пушкина. Думается, что личность поэта и личность писателя М. Лермонтова значительно углубила структуры и расширила границы системы

художественной в целом личности А. Пушкина, поэтому утверждение А. Григорьева «Пушкин – наше все» нуждается в дополнении левой части этой формулы, т. е. появление нового «гения» поэтического языка как высшей формы сознания и мышления невозможно без присутствования двух базовых систем поэтической личности – личности А. Пушкина и личности М. Лермонтова.

Поэтическая (и художественная в целом) свобода М. Лермонтова определяется как очень высокая, приближающаяся к абсолютной.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности М. Лермонтова сформировалась на основе европейского и русского, пушкинского, способов поэтического выражения: центром поэтической картины мира М. Лермонтова остается душа, сильная, свободная и трагически обреченная на одиночество.

Доминанта поэтического дискурса М. Лермонтова имеет комплексную природу, выражающуюся в гармоническом, смысловом и музыкальном единстве всех дискурсных единиц.

Доминанта поэтической способности М. Лермонтова имеет также комплексную природу и выражается в неразрывном функционально-смысловом синтезе фонетики, грамматики, стилистики, лексики и синтаксиса.

Степень языковой свободы М. Лермонтова определяется как очень высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения М. Лермонтова среди прочих включает в себя следующие стихотворения:

ЗАВЕЩАНИЕ

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? Моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,

Скажи им, что навылет в грудь
Я пулей ранен был,
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... Всё равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалей, –
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!

1840

ЛИСТОК

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот наконец докатился до Черного моря.

У Черного моря чинара стоит молодая,
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская,
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,

И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных».

«На что мне тебя? – отвечает младая чинара. –
Ты пылен и желт – и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал – да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше, о странник! Тебя я не знаю!
Я солнцем любима, цвету для него и блистаю.
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море».

1841

***

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит.
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? Жалею ли о чём?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь,

Чтоб, всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,

Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Тёмный дуб склонялся и шумел.

1841

ПРОРОК

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья –
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи.

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная.
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

1841

Последнее стихотворение:

***

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором,
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие,
В устах живых – уста давно немые,
В глазах – огонь угаснувших очей.

1841

ЕРШОВ
Петр Павлович

1. Родился 22 февраля (6 марта н. ст.) 1815 г. в деревне Безруково Ишимского уезда Тобольской губернии в семье чиновника; умер 18 (30 н. ст.) августа 1869 г. в Тобольске.

Поэтическая личность П. Ершова сформировалась в контексте народно-поэтической и поэтической культуры XIX в. на основе сказочно-мифологических представлений о мире (сказки о Ерше Щетинникове, о Марке Богатом и Василии Бесчастном, сказочные поэмы А. Пушкина, баллады В. Жуковского, русские песни А. Дельвига и А. Козлова и др.).

Поэтическая способность П. Ершова реализовалась в лироэпических текстах, что позволило поэту создать свой оригинальный язык на народно-разговорной основе.

Степень поэтической свободы П. Ершова определяется как средне-высокая / высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности П. Ершова сформировалась на основе особого поэтического выражения, заключавшегося в гармоническом соединении волшебного с бытовым, космического с повседневным, прекрасного с ужасным и т. д.

Доминанты поэтического дискурса П. Ершова – ритм, музыкальность, рифма.

Доминанта языковой способности – фонетический, лексико-стилистический компоненты и элементы синтаксиса.

Степень языковой свободы П. Ершова определяется как средняя / средне-высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения П. Ершова включает в себя следующие тексты:

***

Один, спокоен, молчалив,
Лежал я ночью в поле чистом,
И надо мной шатром тенистым –
Небес безоблачный разлив.

Мой дух с какою-то отрадой
Стремился ввысь, далёко от земли,
И я дышал надежною прохладой:
То небо веяло вдали!
Порою лишь чудесным легким звуком
Меня на миг на землю привлекал,
И снова я и взорами, и слухом
В высоком небе утопал.
Полночный час, покой, уединенье
И глубь небес над головой –
Всё, всё вело воображенье
На пир фантазии живой.
Она вкусила нектар рая!
Она вкусила хлеб небес!
И сердце жаркое, в восторге утопая,
Лилось потоком сладких слез!

***

Природа скрыта в ризе ночи,
Творенья в сон погружены,
Небес недремлющие очи
Едва мерцают с вышины.
Везде покой. Чуть ветер веет,
Отрадной свежестью дыша...
Одно мое лишь сердце млеет,
Одна грустит моя душа.
О чем же грусть? Мечты ль былые
Волнуют пламенную кровь,
Или потери роковые,
Иль безнадежная любовь?
О нет! Суровой жизни холод
Давно мечты уж потушил,
Давно судьбы тяжелый молот
Мне сталью сердце закалил...

ГРУСТЬ

В вечерней тишине один с моей мечтою
Сижу, измученный безвестною тоскою.
Вся жизнь прошедшая, как летопись годов,

Раскрыта предо мной: и дружба, и любовь,
И сердцу сладкие о днях воспоминанья
Мешаются во мне с отравою страданья.
Желал бы многое из прошлого забыть
И жизнью новою, другою пережить.
Но тщетны поздние о прошлом сожаленья:
Мне их не возвратить, летучие мгновенья!
Они сокрылися и унесли с собой
Всё, всё, чем горек был и сладок мир земной...
Я точно как пловец, волной страстей влекомый,
Из милой родины на берег незнакомый
Невольно занесен: напрасно я молю
Возврата сладкого на родину мою,
Напрасно к небесам о помощи взываю,
И плачу, и молюсь, и руки простираю...
Повсюду горестный мне слышится ответ:
«Живи, страдай, терпи – тебе возврата нет!».

1843

МОЯ ЗВЕЗДА

Ночь несчастий потушила
Свет живительного дня
И отвсюду окружила
Мраком гибельным меня.

Без надежды на спасенье
Я блуждал во тьме ночной.
Вера гибла, гроб сомненья
Раскрывался предо мной.

.....
.....
.....
.....

Вдруг увитая лучами,
Мрачной ночи красота,
Воссияла пред очами
Неба новая звезда.

Лучезарною одеждой
Как царица убрана,
Умиленьем и надеждой
Взору светится она.

Очарован, околдован
Дивной прелестью лучей,
Жадно взор мой к ней прикован,
Сердце рвется встречу к ней...

О, гори передо мною,
Ненаглядная моя!
Для меня теперь с тобою
Ночь пленительнее дня!

1846

Последнее стихотворение:

ОДИНОЧЕСТВО

Враги умолкли – слава богу,
Друзья ушли – счастливый путь.
Осталась жизнь, но понемногу
И с ней управлюсь как-нибудь.

Затишье душу мне тревожит,
Пою, чтоб слышать звук живой,
А под него еще, быть может,
Проснется кто-нибудь другой.

1860-е

ТОЛСТОЙ
Алексей Константинович

1. Родился 24 августа (5 сентября н. ст.) 1817 г. в Петербурге в семье графа К. П. Толстого и А. А. Перовской, которая ушла от мужа сразу после рождения сына; воспитывался дядей А. А. Перовским; троюродный брат графа Л. Н. Толстого; умер 28 сентября (10 октября н. ст.) 1875 г. в имении Красный Рог Черниговской губернии.

Поэтическая личность А. Толстого сформировалась в поэтологическом контексте трех различных культурных традиций: немецкой, французской, английской, а также русской исторической и русской (пушкинской) новой традиции поэтического выражения.

Поэтическая способность А. Толстого смогла полностью реализоваться одновременно в нескольких сферах художественной словесности – в поэзии, прозе, драме и юмористике (А. Толстой и братья Жемчужниковы создали литературного автора-героя Козьму Пруткова). А. Толстому удалось создать свой поэтический язык на основе общенационального языка, лингвокультурной мистификации и художественной стилизации.

Степень поэтической свободы А. Толстого определяется как средне-высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности А. Толстого развивалась и оформлялась в рамках сложного эстетического сценария евроазиатского и чисто русского (с опорой на «патриотическое западничество») отношения к исторической, реальной и духовной действительности.

Доминанта поэтического дискурса А. Толстого – гармонический синтез музыкальности, ритма, рифмы и строгой строфы.

Доминанты языковой способности – фонетический и лексико-стилистический компоненты с элементами синтаксиса.

Степень языковой свободы – средне-высокая / высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения А. Толстого включает в себя следующие тексты:

***

На нивы желтые нисходит тишина,
В остывшем воздухе от меркнущих селений,
Дрожа, несется звон... Душа моя полна
Разлукою с тобой и горьких сожалений.

И каждый мой упрек я вспоминаю вновь,
И каждое твержу приветливое слово,
Что мог бы я сказать тебе, моя любовь,
Но что внутри себя я схоронил сурово.

1862

***

Вздымаются волны как горы
И к тверди возносятся звездной,
И с ужасом падают взоры
В мгновенно разрытые бездны.

Подобная страсти, не знает
Средины тревожная сила,
То к небу, то в пропасть бросает
Ладью без весла и кормила.

Не верь же, ко звездам взлетая,
Высокой избранника доле,
Не верь, в глубину ниспадая,
Что звезд не увидишь ты боле!

Стихии безбрежной, бездонной
Уймется волненье, и вскоре
В свой уровень вступит законный
Души успокоенной море.

1866

***

В монастыре пустынном близ Кордовы
Картина есть. Старательной рукой
Изобразил художник в ней суровый,
Как пред кумиром мученик святой

Лежит в цепях и палачи с живого
Сдирают кожу... Вид картины той,
Исполненный жестокого искусства,
Сжимает грудь и возмущает чувство.

Но в дни тоски, мне все являясь снова,
Упорно в мысль вторгается она,
И мука та казнимого святого
Сегодня мне понятна и родна:
С моей души совлечены покровы,
Живая ткань ее обнажена,
И каждое к ней жизни прикасанье
Есть злая боль и жгучее терзанье.

осень 1870

Последнее стихотворение:

НА ТЯГЕ

Сквозит на зареве темнеющих небес
И мелким предо мной рисуется узором
В весенние листы едва одетый лес,
На луг болотистый спускаясь косогором.
И глушь и тишина. Лишь сонные дрозды
Как нехотя свое доканчивают пенье;
От луга всходит пар... Мерцающей звезды
У ног моих в воде явилось отраженье;
Прохладой дунуло, и прошлогодний лист
Зашелестел в дубах. Внезапно легкий свист
Послышался; за ним, отчетисто и внятно,
Стрелку знакомый хрип раздался троекратно,
И вальдшнеп протянул – вне выстрела. Другой
Летит из-за́ лесу, но длинною дугой
Опушку обогнул и скрылся. Слух и зренье
Мои напряжены, и вот через мгновенье,
Свистя, еще один, в последнем свете дня,
Чертой трепещущей несется на меня.
Дыханье притаив, нагнувшись под осиной,
Я выждал верный миг – вперед на пол-аршина
Я вскинул – огнь блеснул, по лесу грянул гром –
И вальдшнеп падает на землю колесом.
Удара тяжкого далекие раскаты,

Слабея, замерли. Спокойствием объятый,
Вновь дремлет юный лес, и облаком седым
В недвижном воздухе висит ружейный дым.
Вот донеслась еще из дальнего болота
Весенних журавлей ликующая нота –
И стихло все опять, и в глубине ветвей
Жемчужной дробию защелкал соловей.
Но отчего же вдруг, мучительно и странно,
Минувшим на меня повеяло нежданно
И в этих сумерках, и в этой тишине
Упреком горестным оно предстало мне?
Былые радости! Забытые печали!
Зачем в моей душе вы снова прозвучали
И снова предо мной, средь явственного сна,
Мелькнула дней моих погибшая весна?

май 1871

ПОЛОНСКИЙ
Яков Петрович

1. Родился 6 (18 н. ст.) декабря 1819 г. в Рязани в небогатой дворянской семье; умер 18 (30 н. ст.) октября 1898 г.

Поэтическая личность Я. Полонского формировалась и развивалась в течение долгого времени в различных контекстах мировой культуры (античной, восточной, западноевропейской, кавказской, русской и др.).

Процессы реализации поэтической способности Я. Полонского характеризуются одновременно разнонаправленностью (поэзия, проза и проч.) и дискретностью (наличие периодов поэтических «перерывов» и «застоев»).

Поэт сумел создать свой поэтический язык, функционирование которого основано на психологическом, глубоко эмоциональном поэтическом выражении.

Степень поэтической свободы Я. Полонского определяется как средне-высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности Я. Полонского сформировалась на основе глубокого, психологического художественного исследования душевного и духовного мира человека. Я. Полонский довел до совершенства романсную форму русского стихотворения и оказал влияние на появление и развитие русского нового городского романса и авторской песни XX–XXI вв.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальность, ритм, рифма и строфа-куплет.

Доминанты языковой способности – фонетический, лексический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы – средне-высокая / высокая.

3. В поэтическую парадигму последнего стихотворения входят следующие тексты:

СМЕРТЬ

А!.. говорят... И только слёзы
Мешают им договорить,

Что безнадежен ты, страдалец,
И что тебе уже не жить...
Впервые, несомненно, правду
Почуяли твои друзья,
Что это я пришла и встала
У ног твоих, – да, это я –
Тень твоего существованья –
Стихийный мрак небытия –
Развязка лжи – конец страданья –
Твой призрак – смерть – да, это я!..
Кто б ни был ты, глупец иль гений,
Все, что ты любишь, позабудь.
Я догорающее пламя
В твоей груди пришла задуть.
Не думай, не молись, не кайся,
И не желай, и не жалей,
И умирай, не сознавая,
Как меркнет свет моих очей...

– Нет! нет! пока еще до срока –
До забытья, или пока
На грудь мне тяжко не наляжет
Твоя всевластная рука,
Я буду силиться без страха,
Дрожа, глядеть в твои глаза:
Что в них? Бездонный мрак кромешный
Иль гнева божьего гроза?
Пусть погибает мой рассудок!..
К чему он нужен там, куда
Я отхожу? – не ум, а сердце
Боится высшего суда...
И пусть бесчувственное тело
Есть достояние твое:
Возьми его; но то, что будет
Твоим, то будет не мое...
Что ты такое? – Тень; но тенью
Была вся жизнь; и эта тень
Бежит от света – и не видит,
Как брезжит бесконечный день...
Настолько ж был я человечен
И чужд мертвящей суеты,

Что вечен я или не вечен,
Про то я знаю, а не ты.
Да, ты ужасна! Поневоле
Я содрогаюсь; но когда
В последний раз вздохну я тихо, –
Мы разойдемся навсегда...

31 июля 1896

***

Если б смерть была мне мать родная,
Как больное, жалкое дитя,
На ее груди заснул бы я
И, о злобах дня позабывая,
О самом себе забыл бы я.

Но она – не мать, она – чужая,
Грубо мстит тому, кто смеет жить,
Мыслить и мучительно любить,
И, покровы с вечности срывая,
Не дает нам прошлое забыть.

1896–1898 (?)

***

И любя и злясь от колыбели,
Слез немало в жизни пролил я;
Где ж они – те слезы? Улетели,
Воротились к Солнцу бытия.

Чтоб найти все то, за что страдал я,
И за горькими слезами я
Полетел бы, если б только знал я,
Где оно – то Солнце бытия?..

1898

Последнее стихотворение:

***

Еще не все мне довелось увидеть...
И вот одно осталось мне:
Закрыв глаза, любить и ненавидеть
Бесплодно, смутно – как во сне!

август1898

ФЕТ
Афанасий Афанасьевич
(наст. фам. ШЕНШИН)

1. Родился 23 ноября (5 декабря н. ст.) 1820 г. в селе Новоселки Орловской губернии; незаконнорожденный (отец А. Н. Шеншин, мать Каролина Шарлотта Фёт); умер 21 ноября (3 декабря н. ст.) 1892 г.

Поэтическая личность А. Фета сформировалась в контексте западной (преимущественно немецкой) и русской поэтической культуры. Несмотря на дискретный характер развития поэтической личности, поэтическая способность А. Фета реализовалась полностью на основе его эмоционально-импрессионистского и одновременно экспрессионистского поэтического выражения неизъяснимых феноменов общечеловеческого быта и бытия.

Степень поэтической свободы А. Фета определяется как высокая / очень высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности А. Фета формировалась до последнего дня его жизни в процессе трансформации традиционных способов поэтического выражения в индивидуально-авторские, личностные. Импрессия поэтического выражения А. Фета в объеме одного текста органично переходит в экспрессию, и – наоборот. Поэт совмещает в своем отношении к миру эстетическую восторженность и эмоциональную трагичность. А. Фет создает новое, свое, поэтическое время и пространство: поэтический хронотоп А. Фета совмещает в себе в равной степени сферы физического, психологического, эмоционального и метафизического.

Доминанта поэтического дискурса А. Фета – музыкально-ритмическое единство всех дискурсных единиц.

Доминанты языковой способности – фонетический, лексический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы – высокая / очень высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения А. Фета включает в себя следующие тексты:

***

Чуждые огласки,
Слышу речи ласки,
Вижу эти глазки,
Чую сердца дрожь, –

Томных грез поруки,
Засыпают звуки...
Их немые муки
Только ты поймешь!

31 января 1887

***

Озираясь на юность тревожно,
Будь заветной святыне верна!
Для надежды граница возможна, –
Невозможна для веры она.

Не дивись же, что прежнее пламя
Всё твою окружает красу:
Ты уходишь, но верное знамя
На ходу над собой я несу.

14 сентября 1889

***

Погляди мне в глаза хоть на миг,
Не таись, будь душой откровенней:
Чем яснее безумство в твоих,
Тем блаженство мое несомненней.

Не дано мне витийство: не мне
Связных слов преднамеренный лепет! –
А больного безумца вдвойне
Выдают не реченья, а трепет.

Не стыжусь заиканий своих:
Что доступнее, то многоценней.
Погляди ж мне в глаза хоть на миг,
Не таись, будь душой откровенней.

3 апреля 1890

***

Что молчишь? Иль не видишь – горю,
Все равно – отстрани хоть, приветь ли.
Я тебе о любви говорю,
А вязанья считаешь ты петли.

Отчего же сомненье свое
Не гасить мне в неведенье этом?
Отчего же молчанье твое
Не наполнить мне радужным светом?

Может быть, я при нем рассмотрю,
В нем отрадного, робкого нет ли...
Хоть тебе о любви говорю,
А вязанья считаешь ты петли.

11 ноября 1890

Последнее стихотворение:

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Но на что твоей матери лампа ночная?
Нет, не мучай меня, не терзай ты до слез!
Ведь и солнце в дому, и луна молодая...
Нет, не мучай меня, не терзай ты до слез!

25 января 1892

НЕКРАСОВ
Николай Алексеевич

1. Родился 28 ноября (10 декабря н. ст.) 1821 г. в местечке Немиров Подольской губернии в семье майора в отставке, мелкопоместного дворянина Алексея Сергеевича Некрасова; умер 27 декабря 1877 (8 января 1878 г. н. ст.) в Петербурге.

Поэтическая личность Н. Некрасова формировалась в контексте народной (авторски стилизованной, «крестьянской») и новой русской («постпушкинской») поэтической культуры.

Поэтическая способность Н. Некрасова реализовывалась одновременно в трех сферах художественной словесности – в поэзии, в прозе и в литературоведении. Поэтическое выражение Н. Некрасова характеризуется познанием неизъяснимого через конкретные (натуралистически и детально осмысленные и прописанные) предметы и явления русского быта и национального бытия. Поэт создал свой противоречивый в стилевом отношении язык.

Степень поэтической свободы Н. Некрасова определяется как средне-высокая / высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности Н. Некрасова начала формироваться на основе эстетического сценария, выработанного В. Жуковским, В. Бенедиктовым и др., и окончательно оформилась под воздействием социологического способа познания мира и эмоционально-номинативного поэтического выражения его.

Доминанты поэтического дискурса Н. Некрасова – музыкальность, ритм, рифма, строфа.

Доминанты языковой способности – фонетический, лексико-стилистический (с элементами разговорной речи и просторечия) и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы Н. Некрасова определяется как средне-высокая / высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения Н. Некрасова включает в себя среди прочих следующие стихотворения:

З<И>НЕ

Пододвинь перо, бумагу, книги!
Милый друг! Легенду я слыхал:
Пали с плеч подвижника вериги,
И подвижник мертвый пал!

Помогай же мне трудиться, З<и>на!
Труд всегда меня животворил.
Вот еще красивая картина –
Запиши, пока я не забыл!

Да не плачь украдкой! – Верь надежде,
Смейся, пой, как пела ты весной,
Повторяй друзьям моим, как прежде,
Каждый стих, записанный тобой.

Говори, что ты довольна другом:
В торжестве одержанных побед
Над своим мучителем недугом
Позабыл о смерти твой поэт!

13 февраля 1877

СОН

Мне снилось: на утесе стоя,
Я в море броситься хотел,
Вдруг ангел света и покоя
Мне песню чудную запел:
«Дождись весны! Приду я рано,
Скажу: будь снова человек!
Сниму с главы покров тумана
И сон с отяжелелых век;
И Музе возвращу я голос,
И вновь блаженные часы
Ты обретешь, сбирая колос
С своей несжатой полосы».

187(?)

***

Скоро – приметы мои хороши, –
Скоро покину обитель печали:
Вечные спутники русской души –
Ненависть, страх – замолчали.

1877

***

Устал я, устал... мне время уснуть,
О Русь! ты несчастна... я знаю...
Но все ж, озирая мой пройденный путь,
Я к лучшему шаг замечаю.

1877

Последнее стихотворение:

***

О Муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба –
Не плачь! завиден жребий наш,
Не надругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русский – взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу...

1877

ГРИГОРЬЕВ
Аполлон Александрович

1. Родился 16 (28 н. ст.) июля 1822 г. в Москве (отец дворянин, мать – дочь крепостного кучера, дед поэта был крестьянином, дослужившимся до дворянства); умер 25 сентября (7 октября н. ст.) 1864 г. в возрасте 42 лет.

Поэтическая личность А. Григорьева формировалась одновременно в контексте русской и европейской поэзии (итальянской, французской, немецкой) и в научной сфере литературо- и театроведения.

Поэтическая способность А. Григорьева наиболее полно реализовалась в эмоциональном, психологическом и этическом выражении неизъяснимого, сокрытого в людях, предметах, явлениях и событиях исторического и реального времени России.

А. Григорьев создал основы своего оригинального поэтического языка, который имеет достаточно высокую степень адекватности языкам культуры и духа.

Степень поэтической свободы А. Григорьева определяется как средне-высокая / высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности А. Григорьева сформировалась на основе концепции искусства как высшей формы познания мира и возможности интуитивного постижения действительности поэзией (Ф. В. Шеллинг). Поэзию А. Григорьев определял как «органический продукт века и народа», адекватный и изоморфичный «понятиям, верованиям и утверждениям века и народа». А. Григорьев одним из первых русских поэтов озвучил заветную и общую для мировой поэзии мысль о концептуальной беспредметности поэтического выражения.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальность, ритм, рифма и строфа-катрен (преимущественно).

Доминанты языковой способности – фонетический, лексический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы – средне-высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения А. Григорьева среди прочих включает в себя следующие тексты:

***

Прощай и ты, последняя зорька,
Цветок моей родины милой,
Кого так сладко, кого так горько
Любил я последнею силой...

Прости-прощай ты и лихом не вспомни
Ни снов тех ужасных, ни сказок,
Ни этих слез, что было дано мне
Порой исторгнуть из глазок.

Прости-прощай ты – в краю изгнанья
Я буду, как сладким ядом,
Питаться словом последним прощанья,
Унылым и долгим взглядом.

Прости-прощай ты, стемнели воды...
Сердце разбито глубоко...
За странным словом, за сном свободы
Плыву я далеко, далеко...

июнь 1858, Флоренция

К МАДОННЕ МУРИЛЬО В ПАРИЖЕ

Из тьмы греха, из глубины паденья
К тебе опять я простираю руки...
Мои грехи – плоды глубокой муки,
Безвыходной и ядовитой скуки,
Отчаянья, тоски без разделенья!

На высоте святыни недоступной
И в небе света взором утопая,
Не знаешь ты ни страсти мук преступной,
Наш грешный мир стопами попирая,
Ни мук борьбы, мир лучший созерцая.

Тебя несут на крыльях серафимы,
И каждый рад служить тебе подножьем.

Перед тобой, дыханьем чистым, божьим
Склонился в умиленьи мир незримый.

О, если б мог в той выси бесконечной,
Подобно им, перед тобой упасть я
И хоть с земной, но просветленной страстью
Во взор твой погружаться вечно, вечно.

О, если б мог взирать хотя со страхом
На свет, в котором вся ты утопаешь,
О, если б мог я быть хоть этим прахом,
Который ты стопами попираешь.

Но я брожу один во тьме безбрежной,
Во тьме тоски, и ропота, и гнева,
Во тьме вражды суровой и мятежной...
Прости же мне, моя святая Дева,
Мои грехи – плод скорби безнадежной.

16 июля 1858, Париж

Последнее стихотворение:

***

И все же ты, далекий призрак мой,
В твоей бывалой, девственной святыне
Перед очами духа встал немой,
Карающий и гневно-скорбный ныне,

Когда я труд заветный кончил свой.
Ты молнией сверкнул в глухой пустыне
Больной души... Ты чистою струей
Протек внезапно по сердечной тине,

Гармонией святою вторгся в слух,
Потряс в душе седалище Ваала –
И все, на что насильно был я глух,

По ржавым струнам сердца пробежало
И унеслось – «куда мой падший дух
Не досягнет» – в обитель идеала.

26 июля 1864

КУРОЧКИН
Василий Степанович

1. Родился 28 июля (9 августа н. ст.) 1831 г. в Петербурге в семье чиновника, бывшего крепостного, получившего потомственное дворянство; воспитывался в доме отчима, полковника Е.Т. Готовцева; умер 15 (27 н. ст.) августа 1875 г.

Поэтическая личность В. Курочкина формировалась в контексте западной культуры (сначала Мольер, де Мюссе, Бернс, а затем Вольтер, де Виньи, Барбье, Гюго, Шиллер, Лессинг, Беранже, Беранже, Беранже и др.) и русской литературной культуры, подвергшейся во второй половине XIX в. газетной и журнальной беллетризации. Окрепшая переводческая традиция заняла в русской поэзии в то время ведущие позиции, что было обусловлено общей демократизацией социальной, политической и экономической сфер жизни Российской империи.

Поэтическая способность В. Курочкина реализовалась в текстах преимущественно иронических, где грубый анализ на основе стилистического контраста почти полностью вытеснил глубокие эмоционально-номинативные способы поэтического выражения.

В. Курочкин создал свой иронический стихотворный язык, который репродуцировался позднее в поэзии Саши Черного, некоторых обэриутов, И. Иртеньева и проч.

Степень поэтической свободы В. Курочкина определяется как средне-высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности В. Курочкина сформировалась в рамках эстетического сценария, совмещающего в себе несовместимые способы осмысления, выражения и оценки действительности: бытовое здесь смешивается с бытийным, прекрасное с уродливым, духовное с телесным.

Доминанты поэтического дискурса – метр, рифма и строгая строфа.

Доминанта языковой способности – лексико-стилистический компонент (стилистическая / языковая игра лексикой с оппозитивной стилистической окраской и т. п.) с элементами синтаксиса.

Степень языковой свободы В. Курочкина определяется как средне-высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения В. Курочкина включает в себя следующие тексты:

НА ПРАЗДНИКАХ

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.
«Чернь» Пушкин

Веселый трезвон по церквам
На всех колокольнях окрестных, –
И «чистые сердцем» во храм
Стремятся в одеждах воскресных.

Отпущены людям грехи!
И только поэт, одиноко,
Творит не молитву – стихи –
В беспраздничной скорби глубокой.

Он видит, как в будничной мгле
Об воздухе, свете, тепле
Идет окаянная битва –

И в бой с торжествующим злом
Кидает сатиру, как гром;
Сатира есть тоже молитва.

1873

ПРИТЧА О СНЕГУРОЧКЕ

Как некогда Дарья застыла*
В своем заколдованном сне –
Так образ Снегурочки милой
Теперь представляется мне.

* «Мороз Красный Нос», поэма г. Некрасова.

В раздумьи склонилась уныло –
Не знает, что делают с ней.
Мертвящею мощью своей
Над ней распростерся Ярило.

Излила бы в песнях святых
Всю правду для ближних своих...
Ни звука! Душа умирает...

Недвижно сомкнулись уста.
Ни звука! Кругом пустота...
И тает Снегурочка, тает...

Последнее стихотворение:

***

Как не вскрикнуть тут с поэтом:*
Край родной долготерпенья!
Если розги в крае этом –
Лучший метод просвещенья?
Ладно всё. Отец не спорит
И нисколько не в обиде,
Хоть всю школу перепорет
Кроткий пастырь в пьяном виде.

1875

* Ф. Тютчев, «Эти бедные селенья...» и пр.

СЛУЧЕВСКИЙ
Константин Константинович

1. Родился 26 июля (7 августа н. ст.) 1837 г. в Петербурге в семье крупного чиновника, сенатора; умер тяжело и мучительно от рака желудка 25 сентября (8 октября н. ст.) 1904 г. в Петербурге.

Поэтическая личность К. Случевского формировалась в контексте поэтической культуры постпушкинского периода. К. Случевский одновременно завершил поэтическую парадигму эмоционально-номинативного познания мира (XIX в.) и себя в нем и открыл новые способы поэтического выражения, которые будут доминировать в русской поэзии XX в. Поэтическая способность К. Случевского реализовывалась дискретно, но однонаправленно: поэт создал свой язык, способный выражать неизъяснимое. Степень поэтической свободы К. Случевского определяется как высокая / очень высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности К. Случевского формировалась и функционировала на основе евроазиатского эстетического сценария (Дж. Г. Байрон, О. Барье, В. Гюго, Г. Державин, В. Жуковский, Е. Баратынский, Ф. Тютчев, Ф. Глинка и др.). Поэт выражает вечное противоречие и единство физического и метафизического, материального и идеального на основе языкового синтеза поэтического и прозаического в стихе. К. Случевский воспротивился беллетризации русской поэзии и создал свой, обновленный, способ эмоционально-поэтического (импрессионистического) познания и выражения быта и бытия. В этом отношении К. Случевский своей поэтикой соединил золотой и серебряный века русской поэзии.

Доминанта поэтического дискурса – комплексная, характеризующаяся единством достаточно строгого и напряженного ритма с музыкальностью, рифмой и строфой.

Доминанты языковой способности – фонетический, лексико-стилистический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы К. Случевского определяется как высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения К. Случевского включает в себя стихотворения из цикла «Загробные песни» и др.:

***

Умер я! Есть ощущения:
Не понять их, не познав
Новость первого мгновения!
Я окреп, нетленным став...
Ночь!.. Вдали земля туманная,
Мать всех в мире матерей,
Мне в былом обетованная
И очаг души моей!
Полуночница усталая,
Без меня несешься ты,
Вся больная, захудалая,
В стогнах вечной немоты...
А путям твоим и следу нет!
Но, кому бессмертным стать,
На тебе родиться следует,
На тебе и умирать!
Умер я... Там, в темной темени,
Ты мелькаешь огоньком...
Там есть смерть! Там царство времени!
Там родные мне, мой дом!
Уносись же, горе-странница,
Как корабль среди зыбей,
В мириадах звезд избранница
И очаг души моей.
Я отпетый, я отчитанный,
Молча вслед тебе смотрю,
И в трудах, в скорбях воспитанный,
Смерть пройдя, – благодарю...

ок. 1902

***

И я предстал сюда, весь полн непониманья...
Дитя беспомощное... чуть глаза открыв,
Я долго трепетал в неясности сознанья
Того, что я живу, что я иначе жив.

Меня от детских дет так лживо вразумляли
О смерти, о душе, что будет с ней потом;
При мне так искренно на кладбищах рыдали,
В могилы унося почивших вечным сном;
Все пенья всех церквей полны такой печали,
Так ярко занесен в сердца людей скелет, –
Что с самых ранних дней сомненья возникали:
Что, если плачут так, – загробной жизни нет?!
Нет! надо иначе учить от колыбели...
Долой весь темный груз туманов с головы...
Нет, надобно, чтоб мы совсем светло глядели
И шествовали в смерть, как за звездой волхвы!
Тогда бы верили мы все и безгранично,
Что смерть – желанная! что алые уста
Нас зацеловывают каждого, всех, лично, –
И тайна вечности спокойна и проста!

ок. 1902

***

Перед большим успокоеньем,
Когда умру я, но не весь,
Покой тот с истым наслажденьем
Мной предвкушается и здесь.

Покой в отсутствии желаний,
В признаньи мощности судьбы,
Покой вне дерзостных исканий,
Вне всяких странствий и борьбы!

Бой кончен! Поднято забрало!
Чего здесь в жизни ожидать?!
Какое дивное начало
Тому, что может мне предстать!

Да, радость смерти предвкушая,
Мой ум спокойный не дерзнет
Куда-то вновь пойти мечтая,
Куда-то вновь смотреть вперед.

Но я боюсь еще, что можно
Вернуться нежданно назад,
Когда и дерзко и безбожно
Зажжет мне душу женский взгляд!

Покров покоя я откину
И, словно эллин древних дней,
Бесстыдно оправдаю Фрину,
Чуть только выйдет из зыбей.

ок. 1900

***

И холодной волной по железным бортам
Разбивается зыбь океана!
Только в меру ль ему и его глубинам
Сердца бедного жгучая рана?!

Нет! Плывет по тебе не живой богатырь,
Чтоб прославить красу боевую...
Нет! Останки везут, и темна твоя ширь
И баюкает мощь не живую!

Что мне в том, что я мал и что мир так велик,
И что я побежденным остался!
Все ж я соколом был, к поднебесью привык
И к нему сколько мог порывался.

Да, я мал! Да, я слаб! Но велик был любить
И велик неисходной тоскою...
И тебе, океан, той тоски не покрыть
Всею черной твоей глубиною!

ок. 1900

Последнее стихотворение:

РАУТ

И раут был блестящ! Вся зала
Сияла множеством огней...
Владыкам бирж и капитала
И представителям властей –

Повсюду лживые приветы,
Пожатья рук, любезность слов,
Недобрых взглядов рикошеты,
И блеск эмалей орденов...

А с женских плеч в лучах пылали,
Стремясь былое наверстать,
Алмазы, что в земле лежали
И утомились света ждать...

Казалось мне – певцов эстрада,
В цветах и искрах хрусталя,
Плыла, как некая громада,
Как яркий призрак корабля!

И к этим людям всякой власти,
Будя их мысли и сердца,
Сквозь листья пальм, как бы сквозь снасти,
Благовестила песнь певца.

Звучит мечтательная лира,
С ней заодно звучат слова,
И блещет свет иного мира
Сквозь их живыя кружева.

О! Сколько было тут химеры,
Как он кичился – нищ и наг, –
Как перерос свои размеры
Пустых людей ареопаг.

А пестун вечного значенья,
Глашатай чувства всех времен,
Певец, – ведь он для развлеченья
За деньги петь здесь приглашен!

Они ему рукоплескали,
И титулованный мирок
Сплеча оценивал скрижали,
Которых и прочесть не мог...

Тут вечное ничтожным стало,
Атланта с ног сшибал пигмей...
Корабль! Корабль! Отдай причала
И уплывай – скорей, скорей...

ок. 1900

АПУХТИН
Алексей Николаевич

1. Родился 15 (27 н. ст.) ноября 1840 г. в Болхове Орловской губернии в небогатой дворянской семье (древний род Опухтиных); умер 17 (29 н. ст.) августа 1893 г.

Поэтическая личность А. Апухтина формировалась в контексте поэтической культуры золотого (пушкинского) века.

Реализация поэтической способности А. Апухтина была обусловлена поэтическими судьбами М. Лермонтова, Ф. Тютчева и А. Фета. Герметичность поэтической личности А. Апухтина (с 1865 г. поэт, вернувшись в Петербург, не возобновляет контакты с литературной средой) определила явную архаичность способов его поэтического выражения. А. Апухтин подошел вплотную к созданию своего поэтического языка, однако не сумел преодолеть влияние поэтики первой трети XIX в.

Степень поэтической свободы А. Апухтина определяется как средне-высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности А. Апухтина сформировалась (была заимствована и трансформирована) на основе трагического и рефлексирующего мироощущения (М. Лермонтов, Ф. Тютчев), познания и отображения быта и бытия: трагическое темное, трагическое светлое, трагическое убивающее, трагическое воскрешающее – вот основной эстетический ориентир в поэтологическом сценарии А. Апухтина.

Доминанты поэтического дискурса – строфа как единство музыкальности, ритма, рифмы и т.п.

Доминанта языковой способности – фонетический и лексический (стилистический) компоненты с элементами синтаксиса.

Степень языковой свободы А. Апухтина определяется как средне-высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения А. Апухтина включает в себя следующие тексты:

***

Опять пишу тебе, но этих горьких строк
Читать не будешь ты... Нас жизненный поток
Навеки разлучил. Чужие мы отныне,
И скорбный голос мой теряется в пустыне.
Но я тебе пишу затем, что я привык
Всё поверять тебе, что шепчет мой язык
Без цели, нехотя, твои былые речи,
Что я считаю жизнь от нашей первой встречи,
Что милый образ твой мне каждый день милей,
Что нет покоя мне без бурь минувших дней,
Что муки ревности и ссор безумных муки
Мне счастьем кажутся пред ужасом разлуки.

1892

***

Всё, чем я жил, в чем ждал отрады,
Слова развеяли твои...
Так снег последний без пощады
Уносят вешние ручьи...
И целый день, с насмешкой злою,
Другие речи заглушив,
Они носились надо мною,
Как неотвязчивый мотив.

Один я. Длится ночь немая.
Покоя нет душе моей...
О, как томит меня, пугая,
Холодный мрак грядущих дней!
Ты не согреешь этот холод,
Ты не осве́тишь эту тьму...
Твои слова, как тяжкий молот,
Стучат по сердцу моему.

1892

***

Перед судом толпы коварной и кичливой
С поникшей головой меня увидишь ты
И суетных похвал услышишь лепет лживый,

Пропитанный враждой и ядом клеветы.
Но твой безмолвный взор, доверчивый и милый,
На помощь мне придет с участием живым...

Так гибнущий пловец, уже теряя силы,
Всё смотрит на маяк, горящий перед ним.
Свети же, мой маяк! Пусть буря, завывая,
Качает бедный челн, пусть высится волна,
Пускай вокруг меня и мрак, и ночь глухая...
Ты светишь, мой маяк, – мне гибель не страшна!

1893

Последнее стихотворение:

***

Вот тебе старые песни поэта –
Я их слагал в молодые года,
Долго таил от бездушного света,
И, не найдя в нем живого ответа,
Смолкли они навсегда.

Зреет в душе моей песня иная...
Как ни гони ее, как ни таи, –
Песня та вырвется, громко рыдая,
Стоном безумной любви заглушая
Старые песни мои.

1893 (?)

СОЛОВЬЕВ
Владимир Сергеевич

1. Родился 16 (28 н. ст.) января 1853 г. в Москве в семье известного историка С.М. Соловьева; дальний родственник Г. С. Сковороды; брат Всеволод – писатель; сестра Поликсена – поэт (псевдоним Allegro); умер 31 июля (12 августа н. ст.) 1900 г. в селе Узком под Москвой.

Поэтическая личность В. Соловьева формировалась в контексте европейской (Б. Спиноза, Э. Геккель, Ф. Лассаль, Л. Фейербах, Ч. Дарвин и др.) и русской (Д. И. Писарев, В. В. Берви-Флоровский, Ф.М. Достоевский и др.) философской, эстетической и поэтической культуры.

Поэтическая способность В. Соловьева реализовывалась в сферах поэзии, литературы и науки (философия, история, эстетика).

В. Соловьев не стремился создать свой поэтический язык, он, скорее, пытался осознать функционирование обобщенного типа русского (и мирового) поэтического языка и своей поэтической эмпирикой закрепить достижения XVIII–XIX вв. русской поэзии.

Степень поэтической свободы В. Соловьева определяется как средне-высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности В. Соловьева сформировалась на активном / научном способе прежде всего философского, а потом поэтического познания мира: истина – это «сущее всеединое», «внутренняя связь всего». В. Соловьев в процессе поэтического самопознания разработал свою концепцию эстетики на основе «философии всеединства». Подлинная поэзия, по В. Соловьеву, – это результат работы не ума, а вдохновения.

Доминанта поэтического дискурса В. Соловьева – это единство метра, ритма, рифмы, строфы и проч. как образец поэтического дискурса золотого века.

Доминанты языковой способности – фонетический, лексико-стилистический компоненты с элементами синтаксиса.

Степень языковой свободы В. Соловьева определяется как средне-высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения В. Соловьева может включить в себя практически любое стихотворение, что объясняется постоянным стремлением поэта выразить тайное, истинное, неизъяснимое. Среди прочих в данной парадигме присутствуют такие тексты:

БЕЛЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

...И я слышу, как сердце цветет.
Фет

Сколько их расцветало недавно,
Словно белое море в лесу!
Теплый ветер качал их так плавно
И берег молодую красу.

Отцветает она, отцветает,
Потемнел белоснежный венок,
И как будто весь мир увядает...
Средь гробов я стою одинок.

«Мы живем, твои белые думы,
У заветных тропинок души.
Бродишь ты по дороге угрюмой,
Мы недвижно сияем в тиши.

Нас не ветер берег прихотливый,
Мы тебя сберегли бы от вьюг.
К нам скорей, через запад дождливый,
Для тебя мы – безоблачный юг.

Если ж взоры туман закрывает
Иль зловещий послышался гром, –
Наше сердце цветет и вздыхает...
Приходи – и узнаешь, о чем».

15 августа 1899

***

Непроглядная темень кругом,
Слышны дальнего грома раскаты,
Нет и про́света в небе ночном,
Звезды скрылись – не жди их возврата.

1890-е (?)

LES REVENANTS*

Тайною тропинкою, скорбною и милою,
Вы к душе пробралися, и – спасибо вам!
Сладко мне приблизиться памятью унылою
К смертью занавешенным, тихим берегам.

Нитью непонятною сердце всё привязано
К образам незначащим, к плачущим теням.
Что-то в слово просится, что-то недосказано,
Что-то совершается, но – ни здесь, ни там.

Бывшие мгновения поступью беззвучною
Подошли и сняли вдруг покрывало с глаз.
Видят что-то вечное, что-то неразлучное
И года минувшие – как единый час.

16 января 1900

ДРАКОН

Зигфриду

Из-за кругов небес незримых
Дракон явил свое чело, –
И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.

Ужель не смолкнут ликованья
И миру вечному хвала,
Беспечный смех и восклицанья:
«Жизнь хороша, и нет в ней зла!».

* Призраки (фр.).

Наследник меченосной рати!
Ты верен знамени креста,
Христов огонь в твоем булате,
И речь грозящая свята.

Полно любовью божье лоно,
Оно зовет нас всех равно...
Но перед пастию дракона
Ты понял: крест и меч – одно.

24 июня 1900

Номинальное последнее стихотворение:

ВНОВЬ БЕЛЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

В грозные, знойные
Летние дни –
Белые, стройные
Те же они.

Призраки вешние
Пусть сожжены, –
Здесь вы нездешние,
Верные сны.

Зло пережи́тое
Тонет в крови, –
Всходит омытое
Солнце любви.

Замыслы смелые
В сердце больном, –
Ангелы белые
Встали кругом.

Стройно-воздушные
Те же они –
В тяжкие, душные,
Грозные дни.

8 июля 1900

Фактическое последнее стихотворение:

***

Трепетали и таяли звуки
И в безбрежную даль убегали;
Стихли сердца тревожного муки,
Потонув в беспредметной печали!

Эти звуки с собой уносили
Далеко все земные виденья
И рыдали, и тихо просили,
И замолкли в тоскливом волненье.

Ликовали знакомые звуки,
Возвращаясь из сумрачной дали,
За томленье минутной разлуки
Сколько счастья они обещали!

И, нежданные вести встречая,
Сердце в светлые грезы оделось
И, на райский призыв отвечая,
Чистым пламенем ярко зарделось.

опубл. 1921

ФОФАНОВ
Константин Михайлович

1. Родился 18 (30 н. ст.) мая 1862 г. в Петербурге в семье купца в первом поколении, выходца из крестьян, мать – крестьянка; умер 17 (29 н. ст.) мая 1911 г.

Поэтическая личность К. Фофанова формировалась и развивалась на основе традиций золотого века русской поэзии, но достаточно спонтанно и неуправляемо. Поэтическая способность К. Фофанова реализовалась благодаря его огромному стихотворному дару (А. Майков назвал К. Фофанова самым лучшим и талантливым, самым крупным поэтом, «приближающимся к Пушкину») и вопреки отсутствию в личности поэта системности образования, самоопределения и самоконтроля.

Поэт, несмотря на огромное количество написанных им стихотворных текстов, не сумел создать свой поэтический язык и преодолеть влияние поэтики пушкинской поры.

Степень поэтической свободы К. Фофанова определяется как средняя / средне-высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности К. Фофанова сформировалась на основе двух эстетических сценариев – пушкинского и своего, неопределенного и аморфного. Поэт не столько саморазвивался, сколько спешил выразить поэтически все, что вызывает «жгучие терзания сердца и страстные ликования» (И. Коневской). Эстетическая неопределенность обусловила множественность, неточность, зыбкость и бессистемность поэтического выражения К. Фофанова.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальность и ритм.

Доминанты языковой способности – фонетический и лексический компоненты.

Степень языковой свободы К. Фофанова определяется как средняя.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения К. Фофанова включает в себя среди прочих следующие тексты:

***

Так полно, так полно
Любил я в мечтах быстрокрылых, –
И долго, безмолвно
Томиться в мечтах был не в силах.

Так свято и страстно
Я веровал в песни и звуки,
Но верил напрасно –
От слова рождалися муки.

Душа отстрадала
В безмолвии тяжком и гордом, –
Но жалко ей стало
Расстаться с последним аккордом.

И стоны, и слезы
Вдруг хлынули дерзко наружу...
И с сердцем, как розы,
Увяла в осеннюю стужу.

1910

***

В день своего рожденья
Зачем ты не со мной?
Убито вдохновенье,
Охвачен я тоской.

Дней счастья и свободы
Затмилася звезда.
Ушли былые годы,
Как вешняя вода.

Стою я у развалин
Былого очага,
И хмур и опечален, –
Мне жизнь не дорога!

И скука в сердце томном,
Как в тереме пустом,

Холодном и огромном,
Где всё объято сном.

И слышен однозвучно
Шаг смерти в тишине...
Ужель тебе не скучно,
Не скучно так, как мне?

22 февраля 1911

Последнее стихотворение (написано за 16 дней до смерти):

***

Мелькают, как птицы, моторы
И пыль на дороге кружат,
И слепнут прохожего взоры,
И кажется, камни дрожат.

Под бешеный ритм завыванья
Во тьме исчезают густой –
То милые в шляпках созданья,
То с важною миной герой.

Горды молньепышущим лётом,
Напыщенны блеском своим,
Жизнь, чуждую горьким заботам,
Они расточают, как дым.

И хочется крикнуть: куда вы?
В погоню ль безумных страстей,
В погоню ль безумной забавы
Иль к плахе позорной своей?..

1 мая 1911

XX век

АННЕНСКИЙ Иннокентий Федорович
СОЛОГУБ Федор
ГИППИУС Зинаида Николаевна
БУНИН Иван Алексеевич
КУЗМИН Михаил Алексеевич
ВОЛОШИН Максимилиан
КОНЕВСКОЙ Иван
БЕЛЫЙ Андрей
БЛОК Александр Александрович
САДОВСКО́Й Борис Александрович
КЛЮЕВ Николай Алексеевич
ПАРНОК София Яковлевна
ХЛЕБНИКОВ Велимир
ГУМИЛЕВ Николай Степанович
ХОДАСЕВИЧ Владислав Фелицианович
СЕВЕРЯНИН Игорь
НАРБУТ Владимир Иванович
АХМАТОВА Анна
ПАСТЕРНАК Борис Леонидович
МАНДЕЛЬШТАМ Осип Эмильевич
АДАМОВИЧ Георгий Викторович
ЦВЕТАЕВА Марина Ивановна
МАЯКОВСКИЙ Владимир Владимирович
ШЕНГЕЛИ Георгий Аркадьевич
ИВАНОВ Георгий Владимирович

ЕСЕНИН Сергей Александрович
БАГРИЦКИЙ Эдуард Георгиевич
АНТОКОЛЬСКИЙ Павел Григорьевич
ТИХОНОВ Николай Семенович
ОЛЕЙНИКОВ Николай Макарович
НАБОКОВ Владимир Владимирович
УШАКОВ Николай Николаевич
ЗАБОЛОЦКИЙ Николай Алексеевич
ВВЕДЕНСКИЙ Александр Иванович
ХАРМС Даниил Иванович
ТАРКОВСКИЙ Арсений Александрович
КОРНИЛОВ Борис Петрович
ШТЕЙНБЕРГ Аркадий Акимович
ПЕТРОВЫХ Мария Сергеевна
ЧИННОВ Игорь Владимирович
ВАСИЛЬЕВ Павел Николаевич
ТВАРДОВСКИЙ Александр Трифонович
ЕЛАГИН Иван
ГЛАЗКОВ Николай Иванович
СЛУЦКИЙ Борис Абрамович
САМОЙЛОВ Давид
РУБЦОВ Николай Михайлович
БРОДСКИЙ Иосиф Александрович
СОПРОВСКИЙ Александр Александрович
РЫЖИЙ Борис Борисович

АННЕНСКИЙ
Иннокентий Федорович

1. Родился 20 августа (1 сентября н. ст.) 1855 г. в Омске; умер 30 ноября (13 декабря н. ст.) 1909 г. в Петербурге; похоронен в Царском Селе.

Поэтическая личность И. Анненского – это новый тип личности поэта XX в. (несмотря на то, что И. Анненский родился раньше К. Фофанова на 7 лет, он является первым в генетическом и поэтологическом отношении поэтом XX в., тогда как классическая муза надрыва К. Фофанова закрывает в общем развитии XIX (второй после XVIII-го) век русской поэзии).

И. Анненский – поэт XX в. еще и потому, что его поэзия в 10-20-х гг. нового века стала образцом поэзии не дискурса, музыки и экспрессии, а языка, культуры и духа.

Поэтическая способность И. Анненского реализовалась полностью: поэт создал свой тип поэтического выражения, свой поэтический язык, комплексная (культурная, эстетическая, вербальная, дискурсная и духовная) природа которого обеспечила в равной степени и доле эффективное функционирование всех элементов системы и структур поэтического текста.

Степень поэтической свободы И. Анненского определяется как высокая / очень высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности И. Анненского формировалась в контексте мировой и русской поэтической культуры (античная поэзия, западноевропейская поэзия, Н. Гоголь, М. Лермонтов и др.). Эстетический сценарий И. Анненского-поэта создавался в условиях постоянной и мучительной попытки самосознания, самоощущения и самооценки: И. Анненского-филолога считают «символистом» и концептотворцем «символизма», однако поэт-ученый-переводчик просто-напросто выяснял прежде всего для себя философско-психологическую основу поэтического творчества (творчества вообще), отрицая в эстетике схематизм и педантизм. Поэтическая эстетика И. Анненского зиждется на

противоречивом единстве внешнего и внутреннего, мучительного и счастливого, светлого и темного, т. е. быта и бытия.

Доминанта поэтического дискурса И. Анненского – синтез музыкальности, ритма, рифмы и строгой синтаксической строфы.

Доминанты языковой способности – фонетический, лексический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы И. Анненского определяется как высокая / очень высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения И. Анненского среди прочих включает в себя следующие тексты:

СРЕДИ МИРОВ

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

3 апреля 1909, Ц<арское> С<ело>

К МОЕМУ ПОРТРЕТУ

Игра природы в нем видна,
Язык трибуна с сердцем лани,
Воображенье без желаний
И сновидения без сна.

19??

ПОЭТУ

В раздельной четкости лучей
И в чадной слитности видений
Всегда над нами – власть вещей
С ее триадой измерений.

И грани ль ширишь бытия
Иль формы вымыслом ты множишь,
Но в самом *Я* от глаз – *Не Я*
Ты никуда уйти не можешь.

Та власть маяк, зовет она,
В ней сочетались бог и тленность,
И перед нею так бледна
Вещей в искусстве прикровенность.

Нет, не уйти от власти их
За волшебством воздушных пятен,
Не глубиною манит стих,
Он лишь как ребус непонятен.

Краса открытого лица
Влекла Орфея пиерида.
Ужель достойны вы певца,
Покровы кукольной Изиды?

Люби раздельность и лучи
В рожденном ими аромате.
Ты чаши яркие точи
Для целокупных восприятий.

19??

Последнее стихотворение:

МОЯ ТОСКА

<М. А. Кузмину>

Пусть травы сменятся над капищем волненья,
И восковой в гробу забудется рука,
Мне кажется, меж вас одно недоуменье
Всё будет жить мое, одна моя Тоска...

Нет, не о тех, увы! кому столь недостойно,
Ревниво, бережно и страстно был я мил...
О, сила любящих и в муке так спокойна,
У женской нежности завидно много сил.

Да и при чем бы здесь недоуменья были –
Любовь ведь светлая, она кристалл, эфир...
Моя ж безлюбая – дрожит, как лошадь в мыле!
Ей – пир отравленный, мошеннический пир!

В венке из тронутых, из вянущих азалий
Собралась петь она... Не смолк и первый стих,
Как маленьких детей у ней перевязали,
Сломали руки им и ослепили их.

Она бесполая, у ней для всех улыбки,
Она притворщица, у ней порочный вкус –
Качает целый день она пустые зыбки,
И образок в углу – сладчайший Иисус...

Я выдумал ее – и все ж она виденье,
Я не люблю ее – и мне она близка,
Недоумелая, мое недоуменье,
Всегда веселая, она моя тоска.

12 ноября 1909, Царское Село

СОЛОГУБ
Федор
(наст. имя ТЕТЕРНИКОВ Федор Кузьмич)

1. Родился 17 (29 н. ст.) февраля 1863 г. в Петербурге в семье портного и прислуги в господском доме; рос и учился вместе с господскими детьми; умер 5 декабря 1927 г. в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург).

Поэтическая личность Ф. Сологуба сформировалась в контексте европейской (А. Шопенгауэр) и русской (Л. Шестов) философской и поэтической (А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Некрасов и др.) культуры.

Поэтическая способность Ф. Сологуба реализовывалась как часть тройственной системы его творческой личности вообще: поэзия, проза и драматургия составляли единую целостную основу его лингвокультурных, эстетических и духовных экспериментов.

Ф. Сологуб создал свой поэтический язык, который имел огромную репродуктивную силу: мрачная энергия поэзии Ф. Сологуба отозвалась в стихах многих поэтов XX в.

Степень поэтической свободы Ф. Сологуба определяется как средне-высокая в силу архаичности и некоторой искусственности, проявлявшихся в его способах выражения неизъяснимого.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности Ф. Сологуба выражается в модернизации поэтической традиции XIX в.; А. Блок отмечал, что предметом поэзии Ф. Сологуба была прежде всего «душа, преломляющая мир в себе, а не мир, преломленный в душе». Эстетический сценарий «традиционного модерниста» Ф. Сологуба основывался на новых и явных (в отличие от поэтики Ф. Тютчева и И. Анненского) способах тайного, магического выражения эсхатологической части души, не поддающейся прямому физическому и художественному анализу.

Доминанты поэтического дискурса Ф. Сологуба – метр, ритм и строфа (В. Брюсов заметил, что только в 1-м томе собр. соч. поэта (изд-во «Шиповник» – СПб., 1910)

в 177 стихотворениях обнаружено более 100 различных метров и построений строф).

Доминанты языковой способности – фонетический, лексический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы Ф. Сологуба определяется как высокая.

3. Парадигма последнего стихотворения Ф. Сологуба среди прочих включает в себя такие тексты:

***

Пой по-своему, пичужка,
И не бойся никого.
Жизнь – веселая игрушка
И не стоит ничего.

Что бояться? Зачарует
Змей, таящийся в лесу, –
Или запах твой взволнует
Кровожадную лису, –

С высоты ли ястреб комом
На тебя вдруг упадет, –
Из ружьишка ль с дряблым громом
Человечишка убьет, –

Что ж такое! Миг мученья
Тонет в бездне роковой,
Но не гаснет вдохновенье.
Пой же, маленькая, пой!

28 августа 1925

***

Ты жизни захотел, безумный!
Отвергнув сон небытия,
Ты ринулся к юдоли шумной.
Ну что ж! теперь вся жизнь – твоя.

Так не дивися переходам
От счастья к горю: вся она,
И день и ночь, и год за годом,
Разнообразна и полна.

Ты захотел ее, и даром
Ты получил ее, – владей
Ее стремительным пожаром
И яростью ее огней.

Обжегся ты. Не всё здесь мило,
Не вечно пить сладчайший сок, –
Так улетай же, легкокрылый
И легковесный мотылек.

21 декабря 1926

Последнее стихотворение:

***

Подыши еще немного
Тяжким воздухом земным,
Бедный, слабый воин бога,
Странно зыблемый, как дым.

Что Творцу твои страданья?
Кратче мига – сотни лет.
Вот – одно воспоминанье,
Вот – и памяти уж нет.

Страсти те же, что и ныне...
Кто-то любит пламя зорь...
Приближаяся к кончине,
Ты с Творцом твоим не спорь.

Бедный, слабый воин бога,
Весь истаявший, как дым,
Подыши еще немного
Тяжким воздухом земным.

30 июля 1927

ГИППИУС
Зинаида Николаевна
(псевд. Антон КРАЙНИЙ и др.,
в замужестве МЕРЕЖКОВСКАЯ)

1. Родилась 8 (20 н. ст.) ноября 1869 г. в г. Белев Тульской губернии в семье, которая ведет начало от немца Адольфуса фон Гингста (обосновался в Москве в XVI в.), отец – юрист, мать – урожденная Степанова, дочь екатеринбурского полицмейстера; умерла 9 сентября 1945 г. в Париже; похоронена на русском кладбище Сент-Женевьев-де Буа под Парижем.

Поэтическая личность З. Гиппиус формировалась в контексте новой философской (метафизика любви и неорелигиозные воззрения, поиск богочеловека и т. д.) и поэтической культуры России, а также развивалась в течение долгих лет и за границей (преимущественно во Франции) в условиях вынужденного двуязычия. Билингвистическое отношение к миру, как правило, обостряет видение и осознание бытия в рамках родной языковой картины мира. Поэтическая личность З. Гиппиус испытала влияние поэзии Я. Полонского, А. Майкова, Ф. Сологуба, А. Блока, В. Брюсова, Андрея Белого и др.

Реализация поэтической способности З. Гиппиус постоянно корректировалась рациональным натиском теофилософии (В. Розанова) и активного ожидания грядущей Богочеловеческой теократии.

З. Гиппиус как поэт вторгалась в сферу прозы и эстетики и, наоборот, подвергала свое поэтическое творчество философскому насилию, пытаясь совместить поэтическое выражение неизъяснимого с ментальным и физическим стремлением к метафизическому, к недостижимому и достичь таким образом запредельной гармонии богочеловеческого быта и бытия (быто-бытия).

З. Гиппиус создавала свой поэтический язык, особенно в его интонационной и функционально-смысловой (тематической) сфере, причем усилия, направленные на создание такого языка, были вполне мужскими – даже на уровне прямого языкового сознания и выражения.

Степень поэтической свободы З. Гиппиус определяется как средне-высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности З. Гиппиус совмещала в себе основные черты традиционализма (формы поэтического дискурса) и модернизма (тотальная концептуальность содержания). Эстетический сценарий поэта строился одновременно на художественном и экзистенциальном индивидуализме и отношении одиночества (как не-отношении к миру) и на тяготении к традиционности толпы и обезбоженному миру: З. Гиппиус пыталась синтезировать индивидуальную эстетику богочеловека и типовую эстетику религиозной соборности. Бытобытие З. Гиппиус – это очередная попытка догадки и открытия бессмертия, приводящая к смерти как к открытию запредельности истины – истины не быта, но бытия.

Доминанты поэтического дискурса – метр, ритм, строфа.

Доминанта языковой способности – лексический компонент с элементами синтаксиса.

Степень языковой свободы З. Гиппиус определяется как средняя.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения З. Гиппиус включает в себя такие стихотворения:

***

Д. С. МЕРЕЖКОВСКОМУ

Я больше не могу тебя оставить.
Тебе я послан волей не моей:
Твоей души, чтоб душу жечь и плавить,
Чтобы отдать мое дыханье – ей.
И связанный и радостный, свободно
Пойду с тобой наверх по ступеням,
Так я хочу – и так Ему угодно:
Здесь неразлучные – мы неразлучны там.

1942

***

В. А. ЗЛОБИНУ

Я должен и могу тебя оставить.
Тебе был послан я – но воля не моя.

Я не могу ничем тебя исправить.
И друг от друга мы свободны: ты и я.
Будь с тем – с кем хочешь быть поближе,
Спускайся к ним по шатким ступеням.
А я пойду туда, в St. Geneviive, и ниже,
И встречусь с тем одним, с кем быть хочу и там.

1943

***

Когда-то было, меня любила*
Его Психея, его Любовь.
Но он не ведал, что Дух поведал
Ему про это – не плоть и кровь.
Своим обманом он счел Психею,
Своею правдой – лишь плоть и кровь.
Пошел за ними, а не за нею,
Надеясь с ними найти Любовь.
Но потерял он свою Психею,
И то, что было, – не будет вновь.
Ушла Психея, и вместе с нею
Я потеряла его любовь.

1943, Париж

Последнее стихотворение:

***

По лестнице... ступени всё воздушней
Бегут наверх иль вниз – не всё ль равно!
И с каждым шагом сердце равнодушней:
И всё, что было, – было так давно...

лето 1945

---

* Это стихотворение посвящено Д. Философову, на его смерть, и впервые написано от лица женщины

БУНИН
Иван Алексеевич

1. Родился 10 (22 н. ст.) октября 1870 г. в Воронеже в семье, принадлежавшей к старинному дворянскому роду польского происхождения; родственниками И. Бунина были поэты Анна Бунина и Василий Жуковский; в 1820 г. эмигрировал во Францию; умер 8 ноября 1953 г. в Париже.

Поэтическая личность И. Бунина сформировалась в контексте классической поэтической (А. Фет, Я. Полонский, А. Толстой и др.) и художественно-словесной культуры.

Поэтическая способность И. Бунина реализовалась в процессе глубоких художественных переживаний и осмысления мира и себя в нем; поэтическое выражение И. Бунина направлялось на духовное единство вечного, случайного и преходящего: эмоциональные номинации поэта очень точны, почти фотографичны и вместе с тем глубоки и настолько обобщенны, что – и в прозе, и в поэзии – остаются эталонными в лингвокультурном отношении на протяжении всего XX в.

И. Бунин создал свой поэтический язык, репродуктивная энергия и сила которого проявилась в поэзии Г. Иванова, Н. Заболоцкого, А. Тарковского и др.

Степень поэтической свободы И. Бунина определяется как высокая / очень высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности И. Бунина сформировалась и развивалась в рамках русского классического сценария, основывавшегося на вечных нравственно-духовных идеалах-ориентирах, на вере в Добро, в Бога и в Красоту. Эстетика И. Бунина проста: его поэтическая картина мира – это часть общей Божественной языковой панорамы бытия.

Доминанты поэтического дискурса И. Бунина – музыкальность, ритм, рифма и синтаксически строгая строфа.

Доминанты языковой способности – фонетический, грамматический, лексический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы определяется как высокая / очень высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения И. Бунина среди прочих включает в себя такие стихотворения:

ВЕНКИ

Был праздник в честь мою, и был увенчан я
Венком лавровым, изумрудным:
Он мне студил чело, холодный, как змея,
В чертоге пирном, знойном, людном.

Жду нового венка – и помню, что сплетен
Из мирта темного он будет:
В чертоге гробовом, где вечный мрак и сон,
Он навсегда чело мое остудит.

1950

НОЧЬ

Ледяная ночь, мистраль
(Он еще не стих).
Вижу в окна блеск и даль
Гор, холмов нагих.
Золотой недвижный свет
До постели лег.
Никого в подлунной нет,
Только я да бог.
Знает только он мою
Мертвую печаль,
То, что я от всех таю...
Холод, блеск, мистраль.

1952

Последнее стихотворение:

ИСКУШЕНИЕ

В час полуденный, зыбко свиваясь по Древу,
Водит, тянется малой головкой своей,
Ищет трепетным жалом нагую смущенную Еву
Искушающий Змей.
И стройна, высока, с преклоненными взорами Ева,
И к бедру ее круглому гривою ластится Лев,
И в короне Павлин громко кличет с запретного Древа
О блаженном стыде искушаемых дев.

1952

P. S. По древним преданиям, в искушении Евы участвовали Лев и Павлин (прим. И. А. Бунина).

КУЗМИН
Михаил Алексеевич

1. Родился 6 (18 н. ст.) октября 1872 г. в Ярославле в семье, принадлежавшей старинному дворянскому роду; талантливый музыкант; умер 1 марта 1936 г. в Ленинграде; похоронен на Волковом кладбище.

Поэтическая личность М. Кузмина развивается в контексте музыкальной (поэт учился у Н. А. Римского-Корсакова и А. К. Лядова), поэтической (античной, старофранцузской и русской) культуры. Реализация поэтической способности М. Кузмина интенсифицировалась замечательной восприимчивостью поэта ко всему тонкому и прекрасному и была непрерывной в течение всей жизни, сопрягаясь с реализациями его музыкальной и вообще творческой личности.

М. Кузмин создал свой поэтический язык на основе «нового» поэтического дискурса, восходящего к общеевропейской музыкальности и наивности стиха, а также к античным строфам, модернизированным поэтом и превращенным в новые образцы русской строфы.

Степень поэтической свободы М. Кузмина определяется как высокая / очень высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности М. Кузмина сформировалась в рамках староевропейского (античная и старофранцузская поэтическая эстетика) сценария. Поэт создал свой способ поэтического осознания мира и его выражения на основе абсолютно нежного и интимного, «изумительного по чуткости» (И. Анненский) отношения к быту и бытию.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальность, ритм и сложная строфа.

Доминанты языковой способности М. Кузмина – фонетический, лексический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы М. Кузмина определяется как высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения М. Кузмина включает в себя среди прочих такие тексты:

***

Блеснула лаком ложка, –
И лакомка-лучок
Сквозь мерзлое окошко
Совсем, совсем немножко
Отведал алых щек.

Не метена избенка,
Не вытоплена печь.
Звенит легко и звонко,
Умильнее ребенка,
Неслышимая речь.

Кто в небе мост поставил,
Взрастил кругом леса?
Кто, обращенный Павел,
Наставил и прославил
Простые чудеса?

Намеков мне не надо.
О, голос, не пророчь!
Повеяла прохлада,
Пастух загонит стадо,
Когда настанет ночь.

Хрустальная лачуга.
Благословенный дом.
Ни скорби, ни испуга, –
Я вижу рядом друга
За тесаным столом.

апрель 1926

***

Золотая Елена по лестнице
Лебедем сходит вниз.
Парень, мнущий глину на задворках,
Менее смешон, чем Парис.
Тирские корабли разукрашены –
(Белугою пой, Гомер!)
Чухонские лайбы попросту

В розовой заводи шхер.
Слишком много мебели,
Шелухой обрастает дом.
Небесные полотеры шепотом
Поставили всё вверх дном.
В ужасе сердце кружится...
Жарю, кипячу, варю...
Прямая дорога в Удельную,
Если правду заговорю.
Покойники, звери, ангелы,
Слушайте меня хоть вы!
Грошовыми сережками связаны,
Уши живых – мертвы.

ноябрь 1926

ПАМЯТИ ЛИДИИ ИВАНОВОЙ

Завет, воспоминание, испуг?
Зачем опять трепещут тополя?
В безветрии истаял томный звук,
Тепло и жизнь покинули поля.

А грезилась волшебная страна,
Фонтаны скрипок, серебристый тюль,
И не гадала милая весна,
Что встретить ей не суждено июль.

Исчезла. Пауза. Безмолвна гладь.
Лишь эхо отвечает на вопрос,
И в легком духе можем отгадать
Мы веянье уже нездешних роз...

апрель 1927

Последнее стихотворение:

***

О. Н. Арбениной-Гильдебрандт

Сколько лет тебе, скажи, Психея?
Псюхэ милая, зачем считать?
Всё равно ты будешь, молодея,
В золотые рощи прилетать.

В этих рощах воздух не прозрачный,
Испарений и туманов полн,
И заливы спят под тучей мрачной
В неподвижности тяжелых волн.

Там пустые, темные квартиры,
Где мерцает беловатый пол,
Или ночи северной Пальмиры,
Иль невиданный, пустынный мол.

У заборов девочки-подружки
Ожидают, выстроившись в ряд,
Или смотрят, позабыв игрушки,
На чужой и недоступный сад.

Там играют в сумерках Шопена.
Тот, кого зовут, еще в мечтах,
Но соперничество и измена
Уж видны в приподнятых глазах.

Там по царским дням в парадной ложе
Восседает Смольный институт,
А со сцены, на туман похожи,
Лебеди волшебные плывут.

Но, сквозь пар и сумрак розовея,
Золотая роща нам видна,
И пути к ней, юная Психея,
Знаешь, молодея, ты одна.

11 января 1930

ВОЛОШИН
Максимилиан
(наст. имя КИРИЕНКО-ВОЛОШИН
Максимилиан Александрович)

1. Родился 16 (28 н. ст.) мая в 1877 г. в Киеве в семье юриста, предки которого были казаками из Запорожья; мать Е.О. Глазер – немка; умер 11 августа 1932 г.

Поэтическая личность М. Волошина сформировалась в контексте евроазиатской философской (Ф. Ницше, Вл. Соловьев), поэтической (итальянская, французская, русская поэзия) и художественной в целом культуры. Развитие поэтической способности М. Волошина характеризуется дискретностью (с 1926 г. М. Волошин бросает писать стихи и занимается только живописью), ее реализация происходила в единстве с живописной деятельностью поэта и часто в условиях двуязычия (поэт подолгу жил во Франции, в Париже).

М. Волошин подошел вплотную к созданию своего языка, который наиболее сильно, энергично и явно реализуется лишь в отдельных, как правило, «пророческих стихах», посвященных судьбе России и русского народа в период революционных катаклизмов.

Степень поэтической свободы М. Волошина определяется как средне-высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности М. Волошина формировалась на основе особенностей национального самосознания и осмысления мира: историко-философский объем его эстетического сценария определил специфические способы поэтического выражения понятного и неизъяснимого (напр., «исторический пейзаж»).

Эстетика М. Волошина есть его собственный путь совершенствования, а не рациональное освоение быта и бытия («разум есть творчество навыворот», по определению поэта); познание мира М. Волошин считал «искажением мира», который, по мысли поэта, может быть воспринят, осознан и освоен только в процессе художественного творчества.

Доминанты поэтического дискурса – ритм, рифма, строфа.

Доминанта языковой способности – лексико-стилистичес-

кий компонент с элементами синтаксиса.

Степень языковой свободы М. Волошина определяется как средне-высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения М. Волошина среди прочих включает в себя такие тексты:

СОЛОМОН

Весенних токов хмель, и цвет, и ярь.
Холмы, сады и виноград, как рама.
Со смуглой Суламифью – юный царь.
Свистит пила, встают устои храма,

И властный дух строителя Хирама
Возводит Ягве каменный алтарь.
Но жизнь течет: на сердце желчь и гарь.
На властном пальце – перстень: гексаграмма.

Оцир и Пунт в сетях его игры,
Царица Савская несет дары,
Лукавый Джин и бес ему покорны.

Он царь, он маг, он зодчий, он поэт...
Но достиженья жизни – иллюзорны,
Нет радости: «Всё суета сует».

26 августа 1924, Коктебель

***

На берегах Эгейских вод
Белье стирала Навзикая.
Над Одиссеем небосвод
Вращался, звездами мерцая.
Эфир огнями проницая,
Поток срывался Персеид.
И, прах о небо зажигая,
Не остывал аэролит.

Я падал в бездны. Мой полет
Насквозь, от края и до края,
Алмазом резал синий лед,

Пространство ночи раздирая.
Денница – жег миры тогда я,
Сам пеплом собственным повит,
Но, стужу звездную пронзая,
Не остывал аэролит.

Из века в век, из рода в род, –
Лафоргов вальс планет сбивая,
Сперматозоиды фокстрот
Танцуют, в гроте нимф сверкая.
И Афродита площадная
Тела качает, дух щемит,
Чтоб, вечность оплодотворяя,
Не остывал аэролит.

Поэт, упавший к нам из рая,
Ты спишь под гнетом звездных плит,
Чтоб, в землю семя зарывая,
Не остывал аэролит.

август 1928, Коктебель

Последнее стихотворение:

***

Революция губит лучших,
Самых чистых и самых святых,
Чтоб, зажав в тенетах паучьих,
Надругаться, высосать их.
Драконоборец Егорий,
Всю ты жизнь провел на посту –
В уединении лабораторий
И в сраженьях лицом к лицу.

1931, Коктебель

КОНЕВСКОЙ
Иван
(наст. имя ОРЕУС Иван Иванович)

1. Родился 19 сентября (1 октября н. ст.) 1877 г. в Петербурге; умер 8 июля 1901 г. – утонул во время купания в реке Аа (Гаус) недалеко от станции Зегевольд (Сигулда) под Ригой.

Поэтическая личность И. Коневского формировалась под влиянием европейской (Верхарн, де Ренье, Метерлинк, Суинберн) и русской (первая четверть XIX в.) поэзии, а также немецкой (Кант, Ницше) и русской (Вл. Соловьев) философии.

Короткая жизнь поэта обусловила стремительную и интенсивную реализацию его поэтической способности (первый и единственный сборник поэзии и прозы «Мечты и думы» – 1900 г.)

И. Коневской не успел создать своего поэтического языка: формы его поэтического выражения были архаичны и восходили к традициям русского классического стихосложения начала XIX в.

Степень поэтической свободы И. Коневского определяется как средняя.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности И. Коневского осталась в недооформленном виде: на основе западноевропейского и традиционно русского эстетических сценариев создавался свой – поэтическое выражение «мистической любви» и «горнего идеала» (Вл. Соловьев), усиленное авторской интенцией проникнуть в прикровенные тайны быта и бытия, особенно – последнего.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальность и строгая строфа.

Доминанты языковой способности – фонетический и лексико-стилистический компоненты.

Степень языковой свободы И. Коневского определяется как средне-высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения И. Коневского может быть представлена в виде всего очень небольшого наследия поэта и включает в себя следующие тексты:

***

Когда явленья бьются и играют,
Когда стремится ветер, вьется дым,
Ужель мой дух тогда не умирает
И он не то, что перед ним?

Он тот же, иль себя уже не знает,
Ни сам себя, ни тверди голубой,
И нет всего, что дух лишь заклинает,
Заворожен собой?

В торжественно-обманное мгновенье,
Когда навесы ветхие спадут,
Настанет ли навеки откровенье,
Иль снова дни уйдут?

июнь 1899

К ПЛАСТИКУ

Сама себя снедающая сила,
Не знаю я спокойных колоннад,
Где уж не раз душа твоя вкусила
Дыханье вечно истинных отрад.

По целым дням ты солнце созерцаешь,
А я все жду восторженных часов,
Меж тем как ты торжественно бряцаешь
На арфе безглагольных голосов.

Я в зрелища вхожу неудержимо,
И жду, куда мой путь меня умчит.
А ты стоишь и внемлешь недвижимо,
И дух твой прям, и голос твой молчит.

Познал ты правду вечную кумиров:
В крушеньях мира только их узнал.
А я всегда лишь ропот буйных клиров
И страстный трепет сердцем понимал.

Так я живу, всечасно пораженный
Сияньем ярким, шорохом глухим.
Куда ж несусь, дрожащий, обнаженный,
Крутясь, как лист, над омутом мирским?

4–9 декабря 1898, Петербург

Последнее стихотворение:

***

Солнце на вершине мачты.
Мы за ним летим.
Ветр, заливистый трубач ты,
Ветра мы хотим.

Небо – жизни плащаница.
Воды – ризы волшебной ткань.
О взыграй до восторга, зеница,
До зенита воспрянь!

Ветер, выспренний трубач ты,
Зычный голос бурь;
Солнце на вершине мачты –
Вождь наш сквозь лазурь.

5 июля 1901

БЕЛЫЙ
Андрей
(наст. имя БУГАЕВ Борис Николаевич)

1. Родился 14 (26 н. ст.) октября 1880 г. в семье ученого-математика в Москве; прозаик, филолог; умер 8 января 1934 г. в Москве.

Поэтическая личность А. Белого оформлялась и развивалась в контексте философской (Ф. Ницше, Вл. Соловьев, И. Кант, а позднее Р. Штейнер) и поэтической, и филологической культуры Европы и России. Поэтическая личность А. Белого стала ядром его творческой личности в целом – личности прозаика и филолога-стиховеда.

Поэтическая способность А. Белого реализовалась в единстве с реализацией других сфер его личности – прозаической и научной. Однако А. Белый лишь приблизился к созданию своего поэтического языка – преимущественно к его формальной и дискурсной стороне (ритмы, строфы, графика и проч.). Поэт создал некие спонтанные, «одноразовые» варианты индивидуально-авторской, скорее, речи, нежели языка. Поэтому степень поэтической свободы А. Белого определяется как средняя.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности А. Белого как система является крайне и противоречиво полиструктурной и внутри структур диффузной: от Вл. Соловьева к Р. Штейнеру (антропософия, религиозное строительство и проч.), от Ницше к И. Канту, а от И. Канта – к Н. Некрасову (от познавательности и точных знаний – к народно-мифологическому ужасу и красоте). Эстетический сценарий А. Белого существовал в рамках и ориентирах, обусловленных динамикой его «духовных интуиций» (Р. Штейнер), поэтому поэтическое выражение А. Белого было направлено прежде всего на себя и сквозь себя – на мир, искаженный интуитивными и «броуновскими» представлениями о мире поэта-интуитивиста, описателя своих предчувствий и предощущений.

Доминанты поэтического дискурса – графика, ритм, строфа.

Доминанты языковой способности – фонетический и лексический компоненты.

Степень языковой свободы А. Белого определяется как средняя / средне-высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения А. Белого включает в себя среди прочих такой текст:

***

Вы – зори, зори! Ясно огневые,
Как старое, кровавое вино, –
Пусть за плечами нити роковые
Столетий старых ткет веретено.

Лежу в траве на луге колосистом,
Бьется с трепетом кольцо
Из легких трав:
То змея червонным свистом
Развивается, из легких трав –
В лицо!

Обвейся, жаль!
Восторгом ядовитым
Отравлен я; мне ожерельем будь!
Мою печаль
Восторгом ядовитым
Ты осласти и – ввейся в грудь.

Ты – золотое, злое ожерелье!
Обвей меня: целуй меня –
Кусай меня,
Змея!..
О, странное веселье!
О, заря!

апрель 1909, Москва

Последние стихотворения:

[Первое]

КОЛЬЦО

– «Кольцо –
– Сними мое:
Мое, как лед –
Лицо!..

В сырой, –
– Как лед, глухой,
Земле – скорей
Укрой!..
Мой дух –
– Сквозной взметет
В поля – сквозной
Воздух!..*
– Тебя –
– Найдет серебряным
Лучом
Кипя –
– Любовь! –
– Моя!..»
.....
И – то – ж: –
– Благоухающее
Поле, –
Рожь, –
В ночь
Улетающие
Волны, ветер,
Ночь...
Гул
Вдруг забрякавших
Колокольцов –
Плеснул,
Как в сон –
– Проплакавший,
Серебряный –
Трезвон –
– Тех –
– Похорон...

1931, Москва

* «Воздух» (а не воздух): покров на умерших.

[Второе]

***

Зори, –
Вы
Угарно
Огневое –
– Старое
Янтарное
Вино!
Тот же круг
И ков
Столетий –
– Те же сети –
Ткет
Из года в год –
– Веков
Веретено!
Трав
Густой
Настой
На луге колосистом!

Полни, –
– Солнце, –
– Круг,
Кольцо
Из молний!
Ты –
Змея!
–
... Змея
Из трав
В лицо –
– Взвилась –
– Сердитым
Свистом...
–––––
Жаль
Восторгом ядовитым, –

Жаль, –
Печаль
Моя!
Полудень, –
Стой!..
– «О, золотой,
О, –
Мой!»
Полудень –
Непробуден:
Я –
Отравлен тьмой –
От
Света!
О, конец!
Кольцо
Колец!
О, –
– Злое, злое,
Злое –
– Лето!

1909, 1931

БЛОК
Александр Александрович

1. Родился 16 (28 н. ст.) ноября 1880 г. в семье юриста в Петербурге; воспитывался в семье деда, известного ботаника А. Н. Бекетова, ректора Петербургского университета; умер, находясь в состоянии депрессии, от сердечной недостаточности 7 августа 1921 г. в возрасте ок. 41 года в Петрограде.

Поэтическая личность А. Блока сформировалась в контексте русской поэтической культуры (В. Жуковский, А. Пушкин, М. Лермонтов, Ф. Тютчев, Ап. Григорьев, Я. Полонский, А. Фет). Поэтическая способность А. Блока реализовывалась в поэтическом выражении «двоемирия» (Платон, В. Жуковский, А. Фет) и воплощении в поэтическом языке идеала земной – неземной красоты (концепция Вечной Женственности).

А. Блок создал свой поэтический язык, развивавшийся от лексического концептуализма к общеязыковым целостным номинациям быта и бытия, тела и души, ужаса и красоты, жизни и смерти.

Степень поэтической свободы А. Блока определяется как высокая / очень высокая.

2. Эстетический сценарий поэтической личности А. Блока формировался последовательно на учении Платона, Вл. Соловьева о жизни (красота воссоздается из хаоса мира и души художника). Поэтическое выражение А. Блока опирается на его концепцию Всеведения Поэта, которая была противопоставлена социальной динамике / катастрофе и неопределенной, непредсказуемой определенности русской Азии («Скифы»). Поэзия, по А. Блоку, как «музыка мирового оркестра» противостоит и жизни, и смерти, и их социальным, диким проявлениям революционного и др. характера. Основные эстетические и бытийные ориентиры поэтической личности А. Блока – добро, свет и свобода.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальность, ритм, рифма, строфа.

Доминанты языковой способности – фонетический, лексический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы А. Блока определяется как высокая / очень высокая.

3. В поэтическую парадигму последнего стихотворения А. Блока входят следующие стихотворения:

СКИФЫ

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но нам ласкает слух оно...

Вл<адимир> С<оловьев>

Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, Скифы – мы! Да, азиаты – мы, –
С раскосыми и жадными очами!

Для вас – века, для нас – единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас –
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот – срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет – не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!..

Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!...

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим все – и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним всё – парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

Мы любим плоть – и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы,
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные обьятья!
Пока не поздно – старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем – братья!

А если нет, – нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века – вас будет проклинать
Больное, позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы – отныне – вам – не щит,
Отныне в бой не вступим сами!
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый Гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!...

В последний раз – опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз – на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

30 января 1918

Л.А.Д.

(надп<ись> на «Седом Утре»)

Едва в глубоких снах мне снова
Начнет былое воскресать, –
Рука уж вывести готова
Слова, которых не сказать...
Но я руке не позволяю
Писать про виденные сны,
И только книжку посылаю
Царице песен и весны...
В моей душе, как келья, душной,
Все эти песни родились.

Я их любил. И равнодушно
Их отпустил. И понеслись...
Неситесь! Буря и тревога
Вам дали легкие крыла,
Но нежной прихоти немного
Иным из вас *она* дала...

23–24 октября 1920

Последнее стихотворение:

ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

Имя Пушкинского Дома
В Академии наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

Это – звоны ледохода
На торжественной реке,
Перекличка парохода
С пароходом вдалеке,

Это – древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижном скакуне.

Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.

Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.

Пушкин! *Тайную свободу*
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук –
Имя Пушкинского Дома
В Академии наук.

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

1921

САДОВСКО́Й
Борис Александрович
(наст. фам. САДОВСКИЙ)

1. Родился 10 (22 н. ст.) февраля 1881 г. в Ардатове Нижегородской губернии в семье историка А. Я. Садовского; в 1916 году поэта разбил паралич; литературный мистификатор («Воспоминания Н. И. Попова» о Н. А. Некрасове, а также «неизвестное стихотворение Н. Некрасова «Солнышко село. Тюремной решетки...» и т. д.); с 1929 г. до конца жизни находился в церковном подвальчике Новодевичьего монастыря; поэта считали давно умершим, однако умер он 5 марта 1952 г.

Поэтическая личность Б. Садовского сформировалась в русле традиционной русской поэтической культуры XIX в. (от А. Пушкина до А. Фета).

Поэтическая способность Б. Садовского реализовывалась (особенно после 1916 г.) в условиях сначала физической, а затем духовной изоляции от перестраивающегося мира. Поэт создал свои способы поэтического выражения, ведущим из которых оказался метод исторической и культурной ретроспекции и реставрации национального самосознания и духа русского народа. Энергия поэтического языка Б. Садовского поддерживалась в основном памятью и креативной силой (функцией) русского языка.

Степень поэтической свободы Б. Садовского определяется как высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности Б. Садовского сформировалась на основе традиционных, пушкинских способов гуманистического отношения к быту и бытию, а также на основе модернистских сценариев поэзии рубежа XIX–XX вв. (А. Белый, А. Блок, В. Брюсов, с которыми Б. Садовской был знаком и дружен). Эстетика Б. Садовского была ориентирована на осмысление таких антиномий, как История – Вечность, Счастье – Мука, Добро – Зло и т.п. Поэт не стал эпигоном своих предшественников и современников, потому что большую часть своего существования жил ради по-

эзии не столько разрушенным болезнью телом, сколько душой, которая русскими поэтами традиционно и безусловно считается бессмертной.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальность, ритм, рифма и строгая классическая строфа.

Доминанты языковой способности Б. Садовского – фонетический, лексический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы Б. Садовского определяется как высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения Б. Садовского среди прочих включает в себя следующие стихотворения:

ПСАЛОМ 1

Блажен, кто к нечестивцам не входил,
И с грешниками дружбы не водил,
И со злодеем не садился,
Но волею закон Всевышнего следил
И день и ночь ему учился.
Как дерево, цветущее у вод,
Листву свою хранит и в срок приносит плод,
Так он во всех делах успеет.
Не тот путь грешников, не тот:
Они как пыль, и ветер их развеет.
Вот почему не вынести им суд:
Они в собранье правых не войдут,
Господь путь верных разумеет,
А нечестивые падут.

1944

ЛЕБЕДЕВУ-КУМАЧУ

Тов. Лебедев-Кумач, Вы мой избранник
И в то же время мой товарищ по перу.
Послушайте, что Вам расскажет бедный странник,
Гость обездоленный на жизненном пиру.

Пишу я сорок лет. Мои произведенья –
Четырнадцать весьма разнообразных книг.
Рассказы, повести, статьи, стихотворенья.
Мне скоро шестьдесят, и я уже старик.

Был с Блоком, с Брюсовым союз мой неизменен,
Я Маяковского знал юным удальцом.
Еще в «Товарище» меня печатал Ленин,
Отец которого дружил с моим отцом.

Лет двадцать я без ног, но, несмотря на это,
Три года на дому я лекции читал.
Профессор красный я, а в звании поэта
Союз писателей давно меня признал.

В последние года в постель пришлось свалиться:
Смерть хмурая ко мне так близко подошла,
Но ожил и пишу. И как же не трудиться,
Когда над головой полет орла,

Когда истории и миру предписала
Страна великая незыблемый закон,
Когда Америка соседкой нашей стала,
Покорена тайга и полюс побежден.

Но Пушкин говорит, что для поэта нужен
(Как, впрочем, и для всех трудящихся людей)
Хороший сон, затем обильный добрый ужин.
Литфонд же мне дает три сотенки рублей.

Три сотни на меня и на жену больную.
Пора о пенсии решиться хлопотать.
Просил на лето я хоть сумму небольшую,
Ее «товарищи» всё забывают дать.

Так помогите мне подняться снова к свету,
Певец отзывчивый на радость и тоску.
Прошу немного я: спокойствия поэту,
Обеда скромного больному старику.

1940

Фактическое последнее стихотворение:

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Ты стройно очертил волшебный круг,
И Русь замкнулась под прозрачным шаром.
В нем истекало солнце тихим жаром,
В нем таял, растворяясь, каждый звук.

Ты первый сам своим поверил чарам
И всемогуществу державных рук,
Тщету молитв и суету наук
Отдав брезгливо мужикам и барам.

Чтоб конь Петров не опустил копыт,
Ты накрепко вковал его в гранит:
Да повинуется Царю стихия.

Взлетев над безвоздушной пустотой,
Как оный вождь ты крикнул солнцу: стой.
И в пустоте повиснула Россия.

1916

КЛЮЕВ
Николай Алексеевич

1. Родился 10 (22 н. ст.) октября 1884 г. в одной из деревень Кошетугской волости Вытегорского уезда Олонецкой губернии в семье урядника, а затем сидельца казенной винной лавки, и сказительницы («песельницы», «былинщицы»), старообрядки, хранившей традиции «древнего благочестия»; 2 февраля 1934 г. (в Москве) арестован за антисоветскую агитацию; расстрелян в Томске 23-25 октября 1937 г. в возрасте 53 лет.

Поэтическая личность Н. Клюева сформировалась в контексте народно-поэтической (поэт воспитывался на фольклорных и древнерусских художественных текстах и чувствовал свое «генетическое» – бунтарское и пророческое – родство с протопопом Аввакумом), а также традиционной художественно-словесной русской (от А. Пушкина до А. Ахматовой) культуры. Поэтическая способность Н. Клюева реализовалась в процессе особого поэтического выражения, основанного одновременно на наивно-религиозном, традиционалистском и модернистском эстетическом отношении к действительности.

Поэт создал свой индивидуально-авторский язык, очень сложный в лексическом и синтаксическом отношении и крайне разнообразный с точки зрения реализации единиц поэтического дискурса (музыкальный ритм, свободная строфа, рифма и т. д.).

Степень поэтической свободы Н. Клюева определяется как высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности Н. Клюева сформировалась на основе народно-мифологического отношения к миру, «славянского ощущения светлого равенства всех людей и византийского сознания золотой иерархичности при мысли о Боге», по словам Н. Гумилева. Поэт создает свой поэтический прием выражения неизъяснимого – одухотворенный пейзаж, когда природа ощущается и осознается

как таинственное инобытие (природа и православная духовность гармонически синтезируются поэтом). Религиозное, светлое мировыражение Н. Клюева обретает трагическое звучание (эта клюевская поэтическая нота звучит в русских стихах по сей день).

Доминанты поэтического дискурса – музыкальность, ритм, рифма и свободная строфа.

Доминанты языковой способности – фонетический, лексико-стилистический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы Н. Клюева определяется как высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения Н. Клюева включает в себя практически все тексты, написанные в 20–30-х гг. XX в., вот одно из них:

1

От Лаче-озера до Выга
Бродяжил я тропой опасной,
В прогалах брезжил саван красный,
Кочевья леших и чертей.
И как на пытке от плетей
Стонали сосны: «Горе! Горе!»
Рябины – дочери нагорий
В крови до пояса... Я брел,
Как лось, изранен и комол,
Но смерти показав копыта.
Вот чайками, как плат, расшито
Буланым пухом Заонежье
С горою вещею Медвежьей,
Данилово, где Неофиту
Андрей и Симеон, как сыту,
Сварили на премноги леты
Необоримые «Ответы».
О книга – странничья киса,
Где синодальная лиса
В грызне с бобряхою поденной, –
Тебя прочтут во время оно,
Как братья, Рим с Александрией,
Бомбей и суетный Париж!
Над пригвожденною Россией

Ты сельской ласточкой журчишь,
И, пестун заводи камыш,
Глядишься вглубь – живые очи, –
Они, как матушка, пророчат
Судьбину – не чумной обоз,
А студенец в тени берез
С чудотворящим почерпальцем!..
Но красный саван мажет смальцем
Тропу к истерзанным озерам, –
В их муть и раны с косогора
Забросил я ресниц мережи
И выловил под ветер свежий
Костлявого, как смерть, сига:
От темени до сапога
<Весь изъязвленный> пескарями,
Вскипал он <гноем>, злыми вшами,
Но губы теплили молитву...
Как плахой, поражен ловитвой,
Я пролил вопли к жертве ада:
«Отколь, родной? Водицы надо ль?»
И дрогнули прорехи глаз:
«Я ж украинец Опанас...
Добей Зозулю, чоловиче!..»
И видел я: затеплил свечи
Плакучий вереск по сугорам,
И ангелы, златя убором
Лохмотья елей, ржавь коряжин,
В кошницу из лазурной пряжи
Слагали, как фиалки, души.
Их было тысяча на суше
И гатями в болотной води!..
О Господи, кому угоден
Моих ресниц улов зловещий?
А Выго сукровицей плещет
О пленный берег, где медведь
В недавнем милом ладил сеть,
Чтобы словить луну на ужин!
Данилово – котел жемчужин,
Дамасских перлов, слезных смазней,
От поругания и казни

Укрылося под зыбкой схимой, –
То Китеж новый и незримый,
То беломорский смерть-канал,
Его Акимушка копал,
С Ветлуги Пров да тетка Фёкла.
Великороссия промокла
Под красным ливнем до костей
И слезы скрыла от людей,
От глаз чужих в глухие топи.
В немеренном горючем скопе
От тачки, заступа и горстки
Они расплавом беломорским
В шлюзах и дамбах высят воды.
Их рассекают пароходы
От Повенца до Рыбьей Соли,–
То памятник великой боли,
Метла небесная за грех
Тому, кто выпив сладкий мех
С напитком дедовским стоялым,
Не восхотел в бору опалом,
В напетой, ко́ндовой избе
Баюкать солнце по судьбе,
По доле и по крестной страже...
Россия! Лучше б в курной саже,
С тресковым пузырьком в прорубе,
Но в хвойной непроглядной шубе,
Бортняжный мед в кудесной речи
И блинный хоровод у печи,
По Азии же блин – чурек,
Чтоб насыщался человек
Свирелью, родиной, овином
И звездным выгоном лосиным,–
У звезд рога в тяжелом злате, –
Чем крови шлюз и вошьи гати
От Арарата до Поморья.
Но лен цветет, и конь Егорья
Меж туч сквозит голубизной
И веще ржет... Чу! Волчий вой!
Я брел проклятою тропой
От Дона мертвого до Лаче.

2

Есть Демоны чумы, проказы и холеры,
Они одеты в смрад и в саваны из серы.
Чума с кошницей крыс, проказа со скребницей,
Чтоб утолить колтун палящей огневицей,
Холера же с зурной, где судороги жил,
Чтоб трупы каркали и выли из могил.
Гангрена, вереда и повар-золотуха,
Чей страшен едкий суп и терпка варенуха
С отрыжкой камфары, гвоздичным ароматом
Для гостя-волдыря с ползучей цепкой ватой.
Есть сифилис – ветла с разинутым дуплом
Над жёлчи омутом, где плещет осетром
Безносый водяник, утопленников пестун.
Год восемнадцатый на родину-невесту,
На брачный горностай, сидонские опалы
Низринул ливень язв и сукровиц обвалы,
Чтоб дьявол-лесоруб повыщербил топор
О дебри из костей и о могильный бор,
Несчитанный никем, непроходимый. –
Рыдает Новгород, где тучкою златимой
Грек Феофан свивает пасмы фресок
С церковных крыл – поэту мерзок
Суд палача и черни многоротой.
Владимира червонные ворота
Замкнул навеки каменный архангел,
Чтоб стадо гор блюсти и водопой на Ганге,
Ах, для славянского ль шелома и коня?
Коломна светлая, сестру Рязань обняв,
В заплаканной Оке босые ноги мочит,
Закат волос в крови и выколоты очи,
Им нет поводыря, родного крова нет!
Касимов с Муромом, где гордый минарет
Затмил сияньем крест, вопят в падучей муке
И к Волге-матери протягивают руки.
Но косы разметав и груди-Жигули,
Под саваном песков, что бесы намели,
Уснула русских рек колдующая пряха; –
Ей вести черные, скакун из Карабаха,
Ржет ветер, что Иртыш, великий Енисей,

Стучатся в океан, как нищий у дверей:
«Впусти нас, дедушка, напой и накорми,
Мы пасмурны от бед, изранены плетьми,
И с плеч береговых посняты соболя!»
Как в стужу водопад, плачь, русская земля,
С горючим льдом в пустых глазницах,
Где утро – сизая орлица
Яйцо сносило – солнце жизни,
Чтоб ландыши цвели в отчизне,
И лебедь приплывал к ступеням.
Кошница яблок и сирени,
Где встарь по соловьям гадали, –
Чернигов с Курском! Бык из стали
Вас забодал в чуму и в оспу,
И не свирелью – кисти в роспуск,
А лунным черепом в окно
Глядится ночь давным-давно.

Плачь, русская земля, потопом...
Вот Киев, по усладным тропам
К нему не тянут богомольцы,
Чтобы в печерские оконца
Взглянуть на песноцветный рай.
Увы, жемчужный каравай
Похитил бес с хвостом коровьим,
Чтобы похлебкою из крови
Царьградские удобрить зерна!
Се Ярославль – петух узорный,
Чей жар-атлас, кумач-перо
Не сложит короб на добро
Кудрявый офень... Сгибнул кочет,
Хрустальный рог не трубит к ночи,
Зарю хвоста пожрал бетон,
Умолк сорокоустый звон,
Он, стерлядь, в волжские пески
Запрятался по плавники!
Вы умерли, святые грады,
Без фимиама и лампады
До нестареющих пролетий.

Плачь, русская земля, на свете
Злосчастней нет твоих сынов,
И адамантовый засов
У врат лечебницы небесной
Для них задвинут в срок безвестный.
Вот город славы и судьбы,
Где вечный праздник бороньбы
Крестами пашен бирюзовых,
Небесных нив и трав шелковых,
Где князя Даниила дуб
Орлу двуóбразному люб. –
Ему от Золотого Рога
В Москву указана дорога,
Чтобы на дебренской земле,
Когда подснежники пчеле
Готовят чаши благовоний,
Заржали бронзовые кони
Веспасиана, Константина...

Скрипит иудина осина
И плещет вороном зобатым,
Доволен лакомством богатым,
О ржавый череп чистя нос,
Он трубит в темь: колхоз, колхоз!
И, подвязав воловий хвост,
На верезг мерзостный свирели
Повылез черт из адской щели –
Он весь мозоль, парха и гной,
В багровом саване, змеей
По смрадным бедрам опоясан...
Не для некрасовского Власа
Роятся в притче эфиопы –
Под черной зарослью есть тропы,
Бетонным связаны узлом –
Там сатаны заезжий дом.
Когда в кибитке ураганной
Несется он, от крови пьяный,
По первопутку бед, сарыней,
И над кремлевскою святыней,
Дрожа успенского креста,

К жилью зловещего кота
Клубит мятельную кибитку, –
Но в боль берестяному свитку
Перо, омокнутое в лаву,
Я погружу его в дубраву,
Чтоб листопадом в лог кукуший
Стучались в стих убитых души...
Заезжий двор – бетонный череп,
Там бродит ужас, как в пещере,
Где ягуар прядет зрачками.
И, как плоты по хмурой Каме,
Храня самоубийц тела,
Плывут до адского жерла
Рекой воздушною... И ты
Закован в мертвые плоты,
Злодей, чья флейта – позвоночник,
Булыжник уличный – подстрочник
Стихи мостить «в мотюх и в доску»,
Чтобы купальскую березку
Не кликал Ладо в хоровод,
И песню позабыл народ,
Как молодость, как цвет калины...
Под скрип иудиной осины
Сидит на гноище Москва,
Неутешимая вдова,
Скобля осколом по коростам,
И многопестрым Алконостом
Иван Великий смотрит в были,
Сверкая златною слезой.
Но кто целящей головней
Спалит бетонные отеки:
Порфирный Брама на востоке
И Рим, чей строг железный крест?
Нет русских городов-невест
В запястьях и рублях мидийских...

1934

Последнее стихотворение:

***

Есть две страны: одна – Больница,
Другая – Кладбище, меж них
Печальных сосен вереница,
Угрюмых пихт и верб седых!

Блуждая пасмурной опушкой,
Я обронил свою клюку
И заунывною кукушкой
Стучусь в окно к гробовщику:

«Ку-ку! Откройте двери, люди!»
«Будь проклят, полуночный пес!
Кому ты в глиняном сосуде
Несешь зарю апрельских роз?!

Весна погибла, в космы сосен
Вплетает вьюга седину»...
Но, слыша скрежет ткацких кросен,
Тянусь к зловещему окну.

И вижу: тетушка Могила
Ткет желтый саван, и челнок,
Мелькая птицей чернокрылой,
Рождает ткань, как мерность строк.

В вершинах пляска ветродуев,
Под хрип волчицыной трубы
Читаю нити: «Н. А. Клюев –
Певец оло́нецкой избы!»

Я умер! Господи, ужели?!
Но где же койка, добрый врач?
И слышу: «В розовом апреле
Оборван твой предсмертный плач!

Вот почему в кувшине розы,
И сам ты – мальчик в синем льне!..

К ним нет возвратного проселка,
Там мрак, изгнание, Нарым.
Не бойся савана и волка, –
За ними с лютней серафим!»

«Приди, дитя мое, приди!» –
Запела лютня неземная,
И сердце птичкой из груди
Перепорхнуло в кущи рая.

И первой песенкой моей,
Где брачной чашею лилея,
Была: «Люблю тебя, Рассея,
Страна грачиных озимей!»

И ангел вторил: «Буди, буди!
Благословен родной овсень!
Его, как розаны в сосуде,
Блюдет Христос на Оный День!»

1937

ПАРНОК
София Яковлевна
(наст. фам. ПАРНОХ)

1. Родилась 30 июля (11 августа н. ст.) 1885 г. в Таганроге в семье провизора; получила музыкальное образование (в Женеве); сестра поэта В. Я. Парноха (прототип персонажа «Египетской марки» О. Мандельштама); умерла 26 августа 1933 г. в Москве.

Поэтическая личность С. Парнок формировалась в контексте русско-европейской музыкальной, античной (Сафо) и русской (М. Волошин, В. Ходасевич, К. Чуковский и др.) поэтической культуры.

Поэтическая способность С. Парнок реализовалась в процессе особого поэтического выражения в форме (преимущественно) страстной и чувственной молитвы. Поэт создала свой язык на основе лексической архаики и современного (изобиловавшего парцелляцией) синтаксиса.

Степень поэтической свободы С. Парнок определяется как высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности С. Парнок развивалась в рамках сценария, основанного на чувственно-эмоциональном и языческом (античном) / христианском отношении к миру, осознании и освоении исторической истины и современной правды (плоти, эмоции, души) в нерасторжимом единстве глубокой мысли, мощной и вечной любви. Эстетика С. Парнок далека от эклектики, несмотря на многоаспектность ее способа поэтического выражения неизъяснимого: в основе ее и телесного, и духовного существования развился – одновременно и в гармонии, и в дисгармонии – синтез общего для всех времени, пространства и единоверия, когда единолюбие соединяет физическое и метафизическое в тот языковой / культурный / духовный материал, который необходим для «жизнетворчества» (эстетический сценарий творчества М. Цветаевой был очень близок С. Парнок).

Доминанты поэтического дискурса – музыкальность, ритм и рифма (а также строфа в форме свободного катрена).

Доминанты языковой способности – фонетический, лексический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы С. Парнок определяется как высокая.

3. В поэтическую парадигму последнего стихотворения С. Парнок входят следующие стихотворения:

***

Без оговорок, без условий
Принять свой жребий до конца,
Не обрывать на полуслове
Самодовольного лжеца.

И самому играть во что-то –
В борьбу, в любовь – во что горазд,
Покуда к играм есть охота,
Покуда ты еще зубаст.

Покуда правит миром шалый,
Какой-то озорной азарт,
И смерть навеки не смешала
Твоих безвыигрышных карт.

Нет! К черту! Я сыта по горло
Игрой – Демьяновой ухой.
Мозоли в сердце я натерла
И засорила дух трухой, –

Вот что оставила на память
Мне жизнь – упрямая игра, –
Но я смогу переупрямить
Ее, проклятую!.. Пора!

2 ноября 1932

СЕДАЯ РОЗА

Ночь. И снег валится.
Спит Москва... А я...
Ох, как мне не спится,
Любовь моя!

Ох, как ночью душно
Запевает кровь...
Слушай, слушай, слушай,
Моя любовь:

Серебро мороза
В лепестках твоих.
О, седая роза,
Тебе – мой стих!

Дышишь из-под снега,
Роза декабря,
Неутешной негой
Меня даря.

Я пою и плачу,
Плачу и пою,
Плачу, что утрачу
Розу мою!

17 ноября 1932

***

Тоскую, как тоскуют звери,
Тоскует каждый позвонок,
И сердце – как звонок у двери,
И кто-то дернул за звонок.

Дрожи, пустая дребезжалка,
Звони тревогу, дребезжа...
Пора на свалку! И не жалко
При жизни бросить эту жизнь...

Прощай и ты, Седая Муза,
Огонь моих прощальных дней,
Была ты музыкою музык
Душе измученной моей!

Уж не склоняюсь к изголовью,
Твоих я вздохов не ловлю,
И страшно молвить: ни любовью,
Ни ненавистью не люблю!

26 января 1933

***

Ты помнишь коридорчик узенький
В кустах смородинных?..
С тех пор мечте ты стала музыкой,
Чудесной родиной.

Ты жизнию и смертью стала мне –
Такая хрупкая –
И ты истаяла, усталая,
Моя голубка!..

Прости, что я, как гость непрошеный,
Тебя не радую,
Что я сама под страстной ношею
Под этой падаю.

О, эта грусть неутолимая!
Ей нету имени...
Прости, что я люблю, любимая,
Прости, прости меня!

5 февраля 1933

Последнее стихотворение:

***

«Будем счастливы во что бы то ни стало...»
Да, мой друг, мне счастье стало в жизнь!
Вот уже смертельная усталость
И глаза, и душу мне смежит.

Вот уж, не бунтуя, не противясь,
Слышу я, как сердце бьет отбой.
Я слабею, и слабеет привязь,
Крепко нас вязавшая с тобой.

Вот уж ветер вольно веет выше, выше,
Все в цвету, и тихо все вокруг, –
До свиданья, друг мой! Ты не слышишь?
Я с тобой прощаюсь, дальний друг.

31 июля 1933, Каринское

ХЛЕБНИКОВ
Велимир
(наст. имя ХЛЕБНИКОВ Виктор Владимирович)

1. Родился 28 октября (9 сентября н. ст.) 1885 г. в селе Тундутово в Малодербетовском улусе Астраханской губернии в дворянской семье, отец – ученый-орнитолог, мать – историк; умер от перитонита в деревне Санталово Новгородской губернии в доме своего друга художника Петра Митурича 28 июня 1922 г.

Поэтическая личность В. Хлебникова формировалась и функционировала в абсолютно разных сферах культуры и цивилизации: математик, физик, астролог, нумеролог, художник, лингвист, филолог, прозаик, драматург, футуролог, историк – вот неполный перечень аспектов художественной и научно-художественной деятельности поэта В. Хлебникова.

Создавая новый – и свой, и всеобщий, всемирный – поэтический язык на основе тотальной всеуровневой неологизации его общей системы, поэт решает ряд глобальных задач, прямо связанных с природой человеческого и внечеловеческого быто-бытия: проблема времени и пространства, проблема обратимости времени, проблема преображения мира путем постижения тайны числа, тайны слова как вселенной, тайны языка в целом как сжатого до размеров человеческого мозга Мироздания, – такие задачи решает В. Хлебников.

Создавая новый язык, поэт не разрушил того, что было сотворено до него, однако следует отметить, что поэт, работая над «звездным», «заумным», языком и обновляя – и весьма существенно – поэтику русского стиха, впервые явно нарушает «мелодийный канон» (Н. Асеев) просодической системы русской поэзии. В. Хлебников предлагает новый, доселе не прижившийся поэтический дискурс, который относится к прежнему, как геометрия Лобачевского к геометрии Евклида.

Степень репродуктивности новой поэтики В. Хлебникова велика: его поэтический язык, его лингвокультурный (аномальный, по мнению поэтологов-пуристов) канон варьируется в поэзии В. Маяковского, обэриутов, О. Мандельштама,

М. Цветаевой, Н. Заболоцкого, «конструктивистов», концептуалистов, Г. Айги, Л. Лосева, И. Бродского и многих др.

Степень поэтической свободы В. Хлебникова определяется как очень высокая, приближающаяся к абсолютной.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности В. Хлебникова представляется в многообразном, полиаспектном единстве традиционализма, модернизма и авангардизма: синтез столь противоречивых способов поэтического отношения к миру основан на попытке поэта постичь неизъяснимое, неизведанное, тайное, что составляет самую суть бытия. Грандиозность поэтического замысла В. Хлебникова обеспечила особый характер полиметодологии художественного исследования мира, когда основным инструментом познания выступает сокрытая тайна языка и мощная энергия креативности поэзии. Активная эстетика В. Хлебникова направлена прямо на то тайное и неизъяснимое, что может преобразить мир и что может быть выражено, а значит – освоено, только комплексным (шарообразно распространяющимся, как языковая семантика) путем, путем тотальной неологии поэзии, языка, мышления, интуиции и пророчества.

Доминанты поэтического дискурса – ритм, рифма и стих как министрофа.

Доминанты языковой способности – фоносемантический, словообразовательный, лексический, грамматический, стилистический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы В. Хлебникова определяется как очень высокая, приближающаяся к абсолютной.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения В. Хлебникова включает в себя среди прочих следующие тексты:

***

Волга! Волга!
Ты ли глаза-трупы, ты ли глаза-мертвецы
Возводишь на меня?
Ты ли возводишь
Мертвые белки
Сел-самоедов,
Затерянных в снегу?
Сел охотников за детьми,
Исчезающими вечером?

Мертвые очи слепца в белых ресницах метели
Ты подымаешь, страшно скосив?
Кто проколол тебе очи?
Скажи, это ложь!
Скажи, это ложь!
За пятачок построчной платы!
Волга, снова будь Волгой!
Бойко, как можешь,
Взгляни в очи миру!
Как! Волга, матерью,
Дикой волчицей, бывало,
Подымавшая шерсть,
Когда смерть приближалась
К постелям детей, –
Теперь сама
Кушает своих детей,
Бросая дровами в печь времени?
Отведи, отпусти, старая Волга,
Бельма слепые
Сел самоедов.

1922

ОТКАЗ

Мне гораздо приятнее

Смотреть на звезды,
Чем подписывать смертный приговор.

Мне гораздо приятнее

Слушать голоса цветов,
Шепчущих «это он!»,
Когда я прохожу по саду,

Чем видеть ружья
Убивающие тех, кто хочет
Меня убить.

Вот почему я никогда,
Н и к о г д а
Не буду Правителем!

январь 1922

***

Еще раз, еще раз!
Я для вас звезда!
Горе моряку, взявшему
Неверный угол своей ладьи и звезды:
Он разобьется о камни и подводные мели.
Горе и вам,
Взявшим
Неверный угол сердца ко мне:
Вы разобьетесь о камни!
И камни будут надсмехаться
Над вами, как вы надсмехались
Надо мной!

1922

ЕВГЕНИЮ СПАССКОМУ

Так, душу обмакнув
В цвет розово-телесный,
Пером тончайшим выводить.
Как бисер, паучки блестят водою пресной,
Ты кистью, я пером
С тобой вдвоем,
И воробей подслушивает мысли
Летунчики, летящие за выси.
И мы вдвоем, и голубой и карый,
Под кровлей одной, земли пророки,
Ловили до зари руками рока токи.
Ты Евский, я Хлебной.
Так хорошо вдвоем
Ловить лучи зари и солнца блестки днем.
Лежу я на твоем ковре
Тулупчик мой со мной, на мне.
И синь небес над головой.
Лазурью дышишь ты,
Я ж слышу волчий вой
Пустой, косой,
Такой безбрежный.

май 1922

Последнее стихотворение:

***

– Святче божий!
Старец, бородой сед!
Ты скажи, кто ты?
Человек ли еси,
Ли бес?
И что – имя тебе?
И холмы отвечали:
Человек ли еси,
Ли бес?
И что – имя тебе?
Молчал.
Только нес он белую книгу
Перед собой
И отражался в синей воде.
И стояла на ней глаголица старая.
И ветер, волнуя бороду,
Мешал идти
И несть книгу.
А стояло в ней:
«Бойтесь трех ног у коня,
Бойтесь трех ног у людей!»
– Старче божий!
Зачем идешь?
И холмы отвечали:
– Зачем идешь?
И какого ты роду-племени,
И откуда – ты?
– Я оттуда, где двое тянут соху,
А третий сохою пашет,
Только три мужика в черном поле!
Да тьма воронов.
Вот пастух с бичом,
В узлах чертики –
От дождя спрятались.
Загонять коров помогать ему они будут.

май-июнь 1922

ГУМИЛЕВ
Николай Степанович

1. Родился 3 (15 н. ст.) марта 1886 г. в Кронштадте в семье корабельного врача, участника кругосветных плаваний; путешественник; один из основателей «Цеха поэтов» (1911); первый муж А. Ахматовой; расстрелян 25 августа 1921 г. в Петрограде; похоронен недалеко от ст. Бернгардовка (под Петербургом).

Поэтическая личность Н. Гумилева формировалась и развивалась в контексте философской, художественной и поэтической русской культуры (от А. Пушкина до И. Анненского).

Поэтическая способность Н. Гумилева реализовывалась одновременно в мастерски отделанных дискурсных формах (новые варианты метро-ритмической реализации русского стиха) и новом поэтическом выражении глобальной идеи (до открытий А. Эйнштейна и К. Циолоковского) единства времени и пространства, человека и космоса, энергии мироздания и энергии языка, бесконечности, вечности и души. Н. Гумилев сознавал поэтическую деятельность как высшую форму существования человека (разума) вообще (акмеизм).

Поэт вплотную приблизился к созданию своего языка, но арест и казнь помешали качественному преображению мастера поэтической речи – в поэта.

Степень поэтической свободы Н. Гумилева определяется как средне-высокая.

2. Эстетический сценарий поэтической деятельности Н. Гумилева остался в недооформленном виде: однако «скиталец любви» и «скиталец Вселенной», поэт активно создавал миропонимание, присущее художнику XX–XXI вв. Для Н. Гумилева неизъяснимое – есть вечность, и поэт успел осмыслить нерасторжимое единство художника и космоса.

Доминанты поэтического дискурса – ритм, рифма и строгая строфа (катрен).

Доминанта языковой способности – лексический компонент с элементами синтаксиса.

Степень языковой свободы Н. Гумилева определяется как средне-высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения Н. Гумилева включает в себя такие тексты:

***

Нет, ничего не изменилось
В природе бедной и простой,
Всё только дивно озарилось
Невыразимой красотой.

Такой и явится, наверно,
Людская немощная плоть,
Когда ее из тьмы безмерной
В час судный воззовет Господь.

Знай, друг мой гордый, друг мой нежный,
С тобою, лишь с тобой одной,
Рыжеволосой, белоснежной
Я стал на миг самим собой.

Ты улыбнулась, дорогая,
И ты не поняла сама,
Как ты сияешь, и какая
Вокруг тебя сгустилась тьма.

192?

***

После стольких лет
Я пришел назад,
Но изгнанник я,
И за мной следят.

– Я ждала тебя
Столько долгих дней!
Для любви моей
Расстоянья нет.

– В стороне чужой
Жизнь прошла моя,
Как <украли> жизнь,
Не заметил я.

– Жизнь моя была
Сладостною мне.
Я ждала тебя,
Видела во сне.

Смерть в дому моем
И в дому твоем.
– Ничего, что смерть,
Если мы вдвоем.

1921 (?)

ЛЕОПАРДИ

О праздниках, о звоне струн, о нарде,
О неумолчной радости земли
Ты ничего не ведал, Леопарди!

И дни твои к концу тебя влекли,
Как бы под траурными парусами
Плывущие к Аиду корабли.

Ты женщину с холодными глазами,
Влюбленную лишь в самое себя,
И родину любил под небесами.

Мечтал о них, как в смертный час скорбя.
Их смешивал в мечтах... но не любили
Ни родина, ни женщина тебя.

1921 (?)

Последнее стихотворение:

***

На далекой звезде на Венере
Солнце пламенней и золотистей,
На Венере, ах, на Венере
У деревьев синие листья.

Всюду вольные звонкие воды,
Реки, гейзеры, водопады
Распевают в полдень песнь свободы,
Ночью пламенеют, как лампады.

На Венере, ах, на Венере
Нету слов обидных или властных.
Говорят ангелы на Венере
Языком из одних только гласных.

Если скажут «еа» и «аи» –
Это радостное обещанье.
«Уо», «ао» – о древнем рае
Золотистое воспоминанье.

На Венере, ах, на Венере
Нету смерти терпкой и душной,
Если умирают на Венере –
Превращаются в пар воздушный.

И блуждают золотые дымы
В синих, синих вечерних кущах
Иль, как радостные пилигримы,
Навещают еще живущих.

1921

ХОДАСЕВИЧ
Владислав Фелицианович

1. Родился 16 (28 н. ст.) мая 1886 г. в Москве в семье польского дворянина и еврейки, отец которой перешел из иудаизма в православие; в 1922 г. эмигрирует в Берлин, а затем в Париж с Н. Берберовой, ставшей его женой; после книги «Тяжелая лира» (1922), цикла «Европейская ночь» стихов почти не пишет («Собрание стихов» – последний прижизненный сборник – вышел в 1927 г.); был болен туберкулезом; умер 14 июня 1939 г. в Бийанкуре под Парижем в возрасте 53 лет.

Поэтическая личность В. Ходасевича формировалась в контексте католической, еврейской и русской культуры и лингво-духовно была ориентирована на поэзию, поэтику и эстетику А. Пушкина, Г. Державина, Ф. Тютчева, К. Случевского и А. Фета.

Поэтическая способность В. Ходасевича реализовалась полностью в России и частично в сфере двуязычия за рубежом (тяжелая болезнь и нужда отвратили поэта от стихотворчества). В. Ходасевич создал свой поэтический язык, явившийся органическим продолжением лингвистической культуры А. Пушкина, Ф. Тютчева и А. Фета: поэтическое выражение явного / называемого и неизъяснимого у В. Ходасевича было одновременно светлым («простые чувства», «живое счастье») и абсолютно трагическим.

Степень поэтической свободы В. Ходасевича определяется как высокая / очень высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности В. Ходасевича сформировалась и развивалась в рамках традиционного пушкинского представления о художественной действительности. Поэт познает мир не только поэтически, но проводит художественное исследование жизни Г. Державина и А. Пушкина (научная проза В. Ходасевича замечательна по степени гармонии единства русского времени – исторического, современного и будущего).

Доминанты поэтического дискурса – музыкальность и ритм.

Доминанты языковой способности – фонетический, лексический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы В. Ходасевича определяется как высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения включает в себя среди прочих следующие стихотворения:

***

Когда меня пред Божий суд
На черных дрогах повезут,

Смутятся нищие сердца
При виде моего лица.

Оно их тайно восхитит
И страх завистливый родит.

Отстав от шествия, тайком,
Воображаясь мертвецом,

Тогда пред стеклами витрин
Из вас, быть может, не один

Украдкой так же сложит рот,
И нос тихонько задерет,

И глаз полуприщурит свой,
Чтоб видеть, как закрыт другой.

Но свет (иль сумрак?) тайный тот
На чудака не снизойдет.

Не отразит румяный лик,
Чем я ужасен и велик:

Ни почивающих теней
На вещей бледности моей,

Ни беспощадного огня,
Который уж лизнул меня.

Последнюю мою примету
Чужому не отдам лицу...

Не подражайте мертвецу,
Как подражаете поэту.

10–11 мая 1928, Париж

ПАМЯТНИК

Во мне конец, во мне начало.
Мной совершённое так мало!
Но всё ж я прочное звено:
Мне это счастие дано.

В России новой, но великой,
Поставят идол мой двуликий
На перекрестке двух дорог,
Где время, ветер и песок...

28 января 1928, Париж

ПАМЯТИ КОТА МУРРА

В забавах был так мудр и в мудрости забавен –
Друг утешительный и вдохновитель мой!
Теперь он в тех садах, за огненной рекой,
Где с воробьем Катулл и с ласточкой Державин.

О, хороши сады за огненной рекой,
Где черни подлой нет, где в благодатной лени
Вкушают вечности заслуженный покой
Поэтов и зверей возлюбленные тени!

Когда ж и я туда? Ускорить не хочу
Мой срок, положенный земному лихолетью,
Но к тем, кто выловлен таинственною сетью,
Всё чаще я мечтой приверженной лечу.

1934

***

Нет, не шотландской королевой
Ты умирала для меня:
Иного, памятного дня,
Иного, близкого напева

Ты в сердце оживила след.
Он промелькнул, его уж нет.
Но за минутное господство
Над озаренною душой,
За умиление, за сходство –
Будь счастлива! Господь с тобой.

20 июня 1937, Париж

Последнее стихотворение:

***

Не ямбом ли четырехстопным,
Заветным ямбом, допотопным?
О чем, как не о нем самом –
О благодатном ямбе том?

С высот надзвездной Музикии
К нам ангелами занесен,
Он крепче всех твердынь России,
Славнее всех ее знамен.

Из памяти изгрызли годы,
За что и кто в Хотине пал,
Но первый звук Хотинской оды
Нам первым криком жизни стал.

В тот день на холмы снеговые
Камена русская взошла
И дивный голос свой впервые
Далеким сестрам подала.

С тех пор в разнообразьи строгом,
Как оный славный *Водопад*,
По четырем его порогам
Стихи российские кипят.

И чем сильней спадают с кручи,
Тем пенистей водоворот,
Тем сокровенней лад певучий
И выше светлых брызгов взлет –

Тех брызгов, где, как сон, повисла,
Сияя счастьем высоты,
Играя переливом смысла, –
Живая радуга мечты.

.....
.....
.....
.....

Таинственна его природа,
В нем спит спондей, поет пэон,
Ему один закон – свобода,
В его свободе есть закон.

1938

СЕВЕРЯНИН
Игорь
(наст. имя ЛОТАРЕВ Игорь Васильевич)

1. Родился 4 (16 н. ст.) мая 1887 г. в Петербурге в семье офицера; с 1918 г. постоянно живет в Эстонии; в конце 30-х гг., будучи тяжелобольным, мечтает вернуться в Ленинград, чему мешает начавшаяся война в Германией; умер 20 декабря 1941 г. в Таллинне.

Поэтическая личность И. Северянина формировалась в контексте новой (модернистской) русской поэзии (К. Фофанов, В. Брюсов, М. Лохвицкая и др.). Однако поэт постепенно переориентировался на лучшие образцы поэтического развития (Сафо, В. Шекспир, А. Пушкин, А. Фет, Н. Гумилев, А. Ахматова и др.).

Поэтическая способность И. Северянина реализовывалась в долгом и мучительном процессе динамики и метаморфозы способов его поэтического выражения (от эгофутуризма [вселенского], от поэтических фарсов, свободных от этики, до трагического выражения неизъяснимого).

Поэт создал свой язык, основанный на лексико-стилистических вариациях, неологии, звукописи и фоносемантике.

Степень поэтической свободы И. Северянина определяется как высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности И. Северянина как система является биструктурной (двуядерной): горькая ирония эгофутуриста – вселенского – с годами соединилась с отображением мира и себя в нем как трагедии с улыбкой. Постоянные эстетические ориентиры поэта – Любовь и Красота – удержали поэтическое выражение неизъяснимого в уникальном поэтическом пространстве скепсиса и трагедии.

Доминанты поэтического дискурса – диссонантная музыкальность, ритм и рифма.

Доминанты языковой способности – фонетический, словообразовательный и лексико-стилистический компоненты.

Степень языковой свободы И. Северянина определяется как высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения включает в себя среди прочих следующие тексты:

КЛАССИЧЕСКИЕ РОЗЫ

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодною рукой!

Мятлев, 1843 г.

В те времена, когда роились грезы
В сердцах людей, прозрачны и ясны,
Как хороши, как свежи были розы
Моей любви, и славы, и весны!

Прошли лета, и всюду льются слезы...
Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране...
Как хороши, как свежи ныне розы
Воспоминаний о минувшем дне!

Но дни идут – уже стихают грозы.
Вернуться в дом Россия ищет троп...
Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

1925

ПОЛДЕНЬ ПЕРВОГО ДНЯ

Е. И. Поповой-Каракаш

Море оперного цвета
Шелковело вдалеке.
Роза жаждала расцвета,
Чтоб увясть в твоей руке.

Море было так небесно,
Небо – морево. Суда
В отдаленьи неизвестно
Шли откуда и куда.

И в глаза взглянула зорко
Встреченная на молу
Ласковая черногорка,
Проносившая смолу.

Было солнечно слепяще.
Вновь поэтом стал я весь.
Было так ненастояще,
Как бывает только здесь!

25 декабря 1931, Дубровник (Рагуза), Вилла «Флора мира»

ЕСТЬ ЧУВСТВА...

А. К. Ранниту

Есть чувства столь интимные, что их
Боишься даже в строфах стихотворных:
Так, дать ростков не смея, зрелый стих
Гниет в набухших до отказа зернах...

Есть чувства столь тончайшие и столь
Проникновенно-сложные, что, если –
Их в песнь вложить, они не столько боль,
Сколь смерть вливают в слушателя песни!..

И вот – в душе очерченным стихам
Без письменных остаться начертаний,
И эта кара – кара по грехам, –
Одно из самых жутких наказаний...

1940

Последнее стихотворение:

СПЕРАТА

Нас двадцать лет связуют – жизни треть,
И ты мне дорога совсем особо,
Я при тебе хотел бы умереть:
Любовь моя воистину до гроба.

Хотя ты о любви не говоришь,
Твое молчанье боле чем любовно.
Белград, Берлин, София и Париж –
Все это только наше, безусловно.

Всегда был благосклонен небосклон
К нам в пору ту, когда мы были вместе:
Пусть в Сербии нас в бездну влек вагон,
Пусть сотрясала почва в Бухаресте,

Пусть угрожала, в ход пустив шантаж,
Убийством истеричка в Кишиневе, –
Светло всегда оканчивался наш
Нелегкий путь, и счастье было внове.

Неизвиняемо я виноват
Перед тобой, талантом налитая,
Твоих стихов отчетлив аромат,
По временам из дали налетая.

Тебя я знал, отвергнувшую ложь,
В веселом, вешнем платьице подростка.
Тобой при мне, тобою гордым сплошь,
Ах, не одна уловлена лососка!

А как молитвенно ты любишь стих
С предельной предусмотренной красою.
Твой вкус сверкает на стихах моих
Лет при тебе живящею росою.

Тебе природа оказала честь!
Своя ты в ней. Глазами олазоря
Сталь Балтики, как любишь ты присесть
На берегу, мечтаючи, дочь моря!

С улыбкой умягченной, но стальной
Презрела о поэте пересуды,
Простив ему заране в остальной –
Уже недолгой! – жизни все причуды...

Одна мечта: вернуться бы к тебе,
О, невознаградимая утрата!
В богоспасаемой моей судьбе
Ты героиня Гете, ты – Сперата.

1941 (?)

НАРБУТ
Владимир Иванович

1. Родился 2 (14 н. ст.) апреля 1888 г. на хуторе Нарбутовка Глузовского уезда Черниговской губернии в семье мелкопоместного дворянина; в 1922 г. женится на С. Г. Суок (две сестры жены В. Нарбута были замужем за Ю. Олешей и Э. Багрицким); в 1936 г. арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности; погиб в одном из лагерей на Колыме 14 апреля 1938 г. в возрасте 50 лет.

Поэтическая личность В. Нарбута сформировалась в контексте малороссийской фольклорной и русской поэтической культуры.

Поэтическая способность В. Нарбута реализовывалась в процессе сложного / комплексного поэтического выражения, основанного на «первобытном» отношении художника к миру и одновременно на постоянном стремлении выразить неизъяснимое путем поэтического изображения «вещного мира» с акмеистической точностью и простотой.

В. Нарбут приблизился вплотную к созданию своего поэтического («научно-поэтического»: не опубликованные при жизни книги «Казненный Серафим» и «Спираль») языка, основанного на единстве научной и художественной номинации быта и бытия.

Степень поэтической свободы В. Нарбута определяется как средне-высокая / высокая.

2. Эстетический сценарий, по которому развивалась поэтическая личность В. Нарбута, формировался в границах абсолютно противоречивых и, тем не менее, составлявших некое единство философско-художественных ориентиров: «чистое искусство»; эстетизация низкого, плотского; мистика; «мудрая простота», «научная поэзия» и проч. Опала, а затем арест и гибель В. Нарбута прервали уникальный художественный опыт одного из самых ярких поэтов XX в.

Доминанты поэтического дискурса – ритм и рифма.

Доминанты языковой способности – фонетический, лексический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы В. Нарбута определяется как высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения В. Нарбута включает в себя следующие тексты:

СКВОЗНЯК

То небо давит, словно нёбо,
Пересыревшим мясом вниз;
То шаркающего озноба
Вскипают шарики: очнись!
Хвоевый дождь! Перепелиной
Проветривает пылью рожь
И над мелеющей лощиной
Замлела мельничная дрожь.
Водицу молочком подкрасим:
Ми-ми, ми-ми... ми-ми-ма-я...
Муму молчит... Мычит Герасим,
В корытце мордочку суя.
Сия собачка – быстрой искрой,
Лоснясь, посверкивает шерсть –
Волнует душу: удались, кровь!
И дождику с перепелами – честь!
Муму дрожит. И все трепещет,
Всему бы солью изойти!
И табурет, и блюдце – вещи
Герасимовы – из житий!
Как быть! Как быть! Протухло вымя
И не до вишенья ему:
Давнишняя о сера <нрзб>
Легла забота <нрзб>
И как бы ангельское, вместо
Цинги набухшей синевой
Перо крутя и <нрзб> пестуй
Рукой заботливой его...

ВОСПОМИНАНИЕ О СОЧИ-МАЦЕСТЕ

1. Арахис

Орехом земляным усатый
Торгует с рундука суфлер.
(Его обветрили пассаты
Дубильной кислотою флор.)

И мне, и в мой карман подсыпьте
Побольше зерен-стариков,
Чтоб вспомнил я об эвкалипте,
Бесстрастнейшем из голяков.

Как вспомню сочинские ночи, –
Вспорхнет со спички голова,
Но насекомое короче
Не станет:
Фосфор, трынь-трава...

Как вспомню торс, подобный скрипке,
Смолу на пальцах, канифоль...
Ревекка-муза!
Дай мне штрипки,
За выслугою лет уволь.

Раскрытым шкандыбая пляжем
(В лодыжку щелкает песок),
У мокрой кромки рядом ляжем –
Пред раковиной из досок...

Малюсенький, серобородый
Раскроется бобовый дед
(Он блекл от сероводорода,
На нем башлык углом надет).

Но тут пошли в бурун колеса
Авто.
– Мацеста, ванна –
Стой.
Я в орденах фурункулеза,
Торжественный сажусь в настой.

На волоске груди пузырясь,
Дрожит подземное ситро.
Что за предательская сырость?
В ней цвелью подтекло ведро.

Песочная мелькает скорость, –
Я выхожу; я обожжен.
Я под пижамой хорохорюсь,
Средь маленьких восточных жен...

Ревекка-муза!
Хоть словечко
Шепни, наушничая, мне, –
Про талисман, про человечка,
Тайком живущего в зерне...

Пассатом дует он на форму,
На эвкалипт, рундук под ним, –
Нырнув в башлык, сидит суфлером,
Шуршит орехом земляным...

Термометр (вроде карамели)
Он превращает вдруг в часы, –
Песок минуты-пустомели
Ему же сыплют на усы.

И ночью,
С призрачною лампой
(С пульсирующим светляком),
Не он ли к парочке сомнамбул
Подсаживается тайком?..

Любовь чернеет от историй
(Мацеста... ванна... серебро...), –
И все ж орешек в санаторий
Приносит лишь одно добро.

Скрипучий гриф в погибель согнут:
Заела канифоль смычок...
Конечно, музу средь инкогнит
На пляже
Сыщет старичок.

Мне рано думать об отставке...
Нет, нет, – Ревекка не права:
Купальской ночью
В лютой давке
Летят и светятся слова.

И в каждом – только половина,
Чего так требует отбор,
И каждое – ко мне с повинной,
Как я к Мацесте –
До сих пор...

2. Капитан Воронихин

Столб телеграфа к югу направился,
Ласточка во фраке – нотой косой.
В бемолях Шопена,
в диезах Штрауса
Танцует на поверхности лодка-фасоль.

А слева, под лесом
(Откуда вылазки
Горцы на банды в девятнадцатом вели),
Семью крейсерами вырос Ворошиловский*,
Башнями причалили эти корабли.

Пальмам букетами качаться нравится,
По самую макушку расчесан фонтан, –
И лестницу (к приему) выскребла здравница:
Милости просим, товарищ капитан.

Жуков, растревожив в пернатом шиповнике,
По гальке, по плитам
(Наверх и вниз)
Вот они ходят –
Майоры, полковники, –
Зажги папиросу, струей затянись.

Только в столовой,
В условиях пленума,
И сохранен (на калории) ранг.

*Центральный санаторий РККА им. Ворошилова

Обуглено сердце солдата рентгенами,
Разрознены темные кости фаланг.

То – снимок. А солнце прыскает спицею,
Воду из ванны нарезом вертит...
(Благоприятные имеет ауспиции
Добытый в гражданскую миокардит.)

Лежа в соломенном,
Воздух просоленный
Запихивай поглубже, товарищ капитан!
Лодка в купоросе ездит фасолиной,
Пальма волосата,
И букетом фонтан.

Снова (как некогда) венами полыми
Мужество и нежность к тебе идут, –
И всадник,
Конвоируемый бемолями,
Проскакивает через шопеновский этюд.

Сабля по желобу стлалась без памяти:
С каменными лицами, врага
(Чтоб не лез)
Китайской – до Чаквы – учили грамоте,
Рубясь за советский чайный диез.

Под музыку море выгладило заново.
Оба композитора бродят по пятам,
Домашнее сердце твое партизаново
Радуется людям, товарищ капитан.

Радуется людям, сидящим под башнею...

О чем разговорились полковник и майор?
В штабах ночевки,
Бой врукопашную,
Ночи в академии –
Вспомнили вдвоем?

Или в шиповнике,
Лапами пушистыми
Карабкаясь,
Прополз перед ними жук,

Похожий на танк, сделанный фашистами,
Пышущий серой, размером в Машук?..

(В мире рентгена – видение-гипербола.)

Но мужества в тебе –
Кровяной фонтан,
Но нежность к родине
Себя не исчерпала,
Товарищ Воронихин, товарищ капитан!

Война, перелет...
Пунктиром натыкано
Нот на проволоке (чересчур прямой).
Штраус и Шопен берегут Воронихина:
Штык-диез и сабля-бемоль.

Война, а на сердце капитана – Ворошиловский:
Мамина забота,
Встречи с восьми...

Родина-ласточка, косые крылышки,
С кровью и мясом и меня возьми!

1936

Последнее стихотворение:

БАБЬЕ ЛЕТО

*Поникшая (...Sic transit...)**

На стекло
Брюшком дыханье муха распылила,
Хоть с ножницами,
Решетом,
Иглой
И возится садовница-Далила.
«И мы – грибы...» – опенки возле пня.
– Вас в маринад? – услужлив подбородок.
Шалаш.
Нахлюпано.
Гремит ступня

* Так проходит... (лат.)

Среди листов и плах,
Бочонков, лодок.
Сквозняк на хворост прознобил стога.
Арапка-яблоко –
Шары крокета.
Ах, в августе
Как выпорхнет дуга,
Как выстрелит (не выдержав):
Ракета!
Под ней
(Там в бульбушках был вознесен
В седьмое небо ананас колхоза)
Далилу с агрономом
(...Звать Самсон...)
Столкнула тема:
Солод и глюкоза.
С капсюлей захватить,
По волоску
Разнять,
Чтоб искрами не уносилось
Добро,
А шло:
Бурак – в цилиндр: к песку;
Ботва, чубы – в бурду, лапшу:
На силос!..
Струна, пылая, плавится в длину.
(Ну, где еще рапсодии такие?)
– Полезно бабье лето, как взгляну, –
Самсон альтом Далиле
(Евдокии?).
А барбариса – не бордюр:
Нагар.
«Уже?» – в корыто глазенапом теги.
...Судейской мантиею
Труакар
Далилу обступил в кромешной неге.
Но у нее
(И только ль у одной?),
При шапочке, –
Не табель преступлений,

Не ножницы, не кара в выходной**, –
А сахар уст,
В пупырышках колени...
– Мой тезка был острижен, ослеплен.
Мой тезка просит:
Силу возвратите, –
И в мир я выйду
В грохоте колонн,
Взвалив на плечи
По кариатиде! –
Так говорит Авдотье агроном.
(...Мечтатель. Более того: вития...)
А девушка:
Пойдемте игранем
В крокет.
Шары, как яблоки, литые. –
В недоуменьи шар:
Пройду в дугу?
(Он в тире был,
Он выстрелом задымлен.)
...Молчит Самсон.
Далила ни гугу.
Нигде, нигде не слышно филистимлян!
И снова – солод: ночь.
Опять высок –
Взрыв ананаса:
Вытекла глюкоза.
Нет, ни один не рухнет волосок
С него, безусого,
С нее, бескосой!..
Все радуется первенцем твоим,
Любовь!
Ты – тега,
Ты толкаешь клювом...
Мы в стратосфере
Головой стоим,
И, как никто,
Мы землю нашу любим...

1936 (?)

** Конечно: день. (примеч. В. Нарбута)

АХМАТОВА
Анна Андреевна
(наст. фам. ГОРЕНКО)

1. Родилась 11 (23 н. ст.) июня 1889 г. (Большой Фонтан близ Одессы) в семье морского офицера; с 1890 г. семья переселилась в Царское Село; умерла 5 марта 1966 г. в Домодедово, под Москвой; похоронена на кладбище пос. Комарово в 50 км от Петербурга.

Поэтическая личность А. Ахматовой сформировалась в контексте преимущественно русской поэтической (от А. Пушкина до А. Блока и М. Кузмина), русской народной (песни, плачи и др.) и западноевропейской (П. Верлен, Ш. Бодлер и др.) поэтической культуры. Своим учителем А. Ахматова называла И. Анненского (предопределившего своей поэтикой появление русского «акмеизма» и таких поэтов, как Н. Гумилев, О. Мандельштам и др.).

Поэтическая личность А. Ахматовой внешне имела дискретный характер развития (чему способствовала нескончаемая череда личных, бытовых, социальных и бытийных трагедий, ставших судьбой поэта), однако внутренне духовная, языковая и поэтическая работа А. Ахматовой не прерывалась до самой смерти.

Поэтическая способность А. Ахматовой реализовалась полностью, явно и мощно: ее лингво-поэтическая энергия стала обязательной и конститутивной частью общей энергосистемы русской художественной культуры.

А. Ахматова создала свой поэтический язык, основанный на лаконичном и глубоко эмоциональном поэтическом выражении тайного и явного, частного и общего, любимого и ненавистного, называемого и неизъяснимого (А. Ахматова назвала А. Блока трагическим тенором эпохи, обладая – несомненно – неповторимым и первым трагическим женским голосом общего русского времени и русского пространства).

Степень поэтической свободы А. Ахматовой определяется как очень высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности А. Ахматовой формировалась и развивалась в культурном и быто-

бытийном пространстве, в центре которого сосуществовали в органическом (по-русски) единстве любовь и трагедия. Воля и мужество А. Ахматовой значительно обогатили традиционно-поэтический, пушкинский, гуманистический способ отношения к действительности, когда жизнь и философия становятся неразличимы, а самоосознание незаметно и мощно переходит в общую и объективную оценку взаимоотношений быта и бытия.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальность, ритм, строфа.

Доминанты языковой способности – фонетический, лексический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы А. Ахматовой определяется как очень высокая.

3. В поэтическую парадигму последнего стихотворения А. Ахматовой вместе с десятками других входят следующие тексты:

***

Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.
Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля.

1921

***

И черной музыки безумное лицо
На миг появится и скроется во мраке,
Но я разобрала таинственные знаки
И черное мое опять ношу кольцо.

1965–1966

***

И в недрах музыки я не нашла ответа,
И снова тишина, и снова призрак лета.

1965–1966

***

Для суда и для стражи незрима,
В эту залу сегодня войду
Мимо, мимо, до ужаса мимо...

Май <?> 1965

***

Пускай австралийка меж нами незримая сядет
И скажет слова, от которых нам станет светло.
Как будто бы руку пожмет и морщины разгладит,
Как будто простит, наконец, непростимое зло.
И пусть все по-новому – нам время опять неподвластно,
Есть снова пространство и даже безмолвие есть.

26/27 августа 1965. Ночь

***

Я там иду, где ничего не надо,
Где самый милый спутник – только тень,
Где веет ветер из другого сада,
А под ногою первая ступень.

октябрь <?> 1965

***

Что там клокотало за дверью стеклянной,
То, может быть, не было мной.

декабрь 1965 – январь 1966

***

А как музыка зазвучала
И очнулась вокруг зима,
Стало ясно, что у причала
Государыня-смерть сама.

конец 1965 – январь 1966

МУЗЫКА

Сама себя чудовищно рождая,
Собой любуясь и собой давясь,
Не ты ль, увы, единственная связь
Добра и зла, земных и рая?
Мне кажется, что ты всегда у края.

1965

Последнее стихотворение:

***

Сама нужда смирилась наконец,
И отошла задумчиво в сторонку.

февраль 1966

ПАСТЕРНАК
Борис Леонидович

1. Родился 29 января (10 февраля н. ст.) 1890 г. в Москве в семье художника Л.О. Пастернака; мать – музыкант, бывший профессор Одесского отделения Императорского русского музыкального общества; переводчик, прозаик; умер 30 мая 1960 г. в писательском поселке Переделкино Московской области.

Поэтическая личность Б. Пастернака формировалась в триединой сфере культуры – в музыке, философии и религии. Поэт испытал влияние новой немецкой философии (феноменология Э. Гуссерля, неокантианство П. Наторпа, Г. Кочена и др.), однако рассудочность германских концепций мироустройства и миропонимания у Б. Пастернака приобрела свободные очертания благодаря природным силам интуиции (естественность поэтического выражения) и абсолютному слуху и зрению поэта. Поэтическая способность Б. Пастернака была реализована полностью и в сфере поэзии, и в сфере свободной и научной прозы.

Поэт создал свой язык, преимущественно музыкальный и фонетический. Поэтическое выражение Б. Пастернака эволюционировало от простоты содержательной (до 20-х гг.) к простоте формально-дискурсной (до 1960 г.): если в молодости поэта наивные и сверхпростые (в концептуальном отношении) смысловые комплексы выражались сверхсложно (и дискурсно, и лексико-стилистически, и синтаксически), то в зрелые годы выражение неизъяснимого происходило за счет минимального набора дискурсных и языковых средств.

Степень поэтической свободы Б. Пастернака определяется как очень высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности Б. Пастернака оформлялась и развивалась по оригинальному сценарию: этико-эстетические идеалы – ориентиры Природа – Любовь – Религия синтезировались в естественное и гармоническое целое на основе двух соединившихся поэтических

традиций – пушкинского традиционализма (с доминированием поэтики Е. Баратынского и А. Фета) и модернизма («ранний» модернизм К. Фофанова и «зрелый» модернизм В. Хлебникова и М. Цветаевой). Эстетическое движение поэта к формальной простоте неизбежно приводило к усложнению содержательного плана поэтического выражения.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальность, ритм, рифма и строфа (преимущественно катрен в зрелом периоде).

Доминанты языковой способности – фонетический, лексико-стилистический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы Б. Пастернака определяется как очень высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения Б. Пастернака включает в себя следующие тексты:

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Пронесшейся грозою полон воздух.
Все ожило, все дышит, как в раю.
Всем роспуском кистей лиловогроздых
Сирень вбирает свежести струю.

Все живо переменою погоды.
Дождь заливает кровель желоба,
Но все светлее неба переходы,
И высь за черной тучей голуба.

Рука художника еще всесильней
Со всех вещей смывает грязь и пыль.
Преображенней из его красильни
Выходят жизнь, действительность и быль.

Воспоминание о полувеке
Пронесшейся грозой уходит вспять.
Столетье вышло из его опеки.
Пора дорогу будущему дать.

Не потрясенья и перевороты
Для новой жизни очищают путь,
А откровенья, бури и щедроты
Душе воспламененной чьей-нибудь.

1958

ЗИМНИЕ ПРАЗДНИКИ

Будущего недостаточно,
Старого, нового мало.
Надо, чтоб елкою святочной
Вечность средь комнаты стала.

Чтобы хозяйка утыкала
Россыпью звезд ее платье,
Чтобы ко всем на каникулы
Съехались сестры и братья.

Сколько цепей ни примеривай,
Как ни возись с туалетом,
Все еще кажется дерево
Голым и полуодетым.

Вот, трубочиста замаранней,
Взбив свои волосы клубом,
Елка напыжилась барыней
В нескольких юбках раструбом.

Лица становятся каменней,
Дрожь пробегает по свечкам,
Струйки зажженного пламени
Губы сжимают сердечком.

———————

Ночь до рассвета просижена.
Весь содрогаясь от храпа,
Дом, точно утлая хижина,
Хлопает дверцею шкапа.

Новые сумерки следуют,
День убавляется в росте.
Завтрак проспавши, обедают
Заночевавшие гости.

Солнце садится, и пьяницей
Издали, с целью прозрачной
Через оконницу тянется
К хлебу и рюмке коньячной.

Вот оно ткнулось, уродина,
В снег образиною пухлой,
Цвета наливки смородинной,
Село, истлело, потухло.

1959

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет.

Темный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду.
Будь что будет, все равно.

Что же сделал я за пакость,
Я убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.

Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора –
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра.

1959

БОЖИЙ МИР

Тени вечера волоса тоньше
За деревьями тянутся вдоль.
На дороге лесной почтальонша
Мне протягивает бандероль.

По кошачьим следам и по лисьим,
По кошачьим и лисьим следам
Возвращаюсь я с пачкою писем
В дом, где волю я радости дам.

Горы, страны, границы, озера,
Перешейки и материки,
Обсужденья, отчеты, обзоры,
Дети, юноши и старики.

Досточтимые письма мужские!
Нет меж вами такого письма,
Где свидетельства мысли сухие
Не выказывали бы ума,

Драгоценные женские письма!
Я ведь тоже упал с облаков.
Присягаю вам ныне и присно:
Ваш я буду во веки веков.

Ну, а вы, собиратели марок!
За один мимолетный прием,
О, какой бы достался подарок
Вам на бедственном месте моем!

1959

Последнее стихотворение:

ЕДИНСТВЕННЫЕ ДНИ

На протяженье многих зим
Я помню дни солнцеворота,
И каждый был неповторим
И повторялся вновь без счета.

И целая их череда
Составилась мало-помалу –
Тех дней единственных, когда –
Нам кажется, что время стало.

Я помню их наперечет:
Зима подходит к середине,
Дороги мокнут, с крыш течет
И солнце греется на льдине.

И любящие, как во сне,
Друг к другу тянутся поспешней,
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешни.

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.

1959

МАНДЕЛЬШТАМ
Осип Эмильевич

1. Родился 3 (15 н. ст.) января 1891 г. в Варшаве в семье торговца кожей (отец купцом 1-й гильдии поселился с семьей в Петербурге в 1897 г.); мать – музыкант, родственница филолога С. А. Венгерова; в 1934 г. арестован за антисталинские стихи и сослан сначала в Чердынь-на-Каме, а затем в Воронеж; в 1938 г. повторный арест; после осуждения за контрреволюционную деятельность отправлен на Дальний Восток, где в одном из пересыльных лагерей («Вторая речка») под Владивостоком 27 декабря 1928 г. умирает от голода и тоски.

Поэтическая личность О. Мандельштама формировалась в контексте античной, западноевропейской (Г. Гауптман, К. Гамсун, Ш. Бодлер, П. Верлен, философ-интуитивист А. Бергсон и др.) и русской (А. Пушкин, Е. Баратынский, Г. Державин, В. Жуковский, Ф. Тютчев, А. Фет, И. Анненский и др.) художественной культуры.

80-90-е гг. XIX в. ознаменовались новой (четвертой) волной рождения поэтов, создававших качественно новое поэтическое выражение XX века (в эти годы родились А. Блок [1880], М. Клюев [1884], В. Хлебников [1885], В. Ходасевич [1886], И. Северянин [1887], А. Ахматова [1889], Б. Пастернак [1890], О. Мандельштам [1891], М. Цветаева [1892], В. Маяковский [1893] и др.).

Внешняя дискретность реализации поэтической способности О. Мандельштама компенсировалась постоянной, глубокой и мощной работой поэта в смежных с поэзией сферах – филологии, прозе и др. Движетелем и генератором лингвопоэтической энергии поэтического выражения О. Мандельштама была тоска по мировой культуре, которая с трудом, но очень эффективно и плодотворно преодолевала социальную (и географическую) отдельность и отделенность русской культуры (особенно после 1917 г.).

Поэт создал свой язык на основе пушкинской модели, реализующей гармоническое и естественное единство всех еди-

ниц и компонентов поэтического текста – текста как поступка, движения, развития и распространения духовной энергии.

Степень поэтической свободы О. Мандельштама определяется как очень высокая, приближающаяся к абсолютной.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности О. Мандельштама сформировалась на основе оригинального (с ориентацией и опорой на пушкинский) сценария, создававшегося и функционировавшего как этико-эстетическое отношение к человеку, быту и бытию. Мандельштамовское «поэтическое эллинство» плодотворно преобразовывалось в российскую страдательность: поэт очень эффективно жил и умирал, и воскресал (поэтическое самоистребление), создавая себе и одновременное преодолевая множественную муку – муку языкового, культурного, социального, физического и духовного выражения и преображения с последующим усилением общего поэтического выражения неизъяснимого.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальность, ритм, рифма, строфа в гармоническом и неразрывном единстве.

Доминанты языковой способности – фонетический, фоносемантический, словообразовательный, лексико-стилистический и синтаксический компоненты как идеальный синтез гармонирующих друг с другом единств и противоречий.

Степень языковой свободы О. Мандельштама определяется как очень высокая, приближающаяся к абсолютной.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения О. Мандельштама среди прочих включает в себя следующие тексты:

***

Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?

За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло,

Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.

Пускай мгновения стекает муть –
Узора милого не зачеркнуть.

1909

КОНЦЕРТ НА ВОКЗАЛЕ

Нельзя дышать, и твердь кишит червями,
И ни одна звезда не говорит,
Но, видит Бог, есть музыка над нами, –
Дрожит вокзал от пенья аонид,
И снова, паровозными свистками
Разорванный, скрипичный воздух слит.

Огромный парк. Вокзала шар стеклянный.
Железный мир опять заворожен.
На звучный пир в элизиум туманный
Торжественно уносится вагон:
Павлиний крик и рокот фортепьянный.
Я опоздал. Мне страшно. Это сон.

И я вхожу в стеклянный лес вокзала,
Скрипичный строй в смятеньи и слезах.
Ночного хора дикое начало
И запах роз в гниющих парниках,
Где под стеклянным небом ночевала
Родная тень в кочующих толпах.

И мнится мне: весь в музыке и пене
Железный мир так нищенски дрожит.
В стеклянные я упираюсь сени.
Куда же ты? На тризне милой тени
В последний раз нам музыка звучит!

1921

***

Умывался ночью на дворе –
Твердь сияла грубыми звездами.

Звездный луч – как соль на топоре,
Стынет бочка с полными краями.

На замок закрыты ворота́,
И земля по совести сурова, –
Чище правды свежего холста
Вряд ли где отыщется основа.

Тает в бочке, словно соль, звезда,
И вода студеная чернее,
Чище смерть, соленее беда,
И земля правдивей и страшнее.

1921

***

Я тебя никогда не увижу,
Близорукое армянское небо,
И уже не взгляну, прищурясь,
На дорожный шатер Арарата,
И уже никогда не раскрою
В библиотеке авторов гончарных
Прекрасной земли пустотелой книгу,
По которой учились первые люди.

16 октября – 5 ноября 1930

***

Квартира тиха, как бумага,
Пустая, без всяких затей,
И слышно, как булькает влага
По трубам внутри батарей.

Имущество в полном порядке,
Лягушкой застыл телефон,
Видавшие виды манатки
На улицу просятся вон.

А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать,
И я как дурак на гребенке
Обязан кому-то играть.

Наглей комсомольской ячейки
И вузовской песни бойчей,
Присевших на школьной скамейке
Учить щебетать палачей.

Пайковые книги читаю,
Пеньковые речи ловлю
И грозное баюшки-баю
Колхозному баю пою.

Какой-нибудь изобразитель,
Чесатель колхозного льна,
Чернила и крови смеситель,
Достоин такого рожна.

Какой-нибудь честный предатель,
Проваренный в чистках, как соль,
Жены и детей содержатель,
Такую ухлопает моль.

И столько мучительной злости
Таит в себе каждый намек,
Как будто вколачивал гвозди
Некрасова здесь молоток.

Давай же с тобой, как на плахе,
За семьдесят лет начинать –
Тебе, старику и неряхе,
Пора сапогами стучать.

Но вместо ключа Ипокрены
Давнишнего страха струя
Ворвется в халтурные стены
Московского злого жилья.

ноябрь 1933

***

Твоими узкими плечами под бичами краснеть,
Под бичами краснеть, на морозе гореть.

Твоим детским рукам утюги поднимать,
Утюги поднимать да веревки вязать.

Твоим нежным ногам по стеклу босиком,
По стеклу босиком, да кровавым песком...

Ну а мне за тебя черной свечкой гореть,
Черной свечкой гореть да молиться не сметь.

1934

***

Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
Уронишь ты меня иль проворонишь,
Ты выронишь меня или вернешь,
Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож...

Апрель 1935

***

Я к губам подношу эту зелень –
Эту клейкую клятву листов,
Эту клятвопреступную землю:
Мать подснежников, кленов, дубков.

Погляди, как я крепну и слепну,
Подчиняясь смиренным корням,
И не слишком ли великолепно
От гремучего парка глазам?

А квакуши, как шарики ртути,
Голосами сцепляются в шар,
И становятся ветками прутья
И молочною выдумкой пар.

30 апреля 1937

***

Клейкой клятвой липнут почки,
Вот звезда скатилась –
Это мать сказала дочке,
Чтоб не торопилась.

– Подожди, – шепнула внятно
Неба половина,
И ответил шелест скатный:
– Мне бы только сына...

Стану я совсем другою
Жизнью величаться.
Будет зыбка под ногою
Легкою качаться.

Будет муж, прямой и дикий,
Кротким и послушным,
Без него, как в черной книге,
Страшно в мире душном...

Подмигнув, на полуслове
Запнулась зарница.
Старший брат нахмурил брови.
Жалится сестрица.

Ветер бархатный крыластый
Дует в дудку тоже, –
Чтобы мальчик был лобастый,
На двоих похожий.

Спросит гром своих знакомых:
– Вы, грома́, видали,
Чтобы липу до черемух
Замуж выдавали?

Да из свежих одиночеств
Леса – крики пташьи:
Свахи-птицы свищут почесть
Льстивую Наташе.

И к губам такие липнут
Клятвы, что, по чести,
В конском топоте погибнуть
Мчатся очи вместе.

Все ее торопят часто:
– Ясная Наташа,
Выходи, за наше счастье,
За здоровье наше!

2 мая 1937

***

На меня нацелилась груша да черемуха –
Силою рассыпчатой бьет меня без промаха.

Кисти вместе с звездами, звезды вместе с кистями, –
Что за двоевластье там? В чьем соцветьи истина?

С цвету ли, с размаха ли – бьет воздушно-целыми
В воздух, убиваемый кистенями белыми.

И двойного запаха сладость неуживчива:
Борется и тянется – смешана, обрывчива.

4 мая 1937

1

К пустой земле невольно припадая,
Неравномерной сладкою походкой
Она идет – чуть-чуть опережая
Подругу быструю и юношу-погодка.
Ее влечет стесненная свобода
Одушевляющего недостатка,
И, может статься, ясная догадка
В ее походке хочет задержаться –
О том, что эта вешняя погода
Для нас – праматерь гробового свода,
И это будет вечно начинаться.

2

Есть женщины сырой земле родные,
И каждый шаг их – гулкое рыданье,
Сопровождать воскресших и впервые
Приветствовать умерших – их призванье.
И ласки требовать от них преступно,

И расставаться с ними непосильно.
Сегодня – ангел, завтра – червь могильный,
А послезавтра – только очертанье...
Что было – поступь – станет недоступно...
Цветы бессмертны, небо целокупно,
И все, что будет, – только обещанье.

4 мая 1937

Последнее стихотворение:

***

На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь,
Гром, ударь в тесины новые,
Крупный град, по стеклам двинь, – грянь и двинь, –
А в Москве ты, чернобровая,
Выше голову закинь.

Чародей мешал тайком с молоком
Розы черные, лиловые
И жемчужным порошком и пушком
Вызвал щеки холодовые,
Вызвал губы шепотком...

Как досталась – развяжи, развяжи –
Красота такая галочья,
От индейского раджи, от раджи, –
Алексею что ль Михалычу,
Волга, вызнай и скажи.

Против друга – за грехи, за грехи –
Берега стоят неровные,
И летают поверхи, поверхи
Ястреба тяжелокровные –
За коньковых изб верхи...

Ах, я видеть не могу, не могу
Берега серо-зеленые:
Словно ходят по лугу, по лугу
Косари умалишенные,
Косит ливень луг в дугу.

4 июля 1937

АДАМОВИЧ
Георгий Викторович

1. Родился 7 (19 н. ст.) апреля 1892 г. в Москве в семье генерал-майора медицинской службы, поляка по происхождению; в 1916-1917 гг. вместе с Г. Ивановым возглавляет 2-й «Цех поэтов» (постакмеизм); весной 1923 г. выезжает в Ниццу, живет в Париже; умер 21 февраля 1972 г. в возрасте 79 лет.

Поэтическая личность Г. Адамовича формировалась в сложном контексте западноевропейской (Р. Вагнер, Г. Ибсен и др.) и русской (М. Лермонтов, И. Анненский, А. Блок и др.) художественной культуры.

Развитие поэтической способности Г. Адамовича имело дискретный характер в силу иных реализаций его творческой личности: поэт активно работал как переводчик, эссеист, литературовед и вообще филолог.

Г. Адамович создает свой вариант общего для первой половины XX в. поэтического языка: поэт одним из первых начинает прозаизацию и интертекстуализацию (использование «чужого» текста: аллюзий, парафраз, цитат и т.п.) поэтического языка, привнося в него черты и единицы, присущие речи как одному из статусов коммуникативной языковой деятельности (в 20-х гг. XX в. поэтический язык был почти полностью преобразован в поэтическую речь как беллетризованный вариант поэтического выражения; только благодаря поэтической деятельности таких поэтов, как А. Ахматова, Б. Пастернак, О. Мандельштам, М. Цветаева, С. Есенин, Н. Заболоцкий и др., русский поэтический язык был сохранен и способен функционировать ныне – в XXI в.).

Степень поэтической свободы Г. Адамовича определяется как средне-высокая.

2. Эстетический сценарий, по которому развивалось и работало поэтическое выражение Г. Адамовича, был построен на основе известных этико-эстетических моделей (от И. Анненского и А. Блока до младосимволистов Г. Иванова и Н. Оцупа).

Поэт время от времени сосредотачивался на выражении таких реалий, как жизнь и смерть, родина и чужбина, жизнь и судьба, одиночество и Бог.

В целом поэтическая личность Г. Адамовича была деформирована его околопоэтической деятельностью (зачастую блестящей: см. его литературоведческие статьи).

Доминанты поэтического дискурса – ритм, рифма и строгая строфа (преимущественно катрен).

Доминанта языковой способности – лексико-стилистический компонент с элементами синтаксиса.

Степень языковой свободы Г. Адамовича определяется как средне-высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения Г. Адамовича среди прочих текстов включает в себя следующие:

***

Невыносимы становятся сумерки,
Невыносимее вечера...
Где вы, мои опоздавшие спутники?
Где вы, друзья? Отзовитесь. Пора.

Без колебаний, навстречу опасности,
Без колебаний и забытья
Под угасающим «факелом ясности»,
Будто на праздник пойдем, друзья!

Под угасающим «факелом нежности»,
Только бы раньше не онеметь! –
С полным сознанием безнадежности,
С полной готовностью умереть.

1930-е

***

Железный мост откинут
И в крепость не пройти.
Свернуть бы на равнину
С опасного пути?

Но белый флаг на башне.
Но узкое окно!

О, скучен мир домашний,
И карты, и вино!

Я знаю, – есть Распятья
И латы на стенах,
В турецкой темной рати
Непобедимый страх.

Пустыни, минареты,
И дым, и облака,
И имя Баязета,
Пронзившее века.

Белеют бастионы
За мутною рекой,
Знамена и короны
Озарены луной.

И на воротах слово,
– Старинно и темно, –
Что на пути Христовом
Блаженство суждено.

***

О том, что смерти нет, и что разлуки нет,
И нет земной любви предела,
Не будем говорить. Но так устроен свет,
Где нам дышать судьба велела.

И грустен мне, мой друг, твой образ, несмотря
На то, что ты и бодр, и молод,
Как грустно путнику в начале сентября
Вдруг ощутить чуть слышный холод.

1920-е (?)

***

Единственное, что люблю я, – сон.
Какая сладость, тишина какая!
Колоколов чуть слышный перезвон,
Мгла неподвижная, вся голубая...

О, если б можно было твердо знать,
Что жизнь – одна и что второй не будет,
Что в вечности мы будем вечно спать,
Что никогда никто нас не разбудит.

***

«О, сердце разрывается на части
От нежности... О да, я жизнь любил,
Не меря, не утоляя страсти
– Но к тридцати годам нет больше сил».

И наклонясь с усмешкой над поэтом,
Ему хирург неведомый тогда
Разрежет грудь усталую ланцетом
И вместо сердца даст осколок льда.

1927 (?)

***

Был вечер на пятой неделе
Поста. Было больно в груди.
Все жилы тянулись, болели,
Предчувствуя жизнь впереди.

Был зов золотых колоколен,
Был в воздухе звон, а с Невы
Был ветер весенен и волен,
И шляпу срывал с головы.

И вот, на глухом перекрестке
Был незабываемый взгляд,
Короткий, как молния, жесткий,
Сухой, будто кольта разряд,

Огромный, как небо, и синий,
Как небо... Вот, кажется, все.
Ни красок, ни зданий, ни линий,
Но мертвое сердце мое.

Мне было шестнадцать, едва ли
Семнадцать... Вот, кажется, все.

Ни оторопи, ни печали,
Но мертвое сердце мое.

Есть память, есть доля скитальцев,
Есть книги, стихи, суета,
А жизнь... жизнь прошла между пальцев
На пятой неделе поста.

опубл. в 1953

ПАМЯТИ М. Ц.

Поговорить бы хоть теперь, Марина!
При жизни не пришлось. Теперь вас нет.
Но слышится мне голос лебединый,
Как вестник торжества и вестник бед.

При жизни не пришлось. Не я виною.
Литература – приглашенье в ад,
Куда я радостно входил, не скрою,
Откуда никому – путей назад.

Не я виной. Как много в мире боли.
Но ведь и вас я не виню ни в чем.
Все – по случайности, все – по неволе.
Как чудно жить. Как плохо мы живем.

опубл. 1971

Последнее стихотворение:

МАДРИГАЛ ИРИНЕ ОДОЕВЦЕВОЙ

Ночами молодость мне помнится,
Не спится... Третий час.
И странно, в горестной бессоннице
Я думаю о Вас.

Хочу послать я розы Вам,
Все – радость. Горя нет.
Живете же в тумане розовом,
Как в 18 лет.

1971

ЦВЕТАЕВА
Марина Ивановна

1. Родилась 26 сентября (8 октября н. ст.) 1892 г. в Москве в семье профессора И. В. Цветаева, основателя Музея изящных (ныне изобразительных) искусств; мать М.А. Мейн – музыкант и страстная любительница поэзии; в 1922 г. эмигрировала сначала в Чехию, а потом во Францию (Париж); в 1939 г. поэт возвращается на родину, где буквально бедствует; 31 августа 1941 г., находясь в эвакуации (Елабуга), М. Цветаева покончила с собой.

Поэтическая личность М. Цветаевой сформировалась в контексте народной, античной, западноевропейской (поэт начинает писать стихи с пяти лет одновременно по-русски, по-французски и по-немецки) и русской поэтической культуры (А. Пушкин – постоянный образец русской поэтической личности для М. Цветаевой).

Поэтическая способность М. Цветаевой реализовалась абсолютно полно и адекватно ее бытовой и бытийной судьбе: поэтическое выражение М. Цветаевой проистекало в форме и содержании нового для XVIII–XIX вв. чисто интонационного стиха (когда поэтический ритм зарождался и регулировался не наличием ускорений (пиррихий) и замедлений (спондей) стихового метра, не акцентно-фонетическими «долями» – словами («дольные»), а количеством объема выдоха и вдоха человека / поэта, порождающего и произносящего стихотворение как прежде всего произведения голоса, дыхания и, следовательно, интонации).

М. Цветаева создала свой уникальный в дискурсно-лингвистическом отношении язык (когда традиционный строфический синтаксис был преобразован поэтом в объемном отношении в синтаксис стиха, фразы, словосочетания, слова, слога и звука).

Степень поэтической свободы М. Цветаевой определяется как очень высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности М. Цветаевой выражается в этико-языковом ощущении трагичности

бытия, жизни, быта, смерти и любви. Поэт выражает в качестве неизъяснимого «предельную правду», запредельную истину и «мятущийся дух» (Вс. Рождественский). Индивидуальные способы поэтического отношения М. Цветаевой к быту и бытию абсолютно совпадали с фольклорными, мифологическими и пророческими взглядами русского народа на себя и на окружающую действительность, Космос, хаос и пустоту («Я сама народ», – утверждала М. Цветаева).

В основе этико-эстетического существования поэтической личности М. Цветаевой всегда были воля, мужество и любовь: именно трагедия, постоянно переживаемая поэтом, скрепляла русский быт и всеобщее бытие.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальность, интонационный ритм, рифма, мини-строфа в объеме звука, слога, слова, словосочетания, фразы и стиха.

Доминанта языковой способности – фонетический, грамматический, словообразовательный, лексический и синтаксический компоненты в ритмико-интонационном единстве.

Степень языковой свободы М. Цветаевой определяется как очень высокая, приближающаяся к абсолютной.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения М. Цветаевой среди многих других включает в себя следующие стихотворения:

DOUCE FRANCE*

Adieu, France!
Adieu, France!
Adieu, France!

Marie Stuart**

Мне Францией – нету
Нежнее страны –
На долгую память
Два перла даны.

Они на ресницах
Недвижно стоят.
Дано мне отплытье
Марии Стюарт

5 июня 1939

* Нежная Франция (фр.).
** Прощай, Франция! Мария Стюарт (фр.).

***

Ушел – не ем:
Пуст – хлеба вкус.
Всё – мел.
За чем ни потянусь.

...Мне хлебом был,
И снегом был.
И снег не бел,
И хлеб не мил.

23 января 1940

***

– Пора! для *этого* огня –
Стара!
– Любовь – старей меня!

– Пятидесяти январей
Гора!
– Любовь – еще старей:
Стара, как хвощ, стара, как змей,
Старей ливонских янтарей,
Всех привиденских кораблей
Старей! – камней, старей – морей...
Но боль, которая в груди,
Старей любви, старей любви.

23 января 1940

***

Так ясно сиявшие
До самой зари –
Кого провожаете,
Мои фонари?

Кого охраняете,
Кого одобряете,
Кого озаряете,
Мои фонари?

———

...Небесные персики
Садов Гесперид...

декабрь 1940

Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Наддверный...

февраль 1941

Последнее стихотворение (обращено к А. Тарковскому в ответ на его стихотворение):

***

Меловой да соляной
Твой Славянск родной,
Надоело быть одной –
Посиди со мной...

Стол накрыт на шестерых –
Розы да хрусталь...
А среди гостей моих –
Горе да печаль.

И со мною мой отец,
И со мною брат.
Час проходит. Наконец
У дверей стучат.

Как двенадцать лет назад,
Холодна рука
И немодные шумят
Синие шелка.

И вино поет из тьмы,
И звенит стекло:
«Как тебя любили мы,
Сколько лет прошло».

Улыбнется мне отец,
Брат нальет вина,
Даст мне руку без колец,
Скажет мне она:

«Каблучки мои в пыли,
Выцвела коса,
И звучат из-под земли
Наши голоса».

***

Я стол накрыл на шестерых...

Все повторяю первый стих
И все переправляю слово:
– «Я стол накрыл на шестерых»...
Ты одного забыл – седьмого.

Невесело вам вшестером.
На лицах – дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть – седьмую...

Невесело твоим гостям,
Бездействует графин хрустальный.
Печально – им, печален – сам,
Непозванная – всех печальней.

Невесело и несветло.
Ах! не едите и не пьете.
– Как мог ты позабыть число?
Как мог ты ошибиться в счете?

Как мог, как смел ты не понять,
Что шестеро (два брата, третий –
Ты сам – с женой, отец и мать)
Есть семеро – раз я на свете!

Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.

Чем пугалом среди живых –
Быть призраком хочу – с твоими,

(Своими)...
Робкая как вор,
О – *ни души* не задевая! –
За непоставленный прибор
Сажусь незваная, седьмая.

Раз! – опрокинула стакан!
И все, что жаждало пролиться, –
Вся соль из глаз, вся кровь из ран –
Со скатерти – на половицы.

И – гроба нет! Разлуки – нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть – на свадебный обед,
Я – жизнь, пришедшая на ужин.

...Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг – и все же укоряю:
– Ты, стол накрывший на шесть – душ,
Меня не посадивший – с краю.

6 марта 1941

МАЯКОВСКИЙ
Владимир Владимирович

1. Родился 7 (19 н. ст.) июля 1893 г. в селе Багдади Кутаисской губернии в семье дворянина, служившего лесничим (предки по отцу – казаки Запорожской Сечи, по матери – кубанские казаки); застрелился 14 апреля 1930 г. в возрасте ок. 37 лет.

Поэтическая личность В. Маяковского формировалась и развивалась одновременно в трех сферах / направлениях русской поэтической культуры – традиционализма (от А. Пушкина до А. Блока), модернизма и авангардизма (от В. Хлебникова, братьев Бурлюков, А. Крученых до Б. Пастернака и М. Цветаевой).

Поэтическое выражение В. Маяковского основывалось одновременно на оптимистическом и трагическом мировосприятии: быт и бытие для поэта соединялись в Любви, Революции и Трагедии; социальное, общественное и индивидуальное, по вере В. Маяковского, могли объединиться в особом – наивно-футуристическом – способе осознания неизъяснимого. Поэтическая способность В. Маяковского могла реализовываться лишь в то время, когда поэт «наступал на горло собственной песне» – в этом заключается индивидуальная, эмоционально-психологическая и лингво-духовная особенность «нормального» для В. Маяковского функционирования в процессе поэтической деятельности. Оптимистическая трагедия В. Маяковского-поэта – это есть норма, обеспечивающая наличие оптимально продуктивного поэтического результата. Поэтическому голосу В. Маяковского присущи два основных регистра громкости / шумности – крик и шепот (не губ шевеление, по О. Мандельштаму, а – трагический шепот обманутого любовника).

Поэту удалось создать свой язык, базирующийся на традиционных метрах, интонационном ритме, замысловатой рифме, спорадической неологии в лексике (преимущественно окказионального характера), неполных синтаксических конструкциях (все это более эффективно реализовала в своей поэтике М. Цветаева) и, что очень важно, новой поэтической

графике, структурно / фигурно адекватной ритмико-смысловой организации текста.

Поэтическая энергия В. Маяковского обладает огромной репродуктивной силой, что обусловило появление в 30–60-х гг. XX в. огромного числа подражателей.

Степень поэтической свободы В. Маяковского определяется как высокая.

2. Эстетический сценарий развития поэтической личности В. Маяковского построен на множественной природе его поэтического отношения к миру: отношение трагическое, сатирическое, феерическое и глубоко-эмоциональное создало необыкновенно сложную и противоречивую поэтическую личность, лишенную монолитности и гармонического соотношения / несоотношения структурных ее частей (что, видимо, позволяет некоторым литературоведам преувеличивать степень трагичности В. Маяковского в русской поэзии; исследователи иногда забывают, что поэт – это явление, по определению, трагическое, поскольку поэт, существуя в языке и являясь частью языковой культуры, вынужден сопротивляться языку и в то же время подчиняться ему и, выходя за рамки речевой коммуникативности, создавать свой поэтический язык, который непонятен рядовому носителю национального языка и который, тем не менее, не нуждается в переводе).

Доминанты поэтического дискурса – графика, ритм, рифма.

Доминанты языковой способности – фонетический, словообразовательный и лексический (стилистический) компоненты с элементами синтаксиса.

Степень языковой свободы В. Маяковского определяется как высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения В. Маяковского включает в себя начало поэмы «Во весь голос» и неоконченные стихотворения последних недель жизни поэта:

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

Первое вступление в поэму

Уважаемые
товарищи потомки!
Роясь
в сегодняшнем
окаменевшем г....,

наших дней изучая потемки,
вы,
возможно,
спросите и обо мне.
И, возможно, скажет
ваш ученый,
кроя эрудицией
вопросов рой,
что жил-де такой
певец кипяченой
и ярый враг воды сырой.
Профессор,
снимите очки-велосипед!
Я сам расскажу
о времени
и о себе.
Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный и призванный,
ушел на фронт
из барских садоводств
поэзии –
бабы капризной.
Засадила садик мило,
дочка,
дачка,
водь
и гладь –
сама садик я садила,
сама буду поливать.
Кто стихами льет из лейки,
кто кропит,
набравши в рот –
кудреватые Митрейки,
мудреватые Кудрейки –
кто их к черту разберет!
Нет на прорву карантина –
мандолинят из-под стен:
«Тара-тина, тара-тина,
т-эн-н...»

Неважная честь,
чтоб из этаких роз
мои изваяния высились
по скверам,
где харкает туберкулез,
где б... с хулиганом
да сифилис.
И мне
агитпроп
в зубах навяз,
и мне бы
строчить
романсы на вас –
доходней оно
и прелестней.
Но я
себя
смирял,
становясь
на горло
собственной песне.
Слушайте,
товарищи потомки,
агитатора,
горлана-главаря.
Заглуша
поэзии потоки,
я шагну
через лирические томики,
как живой
с живыми говоря.
Я к вам приду
в коммунистическое далеко́
не так,
как песенно-есененный провитязь.
Мой стих дойдет
через хребты веков
и через головы
поэтов и правительств.
Мой стих дойдет,
но он дойдет не так, –

не как стрела
в амурно-лировой охоте,
не как доходит
к нумизмату стершийся пятак
и не как свет умерших звезд доходит.
Мой стих
трудом
громаду лет прорвет
и явится
весомо,
грубо,
зримо,
как в наши дни
вошел водопровод,
сработанный
еще рабами Рима.
В курганах книг,
похоронивших стих,
железки строк случайно обнаруживая,
вы
с уважением
ощупывайте их,
как старое,
но грозное оружие.
Я
ухо
словом
не привык ласкать;
ушку девическому
в завиточках волоска
с полупохабщины
не разалеться тронуту.
Парадом развернув
моих страниц войска,
я прохожу
по строчечному фронту.
Стихи стоят
свинцово-тяжело,
готовые и к смерти
и к бессмертной славе.

Поэмы замерли,
к жерлу прижав жерло
нацеленных
зияющих заглавий.
Оружия
любимейшего
род,
готовая
рвануться в гике,
застыла
кавалерия острот,
поднявши рифм
отточенные пики.
И все
поверх зубов вооруженные войска,
что двадцать лет в победах
пролетали,
до самого
последнего листка
я отдаю тебе,
планеты пролетарий.
Рабочего
громады класса враг –
он враг и мой,
отъявленный и давний.
Велели нам
идти
под красный флаг
года труда
и дни недоеданий.
Мы открывали
Маркса
каждый том,
как в доме
собственном
мы открываем ставни,
но и без чтения
мы разбирались в том,
в каком идти,
в каком сражаться стане.

Мы
диалектику
учили не по Гегелю.
Бряцанием боев
она врывалась в стих,
когда
под пулями
от нас буржуи бегали,
как мы
когда-то
бегали от них.
Пускай
за гениями
безутешною вдовой
плетется слава
в похоронном марше –
умри, мой стих,
умри, как рядовой,
как безымянные
на штурмах мерли наши!
Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою –
ведь мы свои же люди, –
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.
Потомки,
словарей проверьте поплавки:
из Леты
выплывут
остатки слов таких,
как «проституция»,
«туберкулез»,
«блокада».

Для вас,
которые
здоровы и ловки,
поэт
вылизывал
чахоткины плевки
шершавым языком плаката.
С хвостом годов
я становлюсь подобием
чудовищ
ископаемо-хвостатых.
Товарищ жизнь,
давай
быстрей протопаем,
протопаем
по пятилетке
дней остаток.
Мне
и рубля
не накопили строчки,
краснодеревщики
не слали мебель на́ дом.
И кроме
свежевымытой сорочки,
скажу по совести,
мне ничего не надо.
Явившись
в Це Ка Ка
идущих
светлых лет,
над бандой
поэтических
рвачей и выжиг
я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек.

декабрь 1929 – январь 1930

[НЕОКОНЧЕННОЕ]

I

Любит? не любит? Я руки ломаю
и пальцы
разбрасываю разломавши
так рвут загадав и пускают
по маю
венчики встречных ромашек
пускай седины обнаруживает стрижка и бритье
Пусть серебро годов вызванивает
уймою
надеюсь верую вовеки не придет
ко мне позорное благоразумие

II

Уже второй
должно быть ты легла
А может быть
и у тебя такое
Я не спешу
И молниями телеграмм
мне незачем
тебя
будить и беспокоить

III

море уходит вспять
море уходит спать
Как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчете
И не к чему перечень
взаимных болей бед и обид

IV

Уже второй должно быть ты легла
В ночи Млечпуть серебряной Окою
Я не спешу и молниями телеграмм

Мне незачем тебя будить и беспокоить
как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчете и не к чему перечень
взаимных болей бед и обид
Ты посмотри какая в мире тишь
Ночь обложила небо звездной данью
в такие вот часы встаешь и говоришь
векам истории и мирозданью

Последнее стихотворение:

***

Я знаю силу слов я знаю слов набат
Они не те которым рукоплещут ложи
От слов таких срываются гроба
шагать четверкою своих дубовых ножек
Бывает выбросят не напечатав не издав
Но слово мчится подтянув подпруги
звенит века и подползают поезда
лизать поэзии мозолистые руки
Я знаю силу слов Глядится пустяком
Опавшим лепестком под каблуками танца
Но человек душой губами костяком...

1928–1930

ШЕНГЕЛИ
Георгий Аркадьевич

1. Родился 20 апреля (2 мая н. ст.) 1894 г. в Темрюке (ныне Краснодарского края) в семье адвоката; воспитывался у бабушки М. Дыбской в Керчи; переводчик, литературовед; умер 15 ноября 1956 г. в Москве.

Поэтическая личность Г. Шенгели формировалась в двух сферах мировой художественной культуры: в поэтической (Э. Верхарн, С. Малларме, Т. Готье, Ж.-М. Эредиа, Ш. Бодлер, П. Верлен, В. Гюго, Дж. Г. Байрон, Махтумкули, А. Пушкин, А. Блок и др.) и в научной (поэт был одним из первых, после А. Белого и О. Мандельштама, теоретиком стиха и поэтической работы; см. его труды «Трактат о русском стихе» (1923), «Практическое стиховедение» (1925), «Маяковский во весь рост» (1927) и др.).

Поэтическая способность Г. Шенгели реализовалась полностью, и процесс поэтического выражения никогда не прерывался, несмотря на опалу и забвение в последние 17 лет жизни.

Поэту удалось создать свой язык на основе строгих поэтических форм (традиционализм) и свободного поэтического содержания, выражаемого с высокой степенью смыслового варьирования (модернизм). Традиционный поэтический дискурс был органически соединен поэтом с индивидуальным лингвокультурным выражением неизъяснимого.

Степень поэтической свободы Г. Шенгели определяется как средне-высокая / высокая.

2. Эстетически Г. Шенгели был ориентирован на античные и традиционно русские (на основе гуманистического отношения к миру) способы выражения быта и бытия.

Поэт обладает абсолютным этико-эстетическим зрением и слухом, его поэзия – это явное продолжение пушкинской традиции трагического и светлого познания мира, себя, истины и добра. Однако стихи Г. Шенгели до сих пор остаются невостребованными, что, однако, не убивает надежду на то, что они в конце концов будут прочитаны и станут неотъемлемой частью русской поэтической культуры (поэтосферы).

Доминанты поэтического дискурса – ритм, рифма и строгая классическая строфа в гармоническом интонационном (достаточно монотонном) единстве.

Доминанты языковой способности – лексико-стилистический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы Г. Шенгели определяется как средне-высокая / высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения Г. Шенгели включает в себя следующие тексты:

***

Я начинаю забывать стихи;
Так улетают из вольеры птицы.
Видать, в душе не стало ни крохи
Для иволги, малиновки, синицы.

Да и зачем бы стали петь они?
Над стариком ли позабытым сжалясь?..
А все ж я им не ставил западни:
Они в былом ко мне и так слетались.

1953

***

Ночь. Выхожу на шпору волнореза.
До берега – верста. Ревет норд-ост
И в гулком небе, черном, как железо,
Ресницы рвет у близоруких звезд.

1954

***

Тиберий стар. Он, «медленно жующий»,
Все зубы стер, прожевывая Рим,
И сладостно смыкаются над ним
В полдневный зной каприйских лавров кущи.

1955

КОРРОЗИЯ

Время цедя сквозь тысячи книг,
Что прочитал ты и вновь читаешь,
Так странно думать, что ты – старик
И ничего уже не ожидаешь.

И не все ли равно, что сказал Платон
И какие глубины в интегралах Эйнштейна?
Вот на креслах – видишь? – протерся кретон,
И к обеду тебе не достали портвейна!

Да! Большим негодяем был этот король!..
Да! В прелестной каретке ездила фея!..
Как хорошо, что зубную боль
Можно лечить отваром шалфея.

Нет, не волнуйся, никуда не спеши;
За окнами – дождик; тучи нависли...
О, это выветривание души,
О, эти каверны воли и мысли!

28 сентября 1955

***

Я не был там... Швейцария, Люцерн;
И крупный дождь по улицам горбатым,
И в снятой мной полупустой квартире
Прохлада, полутьма и тишина.
И я один. И я довольно молод.
И я еще не думаю о смерти,
И здесь я на коротком перепутье;
Потом поеду в Рим или в Париж,
Или еще куда-нибудь, – неважно.
Мне хорошо, что будущего нет,
И прошлое забыто на вокзале...
Себе гербом избрал бы якорь я
С обломанными навсегда клыками!..

1955

СОН

Я в лодчонке плыву по холодной хрустальной реке.
Это, верно, Иртыш. А направо ступенчатый город
Низбегает к воде. И баркасы лежат на песке,
И на барке подплывшей скрипуче работает ворот.

А поодаль шумит аккуратно подстриженный сад,
И воздушное здание – замок Английского клуба –
Раздвигает листву; на веранде бильярды стоят
И зеленым сукном отражаются в зеркале дуба.

Там бывал я и знаю: там ряд ослепительных зал;
В синем бархате штор голубеют просторные окна;
Там звенит серебро; там пластронов сверкает крахмал
И сигарного дыма клубятся и тают волокна...

Там, наверно, отец... Бородой вороною струясь,
К «золотому столу» он садится, громадный и властный,
И мелок по сукну заплетает небрежную вязь,
И большая рука управляет колодой атласной...

Ах, туда бы, к отцу! Он придвинет мне теплый лафит,
Он расспросит меня; он мне денег без счета отвалит.
Все расписки мои он движеньем бровей устранит;
Мне он жизни вдохнёт, неисчерпною силою налит.

Все он может!.. Одно лишь, одно недоступно ему:
Он не видит меня, уносимого светлой стремниной,
Равнодушной рекою, – куда-то, – в полярную тьму,
Из которой назад не вернулся еще ни единый.

26.07 – 31.10. 1955

Последнее стихотворение:

***

Четыре года мне. Я наряжен в черкеску
И в шелковый бешмет. А ну-ка, посмотри,
Какие на груди сверкают газыри,
Как на кинжале чернь рисует арабеску!

Пусть братья дразнятся! Я мигом, им в отместку,
Кинжал вонзаю в стул – и раз, и два, и три, –
И – пополам клинок!.. И как тут ни ори,
А тащит бабушка меня за занавеску.

Не драть – переодеть: «Ну что за маскарад?»
Но я реву. И тут ко мне подходит брат
И, сжалившись, меня на подоконник ставит:

«Гляди!» – И вижу там, где солнце дали плавит, –
Каких-то взгорий зыбь. И слышу в первый раз
Названье, ковкое и звонкое: «Кавказ».

12.12.1955

ИВАНОВ
Георгий Владимирович

1. Родился 29 октября (10 ноября н. ст.) 1894 г. в Луках Коневской губернии в семье потомственных военных (и по отцовской, и по материнской линии); в 1929 г. уезжает в Европу; умер 26 августа 1958 г. в Йере, департамент Вар, Франция; 23 ноября 1963 г. перезахоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, под Парижем.

Поэтическая личность Г. Иванова формировалась в типовом контексте русской модернистской поэтической культуры, когда лингвокультурная преемственность становилась опосредованной за счет поэтики современников: так, пушкинская традиция воспринималась и усваивалась Г. Ивановым (Г. Адамовичем, Вс. Рождественским, М. Зенкевичем и др.) через индивидуальные (т. е. деформированные и скорректированные) коды поэтического выражения А. Блока, В. Брюсова, В. Иванова, М. Кузмина и др. Поэтому поэтическая способность Г. Иванова реализовывалась (в период до эмиграции) по готовым моделям стихописания (В. Ходасевич в рецензии на книгу стихов Г. Иванова «Вереск» (1916) замечает, что поэтом Г. Иванов может стать лишь тогда, когда с ним произойдет «добрая встряска, вроде большого и настоящего горя, несчастья»). С 30-х гг. XX в. Г. Иванов обретает свой голос, свой способ поэтического выражения – точный, холодноватый и трагический по тону и содержанию (ср. стихотворение Г. Иванова, которое приводит Ю. Анненков в качестве иллюстрации скрытой трагедийности нового, зарубежного Георгия Иванова:

Голубая речка,
Тихая волна,
Времени утечка
Явственно слышна.
Голубая речка
Обещает мне
Теплое местечко
на холодном дне...)

Поэт создает свой язык, в котором «вечное слово» реализуется не «как таковое», а как прочный семантический и музыкально звучащий сосуд, наполненный болью и надеждой, светом и тьмой, счастьем и отчаяньем, – т. е. миром.

Степень поэтической свободы Г. Иванова определяется как высокая.

2. Эстетический сценарий, по которому развивалась поэтическая личность Г. Иванова, сформировался к 30-м гг. XX в.: процесс творения «шедевров из пустоты» трансформировался в поэтико-религиозное, основанное на горьком житейском и бытийном опыте, выражение страдания, жизни и гибели, не смерти вне родины – а именно гибели. Поэт понимает, что духовное бессмертие питается гибелью плоти и мучениями поэта, наблюдающего за собой с невероятных высот языка, культуры и духа. Г. Иванов становится истинным трагическим поэтом не потому, что потерял Россию, а потому, что по-настоящему – в разлуке с родиной – обрел свой русский язык.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальность, ритм, рифма, свободная строфа.

Доминанты языковой способности – фонетический, лексический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы Г. Иванова определяется как высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения Г. Иванова включает среди многих других следующие тексты:

***

Прозрачная ущербная луна
Сияет неизбежностью разлуки.
Взлетает к небу музыки волна,
Тоской звенящей рассыпая звуки.

– Прощай... И скрипка падает из рук.
Прощай, мой друг!.. И музыка смолкает.
Жизнь размыкает на мгновенье круг
И наново, навеки замыкает.

И снова музыка летит, звеня.
Но нет! Не так, как прежде, – без меня.

Стихи из «Посмертного дневника» (1958):

***

Александр Сергеевич, я о вас скучаю.
С вами посидеть бы, с вами б выпить чаю.
Вы бы говорили, я б, развесив уши,
Слушал бы да слушал.

Вы мне все роднее, вы мне все дороже.
Александр Сергеевич, вам пришлось ведь тоже
Захлебнуться горем, злиться, презирать,
Вам пришлось ведь тоже трудно умирать.

***

Вот елочка. А вот и белочка
Из-за сугроба вылезает,
Глядит, немного оробелочка,
И ничего не понимает –
Ну абсолютно ничего.

Сверкают свечечки на елочке,
Блестят орешки золотые,
И в шубках новеньких с иголочки
Собрались жители лесные
Справлять достойно Рождество:
Лисицы, волки, медвежата,
Куницы, лоси остророгие
И прочие четвероногие.

...А белочка ушла куда-то,
Ушла куда глаза глядят,
Куда Макар гонял телят,
Откуда нет пути назад,
Откуда нет возврата.

1958

***

Если б время остановить,
Чтобы день увеличился вдвое,

Перед смертью благословить
Всех живущих и все живое.

И у тех, кто обидел меня,
Попросить смиренно прощенья,
Чтобы вспыхнуло пламя огня
Милосердия и очищенья.

Последнее стихотворение:

***

Поговори со мной еще немного,
Не засыпай до утренней зари.
Уже кончается моя дорога,
О, говори со мною, говори!

Пускай прелестных звуков столкновенье,
Картавый, легкий голос твой
Преобразят стихотворенье
Последнее, написанное мной.

август 1958

ЕСЕНИН
Сергей Александрович

1. Родился 21 сентября (3 октября н. ст.) 1895 г. в селе Константиново Кузьминской волости Рязанского уезда Рязанской губернии в крестьянской семье; воспитывался в семье деда; покончил с собой 28 декабря 1925 г. в Ленинграде (Петербурге); похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище.

Поэтическая личность С. Есенина уникальна в силу адекватности ее становления и развития определенным – очередным – возрастным этапам жизни человека: отрочество и юность его поэтической личности проходят в контексте народно-религиозного отношения к быту и бытию, молодость – в единении трех стихийных сил и взаимоотношений природы, человека и духа, зрелость поэтической личности С. Есенина порождает новое противоречиво трагическое выражение неизъяснимого горя, печали и тоски. Общий поэтический тон С. Есенина детерминирован одновременно мужеством, сентиментальностью и бессилием. Основная характеристика качества его поэтической энергии заключается в постоянных заблуждениях и разочарованиях, которые не столько движут этот энергетический языковой (голосовой, интонационный, смысловой) поток, сколько преумножают его и изливают, переливают через края не выдерживающей эмоционально-смыслового напора поэтической формы.

Поэтическая способность С. Есенина реализовалась полностью в процессе светло-трагического и песенно-горького выражения динамики эмоций как природы, так и человека. Поэт создал свой индивидуальный язык с доминирующей сентиментально-мужской (и мужественно бессильной) интонацией.

Степень поэтической свободы С. Есенина определяется как высокая / очень высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности С. Есенина выражается в противоречивой триединой основе его отношения к человеку и миру и воздействуя на человеческий быт и всеобщее бытие: христианская религиозность (право-

славное отношение к живой природе), славянское язычество (бесшабашное отношение к социальной природе) и поэтическое трагедийное отношение к человеку как к переходной субстанции от жизни к смерти, от плоти к духу, от небытия к бытию и – наоборот.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальность, «песенность» (напевность), ритм, изощренно гармоническая рифма, строгая строфа (преимущественно катрен).

Доминанта языковой способности – фонетический, лексико-стилистический и синтаксический компоненты в органическом песенном единстве.

Степень языковой свободы С. Есенина определяется как высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения С. Есенина среди многих текстов включает в себя такие:

***

Цветы мне говорят – прощай,
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край.

Любимая, ну что ж! Ну что ж!
Я видел их и видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.

И потому, что я постиг
Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо, –
Я говорю на каждый миг,
Что всё на свете повторимо.

Не все ль равно – придет другой,
Печаль ушедшего не сгложет,
Оставленной и дорогой
Пришедший лучше песню сложит.

И, песне внемля в тишине,
Любимая с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне
Как о цветке неповторимом.

27 октября 1925

ПЕСНЯ

Есть одна хорошая песня у соловушки –
Песня панихидная по моей головушке.

Цвела – забубенная, росла – ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

Думы мои, думы! Боль в висках и темени.
Промотал я молодость без поры, без времени.

Как случилось-сталось, сам не понимаю,
Ночью жесткую подушку к сердцу прижимаю.

Лейся, песня звонкая, вылей трель унылую.
В темноте мне кажется – обнимаю милую.

За окном гармоника и сиянье месяца.
Только знаю – милая никогда не встретится.

Эх, любовь-калинушка, кровь – заря вишневая.
Как гитара старая и как песня новая.

С теми же улыбками, радостью и муками,
Что певалось дедами, то поется внуками.

Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха, –
Все равно любимая отцветет черемухой.

Я отцвел, не знаю где. В пьянстве, что ли? В славе ли?
В молодости нравился, а теперь оставили.

Потому хорошая песня у соловушки,
Песня панихидная по моей головушке.

Цвела – забубенная, была – ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

1925

***

Ну, целуй меня, целуй,
Хоть до крови, хоть до боли.
Не в ладу с холодной волей
Кипяток сердечных струй.

Опрокинутая кружка
Средь веселых не для нас.
Понимай, моя подружка,
На земле живут лишь раз!

Оглядись спокойным взором,
Посмотри: во мгле сырой
Месяц, словно желтый ворон,
Кружит, вьется над землей.

Ну, целуй же! Так хочу я.
Песню тлен пропел и мне.
Видно, смерть мою почуял
Тот, что вьется в вышине.

Увядающая сила!
Умирать – так умирать!
До кончины губы милой
Я хотел бы целовать.

Чтоб всё время в синих дремах,
Не стыдясь и не тая,
В нежном шелесте черемух
Раздавалось: «Я твоя».

И чтоб свет над полной кружкой
Легкой пеной не погас –
Пей и пой, моя подружка:
На земле живут лишь раз!

1925

Последнее стихотворение (записано автором, возможно, в последние часы перед самоубийством, кровью):

***

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей, –
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

1925

БАГРИЦКИЙ
Эдуард Георгиевич
(наст. имя ДЗЮБАН Эдуард Годелевич)

1. Родился 22 октября (4 ноября н. ст.) 1895 г. в Одессе; умер 16 февраля 1934 г. в возрасте 38 с лишним лет от астматического воспаления легких.

Поэтическая личность Э. Багрицкого формировалась в контексте русской поэтической культуры М. Лермонтова, А. Полежаева, К. Фофанова, Н. Гумилева, А. Блока и др.

Поэтическая способность Э. Багрицкого реализовалась полностью в процессе экспрессивно-эмоционального поэтического выражения, характеризующегося высоким энергетическим напряжением.

Поэт создал свой язык, единицы и приметы которого (ритм, фонетическая экспрессия, смысловой напор и проч.) адекватны языку природы – птиц, ветра и моря (поэт-одессит соотносил силу поэзии с морской стихией).

Степень поэтической свободы Э. Багрицкого определяется как высокая / очень высокая.

2. Эстетический сценарий, по которому развивалась поэтическая личность Э. Багрицкого, может показаться с точки зрения происхождения вторичным (влияние, например, героической эстетики Н. Гумилева), однако поэт, принадлежа художественной культуре XX в., как и многие его современники, отталкивался в своем выражении неизъяснимого от генетической точки, поставленной в череде XVIII–XIX–XX–XXI вв. общим поэтическим развитием на границе золотого (XVIII–XIX вв.), серебряного (XIX – нач. XX вв.) и свинцового (XX в.) веков русской поэзии. Начинался вслед за первым (XVIII в.) и вторым (XIX в.) третий качественно новый период не столько способов, сколько объекта и предметов поэтического выражения: объект поэзии становился более социальным («Дума про Опанаса», «Смерть пионерки»). Поэтическое преодоление социальной завесы, преграды общего объекта поэзии – неизъяснимого – сделало такое истинно поэтическое выражение абсолютно трагическим.

Доминанты поэтического дискурса – свободный ритм, небанальная рифма, свободная строфа.

Доминанты языковой способности – фонетический, лексический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы Э. Багрицкого определяется как высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения Э. Багрицкого среди прочих включает в себя следующие тексты:

ПАПИРОСНЫЙ КОРОБОК

Раскуренный дочиста коробок,
Окурки под лампою шаткой.
Он гость – я хозяин. Плывет в уголок
Студеная лодка-кроватка.

– Довольно! Пред нами другие пути,
Другая повадка и хватка! –
Но гость не встает. Он не хочет уйти;
Он пальцами, чище слоновой кости,
Терзает и вертит перчатку...

Столетняя палка застыла в углу,
Столетний цилиндр вверх дном на полу,
Вихры над веснушками взреяли, –
Из гроба, с обложки ли от папирос –
Он в кресла влетел и к пружинам прирос,
Перчатку терзая, – Рылеев...

– Ты наш навсегда! Мы повсюду с тобой,
Взгляни! –
И рукой на окно:
Голубой
Сад ерзал костями пустыми.
Сад в ночь подымал допотопный костяк,
Вдыхая луну, от бронхита свистя,
Шепча непонятное имя...

– Содружество наше навек заодно! –

Из пруда, прижатого к иве,
Из круглой смородины лезет в окно
Промокший Каховского кивер...

Поручик! Он рвет каблуками траву,
Он бредит убийством и родиной,
Приклеилась к рыжему рукаву
Лягушечья лапка смородины...

Вы тени от лампы!
Вы мокрая дрожь
Деревьев под звездами робкими...
Меня разговорами не проведешь,
Портрет с папиросной коробки...

Я выключил свет – и видения прочь!

На стекла с предательской ленью,
В гербах и султанах надвинулась ночь,
Ночь Третьего отделенья...

Пять сосен тогда выступают вперед,
Пять виселиц, скрытых вначале;
И сизая плесень блестит и течет
По мокрой и мыльной мочале...

В калитку врывается ветер шальной,
Отчаянный и бесприютный, –
И ветви над крышей и надо мной
Заносятся, как шпицрутены...

Крылатые ставни колотятся в дом,
Скрежещут зубами шарниров,
Как выкрик:
«Четвертая рота – кругом!» –
Упрятанных в ночь командиров...
И я пробегаю сквозь строй без конца
В поляны, в леса, в бездорожья...
...И каждая палка хочет мясца,
И каждая палка пляшет по коже...

В ослиную шкуру стучит кантонист
(Иль ставни хрипят в отдаленьи?)...
А ночь за окном, как шпицрутенов свист,
Как Третье отделенье,
Как сосен качанье, как флюгера вой...
И вдруг поворачивается ключ световой.

Безвредною синькой покрылось окно,
Окурки под лампою шаткой.
В пустой уголок, где от печки темно,
Как лодка, вплывает кроватка...

И я подхожу к ней под гомон и лай
Собак, зараженных бессонницей:
– Вставай же, Всевóлод, и всем володай,
Вставай под осеннее солнце!
Я знаю: ты с чистою кровью рожден,
Ты встал на пороге веселых времен!
Прими ж завещанье:
Когда я уйду
От песен, от ветра, от родины –
Ты начисто выруби сосны в саду,
Ты выкорчуй куст смородины!..

1927

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПОЭТА

Весенний ветер лезет вон из кожи,
Калиткой щелкает, кусты корежит,
Сырой забор подталкивает в бок,
Сосна, как деревянное проклятье,
Железный флюгер, вырезанный ятью
(Смотри мой «Папиросный коробок»).
А критик за библейским самоваром,
Винтообразным окружен угаром,
Глядит на чайник, бровью шевеля.
Он тянет с блюдца, – в сторону мизинец, –
Кальсоны хлопают на мезонине,
Как вымпел пожилого корабля,
И самовар на скатерти бумажной
Протодиаконом трубит протяжно.

Сосед откушал, обругал жену
И благодушествует:
«Ах! Погода!
Какая подмосковная природа!
Сюда бы Фофанова да луну!»

Через дорогу в хвойном окруженье
Я двигаюсь взлохмаченною тенью,
Ловлю пером случайные слова.
Благословляю кляксами бумагу.
Сырые сосны отряхают влагу,
И в хвое просыпается сова.
Сопит река.
Земля раздражена
(Смотри стихотворение “Весна”).
Слова как ящерицы – не наступишь;
Размеры – выгоднее воду в ступе
Толочь; а композиция встает
Шестиугольником или квадратом;
И каждый образ кажется проклятым,
И каждый звук топырится вперед.
И с этой бандой символов и знаков
Я, как биндюжник, выхожу на драку
(Я к зуботычинам привык давно).
А критик мой недавно чай откушал.
Статью закончил, радио прослушал
И на террасу распахнул окно.
Меня он видит – он доволен миром –
И тенорком, политым легким жиром,
Пугает галок на кусте сыром.
Он возглашает:
«Прорычите басом,
Чем кончилась волынка с Опанасом,
С бандитом, украинским босяком.
Ваш взгляд от несварения неистов.
Прошу, скажите за контрабандистов,
Чтоб были страсти, чтоб огонь, чтоб гром,
Чтоб жеребец, чтоб кровь, чтоб клубы дыма, –
Ах, для здоровья мне необходимы
Романтика, слабительное, бром!

Не в этом ли удача из удач?
Я говорю как критик и как врач».
Но время движется. И на дороге
Гниют доисторические дроги,
Булыжником разъедена трава,
Электротехник на столбы вылазит, –
И вот ползет по укрощенной грязи,
Покачивая бедрами, трамвай.
(Сосед мой недоволен:
«Эт-то проза!»)
Но плимутрок из ближнего совхоза
Орет на солнце, выкатив кадык.
«Как мне работать!
Голова в тумане».

И бытием прижатое сознанье
Упорствует и выжимает крик.
Я вижу, как взволнованные воды
Зажаты в тесные водопроводы,
Как захлестнула молнию струна.
Механики, чекисты, рыбоводы,
Я ваш товарищ, мы одной породы, –
Побоями нас нянчила страна!
Приходит время зрелости суровой,
Я пух теряю, как петух здоровый.
Разносит ветер пестрые клочки.
Неумолимо, с болью напряженья,
Вылазят кровянистые стручки,
Колючие ошметки и крючки –
Начало будущего оперенья.
«Ау, сосед!»
Он стонет и ворчит:
«Невыносимо плимутрок кричит,
Невыносимо дребезжат трамваи!
Да, вы линяете, милейший мой!
Вы погибаете, милейший мой!
Да, вы в тупик уперлись головой,
И, как вам выбраться, не понимаю!»
Молчи, папаша! Пестрое перо –
Топорщится, как новая рубаха.

Петуший гребень дыбится остро;
Я, словно исполинский плимутрок,
Закидываю шею. Кличет рог, –
Крылами раз! – и на забор с размаха.
О, злобное петушье бытие!
Я вылинял! Да здравствует победа!
И лишь перо погибшее мое
Кружится над становищем соседа.

1929

ТВС

Пыль по ноздрям – лошади ржут.
Акации сыплются на дрова.
Треплется по ветру рыжий джут.
Солнце стоит посреди двора.
Рычаньем и чадом воздух прорыв,
Приходит обеденный перерыв.

Домой до вечера. Тишина.
Солнце кипит в каждом кремне.
Но глухо, от сердца, из глубины,
Предчувствие кашля идет ко мне.

И сызнова мир колюч и наг:
Камни – углы, и дома – углы;
Трава до оскомины зелена;
Дороги до скрежета белы.
Надсаживаясь и спеша донельзя,
Лезут под солнце ростки и Цельсий.

(Значит: в гортани просохла слизь,
Воздух, прожарясь, стекает вниз,
А снизу, цепляясь по веткам лоз,
Плесенью лезет туберкулез.)

Земля надрывается от жары.
Термометр взорван. И на меня,
Грохоча, осыпаются миры
Каплями ртутного огня,
Обжигают темя, текут ко рту.

И вся дорога бежит, как ртуть.
А вечером в клуб (доклад и кино,
Собрание рабкоровского кружка).
Дома же сонно и полутемно:
О, скромная заповедь молока!

Под окнами тот же скопческий вид,
Тот же кошачий и детский мир,
Который удушьем ползет в крови,
Который до отвращенья мил,
Чадом которого ноздри, рот,
Бронхи и легкие – всё полно,
Которому голосом сковород
Напоминать о себе дано.
Напоминать: «Подремли, пока
Правильно в мире. Усни, сынок».

Тягостно коченеет рука,
Жилка колотится о висок.

(Значит: упорней бронхи сосут
Воздух по капле в каждый сосуд;
Значит: на ткани полезла ржа;
Значит: озноб, духота, жар.)
Жилка колотится у виска,
Судорожно дрожит у век.
Будто постукивает слегка
Остроугольный палец в дверь.
Надо открыть в конце концов!

«Войдите». – И он идет сюда:
Остроугольное лицо,
Остроугольная борода.
(Прямо с простенка не он ли, не он,
Выплыл из воспаленных знамен?
Выпятив бороду, щурясь слегка
Едким глазом из-под козырька.)
Я говорю ему: «Вы ко мне,
Феликс Эдмундович? Я нездоров».

...Солнце спускается по стене.
Кошкам на ужин в помойный ров
Заря разливает компотный сок.
Идет знаменитая тишина.
И вот над уборной из досок
Вылазит неприбранная луна.

«Нет, я попросту – потолковать».
И опускается на кровать.

Как бы продолжая давнишний спор,
Он говорит: «Под окошком двор
В колючих кошках, в мертвой траве,
Не разберешься, который век.
А век поджидает на мостовой,
Сосредоточен, как часовой.
Иди – и не бойся с ним рядом встать.
Твое одиночество веку под стать.
Оглянешься – а вокруг враги;
Руки протянешь – и нет друзей;
Но если он скажет: «Солги», – солги.
Но если он скажет: «Убей», – убей.
Я тоже почувствовал тяжкий груз
Опущенной на плечо руки.
Подстриженный по-солдатски ус
Касался тоже моей щеки.
И стол мой раскидывался, как страна,
В крови и чернилах квадрат сукна,
Ржавчина перьев, бумаги клок –
Всё друга и недруга стерегло.
Враги приходили – на тот же стул
Садились и рушились в пустоту.
Их нежные кости сосала грязь.
Над ними захлопывались рвы.
И подпись на приговоре вилась
Струей из простреленной головы.
О мать революция! Не легка
Трехгранная откровенность штыка;
Он вздыбился из гущины кровей,
Матерый желудочный быт земли.

Трави его трактором. Песней бей.
Лопатой взнуздай, киркой проколи!
Он вздыбился над головой твоей –
Прими на рогатину и повали.
Да будет почетной участь твоя;
Умри, побеждая, как умер я».
Смолкает. Жилка о висок
Глуше и осторожней бьет.
(Значит: из пор, как студеный сок,
Медленный проступает пот.)
И ветер в лицо, как вода из ведра.
Как вестник победы, как снег, как стынь.
Луна лейкоцитом над кругом двора,
Звезды круглы, и круглы кусты.
Скатываются девять часов
В огромную бочку возле окна.
Я выхожу. За спиной засов
Защелкивается. И тишина.
Земля, наплывающая из мглы,
Легла, как неструганая доска,
Готовая к легкой пляске пилы,
К тяжелой походке молотка.
И я ухожу (а вокруг темно)
В клуб, где нынче доклад и кино,
Собранье рабкоровского кружка.

1929

Последнее стихотворение:

МЕДВЕДЬ

Покрытый бурой шубой,
Кряжистый и грубый,
В малиннике сыром
Он спит и дышит носом,
Кося глазком белесым,
И тушей раздобревшей
Он давит бурелом.
Когда перед зарею
В сосне заквохчет дрозд
И окунется в хвою
Густая сетка звезд...

Он встанет, косолапый,
Он втянет воздух с храпом,
Подымется, вздохнет,
Стряхнет с намокшей шкуры
Малины листик бурый –
И двинется вперед...

Я тоже не зеваю,
Берданку заряжая,
И в тишине ночной
Неслышными шагами
Сперва пройду болотом
И сяду над рекой.
Иди, зевака сонный,
Верни мои патроны,
Иди, иди, иди...
Я слышу храп медвежий,
Хрустение лап широких...
Идет... И сердце реже
Стучит в моей груди.

1934

АНТОКОЛЬСКИЙ
Павел Григорьевич

1. Родился 19 июня (1 июля н. ст.) 1896 г. в Петербурге в семье адвоката; дед – знаменитый скульптор (автор статуи Ивана Грозного). Актер, переводчик; в 1942 г. гибнет сын поэта – Владимир; умер П. Антокольский 9 октября 1978 г. в Москве.

Поэтическая личность П. Антокольского формировалась и функционировала в контексте театральной (поэт был актером Московского Камерного театра, 2-й студии МХАТа, Театра Евг. Вахтангова и др.), поэтической европейской (Франсуа Вийон и др.), русской (поэты серебряного и свинцового веков) и восточной (армянская поэзия: О. Туманян, Е. Чаренц; грузинская поэзия: Ш. Руставели, С. Чиковани, Т. Табидзе и др.; азербайджанская поэзия: Низами Ганджеви, Самед Вургун и др.) культуры.

Поэтическая способность П. Антокольского реализовалась в непрерывном выражении предчувствия беды, катастрофы, трагедии. Поэт обладал пророческим даром (П. Антокольский вслед за О. Мандельштамом предсказал вторую мировую войну).

П. Антокольский создал свой поэтический язык, характеризующийся гармонической адекватностью классического силлабо-тонического стиха и содержания – результата поэтического выражения мира и его социальной драмы и трагедии.

Степень поэтической свободы П. Антокольского определяется как средне-высокая / высокая.

2. Эстетически поэзия П. Антокольского ориентирована на синтез традиционализма и постепенного, ровного новаторства поэтического выражения неизъяснимого, что вообще характерно для поэзии XX-го свинцового века. Предмет поэтического постижения П. Антокольского – время: время историческое и социальное, по определению. Способы поэтического выражения одновременно экспрессивны и суховаты / импрессивны.

Доминанты поэтического дискурса – ритм и строгая строфа – катрен, варьируемая в шести- и восьмистишиях.

Доминанта языковой способности – лексический компонент с элементами синтаксиса.

Степень языковой свободы П. Антокольского определяется как средняя / средне-высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения П. Антокольского среди прочих включает в себя следующие тексты:

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ

Жилье твое остужено.
Жена твоя покойница
Была любимой суженой –
И вот былинкой клонится.

И спит в подводном Китеже,
Спит, запертая в тереме.
А ты сиротство выдержи,
Коли богат потерями.

Ничто, ничто не сдвинуто,
Всё прочно закольцовано.
А если сердце вынуто –
Заснет в конце концов оно.

Забудь свое случайное.
Застынь в метели режущей
И настежь дверь в отчаянье –
В последнее прибежище.

1975

СТИХИ ПОД ЭПИГРАФОМ

Ручей столько натаскал камней и песку,
Что вынужден был переменить свое русло.

Леонардо да Винчи

Нет, русла я не изменил
И не искал тропы окольной,
Но с отрочества, с парты школьной
Расту разливами, как Нил.

Не так разливы широки,
Чтоб можно было заблудиться.
И даже мутная водица
Не замутит моей строки.

А что касается камней,
То сколько бы ни натаскал их,
Я не забыл о мощных скалах,
Склонявших головы ко мне.

1975

Последнее стихотворение:

***

Нечем дышать, оттого что я девушку встретил,
Нечем дышать, оттого что врывается ветер,
Ломится в окна, сметает пепел и пыль,
Стало быть, небыль сама превращается в быль.

Нечем дышать, оттого что я старше, чем время.

1976 (?)

ТИХОНОВ
Николай Семенович

1. Родился 22 ноября (4 декабря н. ст.) 1896 г. в Петербурге в семье ремесленника в доме на Морской улице, где бывали А. С. Пушкин, Т. Г. Шевченко, а позднее жил А. И. Герцен; участвовал добровольцем в составе гусарского полка в первой мировой войне, контужен (в Прибалтике); умер 8 февраля 1979 г. в Москве.

Поэтическая личность Н. Тихонова начала формироваться в контексте русской поэтической культуры XIX в. (М. Лермонтов, А. Полежаев и др.) и XX в. (Н. Гумилев как основатель «героической поэзии путешествий и скитаний» с долей военной и иной приключенческой романтики и др.).

Поэтическая способность Н. Тихонова реализовывалась неравномерно: в начальный период становления авторского поэтического выражения доминировали гиперэмоциональность и экспрессивность, а далее развитие поэтической личности Н. Тихонова имело спорадический и тем не менее достаточно ровный характер. Развитие авторского поэтического выражения тормозилось и в конце концов было остановлено многописанием (к 1976 г. Н. Тихонов издал 162 книги художественных текстов, издававшихся почти 400 раз на 50 языках).

Поэт подошел в 30-х гг. вплотную к созданию своего языка, однако под влиянием перемены объекта поэзии (с «невыразимого» на «социальное») воспользовался способами общего стихотворного выражения, регламентированного цензурой и присущего «советской», т. е. государственной, поэзии.

Степень поэтической свободы Н. Тихонова (до 30-х гг. XX в.) определяется как средне-высокая / высокая.

2. Индивидуальный (до 30-х гг. XX в.) эстетический сценарий, по которому развивалась поэтическая личность Н. Тихонова, соответствовал лермонтовскому и гумилевскому отношению к миру в форме разлада, дисгармонии и проч. Однако на рубеже 30–40-х гг. XX в. Поэт «поладил» с государственной (антикультурной) языковой действительностью и стал стихотворцем, стихописателем.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальный ритм (весьма энергичный и энергоемкий), небанальная рифма и строгая строфа (до 30-х гг. XX в.).

Доминанты языковой способности (до 30-х гг. XX в.) – фонетический и лексический компоненты с элементами синтаксиса.

Степень языковой свободы Н. Тихонова (до 30-х гг. XX в.) определяется как средне-высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения Н. Тихонова включает в себя прежде всего стихотворения, созданные до 1930 г., среди них следующие:

***

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.

Даже породниться с нею стоит,
Снова глину замешать огнем,
Каждое желание простое
Освятить неповторимым днем.

Так живу, а если жить устану,
И запросится душа в траву,
И глаза, не видя, в небо взглянут, –
Адвокатов рыжих позову.

Пусть найдут в законах трибуналов
Те параграфы и те года,
Что в земной дороге растоптала
Дней моих разгульная орда.

1920

***

«Человек, который смеется»
В. Гюго

Ночными солнцами владея,
На спящей маленькой земле,
Моя любовь – слепая Дея,

Смотри, как нежен Гуинплен!

Ему и волк колена лижет,
И чертит ласточка кольцо,
А он всё трепетней, всё ниже
К тебе склоняется лицом.

Скажи – он принесет парламент
В ладонях вытянутых рук,
Войдет в хохочущее пламя,
Подставит шею топору.

О, если б знала ты, бледнея,
Зовя с собой в старинный плен,
Что ты убьешь, слепая Дея,
Того, кто звался Гуинплен.

1919 или 1920

***

Длинный путь. Он много крови выпил.
О, как мы любили горячо –
В виселиц качающихся скрипе
И у стен с отбитым кирпичом.

Этого мы не расскажем детям,
Вырастут и сами всё поймут,
Спросят нас, но губы не ответят
И глаза улыбки не найдут.

Показав им, как земля богата,
Кто-нибудь ответит им за нас:
«Дети мира, с вас не спросят платы,
Кровью всё откуплено сполна».

1921

***

Не заглушить, не вытоптать года, –
Стучал топор над необъятным срубом,
И вечностью каленая вода
Вдруг обожгла запекшиеся губы.

Владеть крылами ветер научил,
Пожар шумел и делал кровь янтарной,
И брагой темной путников в ночи
Земля поила благодарно.

И вот под небом, дрогнувшим тогда,
Открылось в диком и простом убранстве,
Что в каждом взоре пенится звезда
И с каждым шагом ширится пространство!

1921 или 1922

К РАЗГОВОРУ

Ни при чем тут подобье жиденькой крови,
Называемой чаем, отставьте и речь –
Речь любая годна мертвецу в изголовье,
Дорогие товарищи! Совесть – стеклянная вещь.

Один Велемир – дервиш русского имени –
Мог мечтать о стеклянном жилище сквозном,
Когда право бунтующей крови он выменял
Лишь на право стоять пред открытым окном.

Этот славный покой может сделаться кличем,
Как пример его совести – стоязычной притчей,
Я не дервиш – добытчик на узкой волне,
Пусть я только боец, только черный добытчик
Биографии, тесной вполне.

Из совести делать плавучий аквариум
Не берусь – пусть, темнея пером,
Буду взят я под выстрел в охотничьем зареве,
С добычей в клюве моем.

1929

Ко второй части парадигмы последнего стихотворения относятся тексты, созданные в середине 70-х гг. XX в., вот некоторые из них:

СВОБОДНЫЕ СТИХИ

Мне кажется порою, что на мне
Вытатуированы все событья,

В которых я участвовал, и пейзажи
Всех стран, где я был.
И меня можно рассматривать,
Как книгу с картинками,
С говорящими картинками,
Потому что я иные из них
Сопровождал стихами,
Которые я сочинил.
Не слишком ли много картинок
Для одного человека?
Вы это скажете, когда вам
Надоест просмотр, –
И тогда картинки исчезнут,
Останутся только стихи.
Я бы очень хотел,
Чтобы они остались,
Они так верят вам!

***

Нет, не духи скуки
Иль отчаянья
По ночам беседуют
Со мной,
И ночей мне близкое
Молчанье
Я люблю.
Я – человек ночной!

А стихи –
Они за всё ответят,
Я не жду
Спокойную зарю.
Дверь открыта в ночь,
И звезды светят
В тишине
Я с сердцем говорю.

И цветут
Вчерашние пустыни,
Как цвели они

Уже не раз, –
В книге ночи
На страницах синих
Всё уже
Рассказано о нас.

Звездный почерк
Разберет не каждый,
Не такой простой он –
Звездный путь,
То, что нам написано
Однажды, –
Никаким пером
Не зачеркнуть.

Пусть звенит над нами
И грохочет
Будней
Беспощадная труба,
Мы живем
В молчанье этой ночи,
Где стихи, и звезды, и – судьба!

***

Сквозь ткань стиха,
Сквозь образ своевольный,
Сквозь трепет слов,
Звучащих первый раз,
Почувствуете
С гордостью невольной
Того, кто создал
Всё это для вас.

Того, кто скрыл
В словесной этой чаще
Души волненье
В стиховой волне,
И тайный смысл
Всех этих строк горящих –
Как разговор
Вдвоем, наедине.

И третьему нет места
В разговоре,
Но стих живет –
И времени полет
Его, как парус
В ветреное море,
Пускает в жизнь
И людям отдает.

И, может быть,
С подходом благородным,
Что этот стих,
Принадлежащий вам,
Услышите
Прочтенным всенародно,
Всем зазвучат
Заветные слова.

Известен даже
Школьникам беспечным
И критиком
Разобран в тишине,
Стих всё равно
Останется навечно,
Как разговор
Вдвоем, наедине!

Последние стихотворения:

[Первое]

***

Не молюсь я на ночь,
Ни к чему мне,
Знаю – знаменитым
Не проснусь,
Что́ мне в лет давно
Звеневшем бубне,
Я на бубен тот
Не оглянусь.

Было всё – и радости
И тризны,
Я заветных
Зорь своих достиг,
И страна,
Стихов моих отчизна,
Примет к сердцу
Мой вечерний стих.

И, смешав все
Времена и сроки,
В лабиринте дней
Моих кружа,
Прозвенят закатным
Звоном строки,
Те, что вам
Одной принадлежат.

1970-е

[Второе]

ОДА БУДУЩЕМУ

Ты – Будущее, ты таишь
Все чувства, дни любого рода,
Сомненье, счастье, гром и тишь,
К тебе я обращаю оду!

Нет, я немногого хочу!
Благодарю тебя заране –
Пускай мне будут по плечу
Часы последних испытаний!

Пусть будут солнце и гроза,
Пусть будут чувства снова разны,
Пускай, скажу я за глаза,
Ко мне вернутся все соблазны.

И ты поможешь мне решать,
Как быть мне в случае отдельном, –
Ты – Будущее! Ты – душа
Всего, что можно, что предельно.

1970-е

ОЛЕЙНИКОВ
Николай Макарович

1. Родился 23 июля (5 августа н. ст.) 1898 г. в станице Каменская Области Войска Донского (ныне Ростовская обл.) в семье богатого казака, державшего кабак; после 1917 г. был красногвардейцем, дважды подвергался аресту белоказаками; 3 июля 1937 г. поэт арестован по подозрению в контрреволюционной деятельности; расстрелян 24 ноября 1937 г.

Поэтическая личность Н. Олейникова формировалась в контексте научной (поэт изучал высшую математику и готовил к изданию свою монографию по теории чисел), философской (по Н. Олейникову, сознание определяет бытие, а не наоборот), русской и европейской поэтической / художественной культуры (Д. Свифт, Н. Гоголь, М. Салтыков-Щедрин, Ф. Достоевский, М. Зощенко и др.).

Поэтическая способность Н. Олейникова реализовалась в процессе иронического отношения к миру, когда поэтическая ирония являлась орудием постижения, выражения и показа правды в условиях жесткой социальной регламентации общего поэтического выражения в целом.

Поэт создал свой язык: «умышленный примитивизм, одноплановый синтаксис при многоплановой семантике» (Л. Гинзбург), лексико-стилистическая и смысловая дисгармония; А. Ахматова заметила (по воспоминаниям Л. Гинзбург, что «Н. Олейников пишет стихи, как капитан Лебядкин (персонаж, созданный Ф. Достоевским), который, впрочем, писал превосходные стихи» (см. поэтический шедевр Н. Олейникова «Таракан»).

Поэтическое выражение Н. Олейникова по своей природе не социально, а бытийно.

Степень поэтической свободы Н. Олейникова определяется как высокая / очень высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности Н. Олейникова сформировалась на художественно-иронических традициях фольклора, авторских сказок и эпиграмм А. Пушкина, прозы Н. Гоголя и Ф. Достоевского.

Поэт борется с пошлостью, так как понимает, что если красота не спасет мир (вопреки мнению Ф. Достоевского), то его уничтожит пошлость (утверждение Б. Пастернака).

Н. Олейников не принадлежал (формально) к поэтической школе обэриутов, но эстетически (иронико-поэтическое выражение) был близок к А. Введенскому, Д. Хармсу, Н. Заболоцкому (периода «Столбцов») и др.

Доминанты поэтического дискурса – стилизованный ритм (раешный, песенный, частушечный, плясовой и др.), банальная рифма, строгая строфа – катрен.

Доминанты языковой способности – фонетический, словообразовательный, лексико-стилистический компоненты с элементами синтаксиса.

Степень языковой свободы Н. Олейникова определяется как высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения Н. Олейникова включает в себя такие тексты:

ТАРАКАН

Таракан попался в стакан.
Достоевский

Таракан сидит в стакане.
Ножку рыжую сосет.
Он попался. Он в капкане.
И теперь он казни ждет.

Он печальными глазами
На диван бросает взгляд,
Где с ножами, с топорами
Вивисекторы сидят.

У стола лекпом хлопочет,
Инструменты протирая,
И под нос себе бормочет
Песню “Тройка удалая”.

Трудно думать обезьяне,
Мыслей нет – она поет.
Таракан сидит в стакане,
Ножку рыжую сосет.

Таракан к стеклу прижался
И глядит, едва дыша...
Он бы смерти не боялся,
Если б знал, что есть душа.

Но наука доказала,
Что душа не существует,
Что печенка, кости, сало –
Вот что душу образует.

Есть всего лишь сочлененья,
А потом соединенья.

Против выводов науки
Невозможно устоять.
Таракан, сжимая руки,
Приготовился страдать.

Вот палач к нему подходит,
И, ощупав ему грудь,
Он под ребрами находит
То, что следует проткнуть.

И, проткнувши, на бок валит
Таракана, как свинью.
Громко ржет и зубы скалит,
Уподобленный коню.

И тогда к нему толпою
Вивисекторы спешат.
Кто щипцами, кто рукою
Таракана потрошат.

Сто четыре инструмента
Рвут на части пациента.
От увечий и от ран
Помирает таракан.

Он внезапно холодеет,
Его веки не дрожат...

Тут опомнились злодеи
И попятились назад.

Все в прошедшем – боль, невзгоды.
Нету больше ничего.
И подпочвенные воды
Вытекают из него.

Там, в щели большого шкапа,
Всеми кинутый, один,
Сын лепечет: «Папа, папа!»
Бедный сын!

Но отец его не слышит,
Потому что он не дышит.

И стоит над ним лохматый
Вивисектор удалой,
Безобразный, волосатый,
Со щипцами и пилой.

Ты, подлец, носящий брюки,
Знай, что мертвый таракан –
Это мученик науки,
А не просто таракан.

Сторож грубою рукою
Из окна его швырнет,
И во двор вниз головою
Наш голубчик упадет.

На затоптанной дорожке
Возле самого крыльца
Будет он, задравши ножки,
Ждать печального конца.

Его косточки сухие
Будет дождик поливать
Его глазки голубые
Будет курица клевать.

1934

***

Графин с ледяною водою.
Стакан из литого стекла.
Покрыт пузырьками пузырь с головою,
И вьюга меня замела.

Но капля за каплею льется –
Окно отсырело давно.
Водою пустого колодца
Тебя напоить не дано.

Подставь свои губы под воду –
Напейся воды из ведра.
Садися в телегу, в подводу –
Кати по полям до утра.

Душой беспредельно пустою
Посметь ли туман отвратить
И мерной водой ключевою
Холодные камни пробить?

1937

Последние стихотворения:

[Первое]

***

Птичка безрассудная
С беленькими перьями,
Что ты всё хлопочешь,
Для кого стараешься?
Почему так жалобно
Песенку поешь?
Почему не плачешь ты
И не улыбаешься?
Для чего страдаешь ты,
Для чего живешь?
Ничего не знаешь ты, –
Да и знать не надо.
Всё равно погибнешь ты,
Так же, как и я.

1937

[Второе]

***

Неуловимы, глухи, неприметны
Слова, плывущие во мне, –
Проходят стороной – печальны, бледны, –
Не наяву, а будто бы во сне.
Простой предмет – перо, чернильница, –
Сверкая, свет прольют иной.
И день шипит, как мыло в мыльнице,
Пленяя тусклой суетой.
Чужой рукой моя рука водила:
Я слышал то, о чем писать хотел,
Что издавало звук шипенья мыла, –
Цветок засохший чистотел.

1937

[Третье]

***

Осенний тетерев-косач,
Как бомба, вылетает из куста.
За ним спешит глухарь-силач,
Не в силах оторваться от листа.
Цыпленок летний кувыркается от маленькой дробинки
И вниз летит, надвинув на глаза пластинки.

.....
.....
Перелетая с севера на юг,
Всю жизнь проводит он под пологом ветвей,
Но, по утрам пересекая луг,
Он вспоминает дни забытых глухарей.

1935–1937

НАБОКОВ
Владимир Владимирович
(псевд. СИРИН)

1. Родился 10 (22 н. ст.) апреля 1899 г. в Санкт-Петербурге в старинной дворянской семье; дед по отцу был министром юстиции при Александре III; отец – член Государственной Думы; в ноябре 1917 г. семья бежит в Крым, затем в Турцию и в Англию; в 1940 г. В. Набоков уезжает в США; в 1960 г. возвращается в Европу; умер 2 июля 1977 г. в Лозанне; похоронен на кладбище Клэренс в Монтрё (Швейцария).

Поэтическая личность В. Набокова формировалась в контексте европейской научной (энтомология, логика, шахматы), художественной (М. Пруст, Ф. Кафка и Дж. Джойс) и русской (А. Пушкин, Н. Гоголь, Ф. Тютчев, Ф. Сологуб, А. Блок и др.) поэтической культуры.

Поэтическая способность В. Набокова реализовалась полностью в сфере поэтического, прозаического и научного познания и выражения мира, себя в нем, а также «запредельного» (В. Набоков), которое реализуется, дается слову и мысли только через вымысел. Поэтическое выражение неизъяснимого у В. Набокова осуществлялось прежде всего за счет абсолютного зрения, слуха и вкуса. Поэт создал свой язык (метафорически ясный, повествовательно-изобразительный, детально точный и «кристально чистый» (И. Бунин).

Степень поэтической свободы В. Набокова определяется как высокая / очень высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности В. Набокова основывается на авторской концепции этической небесполезности жизни творческой личности, деятельность которой (в отличие от не-творцов) наполнена смыслом, и поэтому существование творца является полноценным, мощным и энергетически бессмертным.

Доминанты поэтического дискурса – метр и ритм в музыкально-интонационном единстве, небанальная рифма и строгая синтаксическая строфа.

Степень языковой свободы В. Набокова определяется как очень высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения В. Набокова среди прочих включает в себя следующие стихотворения:

***

Нет, бытие – не зыбкая загадка!
Подлунный дол и ясен, и росист.
Мы – гусеницы ангелов; и сладко
вьедаться с краю в нежный лист.

Рядись в шипы, ползи, сгибайся, крепни,
и чем жадней твой ход зеленый был,
тем бархатистей и великолепней
хвосты освобожденных крыл.

6 мая 1923

РАССТРЕЛ

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать,
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.

Проснусь, и в темноте, со стула,
где спички и часы лежат,
в глаза, как пристальное дуло,
глядит горящий циферблат.

Закрыв руками грудь и шею, –
вот-вот сейчас пальнет в меня –
я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.

Оцепенелого сознанья
коснется тиканье часов,
благополучного изгнанья
я снова чувствую покров.

Но, сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:

Россия, звезды, ночь расстрела
и весь в черемухе овраг!

1927, Берлин

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

1.

Как над стихами силы средней
эпиграф из Шенье,
как луч последний, как последний
зефир... comme un dernier

rayon*, так над простором голым
моих нелучших лет
каким-то райским ореолом
горит нерусский свет!

1956

2.

Целиком в мастерскую высокую
входит солнечный вечер ко мне:
он как нотные знаки, как фокусник,
он сирень на моем полотне.

Ничего из работы не вышло,
только пальцы в пастельной пыли.
Смотрят с неба художники бывшие
на румяную щеку земли.

Я ж смотрю, как в стеклянной обители
зажигается сто этажей
и как американские жители
там стойком поднимаются в ней.

3.

Все, от чего оно сжимается,
миры в тумане, сны, тоска,

*Как последний луч (фр.). В С.: «зефир... comme un dernier... / Так ныне над простором голым / моих минувших лет»

и то, что мною принимается
как должное – твоя рука;

все это под одною крышею
в плену моем живет, поет,
но сводится к четверостишию,
как только ямб ко дну идет.

И оттого, что – как мне помнится –
жильцы родного словаря
такие бедняки и скромницы:
холм, папоротник, ель, заря,

читателя мне не разжалобить,
а с музыкой я незнаком,
и удовлетворяюсь, стало быть,
ничьей меж смыслом и смычком.

———————————

«Но вместо всех изобразительных
приемов и причуд, нельзя ль
одной опушкой существительных
и воздух передать, и даль?»

Я бы добавил это новое,
но наподобие кольца
сомкнуло строй уже готовое
и не впустило пришлеца.

4.

Вечер дымчат и долог:
я с мольбою стою,
молодой энтомолог,
перед жимолостью.

О, как хочется, чтобы
там, в цветах, вдруг возник,
запуская в них хобот,
райский сумеречник.

Содроганье – и вот он.
Я по ангелу бью,

и уж демон замотан
в сетку дымчатую.

5.

Какое б счастье или горе
и пело в прежние года,
метафор, даже аллегорий
я не чуждался никогда.

И ныне замечаю с грустью,
что солнце меркнет в камышах,
и рябь чешуйчатее к устью,
и шум морской уже в ушах.

1950-е, Итака

6.

Есть сон. Он повторяется, как томный
стук замурованного. В этом сне
киркой работаю в дыре огромной
и нахожу обломок в глубине.

И фонарем на нем я освещаю
след надписи и наготу червя.
«Читай, читай!» – кричит мне кровь моя:
Р,О,С, – нет, я букв не различаю.

7.

Зимы ли серые смыли
очерк единственный? Эхо ли
все, что осталось от голоса? Мы ли
поздно приехали?

Только никто не встречает нас. В доме
рояль – как могила на полюсе. Вот тебе
ласточки. Верь тут, что кроме
пепла есть оттепель.

***

Что скажет о тебе далекий правнук твой,
то славя прошлое, то запросто ругая?

Что жизнь твоя была ужасна? Что другая
могла бы счастьем быть? Что ты не ждал другой?

Что подвиг твой не зря свершался – труд сухой
в поэзию добра попутно обращая
и белое чело кандальника венчая
одной воздушною и замкнутой чертой?

Увы! Что б ни сказал потомок просвещенный,
все так же на ветру, в одежде оживленной,
к своим же Истина склоняется перстам,

с улыбкой женскою и детскою заботой,
как будто в пригоршне рассматривая что-то,
из-за плеча ее невидимое нам.

отдельная публикация 1979

***

Прощай же, книга! Для видений
отсрочки смертной тоже нет.
С колен поднимется Евгений,
но удаляется поэт.
И все же слух не может сразу
расстаться с музыкой, рассказу
дать замереть... судьба сама
еще звенит, и для ума
внимательного нет границы
там, где поставил точку я:
продленный призрак бытия
синеет за чертой страницы,
как завтрашние облака,
и не кончается строка.

отдельная публикация 1979

Последнее стихотворение (стихотворение Вадима из романа «Look at the Harlequins!»):

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Мы забываем, что влюбленность
не просто поворот лица,

а под купавами бездонность,
ночная паника пловца.

Покуда снится, снись, влюбленность,
но пробуждением не мучь,
и лучше недоговоренность,
чем эта щель и этот луч.

Напоминаю, что влюбленность
не явь, что метины не те,
что, может быть, потусторонность
приотворилась в темноте.

1973

УШАКОВ
Николай Николаевич

1. Родился 25 мая (6 июня н. ст.) 1899 г. в Ростове Ярославской губернии в дворянской семье с богатыми военными и постдекабристскими традициями; с 1908 г. живет в Киеве; умер 17 ноября 1973 г. в Киеве.

Поэтическая личность Н. Ушакова формировалась в контексте научной (геология, минералогия и др.) и художественной, поэтической (А. Фет) культуры. Однако социологизация предмета поэзии (синтез природы и техники, т. е. «натуртехническая» философия или технизация природы и «опрородливание» техники) создает в стихах Н. Ушакова иллюзию достижимости полного выражения неизъяснимого, основанную на оживлении неживого.

Индивидуальный язык поэта синтаксически и логически дефиниционен и афористичен, однако многописание уводит Н. Ушакова от решения сложнейших задач познания в физическом метафизического, в смертном – бессмертного, в сильном – слабого и т.п. Поэтическая философия примирения созидательной мощи природы (хаоса) и разрушительных сил цивилизации (порядка) оказалась утопической и не сумела противостоять лжеконцептуальности государственной («советской») поэзии.

Степень поэтической свободы Н. Ушакова определяется как средняя / средне-высокая.

2. Эстетический сценарий, по которому развивалась поэтическая личность Н. Ушакова, оказался типовым и тупиковым для десятков одаренных стихотворцев: истинное поэтическое выражение было подменено прагматикой ложного стихотворного изображения (и даже рисования, фотографирования).

Прагматическая эстетика такой поэзии к середине 50-х гг. XX в. полностью утратила свое этическое (а также тайное, совестное, искреннее и правдивое) наполнение: поэтическая энергия иссякала и подменялась имитацией наличия энергоемкости в крупных и абсолютно необязательных стихотворных (не-поэтических!) объемах.

Доминанты поэтического дискурса – акцентный (метрический) ритм, свободная рифма и графически варьируемая строфа.

Доминанта языковой способности – лексический компонент с элементами дефиниционного синтаксиса.

Степень языковой свободы Н. Ушакова определяется как средняя.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения Н. Ушакова среди прочих включает в себя такой текст:

ПОЭЗИЯ

Ножничками черными своими
подстригала
ласточка траву
и меня спросила:
– Ваше имя?
Своего
я вам
не назову.

По всему за ней бежал я миру;
не нагнал,
но это – ничего:
полетела
ласточка к Шекспиру, –
жду,
когда
вернется от него.

1968

Номинальное последнее стихотворение:

***

На островах цветет сирень –
и весь залив благоухает,
медлительно
переливает
на круглых водах светотень.

И всё полно такой лазури,
такой послушно тишине,

что даже старой мины сурик
не хочет думать о войне.

Как будто кончились утраты,
как будто мы навек вдвоем,
как будто жили не солдаты
в том флигеле,
где мы живем.

1972

Фактическое последнее стихотворение:

ВИНО

Г. В. Шелейховскому

Я знаю,
трудная отрада,
не легкомысленный покой,
густые грозди винограда
давить упорною рукой.

Вино молчит.
А годы лягут
в угрюмом погребе, как дым,
пока сироп горячих ягод
не вспыхнет
жаром золотым.

Виноторговцы – те болтливы,
от них кружится голова.
Но я, писатель терпеливый,
храню, как музыку, слова.

Я научился их звучанье
копить в подвале и беречь.

Чем продолжительней молчанье,
тем удивительнее речь.

1926

ЗАБОЛОЦКИЙ
Николай Алексеевич
(наст. фам. ЗА́БОЛОТСКИЙ)

1. Родился 24 апреля (7 мая н. ст.) 1903 г. на ферме недалеко от Казани в семье агронома, потомка новгородских ушкуйников; мать – из духовного сословия, помощница сельской учительницы; после 1917 г. едет в Москву, затем переезжает в Петроград (Петербург), где входит в ОБЭРИУ; 19 марта 1938 г. арестован за антисоветскую пропаганду (читай: натурфилософскую поэзию); до мая 1943 г. отбывал срок в системе Востлага НКВД (район Комсомольска-на-Амуре), с марта 1944 г. работает в Караганде (освобожден из-под стражи); в 1946 г. освобожден и переезжает в Москву; умер 14 октября 1958 г. в Москве.

Поэтическая личность Н. Заболоцкого развивалась в контексте научно-философской (математика, физика, химия, труды К. Тимирязева, философия Г. Сковороды, учение о ноосфере В. Вернадского, космическая философия К. Циолоковского и др.) и художественной мировой и русской (М. Ломоносов, Г. Державин, Е. Баратынский, Ф. Тютчев, В. Хлебников, Н. Гоголь; Ф. Рабле, живопись, архитектура, музыка и др.) культуры.

Поэтическая способность Н. Заболоцкого реализовалась полностью, поэтапно на основе выражения неизъяснимого через осмысление и освоение таких концептосфер, как «природа – тюрьма, таинственный и неподвижный мир» (1926–33 гг.), «природа – орган, единство духа и материи» (1932–39 гг.) и «природа – безумная, но любящая мать» (1946–58 гг.) [Г. Филиппов].

Поэт создал свой индивидуальный язык, имеющий приметы поэтического языка XVIII и XX вв. (от М. Ломоносова до В. Хлебникова).

Доминантой поэтического выражения Н. Заболоцкого явилось триединство: музыка – образ – мысль.

Степень поэтической свободы Н. Заболоцкого определяется как очень высокая, приближающаяся к абсолютной.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности Н. Заболоцкого формировалась в процессе поэтического познания мира, быта и бытия от утверждения самоценности природы до поэтизации самоценности человека.

Поэтическое выражение неизъяснимого у Н. Заболоцкого эволюционировало от рациональности к глубокой и всеобъемлющей интеллектуальной и духовной эмоциональности.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальное единство ритма, классической рифмы и строгой строфы.

Доминанты языковой способности – фонетический, словообразовательный, лексико-стилистический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы Н. Заболоцкого определяется как очень высокая, приближающаяся к абсолютной.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения Н. Заболоцкого среди прочих включает в себя такие стихотворения:

ГРОЗА

Содрогаясь от мук, пробежала над миром зарница,
Тень от тучи легла, и слилась, и смешалась с травой.
Всё труднее дышать, в небе облачный вал шевелится.
Низко стелется птица, пролетев над моей головой.

Я люблю этот сумрак восторга, эту краткую ночь вдохновенья,
Человеческий шорох травы, вещий холод на темной руке,
Эту молнию мысли и медлительное появленье
Первых дальних громов – первых слов на родном языке.

Так из темной воды появляется в мир светлоокая дева,
И стекает по телу, замирая в восторге, вода,
Травы падают в обморок, и направо бегут и налево
Увидавшие небо стада.

А она над водой, над просторами круга земного,
Удивленная, смотрит в дивном блеске своей наготы.
И, играя громами, в белом облаке катится слово,
И сияющий дождь на счастливые рвется цветы.

1946

МОЖЖЕВЕЛОВЫЙ КУСТ

Я увидел во сне можжевеловый куст,
Я услышал вдали металлический хруст,
Аметистовых ягод услышал я звон,
И во сне, в тишине, мне понравился он.

Я почуял сквозь сон легкий запах смолы.
Отогнув невысокие эти стволы,
Я заметил во мраке древесных ветвей
Чуть живое подобье улыбки твоей.

Можжевеловый куст, можжевеловый куст,
Остывающий лепет изменчивых уст,
Легкий лепет, едва отдающий смолой,
Проколовший меня смертоносной иглой!

В золотых небесах за окошком моим
Облака проплывают одно за другим,
Облетевший мой садик безжизнен и пуст...
Да простит тебя бог, можжевеловый куст!

1957

ГОРОДОК

Целый день стирает прачка,
Муж пошел за водкой.
На крыльце сидит собачка
С маленькой бородкой.

Целый день она таращит
Умные глазенки,
Если дома кто заплачет –
Заскулит в сторонке.

А кому сегодня плакать
В городе Тарусе?
Есть кому в Тарусе плакать –
Девочке Марусе.

Опротивели Марусе
Петухи да гуси.

Сколько ходит их в Тарусе,
Господи Исусе!

«Вот бы мне такие перья
Да такие крылья!
Улетела б прямо в дверь я,
Бросилась в ковыль я!

Чтоб глаза мои на свете
Больше не глядели,
Петухи да гуси эти
Больше не галдели!»

Ой, как худо жить Марусе
В городе Тарусе!
Петухи одни да гуси,
Господи Исусе!

1958

НА ЗАКАТЕ

Когда, измученный работой,
Огонь души моей иссяк,
Вчера я вышел с неохотой
В опустошенный березняк.

На гладкой шелковой площадке,
Чей тон был зелен и лилов,
Стояли в стройном беспорядке
Ряды серебряных стволов.

Сквозь небольшие расстоянья
Между стволами, сквозь листву,
Небес вечернее сиянье
Кидало тени на траву.

Был тот усталый час заката,
Час умирания, когда
Всего печальней нам утрата
Незавершенного труда.

Два мира есть у человека:
Один, который он творил,

Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил.

Несоответствия огромны,
И, несмотря на интерес,
Лесок березовый Коломны
Не повторял моих чудес.

Душа в невидимом блуждала,
Своими сказками полна,
Незрячим взором провожала
Природу внешнюю она.

Так, вероятно, мысль нагая,
Когда-то брошена в глуши,
Сама в себе изнемогая,
Моей не чувствует души.

1958

НЕ ПОЗВОЛЯЙ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Гони ее от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому
Через сугроб, через ухаб!

Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в черном теле
И не снимай с нее узды!

Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвет.

А ты хватай ее за плечи,
Учи и мучай дотемна,

Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.

Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

1958

***

Разве ты объяснишь мне – откуда
Эти странные образы дум?
Отвлеки мою волю от чуда,
Обреки на бездействие ум.

Я боюсь, что наступит мгновенье,
И, не зная дороги к словам,
Мысль, возникшая в муках творенья,
Разорвет мою грудь пополам.

Промышляя искусством на свете,
Услаждая слепые умы,
Словно малые глупые дети,
Веселимся над пропастью мы.

Но лишь только черед наступает,
Обожженные крылья влача,
Мотылек у свечи умирает,
Чтобы вечно пылала свеча!

1957 или 1958

Последнее стихотворение:

НА ВОКЗАЛЕ

В железном сумеречном зале,
Глотая паровозный дым,
Сидит Мадонна на вокзале
С ребенком маленьким своим.

Вокруг нее кульки, баулы,
Дорожной жизни суета.

В блестящих бляхах вельзевулы
Тележку гонят в ворота.

На башне радио играет,
Гудок за окнами гудит,
И лишь она одна не знает,
Который час она сидит.

Который час ребенка держит,
Который час! Который час!
Который час и дым и скрежет
С полузакрытых гонит глаз.

И сколько дней еще придется –
О, сколько дней! О, сколько дней! –
Теперь, пока не улыбнется
Дитя у матери своей!

Над черной линией портала
Висит вечерняя звезда.
Несутся с Курского вокзала
По всей вселенной поезда.

Летят сквозь топи и туманы,
Сквозь перелески и пески,
И бьют им бездны в барабаны,
И рвут их пламя на куски.

И лишь на бедной той скамейке,
Превозмогая боль и страх,
Мадонна в шубке из цигейки
Молчит с ребенком на руках.

1958

ВВЕДЕНСКИЙ
Александр Иванович

1. Родился 23 ноября (6 декабря н. ст.) 1904 г. в Петербурге в семье экономиста, назвавшего сына в честь князя Александра Невского; мать – дворянка, урожденная Поволоцкая, врач; будучи одним из организаторов ОБЭРИУ, высылался из Ленинграда в Курск «за вредительство в области детской литературы» посредством «заумных стихов»; в 1936 г. переезжает в Харьков; 27 сентября 1941 г. арестован, принудительно эвакуирован из Харькова и погиб в дороге 20 декабря 1941 г.

Поэтическая личность А. Введенского формировалась в противоречивом контексте традиционной и авангардной поэтической культуры (поэт заявлял, что В. Хлебников ему чужд, а А. Крученых – ближе). Поэтическое выражение А. Введенского основывалось одновременно на алогичности, эсхатологичности и на отрицании общепринятого художественного отношения к миру действительному и миру искусства.

Поэтическая способность А. Введенского реализовывалась прерывисто, но очень интенсивно на огромном запасе энергии трагедии и катастрофы, в которой, по мнению А. Введенского, вполне нормально (с точки зрения художественности) обитает поэт.

А. Введенский создал свой поэтический язык, способный выражать сложнейшие смыслы, не поддающиеся обиходному толкованию («наша человеческая логика и наш язык не соответствуют времени ни в каком, ни в элементарном, ни в сложном, его понимании» [А. Введенский]).

Степень поэтической свободы А. Введенского определяется как высокая / очень высокая.

2. Эстетически А. Введенский направлял свой язык на поэтическое выражение только неизъяснимого: такой эстетико-поэтический максимализм, с одной стороны, представляет собой чистую трагедию, а с другой стороны, малоэффективен с точки зрения среднего носителя-«обывателя» языка. Заум-

ная поэзия по сути своей есть номинация невыразимого при помощи только ключевых слов-концептов без поддержки какого-либо контекста – лексического, фонетического, грамматического и особенно – синтаксического.

Доминанты поэтического дискурса – свободный ритм, точная рифма и синтаксически свободная строфа.

Доминанты языковой способности – фонетический, лексический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы А. Введенского высокая / очень высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения А. Введенского включает в себя как фрагменты драматических поэм, так и отдельные стихотворения, среди которых следующие тексты:

НАЧАЛО ПОЭМЫ

верьте верьте
ватошной смерти
верьте папским парусам
дни и ночи
холод пастбищ
голос шашек
птичий срам
ходит в гости тьма коленей
летний штык тягучий ад
гром гляди каспийский пашет
хоры резвые
посмешищ
небо грозное кидает
взоры птичьи на Кронштадт
гордой дудкой мчатся волны
мел играет мертвой стенкой
в даль кидает как водичку
спит пунцовая соломка
на спине сверкает «три»
полк английский ерусланский
шепчет важное ура
торг ведет монах с василием
где часовня жабой русою
улыбается густой каймой
на штыки на третье рождество –

дым и пень котел и паучок
скоро сядет на холму воробушек
голубой как утка пиротехничек
ты сова копилка птица глупая
тень диван татары лунь павлин
уж летят степные галки
уж горячей пеной по небу
в шесть мечей сверкают башни
и блестят латинским маслом
волосами щит лазурный
вмиг покрылся как гусеныш
кипите кости в жиже бурной
варенье черное в стаканах
уста тяжелого медведя
горели свечкою в берлоге
они открылись и сказали
«на гуслях смерть играет в рясе
она пропахшему подружка»
чу сухорукие костры
(свиная тихая колхида)
горели мясом. Рысь женилась.

1926

***

но вопли трудных англичан
прорезали могучий воздух
тут сабли взмах уж прорыдал
нянька ходит по ночам
нянька ищет входу
он пальто своё поймал и там уже дыра
он к ней та – замуж за Петра
там пролегала костяна тропа
медведь на ней стоял навзрыд
она кончается а волоса плетёт
и англичанка звездный вид
открыла в шляпе из кальсон
полюбовавшись справедливо
сверкнули шашки их несчастливо
да так что брызнула душа
и пташка Божия пошла на небеса дышать

все люди вскрикнули уже
так выстроили город Ржев
охотник плюнул он чудак
носил с колючками колпак
сияла за плечом коса
и был он бабка был осока
священник в городе том жил
где тумана спать бежал
вот он несёт широкий требник
а перед ним утёс
который чем овёс спасёт
тем был и титулован
тот Пушкин был без головы
то знали ль вы не знали вы
он англичан позвать велит
виня друзей что подвели
те вплачь сорвали воротники
и удалились от тоски
и снова вспомнили требник
медведь в берлоге нарожал ребят
те в долги дни в кулак трубят
а если в щель спустить тебя
то выйдет жареный звук
на котлах сидящий плачет
и костями украшает палисадника траву
горемыка – бедной пчёлкой их зовут
спешиться изволил он
лакей был в морде как ливрей
уже ли это Ржев поляк
и три домашние клопа
как няньки светят тополя
но слышны крики и пальба
наш англичанка уж бежит
одет в курчавое жабо
медведь их видом поражал
медведь он ягода болот
он как славянка сударь Смит
не всё напишете в письме
на это Пушкин отвечал
его штаны как каланча

лицо целковый по ночам
да говорю вам что не всё
и стали сеять все овёс
проходит час проходит год
собачка быстро подросла
стояла бурная погода
в кругу крестьянского села
могучий панцырь был утыкан
шмелями плавунами и львами
собачка лает спят коты
и англичане спят с усами
в одном окне лишь виден мир
стригла там свечка умных рыб

май–июль 1926

ЭЛЕГИЯ

Так сочинилась мной элегия
о том, как ехал на телеге я.

Осматривая гор вершины,
их бесконечные аршины,
вином налитые кувшины,
весь мир, как снег, прекрасный,
я видел горные потоки,
я видел бури взор жестокий,
и ветер мирный и высокий,
и смерти час напрасный.

Вот воин, плавая навагой,
наполнен важною отвагой,
с морской волнующейся влагой
вступает в бой неравный.
Вот конь в могучие ладони
кладет огонь лихой погони,
и пляшут сумрачные кони
в руке травы державной.

Где лес глядит в полей просторы,
в ночей неслышные уборы,
а мы глядим в окно без шторы
на свет звезды бездушной,

в пустом сомненье сердце прячем,
а в ночь не спим томимся плачем,
мы ничего почти не значим,
мы жизни ждем послушной.

Нам восхищенье неизвестно,
нам туго, пасмурно и тесно,
мы друга предаем бесчестно
и Бог нам не владыка.
Цветок несчастья мы взрастили,
мы нас самим себе простили,
нам, тем кто как зола остыли,
милей орла гвоздика.

Я с завистью гляжу на зверя,
ни мыслям, ни делам не веря,
умов произошла потеря,
бороться нет причины.
Мы все воспримем как паденье,
и день и тень и сновиденье,
и даже музыки гуденье
не избежит пучины.

В морском прибое беспокойном,
в песке пустынном и нестройном
и в женском теле непристойном
отрады не нашли мы.
Беспечную забыли трезвость,
воспели смерть, воспели мерзость,
воспоминанье мним как дерзость,
за то мы и палимы.

Летят божественные птицы,
их развеваются косицы,
халаты их блестят как спицы,
в полете нет пощады.
Они отсчитывают время,
Они испытывают бремя,
пускай бренчит пустое стремя –
сходить с ума не надо.

Пусть мчится в путь ручей хрустальный,
пусть рысью конь спешит зеркальный,
вдыхая воздух музыкальный –
вдыхаешь ты и тленье.
Возница хилый и сварливый,
в последний час зари сонливой,
гони, гони возок ленивый –
лети без промедленья.

Не плещут лебеди крылами
над пиршественными столами,
совместно с медными орлами
в рог не трубят победный.
Исчезнувшее вдохновенье
теперь приходит на мгновенье,
на смерть, на смерть держи равненье
певец и всадник бедный.

1940

Последнее стихотворение:

ГДЕ

Где он стоял опершись на статую. С лицом переполненным думами. Он стоял. Он сам обращался в статую. Он крови не имел. Зрите, он вот что сказал:

Прощайте темные деревья,
прощайте черные леса,
небесных звезд круговращенье,
и птиц беспечных голоса.

Он должно быть вздумал куда-нибудь когда-нибудь уезжать.

Прощайте скалы полевые,
я вас часами наблюдал.
Прощайте бабочки живые,
я с вами вместе голодал.
Прощайте камни, прощайте тучи,
я вас любил и я вас мучил.

<Он> с тоской и с запоздалым раскаяньем начал рассматривать концы трав.

Прощайте славные концы.
Прощай цветок. Прощай вода.

Бегут почтовые гонцы,
бежит судьба, бежит беда.
Я в поле пленником ходил,
я обнимал в лесу тропу,
я рыбу по утрам будил,
дубов распугивал толпу,
дубов гробовый видел дом
и песню вел вокруг с трудом.

<Он во>ображает и вспоминает как он бывало или небывало выходил на реку.

Я приходил к тебе река.
Прощай река. Дрожит рука.
Ты вся блестела, вся текла,
и я стоял перед тобой,
в кафтан одетый из стекла,
и слушал твой речной прибой.
Как сладко было мне входить
в тебя, и снова выходить.
Как сладко было мне входить
в себя, и снова выходить,
где как чижи дубы шумели,
дубы безумные умели
дубы шуметь лишь еле-еле.

Но здесь он прикидывает в уме, что было бы если бы он увидал и море.

Море прощай. Прощай песок.
О горный край как ты высок.
Пусть волны бьют. Пусть брызжет пена,
на камне я сижу, все с д<удко>й,
а море плещет постепенно.
И всё на море далеко.
И всё от моря далеко.
Бежит забота скучной <ш>уткой
Расстаться с морем нелегко.
Море прощай. Прощай рай.
О как ты высок горный край.

О последнем что есть в природе он тоже вспомнил. Он вспомнил о пустыне.

Прощайте и вы
пустыни и львы.

И так попрощавшись со всеми он аккуратно сложил оружие и вынув из кармана висок выстрелил себе в голову. <И ту>т состоялась часть вторая – прощание всех с одним.
Деревья как крыльями взмахнули <с>воими руками. Они обдумали что могли и ответили:

Ты нас посещал. Зрите,
он умер и все умрите.
Он нас принимал за минуты,
потертый, помятый, погнутый.
Скитающийся без ума
как ледяная зима.

Что же он сообщает теперь деревьям. – Ничего – он *цепенеет.*
Скалы или камни не сдвинулись с места. Они молчанием и умолчанием и отсутствием звука внушали и нам и вам и ему.

Спи. Прощай. Пришел конец.
За тобой пришел гонец.
Он пришел в последний час.
Господи помилуй нас.
Господи помилуй нас.
Господи помилуй нас.

Что же он возражает теперь камням. – Ничего – он леденеет.
Рыбы и дубы подарили ему виноградную кисть и небольшое количество последней радости.

Дубы сказали: – Мы растем.
Рыбы сказали: – Мы плывем.
Дубы спросили: – Который час.
Рыбы сказали: – Помилуй и нас.

Что же он скажет рыбам и дубам: – Он не сумеет сказать спасибо.
Река властно бежавшая по земле. Река властно текущая. Река властно несущая свои волны. Река как царь. Она прощалась так, что. Вот так. А он лежал как тетрадка на самом ее берегу.

Прощай тетрадь.
Неприятно и нелегко умирать.
Прощай мир. Прощай рай.
Ты очень далек человеческий край.

Что он сделает реке? – Ничего – он каменеет.
И море ослабшее от своих долгих бурь с сожалением созерцало смерть. Имело ли это море слабый вид орла. – Нет оно его не имело.

Взглянет ли он на море? – Нет он не может.
Но – чу! вдруг затрубили где-то – не то дикари не то нет. Он взглянул на людей.

Когда

Когда он приотворил распухшие свои глаза, он глаза свои приоткрыл. Он припоминал все как есть наизусть. Я забыл попрощаться с прочим, т. е. он забыл попрощаться с прочим. Тут он вспомнил, он припомнил весь миг своей смерти. Все эти шестерки, пятерки. Всю ту – суету. Всю рифму. Которая была ему верная подруга, как сказал до него Пушкин. Ах Пушкин, Пушкин, тот самый Пушкин, который жил до него. Тут тень всеобщего отвращения лежала на всем. Тут тень всеобщего лежала на всем. Тут тень лежала на всем. Он ничего не понял, но он воздержался. И дикари, а может и не дикари, с плачем похожим на шелест дубов, на жужжание пчел, на плеск волн, на молчанье камней и на вид пустыни, держа тарелки над головами, вышли и неторопливо спустились с вершин на немногочисленную землю. Ах Пушкин. Пушкин.

Всё

1941

ХАРМС
Даниил
(наст. имя ЮВАЧЕВ Даниил Иванович)

1. Родился 17 (30 н. ст.) октября 1905 г. в Петербурге в семье дворцового полотера, впоследствии морского офицера (штурмана), народовольца (4 года в одиночной камере Шлиссельбургской крепости, затем сахалинская каторга); в декабре 1931 г. поэт (как член ОБЭРИУ) арестован; осужден на 3 года лагерей, но вместо этого сослан в 1932 г. в Курск; в ноябре 1932 г. возвращается в Ленинград; 23 августа 1941 г. повторный арест (после годичного следствия); погиб 2 февраля 1942 г.

Поэтическая личность Д. Хармса формировалась в контексте авангардной (К. Малевич, М. Матюшин и др.; поэт предвосхитил и превзошел новации таких абсурдистов, как С. Беккет, Э. Йонеско, Ф. Кафка и др.) и традиционной русской иронической поэзии (И. Барков, А. Пушкин, М. Лермонтов, А. Полежаев, капитан Лебядкин (персонаж Ф. Достоевского) и др.).

Поэтическая способность Д. Хармса реализовалась в процессе лингво-поэтической игры с ведущим принципом алогизма (Д. Хармс создает учение о «цисфинитной логике», которая основывается на поэтической замене / подмене научной логики логикой художественной, творческой).

Поэт создал свой язык, выражающий смысловые сдвиги, аморфность, текучесть и подвижность смысловых структур. Д. Хармс разрабатывает фоносмысловую организацию поэтического текста: фонический принцип стихосложения остается ведущим для поэта.

Степень поэтической свободы Д. Хармса характеризуется как высокая / очень высокая.

2. Эстетически Д. Хармс направляет свою поэтическую личность и способность на выражение бессмысленности жизни: объект такого выражения является настолько социальным (государственный прессинг поэзии), насколько и бытийным, невыразимым.

Поэтическая ирония Д. Хармса обнажает трагедию быта и недосягаемости бытия (концепция недочеловека, социального лицемерия и жизни в чуде – все это чудо жизни, смерти и любви).

Поэт создает новую поэтическую гармонию зауми, алогизма и веселой трагедии.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальность (песенность), свободный ритм (на основе народного тонического стиха), точная рифма и строгая строфа.

Доминанты языковой способности – фоносмысловой / фонетический, словообразовательный, лексико-стилистический и синтаксический компоненты в противоречиво-гармоническом единстве.

Степень языковой свободы Д. Хармса определяется как высокая / очень высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения Д. Хармса среди прочих включает в себя такие тексты:

***

Гнев Бога поразил наш мир.
Гром с неба свет потряс. И трус
Не смеет пить вина. Смолкает брачный пир,
Чертог трещит, и потолочный брус
Ломает пол. Хор плачет лир.
Трус в трещину земли ползет как червь.
Дрожит земля. Бег волн срывает вервь.
По водам прыгают разбитые суда.
Мир празднует порока дань. Суда
Ждет жалкий трус, укрыв свой взор
От Божьих кар под корень гор, и стон,
Вой псов из душ людей, как сор
Несет к нему со всех сторон, –
Сюда ждет жалкий трус удар,
Судьбы злой рок, ход времени и пар,
Томящий в жаркий день глаз, вид зовущий вновь
Зимы хлад, стужами входящий в нашу кровь.
Терпеть никто не мог такой раскол небес –
Планет свирепый блеск, и звездный вихрь чудес

конец 1937 – начало 1938

***

Синее Божество!
Да наступит моё торжество!
Ваше Благородие,
Пошли мне небывалое плодородие!
Пожалей меня неудачного верзилу,
Пошли мне огромную поэтическую силу!
Гибну я, – так.

1937–1938

***

Да что же это в самом деле?..
Такая вялость в теле,
Мучительно ежесекундно чувствовать своё бессилие
Стихи совсем не сочиняются.
И каждый день мои пороки
С утра нахально начинаются.
Нет, жили иначе пророки!
Морщины изрезали мои руки.
Я целый день по комнате брожу от скуки.
Во мне не стало силы воли
Я начал пухнуть от душевной боли.
Оставьте меня сознания мухи!

9 мая 1938

***

Часы стучат
Часы стучат
Летит над миром пыль

В городах поют
В городах поют
В пустынях звенит песок.

Поперек реки
Поперек реки
Летит копье свистя

Дикарь упал,
Дикарь упал
И спит, амулетом блестя

Как легкий пар
Как легкий пар,
Летит его душа

И в солнца шар
И в солнца шар
Вонзается ко́сами шурша.

Четыреста воинов
Четыреста воинов
Мигая небу грозят

Супруга убитого
Супруга убитого
В реке на коленях ползёт

Супруга убитого
Супруга убитого
Отламывает камня кусок.

И прячет убитого
И прячет убитого
Под ломаный камень, в песок

Четыреста воинов
Четыреста воинов
Четыреста суток молчат.

Четыреста суток
Четыреста суток
Над мертвым часы не стучат.

27 июня 1938

***

Сладострастный древоруб
Когда вдали сверкнули пилы,
И прозвенели топоры –
Мне все подруги стали милы,
И я влюблён в них с той поры.

Подруги, милые подруги,
Приятно трогать вас рукой.
Вы так нежны! Вы так упруги!
Одна прекраснее другой!

Приятно трогать ваши груди,
Скользить губами вдоль ноги...
О помогите люди люди!
О Боже, Боже помоги!

24 августа 1938

Последнее стихотворение:

***

Журчит ручей, а по берегам
По берегам
По берегам
По берегам того ручья
Разбойники спят на песке.

Опасно плыть вдоль по ручью,
Вдоль по ручью,
Вдоль по ручью
Вдоль ручью на прохладной волне
Девице плыть молодой.

Приснятся разбойникам жаркие сны,
Жаркие сны,
Жаркие сны,
Коварные сны про весёлый ручей,
С девицей в прохладной воде.

Спасайся девица! Плыви в камыши,
Плыви в камыши,
Плыви в камыши,
Плыви в камыши

18 августа 1938

ТАРКОВСКИЙ
Арсений Александрович

1. Родился 12 (25 н. ст.) июня 1907 г. в Елисаветграде в дворянской семье (отец – народоволец, отбыл пятилетнюю ссылку в Якутии; служащий банка, журналист; мать – учительница); с декабря 1941 г. поэт служит корреспондентом газеты «Боевая тревога»; в 1943 г. после тяжелого ранения теряет ногу; сын поэта – Андрей Тарковский – выдающийся кинорежиссер; поэт умер 27 мая 1989 г. в возрасте почти 82 лет.

Поэтическая личность А. Тарковского сформировалась в контексте традиционной (Г. Державин, В. Жуковский, А. Пушкин, Е. Баратынский, А. Фет, И. Анненский и др.) и новой (Ф. Сологуб, А. Ахматова, М. Цветаева, О. Мандельштам) поэтической культуры. Поэтическая способность А. Тарковского реализовалась полностью в процессе выражения неизъяснимого и создания целостной поэтической картины мира на основе единства и гармонии языка и действительности, слова и предмета, эмоции и движения природы.

Поэт создал свой язык, соединив в неразделимое целое индивидуальную интонацию (поэтический внутренний жест) с особой лексико-стилистической системой, реализующейся «шарообразно» и адресованной равно эффективно и мощно прошлому, настоящему и будущему (адресат – хронотоп души с постоянной точкой счастья и боли, находящейся «посередине мира» («Посередине мира»).

Степень поэтической свободы А. Тарковского определяется как высокая / очень высокая.

2. Эстетически и культурно А. Тарковский был абсолютно защищен от эстетической диктатуры государства и государственной поэзии. Основные этико-эстетические категории поэтической философии А. Тарковского: память, слово, судьба, жизнь и бессмертие – удержали его поэтическое выражение в свободных пределах энергоемкой и продуктивной русской поэтосферы.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальный ритм, точная рифма и строгая синтаксическая строфа.

Доминанта языковой способности – фонетической, лексико-стилистический и синтаксический компоненты в интонационно-музыкальном единстве.

Степень языковой свободы А. Тарковского определяется как высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения А. Тарковского включает в себя огромное количество стихотворений, среди которых следующие:

ДУМА

И горько стало мне,
что жизнь моя прошла,
Что ради замысла я потрудился мало,
Но за меня добро вставало против зла,
И правда за меня под кривдой умирала.

Я не в младенчестве, а там,
где жизни ждал,
В крови у пращуров,
у древних трав под спудом,
И целью и путем враждующих начал,
Предметом спора их
я стал каким-то чудом.

И если в дерево впивается пила,
И око божие затравленного зверя,
Как мутная вода, подергивает мгла,
И мается дитя, своим врачам не веря,

И если изморозь ложится на хлеба,
Тайга безбрежная пылает предо мною,
Я не могу сказать, что такова судьба,
И горько верить мне, что я тому виною.

Когда была война, поистине как ночь
Была моя душа.
Но – жертва всех сражений, –
Как зверь, ощерившись, –
пошла добру помочь

Душа, глотая смерть, –
мой беззащитный гений.

Все на земле живет порукой круговой,
И если за меня спокон веков боролась
Листва древесная –
я должен стать листвой,
И каждому зерну подать я должен голос.

Все на земле живет порукой круговой:
Созвездье, и земля, и человек, и птица.
А кто служил добру, летит вниз головой
В их омут царственный,
и смерти не боится.

Он выплывет еще и сразу, как пловец,
С такою влагою навеки породнится,
Что он и сам сказать не сможет, наконец,
Звезда он, иль земля, иль человек,
иль птица.

1946

РУКОПИСЬ

А. А. Ахматовой

Я кончил книгу и поставил точку
И рукопись перечитать не мог.
Судьба моя сгорела между строк,
Пока душа меняла оболочку.

Так блудный сын срывает с плеч сорочку,
Так соль морей и пыль земных дорог
Благословляет и клянет пророк,
На ангелов ходивший в одиночку.

Я тот, кто жил во времена мои,
Но не был мной. Я младший из семьи
Людей и птиц, я пел со всеми вместе

И не покину пиршества живых –
Прямой гербовник их семейной чести,
Прямой словарь их связей корневых.

1960

***

О, только бы привстать, опомниться, очнуться
И в самый трудный час благословить труды,
Вспоившие луга, вскормившие сады,
В последний раз глотнуть из выгнутого блюдца
Листа ворсистого
хрустальный мозг воды.

Дай каплю мне одну, моя трава земная,
Дай клятву мне взамен – принять в наследство речь,
Гортанью разрастись и крови не беречь,
Не помнить обо мне и, мой словарь ломая,
Свой пересохший рот моим огнем обжечь.

1965

***

В пятнах света, в путанице линий
Я себя нашел, как брата брат:
Шмель пирует в самой сердцевине
Розы четырех координат.

Я не знаю, кто я и откуда,
Где зачат – в аду или в раю,
Знаю только, что за это чудо,
Я свое бессмертье отдаю.

Ничего не помнит об отчизне,
Лепестки вселенной вороша,
Пятая координата жизни –
Самосознающая душа.

1975

***

Влажной землей из окна потянуло,
Уксусной прелью хмельнее вина;
Мать подошла и в окно заглянула,
И потянуло землей из окна.

– В зимней истоме у матери в доме
Спи, как ржаное зерно в черноземе,
И не заботься о смертном конце.

– Без сновидений, как Лазарь во гробе,
Спи до весны в материнской утробе,
Выйдешь из гроба в зеленом венце.

1977

***

Красный фонарик стоит на снегу.
Что-то я вспомнить его не могу.

Может быть, это листок-сирота,
Может быть, это обрывок бинта,

Может быть, это на снежную ширь
Вышел кружить красногрудый снегирь,

Может быть, это морочит меня
Дымный закат окаянного дня.

1977

***

Бабочки хохочут, как безумные,
Вьются хороводы милых дур
По лазурному нагромождению
Стереометрических фигур:
Учит их всей этой математике
Голенький и розовый амур.

Хореографическим училищем,
Карнавальным молодым вином
Отдает июньская сумятица
Бабочек, играющих с огнем,
Перебрасывающихся бисером
Со своим крылатым вожаком.

И уносит их ватагу школьную,
Хрупкую, бездумную, безвольную,
Ветер, в жизнь входящий напролом.

конец 1970-х

Последнее стихотворение:

***

Я не был убит на войне,
Так значит – и вправду везло мне.
Но братья стучатся ко мне:
– И помни, – твердят мне, – и помни...

– И помни, что были у нас
И матери наши, и дети...
– Я умер в погибельный час...
– А я был убит на рассвете...

А жизнь мы любили и в ней
Стремились к единственной цели,
И чем мы любили сильней,
Тем песни счастливее пели.

– Простите меня, что живу,
И я – никуда – ниоткуда.
Вы видите сны наяву.
Какое вам видится чудо?

начало 1980-х

КОРНИЛОВ
Борис Петрович
(печатался с подписью «Б. КОРНИЛОВ (ВЕРБИН)»)

1. Родился 16 (29 н. ст.) июля 1907 г. в селе Покровское Семеновского уезда Нижегородской губернии в семье учителей; погиб в заключении в 1938 г. (обвинение в контрреволюционной деятельности); дата смерти и место захоронения неизвестны.

Поэтическая личность Б. Корнилова формировалась в контексте традиционной русской (А. Пушкин, М. Лермонтов, Ф. Тютчев, Е. Баратынский, И. Никитин, А. Кольцов и др.) и новой (Н. Тихонов, Э. Багрицкий и др.) поэтической культуры.

Поэтическая способность Б. Корнилова реализовывалась в прерывистом процессе поисков способов выражения неизъянисмого в социальном: наивный, искренний сервилизм поэта обернулся абсолютной трагедией его поэтической личности. Б. Корнилов пытается совместить социальность быта и духовность бытия в различных сферах поэтического выражения – в песне, в поэме, в трагических стихах (повторение есенинского типа творческого поведения).

Б. Корнилов приблизился к созданию своего поэтического языка на традиционно-пушкинской гармонической лингвокультурной основе («пушкинский цикл» 1937 г.), однако, если воспользоваться формулой Г. Сковороды, мир государственной эстетики и поэзии «словил» поэта, и в корниловской антиномии быт – бытие левая, экстремальная, часть поглотила правую.

Степень поэтической свободы Б. Корнилов определяется как средне-высокая.

2. Эстетический сценарий, по которому развивалась и разрушалась поэтическая личность Б. Корнилова, был сформирован одновременно по пушкинской и по стандартной государственно-эстетической модели. Поэт к 1936 г. понял гибельность и трагичность такого этико-эстетического противоречивого единства и на краю неминуемой (насильственной)

смерти возвращается к пушкинскому типу поэтического выражения мира.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальный ритм, точная рифма, свободная строфа.

Доминанты языковой способности – фонетический и лексический компоненты.

Степень языковой свободы Б. Корнилова определяется как средне-высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения Б. Корнилова среди прочих включает в себя такие тексты:

***

Интересно говорить стихами
О печали тягостной моей,
О природе,
О любви,
О маме
И о слове северных морей.

1935 (?)

***

Как же так?
Не любя, не страдая,
даже слово привета тая,
ты уходишь, моя молодая,
золотая когда-то моя...
Ну, качну головою устало,
о лице позабуду твоем –
только песни веселой не стало,
что запели, пропели вдвоем.

1935 (?)

***

В СЕЛЕ МИХАЙЛОВСКОМ

Зима огромна,
Вечер долог,
И лень пошевелить рукой.
Содружество лохматых елок
Оберегает твой покой.
Порой метели заваруха,

Сугробы встали у реки,
Но вяжет нянюшка-старуха
На спицах мягкие чулки.
На поле ветер ходит вором,
Не греет слабое вино,
И одиночество, в котором
Тебе и тесно и темно.
Опять виденья встали в ряд.
Закрой глаза.
И вот румяный
Онегин с Лариной Татьяной
Идут,
О чем-то говорят.
Прислушивайся к их беседе,
Они – сознайся, не таи –
Твои хорошие соседи
И собеседники твои.
Ты знаешь ихнюю дорогу,
Ты их придумал,
Вывел в свет.
И пишешь, затая тревогу:
«Роняет молча пистолет».
И сердце полыхает жаром,
Ты ясно чувствуешь: беда!
И скачешь на коне поджаром,
Не разбирая где, куда.
И конь храпит, с ветрами споря,
Темно,
И думы тяжелы,
Не ускакать тебе от горя,
От одиночества и мглы.
Ты вспоминаешь:
Песни были,
Ты позабыт в своей беде,
Одни товарищи в могиле,
Другие – неизвестно где.
Ты окружен зимой суровой,
Она страшна, невесела,
Изгнанник волею царевой,
Отшельник русского села.

Наступит вечер.
Няня вяжет.
И сумрак по углам встает.
Быть может, няня сказку скажет,
А может, песню запоет.
Но это что?
Он встал и слышит
Язык веселый бубенца,
Всё ближе,
Перезвоном вышит,
И кони встали у крыльца.
Лихие кони прискакали
С далеким,
Дорогим,
Родным...
Кипит шампанское в бокале,
Сидит товарищ перед ним.
Светло от края и до края
И хорошо.
Погибла тьма,
И Пушкин, руку простирая,
Читает «Горе от ума».
Через пространство тьмы и света,
Через простор,
Через уют
Два Александра,
Два поэта,
Друг другу руки подают.
А ночи занавес опущен,
Воспоминанья встали в ряд,
Сидят два друга,
Пушкин, Пущин,
И свечи полымем горят.
Пугает страхами лесными
Страна, ушедшая во тьму,
Незримый Грибоедов с ними,
И очень хорошо ему.
Но вот шампанское допито...
Какая страшная зима,
Бьет бубенец,

Гремят копыта...
И одиночество...
И тьма.

1936

АЛЕКО

Пожалуй, неплохо
Вставать спозаранок,
Играть в биллиард,
Разбираться в вине,
Веселых любить
Молодых молдаванок
Или гарцевать
На поджаром коне.
Ему называться повесой
Не внове,
Но после вина
Утомителен сон,
И тесно,
И скучно,
Смешно в Кишиневе,
В стране, по которой
Бродяжил Назон.
Такая худая,
Не жизнь, а калека,
Услады одни
И заботы одни –
Сегодня за табором,
Следом,
Алеко
Уйдет,
Позабудет минувшие дни.
И тихо и пусто,
Где песня стояла.
И пыль золотая
Дымится у пят,
Кричат ребятишки,
Цветут одеяла,
Таращатся кони,
Повозки скрипят.

Страшны и черны
Лошадиные воры,
И необычайны
Преданья и сны,
И всем хороши
По ночам разговоры,
И песни прекрасны,
И мысли ясны.
Цыганское солнце
Стоит над огнями;
Оно на ущербе,
Но светит легко,
И степь бесконечна...
Запахло конями,
И ты, как Алеко,
Ушел далеко.
Искатель свободы
И лорда потомок,
Но всё же цыганский
Закон незнаком.
И строен, и ловок,
И в талии тонок,
Затянутый красным
Большим кушаком.
Ревнивец угрюмый,
Бродяга бездомный,
Ты, кажется, умер,
Тоскуя, любя;
Ты был одинок
В этой жизни огромной,
Но я никогда
Не забуду тебя.
Уже по Молдавии
Песни другие,
И эти по-своему
Песни правы –
Разостланы всюду
Ковры дорогие
Из лучших цветов,
Из пахучей травы.

А ночь надвигается,
Близится час мой,
Моя одинокая
Лампа горит,
И милый Алеко,
Алеко несчастный
Приходит
И долго со мной говорит.

1936

Последнее стихотворение:

ПУШКИН В КИШИНЕВЕ

5

Здесь привольно воронам и совам,
Тяжело от стянутых ярем,
Пахнет душным
Воздухом, грозовым –
Недовольна армия царем.
Скоро загреметь огромной вьюге,
Да на полстолетия подряд, –
Это в Тайном обществе на юге
О цареубийстве говорят.
Заговор, переворот
И эта
Молния, летящая с высот.
Ну кого же,
Если не поэта,
Обожжет, подхватит, понесет?
Где равнинное раздолье волку,
Где темны просторы и глухи, –
Переписывают втихомолку
Запрещенные его стихи.
И они по спискам и по слухам,
От негодования дрожа,
Были песнью,
Совестью
И духом

Славного навеки мятежа.
Это он,
Пораненный судьбою,
Рану собственной рукой зажал.
Никогда не дорожил собою,
Воспевая мстительный кинжал.
Это он
О родине зеленой
Находил любовные слова, –
Как начало пламенного льва.
Злом сопровождаемый
И сплетней –
И дела и думы велики, –
Неустанный,
Двадцатидвухлетний,
Пьет вино
И любит балыки.
Пасынок романовской России.
Дни уходят ровною грядой.
Он рисует на стихах босые
Ноги молдаванки молодой.
Милый Инзов,
Умудренный старец,
Ходит за поэтом по пятам,
Говорит, в нотацию ударясь,
Сообразно старческим летам.
Но стихи, как раньше, наготове,
Подожжен –
Гори и догорай, –
И лавина африканской крови
И кипит
И плещет через край.
Сотню лет не выбросить со счета.
В Ленинграде,
В Харькове,
В Перми
Мы теперь склоняемся –
Почета
Нашего волнение прими.
Мы живем,

Моя страна – громадна,
Светлая и верная навек.
Вам бы через век родиться надо,
Золотой,
Любимый человек.
Вы ходили чащею и пашней,
Ветер выл, пронзителен и лжив.
Пасынок на родине тогдашней,
Вы упали, срока не дожив.
Подлыми увенчаны делами
Люди, прославляющие месть,
Вбили пули в дула шомполами,
И на вашу долю пуля есть.
Чем отвечу?
Отомщу которым,
Ненависти страшной не тая?
Неужели только разговором
Ненависть останется моя?
За окном светло над Ленинградом,
Я сижу за письменным столом.
Ваши книги-сочиненья рядом
Мне напоминают о былом.
День ударит об землю копытом,
Смена на посту сторожевом.
Думаю о вас, не об убитом,
А всегда о светлом,
О живом.
Всё о жизни,
Ничего о смерти,
Всё о слове песен и огня...
Легче мне от этого,
Поверьте,
И простите, дорогой, меня.

1936

ШТЕЙНБЕРГ
Аркадий Акимович

1. Родился 27 ноября (11 декабря н. ст.) 1907 г. в Петербурге в семье врача; мать – фельдшер, имела медаль на Георгиевской ленте за участие в Русско-японской войне; к 1932 г. поэта перестали печатать, и он начинает работать (вместе с А. Тарковским) как профессиональный переводчик; в ночь с 1 на 2 ноября 1937 г. арестован и осужден за контрреволюционную деятельность на 8 лет; в 1939 г. освобожден; в 1942 г. добровольцем ушел на фронт; в 1944 г. арестован, по постановлению особого совещания при МГБ СССР от 10 мая 1947 г. осужден к пребыванию в исправительно-трудовом лагере сроком на 8 лет; освобожден в 1952 г. и реабилитирован указом от 27 марта 1953 г. «Об амнистии»; умер 7 августа 1984 г.

Поэтическая личность А. Штейнберга формировалась в контексте традиционной (Ф. Тютчев, А. Фет, Вл. Соловьев и др.) и новой (А. Блок, В. Мандельштам, В. Маяковский, и особенно Э. Багрицкий) поэтической культуры.

Поэтическая способность А. Штейнберга реализовывалась дискретно (в периоды арестов и заключения такая реализация имела открытый и скрытный, имплицитный, характер и была сродни поэтико-энергетическому накоплению) и одновременно в двух сферах – в собственно поэтической и переводческой.

Поэт создал свой язык, основанный на точном, ясном и лаконичном выражении эмоциональных сторон неизъяснимого (подходов к нему). Поэт преодолел социально-личностную завесу (маскировку) основного объекта поэзии, ему удалось объединить (но не примирить, не совместить) в предмете поэтического выражения быт и бытие, жизнь и смерть, любовь и ненависть, истину и ложь, свое и чужое, социальное и природное.

Степень поэтической свободы А. Штейнберга определяется как высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности А. Штейнберга сформировалась на основе общемировых гуманистических представлений (Дж. Мильтон, А. Пушкин, А. Фет) о прекрасном и безобразном, о социально полезном и поэтически бесполезном, но вечном. Эстетика А. Штейнберга в первую очередь этична, максимально этична и продуктивна. Энергия его поэтического выражения имеет явно позитивный характер.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальный ритм, точная рифма и свободная синтаксическая строфа в единстве небольшого по объему поэтического текста.

Доминанты языковой способности – фонетический, лексико-стилистический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы А. Штейнберга определяется как высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения А. Штейнберга среди многих других включает в себя следующие стихотворения:

***

Не говори, что сердце снова молодо,
Мне не уйти от скуки и тоски,
Душа полна безмолвия и холода,
И первый снег ложится на виски.

28 декабря 1947

***

Отмеченный печатью роковой,
Он кончился, мой год сороковой.
Досыта наигравшись, до отвала,
Судьба меня на Север изблевала
И кинула в пустыне снеговой.

30 декабря 1947

***

С каждым днем спокойней и покорней,
Мертвое молчание храня,
Я слежу, как отсыхают корни,
До сих пор питавшие меня.

4 февраля 1948

***

Последнее время, бывает,
Я музыку слышу во сне.
Погибшая жизнь запевает
На самое на ухо мне.

Упрямо склонясь к изголовью
Плетет несуразную дичь,
И снова морочит любовью,
Которой вовек не достичь.

Зовет к одиноким страданьям,
Твердит, что воскреснуть пора,
Подавленным, страстным рыданьем
Тревожа мой сон до утра.

И падают слёзы всё чаще,
И так по-ребячьи горяч
Ее безутешный, щемящий,
Хватающий за душу плач...

29 февраля 1948

***

Когда блаженных слез туманная волна
Вскипает, к горлу подступая,
И спящая душа, наития полна,
Бредет, как пифия слепая,

Вдоль стен тюрьмы своей, ища рукою дверь
И мертвым тяготясь молчаньем,
Вдруг речью мерною заговорит, – о, верь
Ее пророческим вещаньям!

10 октября 1948

***

Тебя увезут в товарном вагоне
Бог весть куда, за край небосвода...

3 ноября 1948

***

Когда ни божества, ни слез, ни вдохновенья,
И громозвучный мир – внезапно глух и нем,
И не на годы счет – на нищие мгновенья,
Душа несытая ведет, Бог весть зачем...

6 ноября 1948

***

Мы проиграли наши судьбы,
Поставив на неверный цвет.
Что делать? Умереть, уснуть бы...
Кто знает правильный ответ?

начало 1960-х

***

Отпусти меня с миром, раба Твоёго,
Разреши мой обет, развяжи мои руки!
Я в дорогу с собой не возьму ничего,
Кроме памяти вечной и вечной разлуки.

начало 1960-х

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ ВО СНЕ НОЧЬЮ, НА 13 МАРТА 1981 Г.

В белёсом густом тумане,
Лесной тропой,
Скользят бесшумные лани
На водопой...

Последнее стихотворение:

ОТХОДНАЯ

Се изыде горький оцет; се смоковница неплодная, яко непотребна, посекается; се лоза сухая влагается в огнь.

Канон на исход души

Помирает моя
Доброхотная мачеха,
Приютившая мальчика
На заре бытия.

Позабыла родня
Одинокую, хворую,
Что была мне опорою
И взрастила меня.

Знать, приспела пора,
Чтобы наша кормилица
Перестала бы силиться
И сошла со двора.

В предназначенный срок
Хлопотунья заранее
Начала прибирание,
Свой предсмертный урок.

Торопясь, чистоту
Навела еще заживо,
В плошке сбою говяжьего
Уделила коту,

Содой вымыла дом,
Окна вытерла пыльные
И в обновы могильные
Обрядилась потом,

Молча влезла на печь
И с последнею силою
На лежанку остылую
Изловчилась прилечь,

Протянув на тряпье
Руки тощие, длинные,
Словно лапы куриные
В роговой чешуе.

В доме тишь, благодать,
И не верят в спасение
Даже мухи осенние.
Знают: бабке не встать.

За окошком ветла,
Расшептавшись, качается:
Мол, старуха кончается,
Пожила – отжила.

Не скорбите, пока
Плоть противится тленная,
И земля тяжеленная
Ей да будет легка.

Киньте взгляд из окна,
Об усопшей не сетуя.
Пусть людьми неотпетая
Почивает она.

Там, над краем леска,
Словно храм семибашенный,
Серебром изукрашенный,
Вознеслись облака.

Где клубится вдали
Их громада великая,
Пролетают, курлыкая,
Трубачи-журавли.

Будто в ризах до пят,
Вея белыми платами,
Над лесами зубчатыми
Серафимы трубят.

С незакатных высот
Светопад ослепляющий,
Нестерпимо пылающий,
Весть благую несет.

И мерцают лучи
На серебряной храмине
Алым отблеском пламени
Поминальной свечи.

1971

ПЕТРОВЫХ
Мария Сергеевна

1. Родилась 13 (26 н. ст.) марта 1908 г. в Норском посаде Ярославской губернии в семье инженера-технолога; занималась поэтическими переводами; дружила с О. Э. и Н. Я. Мандельштамами (стихотворение «Мастерица виноватых взоров...» О. Мандельштама посвящено М. Петровых: «Ты, Мария, – гибнущим подмога!..»); умерла 1 июня 1979 г. в Москве.

Поэтическая личность М. Петровых формировалась в контексте традиционной русской художественной и поэтической (Е. Баратынский, М. Лермонтов, А. Фет, И. Анненский, О. Мандельштам и др.) культуры.

Поэтическая способность М. Петровых реализовалась полностью в двух сферах поэзии – в переводах (Л. Стафф, Ю. Тувим, Вл. Броневский, К. И. Галчински, Р. Тагор, Аль Газаль, В. Незвал, С. Галкин, А. Кешоков, В. Терьян, С. Капутикян, М. Квливидзе и др.) и в собственно поэтическом выражении, характеризующемся абсолютной искренностью, сильным языковым и эмоциональным напряжением и тайной. В основе поэтического выражения М. Петровых всегда есть потрясение – эмоциональное, интеллектуальное и духовное.

М. Петровых создала свой поэтический язык, отличный от языка А. Ахматовой и языка М. Цветаевой: если ахматовская поэзия содержала в себе трагедию имплицитно, а цветаевская – абсолютно эксплицитно, то поэзия М. Петровых драматична и внутренне (смысловая структура), и внешне (строение и гармония единиц поэтического дискурса).

Степень поэтической свободы М. Петровых определяется как высокая.

2. Эстетически поэтическая личность М. Петровых была нацелена на выражение только главного и самого тайного, невероятно сложного для обиходного восприятия и необходимого для духовного развития («Умейте домолчаться до стихов», – это не риторико-прагматический призыв, а закон,

граничащий с насилием над графоманской сущностью любой поэтической личности, по которому строго и подвижнически жила М. Петровых).

Доминанты поэтического дискурса – музыкальность, сложный, богатый ритм, свободная строфа.

Доминанты языковой способности – фонетический и лексический компоненты.

Степень языковой свободы М. Петровых определяется как средняя / средне-высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения М. Петровых включает в себя следующие тексты:

К ЖИЗНИ МОЕЙ

О задержись, окажи мне милость!
Помнят же звери путаный след.
Дай мне понять, когда же ты сбилась,
Как ты, плутая, сошла на нет?

Детство?.. Но лишь отрешенным вниманьем
Разнилась я, да разве лишь тем
Гневом бессильным при каждом обмане,
Леностью в играх, скучною всем,

Медленным шагом, взором серьезным.
Мало ль таких, и чуднее, чем я.
О задержись, быть может, не поздно!
Где заблудились мы, жизнь моя?

Как ты пленилась тропинкой окольной?
Может, припомнишь гибельный миг?..
Вот я, как все, за партою школьной,
Только веселья чужда... Из книг

В сердце ворвался, огнем отрясаясь,
Темный, страстями мерцающий мир.
Бледная, в длинных одеждах, босая,
Девушка клонится к волнам...
Шекспир, –

Ты не Офелией, не Дездемоной,
Ричардом Третьим и Макбетом ты,
Грозными кознями, окровавлённой,
Дикой луною будил мечты...

Кончена школа – разверзлась бездна.
Что ужасало тогда – не пойму.
Слишком уж ты была неизвестна,
Слишком была неподвластна уму...

Жизнь моя, где же наша дорога?
Ты не из тех, что идут наизусть.
Знаешь, затворница, недотрога, –
Есть ведь такое, чем я горжусь.
Да, я горжусь, что могла ни на волос
Не покривить ни единой строкой,
Не напрягала глухой мой голос,
Не вымогала судьбы другой.

1932/1936

***

Уж лучше бы мне череп раскроили,
Как той старухе, – в кухне, топором,
Или ножом пырнули, или, или...
А этих мук не описать пером.
Я замерла, сама с собой в разлуке,
Тоска молчит, тоска мычит без слов.
За что мне, Господи, такие муки!
Убил бы сразу, только и делов.
О Господи мой Боже, не напрасно
Правдивой создал ты меня и ясной
И с детства научил меня слагать
Слова... Какую даровал усладу!
И вот с немой тоскою нету сладу.
Ты прав. Я за грехи достойна аду,
Но смилуйся, верни мне благодать!

1976

***

Боже, какое мгновенное лето,
Лето не долее двух недель,
Да и тревожное знаменье это –
Грозы иные, чем были досель.
Не было молнии, брошенной вниз,
Но полоскою горизонтальной
Свет протекал над землею недальней,
Медленный гром на мгновенье навис
Бледному свету вослед и обвалом
Рушился с грохотом небывалым,
Падал сквозь землю, гудел под ней.
Лето промчалось за десять дней.

***

Я ее ненавижу.

М. Булгаков

Я ненавижу смерть.
Я ненавижу смерть.
Любимейшего я уж не услышу...
Мне было б за него и день и ночь молиться:
О жизнь бесценная, умилосердь
Неведомое, чтобы вечно длиться!

Я ненавижу смерть.

1976

***

И вдруг возникает какой-то напев,
Как шмель неотвязный гудит, ошалев,
Как хмель оплетает, нет сил разорвать,
И волей-неволей откроешь тетрадь.

От счастья внезапного похолодею.
Кто понял, что белым стихом не владею?
Кто бросил мне этот спасательный круг?
Откуда-то рифмы сбегаются вдруг.

Их зря обесславил писатель великий
За то, что бедны, холодны, однолики,
Напрасно охаял и «кровь и любовь»,
И «пламень и камень», и вечное «вновь».

Не эти ль созвучья исполнены смысла,
Как некие сакраментальные числа?
А сколько других, что поддержат их честь!
Он, к счастью, ошибся, – созвучий не счесть.

1976

***

Нет несчастней того,
Кто себя самого испугался,
Кто бежал от себя,
Как бегут из горящего дома.
Нет несчастней того,
Кто при жизни с душою расстался,
А кругом – все чужое,
А кругом ему все незнакомо.
Он идет как слепой,
Прежней местности не узнавая.
Он смешался с толпой,
Но страшит суета неживая,
И не те голоса,
Все чужое, чужое, чужое,
Лишь зари полоса
Показалась вечерней душой...

1976

Последние стихотворения:

[Первое]

***

Ждет путь немыслимо большой
Там, за чертой, за крайним краем
Работай над своей душой,
Покуда мир обозреваем,

Ты держишься – я поняла –
На невидимке-паутинке.
А я слежу из-за угла,
Как ты в неравном поединке
То затрепещешь, то замрешь...

О продержись, о продержись
Хоть день, хоть два, как можно дольше.
Ты знаешь, что такое жизнь?
Дозволь пожить мне, о дозволь же...

[Второе]

***

Ночами думала о многом
В редчайший час
Душа стояла перед Богом
В молчанье горестном
и строгом
Не поднимая глаз
И это было как Причастье.
Так начиналось счастье.

1978

[Третье]

***

Недостойной дарован
Господней рукой
Во блаженном успении
вечный покой.

*13–14 мая 1979**

*Текст эпитафии, написанной 13–14 мая 1979 г., вырезан, согласно воле поэта, на могильном камне.

ЧИННОВ
Игорь Владимирович

1. Родился 12 (25 н. ст.) сентября 1909 г. под Ригой в семье судьи; окончил юридический факультет Рижского университета; в 1941 г. уезжает из Латвии, до 1947 г. живет в Западной Германии, переезжает во Францию (Париж); в 1953 г. возвращается в Германию; в 1962 г. навсегда поселяется в США; профессор-славист Канзасского университета, а затем Вандербильдского в Нэшвилле; умер 21 мая 1996 г. (Порт Оранж, Флорида, США).

Поэтическая личность И. Чиннова формировалась в контексте мировой поэзии в условиях сложного, постоянно меняющегося двуязычия (русский – латышский; русский – немецкий; русский – французский и русский – английский языки).

Поэтическая способность И. Чиннова реализовывается при поддержке французского центра русской зарубежной поэзии: Г. Адамович, С. Маковский и Г. Иванов приветствуют его стихи и помогают практически бездомному поэту (Г. Адамович увидел в поэзии И. Чиннова «беспощадно промытые крупицы золота»).

Поэт создал свой тип поэтического выражения, в основе которого – абсолютное зрение (деталь), абсолютный слух (безукоризненный дискурс) и абсолютная поэтическая интуиция («метафора как мост в самом неожиданном месте» [М. Никулина]), а также автоирония, позволяющая парадоксально, глубоко и остро выражать ощущения жизни и смерти, быта и бытия, мира названного и невыразимого.

Степень поэтической свободы И. Чиннова определяется как высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности И. Чиннова сформировалась на основе эмоционально-рационального, полисмыслового поэтического выражения: поэт продолжает пушкинскую традицию художественного освоения быта и бытия через самоосмысление и самоопределение.

Доминанты поэтического дискурса – строгий метрический ритм, точная рифма, строгая классическая строфа (преимущественно катрен).

Доминанты языковой способности – лексический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы И. Чиннова определяется как средняя / средне-высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения И. Чиннова среди многих включает в себя следующие стихотворения:

***

Ты Микки Мауса не признавал. Ты говорил:
– Таких существ на свете нету. –
Мой семилетний друг, скептический зоил,
Постранствуй по другому свету!

Твой простодушный ум, твой простодушный смех...
Ты не подозревал, что в той, загробной жизни
Ты встретишь существа еще страннее тех,
Которые придумал Дизни.

Ты не подозревал, что сам Иеронимус Босх
Не мог вообразить невероятных тварей,
Какими населил не Вельзевул, а Бог
Свой светлозвездный бестиарий,

Что даже на Земле есть мириад существ
Необычайней, чем мышонок Микки.
Но что Земля? Что ад? Теперь – ты житель мест,
Где светят ангельские лики.

опубл. в 1984

***

Не веря ни в какое перевоплощение,
Поэт молился: сделай милость,
Чтоб это маленькое недоразумение
Благополучно разъяснилось!

Ты на меня наслал болезни – но зачем они?
Не надо. Исцели поэта,

Чтобы успел он спеть Тебе свои Te Deum'ы
Вот в этой жизни, в теле этом!

Я знаю, жизнь моя висит на тонкой ниточке.
Удушье. Отворяю окна.
Но даже кровь моя стучит почти ямбически,
Четырехстопно, семистопно!

О, дай мне срок из слов «любовь»
и «кровь», и «пение»,
А также из любви и крови
(И тра-ля-ля), – о, дай создать стихотворение
Прекрасней райских славословий!

опубл. в 1984

***

Был освещен торжественный фасад
Парижской оперы. И был высок, велик
Триумф крылатых Муз, божественный парад.
Я помнил те венки, простертые в закат,
И надпись «Poésie Lyrique».

Я жил в Париже целых восемь лет,
Уехал тридцать лет тому назад.
Там жили русские поэты. Больше нет
В живых почти ни одного. Конь Блед
Умчал их в тот, небесный вертоград?

В землице Франции они лежат.
Они писали русские стихи.
Они из-за кладбищенских оград
Кивают мне: – Хотелось бы, собрат,
В Россию... А? Да где ж: дела – плохи.

В землице русской? У березок, в ряд?
Нет, вряд ли. И мечтать напрасный труд,
Что наши трупы въедут в Петроград
(Что бронзовые Музы осенят
Храм Эмигрантской Лирики?). Капут.
А вот стихи – дойдут. Стихи – дойдут.

опубл. в 1984

***

Перестань дурачиться,
Богу помолись,
Райского землячества
Крылышком коснись.

Нет у Вани крылышек?
Быстро отрасти!
Из последних силушек
К Богу возлети!

Господу пожалуйся
На житье-бытье:
Допусти, пожалуйста,
В царствие Твое!

Ну, а вдруг захочется
В карты поиграть?
Погулять с молочницей,
С девкой переспать?

Осушить чудесинку,
Спеть – и смех и грех –
Прогорланить песенку
Озорнее всех?

Нет, небесным силам ты
Подойдешь навряд,
Зря с кувшинным рылом ты
Лез в калашный ряд!

1987

***

Ты бы хотела увидеть
Небо в алмазах?
Разве тебе не довольно
Звездного неба?

Ты бы хотела увидеть
Ангела в небе?
Разве тебе не довольно
Первого снега?

Разве тебе не довольно
Моря и ночи?
Лунных теней и деревьев,
Лета и ветра?

1992, Москва

***

Ольге Кузнецовой

А надо бы сказать спасибо:
За кринку молока парного,
За черную ковригу хлеба,
За небо с кромкою лиловой,

За двух небоязливых галок,
Собаку с мордой черно-сивой,
За то, что на порог упала
Для нас желтеющая слива.

За ветки в глиняном кувшине,
За ветер, веявший с востока,
За вкус черники темно-синей,
За связки чеснока и лука,

За дыню, зревшую у входа,
Свинью, запачкавшую рыло,
За то, что милая природа
К нам, видимо, благоволила,

За желтый мед (ты помнишь запах?),
Пахучий сыр и карк вороны
(И черный кот на белых лапах
Ходил кругом, хоть неученый),

За то, что лиловела кашка
И ежевика поспевала,
За то, что добрая кукушка
Нам долгий век накуковала,

За стуки дятла-лесоруба –
Сказал ли я за все спасибо?

1992, Подмосковье

ИЗ ЦИКЛА «БОЛЬНИЧНАЯ СЮИТА»

Могло быть хуже? Да, могло быть хуже...
На западе полоска стала уже.
Какой печальный северный закат!

Сломал плечо я. Душечка – больница?
От жалости к себе почти не спится.
Я себялюб. Прости. Я виноват.

Под Новый год в больнице. Боль и слезы.
На столике (ты угадала) – розы
Не утешают. Горек виноград.

Да, боли. Наказание Господне?
За себялюбие? Вчера, сегодня
Я чуть не плакал. Да, увы и ах.

Но – выздоравливаю понемногу.
Весной на подмосковную дорогу
(Всю в лужах, листьях, мокрых воробьях)

Я выйду с палкой. Здравствуйте, березы!
Скучал без вас. Ах, радостные слезы!
Еще я жив, я не холодный прах.

Сирень, лопух, орешник и скворешник!
Когда умру, невидимый нездешник,
Приду сюда. Унылей в небесах.

1995

Последнее стихотворение:

***

Весной на подмосковную дорогу
(Всю в лужах, листьях, мокрых воробьях)

Я выйду с палкой. Здравствуйте, березы!
Скучал без вас. Ах, радостные слезы!
Еще я жив, я не холодный прах.

весна 1996

ВАСИЛЬЕВ
Павел Николаевич

1. Родился 23 декабря 1909 г. (5 января 1910 г. н. ст.) в уездном городе Зайсан Семипалатинской области, в семье школьного учителя, выходца из сибирского линейного казачества; в 1928 г. путешествует по Сибири и Дальнему Востоку; в 1931 г. арестован по «делу сибирских писателей»; в январе 1935 г. исключен из Союза советских писателей; в июле 1936 г. арестован, но весной 1936 г. освобожден и отправлен в поездку по Сибири; 6 февраля 1937 г. снова арестован по обвинению в антиправительственном заговоре; 15 или 16 июля 1937 г. расстрелян в Москве.

Поэтическая личность П. Васильева формировалась в триедином контексте народной (сказки, казачьи, русские песни и др.), традиционной (пушкинской) и новой (Н. Клюев, С. Есенин, С. Клычков и др.) поэтической культуры.

Поэтическая способность П. Васильева реализовывалась одновременно в эмоционально-номинативном и эпическом поэтическом выражении жизненной мощи как основы единства быта и бытия.

Поэт создал свой язык, характеризующийся высокой энергетичностью, силой, экспрессивностью, напряженной (до внутреннего крика) интонацией, полиритмическим стихом (близким к народному тоническому) и точной, яркой, материализованной в звуке, изобразительностью. Поэт, чувствуя свою близкую неминуемую гибель, успел реализоваться как выразитель неизъяснимого: его поэтическое выражение имело высокую степень интенсивности, мощи и психологического напора, представлявшего собой лингво-поэтическую череду затянувшихся эмоциональных взрывов.

Степень поэтической свободы П. Васильева определяется как очень высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности П. Васильева сформировалась на этико-поэтическом, гуманистическом отношении к миру как к единству социального, при-

родного и неизъяснимого, духовного. Обычно такой тип поэтического сознания оборачивается открытием / приоткрытием / приоткровением бытия и трагедий быта, в котором вынужден существовать поэт.

Предметом поэзии П. Васильева была воля, свобода и стихия, существующие в мощном единстве упорядоченного стихом хаоса и любви (любви вообще: к женщине, к России, к жизни).

Доминанты поэтического дискурса – свободный ритм, свободная рифма, свободная синтаксическая строфа.

Доминанты языковой способности – фонетический, лексический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы П. Васильева определяется как высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения П. Васильева среди прочих включает в себя такие стихотворения:

***

Родительница степь, прими мою,
Окрашенную сердца жаркой кровью,
Степную песнь! Склонившись к изголовью
Всех трав твоих, одну тебя пою!
К певучему я обращаюсь звуку,
Его не потускнеет серебро,
Так вкладывай, о степь, в сыновью руку
Кривое ястребиное перо.

6 апреля 1935

ПОСВЯЩЕНИЕ И. Г.

То легким, дутым золотом браслета,
То гребнями, то шелком разогретым,
То взглядом недоступным и косым
Меня зовешь и щуришься – знать, нечем
Тебе платить годам широкоплечим,
Как только горьким именем моим.

Ты колдовство и папорот Купала
На жемчуга дешевые сменяла –
Тебе вериг тяжеле не найти.
На поводу у нитки-душегубца
Иди, спеши. Еще пути найдутся,
А к прежнему затеряны пути.

май 1935

***

Чтоб долго почтальоны не искали,
Им сообщу с предсумрачной тоской:
Москва, в Москве *4-я Тверская*,
Та самая, что названа *Ямской*.
На ней найди *дом номер 26*,
В нем, горестном, *квартира 10* есть.
О почтальон, я, преклонив колени,
Молю тебя, найди сие жилье
И, улыбнувшись *Вяловой Елене*,
Вручи письмо печальное мое.

декабрь 1935, Рязань

ПРОЩАНИЕ С ДРУЗЬЯМИ

Друзья, простите за всё – в чем был виноват,
Я хотел бы потеплее распрощаться с вами.
Ваши руки стаями на меня летят –
Сизыми голубицами, соколами, лебедями.

Посулила жизнь дороги мне ледяные –
С юностью, как с девушкой, распрощаться у колодца.
Есть такое хорошее слово – *родныя*,
От него и горюется, и плачется, и поется.

А я его оттаивал и дышал на него,
Я в него вслушивался. И не знал я сладу с ним.
Вы обо мне забудете, – забудьте! Ничего,
Вспомню я о вас, дорогие мои, радостно.

Так бывает на свете – то ли зашумит рожь,
То ли песню за рекой заслышишь, и верится,

Верится, как собаке, а во что – не поймешь,
Грустное и тяжелое бьется сердце.

Помашите мне платочком за горесть мою,
За то, что смеялся, покуль полыни запах...
Не растут цветы в том дальнем, суровом краю,
Только сосны покачиваются на птичьих лапах.

На далеком, милом Севере меня ждут,
Обходят дозором высокие ограды,
Зажигают огни, избы метут,
Собираются гостя дорогого встретить как надо.

А как его надо – надо его весело:
Без песен, без смеха, чтоб ти-ихо было,
Чтобы только полено в печи потрескивало,
А потом бы его полымем надвое разбило.

Чтобы затейные начались беседы...
Батюшки! Ночи-то в России до чего ж темны.
Попрощайтесь, попрощайтесь, дорогие, со мной, –
я еду
Собирать тяжелые слезы страны.

А меня обступят там, качая головами,
Подпершись в бока, на бородах снег.
«Ты зачем, бедовый, бедуешь с нами,
Нет ли нам помилования, человек?»

Я же им отвечу всей душой:
«Хорошо в стране нашей, – нет ни грязи, ни сырости,
До того, ребятушки, хорошо!
Дети-то какими крепкими выросли.

Ой и долог путь к человеку, люди,
Но страна вся в зелени – по колени травы.
Будет вам помилование, люди, будет,
Про меня ж, бедового, спойте вы...»

1936

Последнее стихотворение:

***

Снегири <взлетают> красногруды...
Скоро ль, скоро ль на беду мою
Я увижу волчьи изумруды
В нелюдимом, северном краю.

Будем мы печальны, одиноки
И пахучи, словно дикий мед.
Незаметно все приблизит сроки,
Седина нам кудри обовьет.

Я скажу тогда тебе, подруга:
«Дни летят, как по ветру листьё,
Хорошо, что мы нашли друг друга,
В прежней жизни потерявши всё...»

февраль 1937

ТВАРДОВСКИЙ
Александр Трифонович

1. Родился 8 (21 н. ст.) июня 1910 г. на хуторе Загорье (ныне Починовский район Смоленской области) в семье сельского кузнеца; мать – из дворян-однодворцев; с 1928 по 1930 гг. живет в Москве, с 1930 по 1936 – в Смоленске; в 1931 г. его родители были раскулачены и сосланы; в 1936 г. переезжает в Москву, добивается возвращения из ссылки родных; участвует в финской кампании (1939–1940), создает образ Василия (Васи) Тёркина («Василий Теркин. Книга про бойца» (1941–1945)); редактор журнала «Новый мир» (1950–1954 и 1958–1970 гг.); умер 18 декабря 1971 г.

Поэтическая личность А. Твардовского формировалась в контексте традиционной русской поэтической культуры (А. Кольцов, И. Никитин, И. Бунин, А. Ахматова). Поэтика А. Твардовского пересекалась с крестьянской и новокрестьянской поэзией, но оставалась независимой.

Процессы реализации его поэтической способности формировались и происходили по той модели функционирования поэтической способности, на основе которой существовало бунинское поэтическое выражение быта и бытия, социального и эмоционального, явного и неизъяснимого. Поэт осознавал невыразимое, духовное как сущее и, подчинясь внутренней христианско-крестьянской религиозности, соединял быт и бытие в сфере гражданской и демократической совестности (что в золотом XIX в. было поэтической слабостью, то в XX-м свинцовом веке стало силой).

Поэт создал свой язык, способный творить повествовательные, бисюжетные (наличие внутренней психологической / эмоциональной и внешней социальной / фактической поэтической фабулы) поэтические тексты (И. Бунин так оценивал поэтический язык А. Твардовского («Василий Теркин»): «Какая свобода, какая чудесная удаль, какая меткость, точность во всем <...>, ни сучка ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова!» [Письмо

И. Бунина Н.Д. Телешову]). Поэтическая способность А. Твардовского реализована полностью в триединой сфере поэзии: эмоционально-номинативное, эпическое выражение, а также поэтический перевод.

Степень поэтической свободы А. Твардовского определяется как высокая.

2. Эстетически поэтическая личность А. Твардовского была направлена на осознание и выражение социальной, бытовой и психологической сторон неизъяснимого, представлявшегося поэту как единство быта и бытия. Быто-бытие, по А. Твардовскому, изначально имеет характер и природу трагедии: только трагедия быто-бытия, осознанная и выраженная поэтом на основе искренности, совестности и правдивости, может приблизить человека к истине, какой бы великой и горькой она ни была.

Доминанты поэтического дискурса – полиритмичность (в том числе метрические ритмы), точная рифма и строгая классическая строфа (преимущественно катрен).

Доминанты языковой способности – фонетический, лексико-стилистический компоненты с элементами синтаксиса.

Степень языковой свободы А. Твардовского определяется как высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения А. Твардовского среди прочих включает в себя такие стихотворения:

***

Перевозчик-водогребщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону домой...

Из песни

– Ты откуда эту песню,
Мать, на старость запасла?
– Не откуда – все оттуда,
Где у матери росла.

Все из той своей родимой
Приднепровской стороны,
Из далекой-предалекой
Деревенской старины.

Там считалось, что прощалась
Навек с матерью родной,
Если замуж выходила
Девка на берег другой.

Перевозчик-водогребщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону – домой...

Давней молодости слезы,
Не до тех девичьих слез,
Как иные перевозы
В жизни видеть привелось.

Как с земли родного края
Вдаль спровадила пора.
Там текла река другая –
Шире нашего Днепра.

В том краю леса темнее,
Зимы дольше и лютей,
Даже снег визжал больнее
Под полозьями саней.

Но была, пускай не пета,
Песня в памяти жива.
Были эти на край света
Завезенные слова.

Перевозчик-водогребщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону – домой...

Отжитое – пережито,
А с кого какой же спрос?
Да уже неподалеку
И последний перевоз.

Перевозчик-водогребщик,
Старичок седой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону – домой...

1965

***

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе –
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, –
Речь не о том, но все же, все же, все же...

1966

***

Когда обычный праздничный привет
Знакомец твой иль добрый друг заочный
Скрепляет пожеланьем долгих лет,
Отнюдь не веселит такая почта.

К тому же опыт всем одно твердит,
Что долгих лет, их не бывает просто,
И девятнадцать или девяносто –
Не все ль равно, когда их счет закрыт.

Но боже мой, и все-таки неправда,
Что жизнь с годами сходит вся на клин,
Что есть сегодня, да, условно, завтра,
Да безусловно вздох в конце один.
Нет, был бы он невыносимо страшен,
Удел земной, не будь всегда при нас
Ни детства дней, ни молодости нашей,
Ни жизни всей в ее последний час.

1969

***

Не заслоняй святую боль
Невозмутимым видом,

Коль стих на славу не тобой
Сегодня миру выдан.

Быть может, эта боль – залог
Того, что славы слаще,
Когда пронзает холодок
Удачи настоящей.

1969

Последнее стихотворение:

***

Час мой утренний, час контрольный, –
Утро вечера мудреней, –
Мир мой внутренний и окольный
В этот час на смотру видней.

Час открытий, еще возможных,
И верней его подстеречь
До того, как пустопорожних
Ни мечтаний, ни слов, ни встреч
Не скрывает тот час контрольный, –
Благо, ты человек в летах, –
Все, что вольно или невольно
Было, вышло не то, не так.

Но еще не бездейственен ропот
Огорченной твоей души.
Приобщая к опыту опыт,
Час мой, дело свое верши.

1970

ЕЛАГИН
Иван
(наст. имя МАТВЕЕВ Иван Венедиктович)

1. Родился 1 декабря 1918 г. во Владивостоке (при рождении отец, поэт-футурист В. Н. Матвеев (псевдоним Венедикт Март), дал сыну «будетлянское» имя Уотт-Зангвильд-Иоанн); в 1919 г. после развода отец на 5 лет уезжает с сыном в Харбин; отец арестован и сослан в Саратов, а И. Елагин попадает к беспризорникам (Ф. Панфёров помогает сыну найти отца); в 1937 г. отца опять арестовывают и расстреливают (1937–1938 гг.(?)); в это время репрессированы и др. члены семьи Матвеевых; поэт живет в Киеве и оказывается после 1941 г. на оккупированной территории; как «перемещенное лицо» И. Елагин живет в Чехословакии, Польше и Германии; весной 1950 г. И. Елагин с семьей переезжает в США; умер 8 февраля 1987 г. в Питтсбурге (США).

Поэтическая личность И. Елагина сформировалась в контексте русской традиционной поэтической культуры. Поэтическая способность реализовывалась в процессе одновременно дискретного (внешне) и монолитного (внутренне) функционирования его поэтической личности. Поэт создал свой тип поэтического выражения (точность, ясность, отказ от языковой игры и эксперимента) в условиях двуязычия.

И. Елагин создает свой поэтический язык на основе народного, песенного стиха и абсолютно искреннего, серьезного, ироничного и трагического языкового выражения, не допускающего неточности, приблизительности и чистой (формальной) описательности. Поэтическое выражение неизъяснимого происходило для И. Елагина всегда в поле ощущения себя вне России, т. е. – через тоску, печаль, разлуку (И. Бунин 12 января 1949 г. назвал И. Елагина «очень талантливым и смелым» поэтом).

Степень поэтической свободы И. Елагина определяется как высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности И. Елагина сформировалась на основе традиционного пушкинского

отношения к миру: этико-эстетическая позиция И. Елагина проявлялась в авторских типовых способах поэтического выражения эмоционально-духовных основ невыразимого. Поэт обладал абсолютным зрением, слухом и вкусом, что позволило его поэзии занять свое место в русской поэтической и художественной культуре / поэтосфере.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальность, свободный (на основе фольклорного, песенного) ритм и строгая строфа (преимущественно катрен).

Доминанты языковой способности – фонетический и лексический компоненты с элементами синтаксиса.

Степень языковой свободы И. Елагина определяется как высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения И. Елагина среди прочих включает в себя следующие тексты:

***

Слёз не проливайте надо мною.
Жил я. Видел землю. И прошел.
Надо стать когда-нибудь золою,
Чтобы оградить себя от зол.

опубл. в 1989

***

Здесь чудо всё: и люди, и земля,
И звездное шуршание мгновений.
И чудом только смерть назвать нельзя –
Нет в мире ничего обыкновенней.

опубл. в 1987

Последнее стихотворение:

ГОГОЛЬ

Владимиру Шаталову

Пока что не было и нет
Похожего, подобного,
Вот этот Гоголя портрет –
Он и плита надгробная.

Портрет, что Гоголю под стать,
Он – Гоголева исповедь,
Его в душе воссоздавать,
А не в музее выставить,

Его не только теплота
Высокой кисти трогала,
Но угнездились в нем места
Из переписки Гоголя.

И Гоголь тут – такой как есть,
Извечный Гоголь, подлинный,
Как птица насторожен весь,
Как птица весь нахохленный.

И это Гоголь наших бед,
За ним толпятся избы ведь
И тройка мчит, чтоб целый свет
Из-под копыт забрызгивать,

Или затем, чтоб высечь свет,
Копыта сеют искры ведь!
О Русь, какой ты дашь ответ
На Гоголеву исповедь?

Иль у тебя ответа нет,
Кто грешник, а кто праведник?
Есть только Гоголя портрет.
Он и портрет, и памятник.

опубл. в 1987

ГЛАЗКОВ
Николай Иванович

1. Родился 30 января 1919 г. в г. Лысково Нижегородской губернии в семье адвоката (отец в 1938 г. репрессирован, реабилитирован посмертно); мать – преподаватель немецкого языка; в 1942 г. окончил Горьковский педагогический институт; в 1944 г. вернулся в Москву; работал грузчиком, носильщиком, пильщиком дров и проч., член Географического общества СССР (с 1965 г.); снимался в кино; умер 1 октября 1979 г. в Москве.

Поэтическая личность Н. Глазкова формировалась в двойном контексте новой, авангардной (В. Хлебников, А. Крученых и др.) и традиционной поэтической культуры.

Поэтическая способность Н. Глазкова была расширена и углублена в процессе реализации научных увлечений поэта (геология, минералогия, математика, шахматы; известно, что Н. Глазков знал наизусть периодическую систему Д. И. Менделеева).

Поэтическая способность Н. Глазкова реализовалась по известной модели с движением от поэтического эксперимента (концепция «Поэтограда» и личноутверждаемой гениальности) к традиционным способам поэтического выражения близкого и запредельного, невероятного и «неслыханно простого».

Поэт создал свой язык, экспрессивный, с парадоксальным и афористичным выражением: лаконичность, смысловая сжатость породили глазковский оптимально минимальный объем «краткостиший».

Н. Глазков выработал свое поэтическое отношение к миру и свои способы выражения его, основанные, с одной стороны, на иронии и на отрицании быта в антиномии быт – бытие, а с другой стороны, его поэтическая картина мира сформировались на вечных и высоких этико-эстетических идеалах нравственности, добра и разума.

Степень поэтической свободы определяется как высокая.

2. Множественное, неоднозначное отношение поэта к единству быта и бытия породило уникальный эстетический

сценарий, по которому развивалась поэтическая личность Н. Глазкова и в основе которого лежит абсолютно противоречивое гармонично-дисгармоничное единство авангарда, традиции и модернизма. Н. Глазков эстетически прошел путь от веселой и комической трагедии-фарса до горькой, доброй и оптимистической трагедии жизни, смерти и любви (новаторство в сфере поэтической формы, как правило, приводит поэта к содержательному выражению банальных и горьких, чаще всего общеизвестных, истин).

Специфика поэтической личности Н. Глазкова заключается в ее тотальной самоопределенности и автодидактичности.

Доминанты поэтического дискурса – особая, основанная на фольклорных образцах (частушка), ритмика, свободная рифма и строфа-куплет.

Доминанты языковой способности – фонетический и словообразовательный компоненты с элементами лексики и синтаксиса.

Степень языковой свободы Н. Глазкова определяется как средняя / средне-высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения Н. Глазкова среди многих других включает в себя такие тексты:

ФРАГМЕНТ ИЗ ПОЭМЫ «ПОЭТОГРАД»

Путь-дорога
Без итога
Хвалится длиной.
Скоро вечер,
Он не вечен,
Ибо под луной.

Или прямо, или криво,
Или наугад
Все пути ведут не к Риму,
А в Поэтоград!

1940–1941

***

Сам себе заехать в рожу
Я могу, а плюнуть – нет!
И стихов писать не брошу,
Потому что я поэт.

***

Давным-давно
Темным-темно;
Но все равно
Смотрю в окно.

***

Знаю я, что снова и снова
Будут промахи и повторенья,
А последнее слово СЛОВА
Откровенность на уровне откровенья.

***

Скажу неискренно –
Пройдет бесследно,
А смерть бессмысленна,
А мысль бессмертна!

1977

Последнее стихотворение:

***

Желаю стать таким опять,
Каким я был лет в двадцать пять,
Когда сложил немного строк,
Но бегать мог и прыгать мог.

Мечтаю, впрочем, я о чем?
Я не был лучшим силачом:
С простуд чихал, от стужи дрог,
Но драться мог, бороться мог.

Себя счастливым не считал.
Чего желал? О чем мечтал?
Мечтал, что буду я велик,
Желал издать десятки книг.

О чем мечтал, того достиг,
И с опозданием постиг,
Что я неправильно мечтал
И потому устал и стар.

Творю печатную строку,
Но бегать, прыгать не могу
И стать желаю, как балда,
Таким, каким я был тогда!

1979

СЛУЦКИЙ
Борис Абрамович

1. Родился 7 мая 1919 г. в Славянске (Донбасс); участвовал в Великой Отечественной войне; выпускник Литературного института им. М. Горького; умер после долгой и тяжелой болезни 23 февраля 1986 г.

Поэтическая личность Б. Слуцкого формировалась в контексте новой поэтической культуры (особенно в сфере поэтического языка, где предшественником поэта можно считать В. Маяковского, а последователем – И. Бродского).

Поэтическая способность Б. Слуцкого реализовалась в процессе становления новых способов поэтического выражения неизъяснимого на основе здравого смысла, серьезного и трезвого взгляда и эмпирики: поэт пытается найти, осознать и назвать неназываемое в называемом, вечное – в смертном, живое – в мертвом, осмысленное и мыслящее – в бессмысленном.

Б. Слуцкий создал свой поэтический язык на основе разговорно-прозаического синтаксиса, поэтому поэзия Б. Слуцкого может восприниматься как ироническая и грубая / грубоватая, хотя такое поэтическое выражение – за счет динамики свободного поэтического синтаксиса – стало очень эффективным и динамичным в процессе «пробивания сквозь обыденность к идеальному» (Б. Слуцкий).

Степень поэтической свободы Б. Слуцкого определяется как высокая.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности Б. Слуцкого сформировалась на этической основе прямого поэтического выражения бытия в быте. Поэзия Б. Слуцкого не социальна, но исторична, основательна: даже эмоциональность его холодновато-яростного поэтического тона является мыслящей, т. е. поэт мыслит эмоциями и чувствует мыслью. Этико-эстетический сценарий, по которому развивалось поэтическое выражение Б. Слуцкого, трагичен по определению, потому что поэт как выразитель неизъяснимой истины был вне какой-

либо игры – языковой ли, социальной, или эстетической (поэт замолчал в мае 1977 г. за 9 лет до смерти).

Доминанты поэтического дискурса – прозаизированный ритм, синтаксическая рифма (синтаксически обусловленная рифма), свободная синтаксическая строфа.

Доминанты языковой способности – лексический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы Б. Слуцкого определяется как средне-высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения Б. Слуцкого среди прочих включает в себя следующие стихотворения:

***

Кучка праха, горстка пепла,
всыпанные в черепок.
Все оглохло и ослепло.
Обессилен, изнемог.

Непомерною расплатой
за какой-то малый грех –
свет погасший, мир разъятый,
заносящий душу снег.

1977

***

Страшно сохнет во рту.
Рот как вяленый.
Полнедели – как не житье.
Сбитый с ног,
сшибленный,
сваленный,
получаю свое.

Получаю все, что положено
за свое персональное зло.
Так хотелось, чтоб по-хорошему,
но не вышло.
Нет – нет не прошло.

1977

***

Сократились мои обязанности
не до минимума – до нуля,
до той грозной отметки опасности,
когда больше не держит земля,
когда можно легким усилием,
поворотом одним руки
улететь вослед птичьим крыльям
за перистые облака.

1977

ВОТ ТАКОЕ НАМЕРЕНИЕ

А намеренье такое:
чуть немного погодя,
никого не беспокоя,
никого не тяготя,
отойти в сторонку смирно,
пот и слезы отереть,
лечь хоть на траву и мирно,
очень тихо помереть.

1977

***

Можно обойтись и без меня.
Но зачем? Секундой в толще дня,
каплей в океане моря
и слезинкою в рыданьи горя
пригодиться я еще могу.
И еще – снежинкою в снегу.

Все мы, имена и анонимы
заменяемые – заменимы?
Да, конечно. Нет, конечно. Да,
безо всякого сомнения.
Тем не менее есть такое мнение,
что и горе – не беда.

Горе – горе, а беда – беда,
и специалисты отмечали,
что печаль равна одной печали,
отличима без труда.

Рыжий, а впоследствии седой,
ныне старый, бывший молодой,
не лишенный совести и чести,
исчерпавший почти весь объем
срока своего, на своем месте
я, когда на месте на своем.

Всякий, кто его займет
по призванью ли, по назначенью,
что-нибудь не так поймет
во звучаньи или во значеньи.
Стало быть, никто, кроме меня,
не заменит никогда меня.

197?

***

Отбиваюсь от мысли о смерти,
Не отстанет теперь до смерти,
до последнего самого дня.
До́ смерти одолеет меня.

То листвой золотой листопада
с ног сшибает она до упада.
То пургой заметет, как зима.
То предстанет открыто сама.

Каждой точкой. Каждой развязкой.
Каждой топью холодной и вязкой,
беспощадная, словно война,
на себя намекает она.

Тем не менее солнечным светом,
на вопросы – не медля – ответом,
круглосуточным тяжким трудом
от нее отбиваюсь. С трудом.

Я ее словно мяч отбиваю.
Вскачь, стремглав, впопыхах забываю.
Отгоню или хоть отложу
и по нормам бессмертья пишу.

***

Я знаю, что «дальше – молчанье»,
поэтому поговорим,
я знаю, что дальше безделье,
поэтому сделаем дело.
Грядут неминуемо варвары,
и я возвожу свой Рим,
и я расширяю пределы.

Земля на краткую длительность
заведена для меня.
Все окна ее – витрины.
Все тикают, словно Женева.
И после дня прошедшего
не будет грядущего дня,
что я сознаю без гнева.

Часы – дневной распорядок
и образ жизни – часы.
Все тикает как заведенное.
Все движется, куда движется.
Все литеры амортизированы
газетной от полосы,
прописывают ижицу.

Что ж ижица? Твердого знака
и ятя не хуже она.
Попробуем, однако,
переть и против рожна.
А доказательств не требует,
без них своего добьется
тот, кто ничем не гребует,
а просто трудится, бьется.

197?

***

Господи, Федор Михалыч,
я ошибался, грешил.
Грешен я самую малость,
но повиниться решил.

Господи, Лев Николаич,
нищ и бессовестен я.
Мне только радости – славить
блеск твоего бытия.

Боже, Владимир Владимыч,
я отвратительней всех.
Словом скажу твоим: «Вымучь!»
Вынь из меня этот грех!

Трудно мне с вами и не о чем.
Строгие вы господа.
Вот с Александром Сергеичем
проще и грех не беда.

197?

Последнее стихотворение:

***

Читая параллельно много книг,
ко многим я источникам приник,
захлебываясь и не утираясь.
Из многих рек одновременно пью,
алчбу неутолимую мою
всю жизнь насытить тщетно я стараюсь.

Уйду, не дочитав, держа в руке
легчайший томик, но невдалеке
пять-шесть других рассыплю сочинений.
Надеюсь, что последние слова,
которые расслышу я едва,
мне пушкинский нашепчет светлый гений.

22 апреля 1977

САМОЙЛОВ
Давид
(наст. имя КАУФМАН Давид Самуилович)

1. Родился 1 июня 1920 г. в Москве; участник Великой Отечественной войны; печатается с 1941 г.; умер 23 февраля 1990 г. в Таллинне; похоронен в Эстонии, в г. Пярну на Лесном кладбище.

Поэтическая личность Д. Самойлова формировалась в контексте традиционной поэтической культуры XIX–XX вв. (Г. Державин, К. Батюшков, А. Пушкин, А. Дельвиг, А. Блок, А. Ахматова).

Поэтическая способность Д. Самойлова реализовывалась в процессе собственно поэтической и переводческой (Л. Арагон, Г. Аполлинер, Б. Брехт, Ф. Г. Лорка и др.) деятельности.

Поэт создал свой язык на основе, с одной стороны, пушкинско-ахматовских способов поэтического выражения, а с другой стороны, на основе языковых, эстетических и содержательных в целом изменений, произошедших после Великой Отечественной войны в русской культуре. Поэтическое выражение Д. Самойлова одновременно медитативно и повествовательно, что объясняется сложным характером предмета его поэзии: он и высокий, и трагический, и бытовой, но осознается он поэтом в исторической перспективе, дистанцированно и несколько отстраненно; поэтому в основе выражения авторской концепции быта и бытия лежит изобразительность, пейзаж. Если единство быта и бытия и воспринимается поэтом как единство социального и онтологического, то такой синтез – быто-бытие, по мысли Д. Самойлова, абсолютно трагичен.

Степень поэтической свободы Д. Самойлова определяется как высокая.

2. Эстетически поэтическая личность Д. Самойлова органически включается в общий для традиционализма процесс гуманистического отношения к миру, даже трагедия социального разрушения жизни традиционно соотносится с природной стихией. Поэт выражает прекрасное одновременно как

нечто конкретное и как высокое, недоступное и неизъяснимое. Совмещение медитативности и повествовательности / прозаичности в поэтическом тексте позволяет преобразовывать субъективное в объективное – это свойство истинной поэзии.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальный ритм, точная рифма, строгая синтаксическая строфа в одо-элегическом единстве.

Доминанты языковой способности – фонетический, лексико-стилистический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы Д. Самойлова определяется как высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения Д. Самойлова среди прочих включает в себя следующие тексты:

ИЗ ПЯРНУСКИХ ЭЛЕГИЙ

Г. М.

I

Когда-нибудь и мы расскажем,
Как мы живем иным пейзажем,
Где море озаряет нас,
Где пишет на песке, как гений,
Волна следы своих волнений
И вдруг стирает, осердясь.

XVI

Чет или нечет?
Вьюга ночная.
Музыка лечит.
Шуберт. Восьмая.

Правда ль, нелепый
Маленький Шуберт,
Музыка – лекарь?
Музыка губит.

Снежная скатерть.
Мука без края.

Музыка насмерть.
Вьюга ночная.

1978–1981

ДВА ГОЛОСА

Первый
Когда ты восстанешь из мертвых,
Какие ты скажешь слова?
Второй
Нет, я не восстану из мертвых,
Душа моя будет мертва.
Первый
Когда ты вернешься на землю,
Ты снова полюбишь ее.
Второй
Нет, я не хочу возвращаться
В убогое тело мое.
Первый
Да что тебе бренное тело!
Ты явишь божественный лик.
Второй
Но как же я буду без тела?
Ведь я без него не привык.
Первый
Когда ты восстанешь из мертвых,
Себя от себя отреши.
Второй
Но нужно ли мне воскресенье
Одной бестелесой души?..

1985–1990

***

Есть спор двух душ слиянных – о разъятье.
Спор двух неосторожных, жадных душ,
Спор о свободе, словно о проклятье, –
Двух душ слиянных, залетевших в глушь.

И оба мы живем под впечатленьем
Поэмы, не написанной пером.

То с просветлением, то с утомленьем
Поэмой этой дышим и живем.

В боренье том неистовом, но истом,
Слиянные навек, как два ручья,
Мы обращаемся к евангелистам:
Ведь верно – боль ценней небытия.

1985–1990

ИЗ ЦИКЛА «ПОСЛЕДНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ»

Смысл истории, значенье лиц,
Может быть, нам растолкует гений,
Нас убережет от небылиц
И замусоренных представлений.

Может быть, как это было встарь,
Люди снова приобщатся к тайне.
В небе звезды вспыхнут, как янтарь.
В них прочтем судеб предначертанье.

Не по звездам ли пора прочесть
То, что философии неясно?
И принять судьбу, какая есть,
Не противоборствуя напрасно.

1985–1990

***

Памяти Ф. Ю. Зигеля

Вот еще один ушел
В даль, откуда нет возврата.
Серебристый снег лежит.
Каркнул ворон. Я один.
Дерево бежит с холма.
Мимо неподвижной речки
Протекают берега.

Не хватает мне коня,
Чтобы с ним вести беседу,
Потому что здесь все меньше

Разумеющих меня.
Я бы с ним поговорил
На серебряном наречье
Про призванье человечье,
Про игру вселенских сил.
Мне здесь жить не надоело,
Но у Господа для тела
Я бессмертья не просил.

1985–1990

Последнее стихотворение:

***

Писем напишу пяток,
Лягу и умру.
Знай сверчок своей шесток –
Хватит жить в миру.
Но умру не насовсем
И не навсегда.
Надо мною будет сень,
А над ней звезда.
Над звездою будет Бог,
А над Богом свет.
А над светом голубок
Посреди планет.
А над голубем цветок,
А в цветке пчела,
Что опустит хоботок
.....

декабрь 1989

РУБЦОВ
Николай Михайлович

1. Родился 3 января 1936 г. в селе Елецк Архангельской области в крестьянской семье, в годы коллективизации высланной в Вологду; затем семья Рубцовых переехала в Няндому, а в скором времени – в Вологду; отец с 1942 по 1944 гг. находился на фронте, больше о нем вестей не было; мать умерла в 1942 г.; с 1943 г. поэт живет в детдоме в селе Никольском Тотемского района; в 1950 г. работает в Архангельске кочегаром и начинает писать стихи; сменил много профессий и мест проживания; 19 января 1971 г. в возрасте 35 лет был убит во время ссоры своей сожительницей.

Поэтическая личность Н. Рубцова сформировалась в контексте русской народной (песенной) и традиционной поэтической (Ф. Тютчев, А. Фет, С. Есенин, Н. Клюев) культуры.

Поэтическая способность и судьба Н. Рубцова реализовывались и функционировали по типу поэтических способностей и судеб «бездомных» и географически абсолютно свободных поэтов Г. Сковороды и В. Хлебникова. Поэтическое выражение неизъяснимого затрагивало в основном глубинные, корневые духовные и телесные связи человека и природы, жизни и небытия, мира и катастрофы, судьбы, рока и гибели. Предметом поэзии Н. Рубцова всегда оставалось мужество души в смысловом (очень напряженном) поле свершающейся трагедии и предощущения катастрофы.

Поэт создал свой язык на основе традиционного «чистого» (вне какой-либо социальной прагматики) выражения неизъяснимого посредством достаточно скупых средств / единиц поэтического дискурса и национального языка.

Степень поэтической свободы Н. Рубцова определяется как высокая / очень высокая.

2. Эстетически поэт был свободен от воздействия на него энергии заблуждения и абсолютно невозможного, невероятного выбора в качестве тематической сферы поэтического выражения города или деревни. Эмоциональные номинации по-

эта одновременно психологичны, детальны, обобщенны и предметны, потому что в основе такой поэтической номинации была боль человека и поэта, не сумевшего совместить в своих стихах быт и бытие: Н. Рубцов, как и Ф. Тютчев, поэт, по определению, бытийный, и если для Ф. Тютчева важна была прежде всего мука мысли, то для Н. Рубцова – сладкая боль музыки, музыки языка, ритма, интонации, природы и духа.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальный ритм, точная рифма и строгая синтаксическая строфа.

Доминанты языковой способности – фонетический, лексический и синтаксический компоненты.

Степень языковой свободы Н. Рубцова определяется как высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения Н. Рубцова среди многих других включает в себя такие стихотворения:

***

Листвой пропащей,
знобящей мглою
Заносит буря неясный путь.
А ивы гнутся над головой,
Скрипят и стонут – не отдохнуть.
Бегу от бури, от помрачений...
И вдруг я вспомню твое лицо,
Игру заката во мгле вечерней,
В лучах заката твое кольцо.
Глухому плеску на дне оврага,
И спящей вербе, и ковылю
Я, оставаясь, твердил из мрака
Одно и то же: – Люблю, люблю!
Листвой пропащей,
знобящей мглою
Заносит буря безлюдный путь.
И стонут ивы над головою,
И воет ветер – не отдохнуть!
Куда от бури, от непогоды
Себя я спрячу?
Я вспоминаю былые годы
И – плачу...

1967–1971

НОЧНОЕ

Если б мои не болели мозги,
Я бы уснуть не прочь.
Рад, что в окошке не видно ни зги, –
Ночь, черная ночь!
В горьких невзгодах прошедшего дня
Было порой невмочь.
Только одна и утешит меня –
Ночь, черная ночь!
Грустному другу в чужой стороне
Словом спешил я помочь.
Пусть хоть немного поможет и мне
Ночь, черная ночь!
Резким, свистящим своим помелом
Вьюга гнала меня прочь.
Дай под твоим я погреюсь крылом,
Ночь, черная ночь!

1967–1971

ЭЛЕГИЯ

Отложу свою скудную пищу,
И отправлюсь на вечный покой.
Пусть меня еще любят и ищут
Над моей одинокой рекой.

Пусть еще всевозможное благо
Обещают на той стороне.
Не купить мне избу над оврагом
И цветы не выращивать мне...

1967–1971

Номинальное последнее стихотворение:

ПОЧЕМУ МНЕ ТАК НЕ ПОВЕЗЛО?

Почему мне так не повезло?
По волнам, давно уже усталый,
Разгонюсь – забуду про весло,
И тотчас швырнет меня на скалы!

Почему мне так не повезло?
Над моей счастливою любовью
Вдруг мелькнуло черное крыло,
И прошла любовь с глубокой болью.

Почему мне так не повезло?
Все, трудясь, живут себе в надежде,
Мне ж мое глухое ремесло
Не приносит радости, как прежде.

Почему мне так не повезло?
По ночам душе бывает страшно,
Оттого, что сам себе назло
Много лет прожил я бесшабашно.

Почему мне так не повезло?
Все же я своей не веря драме,
Все стремлюсь, хватаясь за весло,
В океан, волнуемый страстями.

1967–1971

Фактическое последнее стихотворение:

***

Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат березы.
А весною ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!
Из моей затопленной могилы
Гроб всплывет, забытый и унылый,
Разобьется с треском,
и в потемки
Уплывут ужасные обломки.
Сам не знаю, что это такое...
Я не верю вечности покоя!

1967–1971

БРОДСКИЙ
Иосиф Александрович

1. Родился 24 мая 1940 г. в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) в семье фотографа; в 1955 г. оставил школу, сменил множество профессий, занимался самообразованием, изучал английский и польский языки; в 1963 г. арестован по обвинению в тунеядстве, приговорен к 5 годам ссылки, в ноябре 1965 г. стараниями русских и зарубежных писателей поэту разрешено вернуться в Ленинград; в 1972 г. эмигрировал в США; преподавал историю русской литературы, а также русскую и английскую поэзию; умер во сне в ночь с 27 на 28 января 1996 г.; похоронен в пригороде Нью-Йорка; ныне тело поэта, по его завещанию, покоится в Италии.

Поэтическая личность И. Бродского формировалась в контексте античной (Овидий, Вергилий, Марциал и др.), западноевропейской (Дж. Донн, английская натурфилософская поэзия, польская поэзия и др.) и русской (Г. Державин, А. Пушкин, Е. Баратынский, А. Ахматова, О. Мандельштам, Н. Заболоцкий, Б. Слуцкий и др.) поэтической культуры.

Поэтическая способность И. Бродского реализовывалась одновременно в нескольких сферах: в поэзии, в поэтических переводах, в драматургии, в филологии и в научно-психологической прозе.

Поэт создал свой язык на основе всех достижений совокупной лингво-поэтической личности: И. Бродский разработал и реализовал в качестве доминирующего в формировании глубинных поэтических смыслов синтаксический компонент языковой способности, создав впервые в истории русской поэзии в качестве типовых и образцовых единиц и категорий поэтического текста синтаксическую рифму и абсолютно синтаксическую строфу на основе поэтических дефиниций, или синтаксиса предложений тождества, или синтаксиса поэтических толкований, когда строфа или целый текст представляют собой своеобразную поэтическую словарную статью.

Степень поэтической свободы И. Бродского определяется как очень высокая, приближающаяся к абсолютной.

2. Эстетическая доминанта поэтической личности И. Бродского основывается на особой концепции поэта как орудия языка: язык, являясь важнейшей частью быта и бытия, познает себя через поэта, – и в этом счастливая трагедия стихотворца, обладающего абсолютным зрением, слухом, вкусом и голосом. В основе поэтического выражения И. Бродского лежит одо-элегическое начало: поэт сумел соединить оду и элегию и создать новый поэтический текст как факт языка и речи, поэта и человека, названного и неназываемого, жизни и смерти, быта и бытия. Поэтическое выражение И. Бродского аллюзитивно потому, что поэт осваивает, осознает и отображает мир не в одиночку, а совокупно – всей поэтической культурой – вместе с Оденом, Лермонтовым, Гоголем, Пушкиным, Пастернаком, Ахматовой, Хлебниковым, Мандельштамом и Баратынским.

Доминанты поэтического дискурса – речевая музыкальность, прозаизированный ритм (тактовик), небанальная рифма и строгая синтаксическая строфа в мощном монотонно-интонационном единстве.

Доминанты языковой способности – фонетический, грамматический, лексико-стилистический и синтаксический компоненты в культурно-поэтическом и лингво-поэтическом единстве.

Степень языковой свободы И. Бродского определяется как очень высокая, стремящаяся к абсолютной.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения И. Бродского среди многих других включает в себя следующие стихотворения:

***

Я входил вместо дикого зверя в клетку
выжигал свой срок и кликуху гвоздем в бараке,
жил у моря, играл в рулетку,
обедал черт знает с кем во фраке.
С высоты ледника я озирал полмира,
трижды тонул, дважды бывал распорот.
Бросил страну, что меня вскормила.
Из забывших меня можно составить город.

Я слонялся в степях, помнящих вопли гунна,
надевал на себя, что сызнова входит в моду,
сеял рожь, покрывал черной толью гумна
и не пил только сухую воду.
Я впустил в свои сны вороненый зрачок конвоя,
жрал хлеб изгнанья, не оставляя корок.
Позволял своим связкам все звуки, помимо воя;
перешел на шепот. Теперь мне сорок.
Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока с горем рот не заткнули глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность.

24 мая 1980

***

Елизавете Леонской

В воздухе – сильный мороз и хвоя.
Наденем ватное и меховое.
Чтоб маяться в наших сугробах с торбой –
лучше олень, чем верблюд двугорбый.

На севере если и верят в Бога,
то как в коменданта того острога,
где всем нам вроде бока намяло,
но только и слышно, что дали мало.

На юге, где в редкость осадок белый,
верят в Христа, так как сам он – беглый:
родился в пустыне, песок – солома,
и умер тоже, слыхать, не дома.

Помянем нынче вином и хлебом
жизнь, прожитую под открытым небом,
чтоб в нем и потом избежать ареста
земли – поскольку там больше места.

декабрь 1994 г.

ВИЗАНТИЙСКОЕ

Поезд из пункта А, льющийся из трубы
туннеля, впадает с гудением в раскинувшееся широ́ко,
в котором морщины сбежались, оставив лбы,
а те кучевой толпой сбились в чалму пророка.
Ты встретишь меня на станции, расталкивая тела,
и карий местного мусора примет меня за дачника.
Но даже луна не узнает, какие у нас дела,
заглядывая в окно, точно в конец задачника.
Мы – на раскопках грядущего, бьющего здесь ключом,
то есть жизни без нас, уже вывозимой за море
вследствие потной морзянки и семафора в чем
мать родила, на память о битом мраморе.
И ежели нас в толпе, тысячу лет спустя,
окликнет ихний дозор, узнав нас по плоскостопию,
мы прикинемся мертвыми, под каблуком хрустя:
подлиннику пустоты предпочитая копию.

1994

***

Меня упрекали во всем, окромя погоды,
и сам я грозил себе часто суровой мздой.
Но скоро, как говорят, я сниму погоны
и стану просто одной звездой.

Я буду мерцать в проводах лейтенантом неба
и прятаться в облако, слыша гром,
не видя, как войско под натиском ширпотреба
бежит, преследуемо пером.

Когда вокруг больше нету того, что было,
не важно, берут вас в кольцо или это – блиц.
Так школьник, увидев однажды во сне чернила,
готов к умноженью лучше иных таблиц.

И если за скорость света не ждешь спасибо,
то общего, может, небытия броня
ценит попытки её превращенья в сито
и за отверстие поблагодарит меня.

1994

AERE PERENNIUS *

Приключилась на твердую вещь напасть:
будто лишних дней циферблата пасть
отрыгнула назад, до бровей сыта
крупным будущим чтобы считать до ста.
И вокруг твердой вещи чужие ей
встали кодлом, базаря «Ржавей живей!»
и «Даешь песок, чтобы в гроб хромать,
если ты из кости или камня, мать».
Отвечала вещь, на слова скупа:
«Не замай меня, лишних дней толпа!
Гнуть свинцовый дрын или кровли жесть –
не рукой под черную юбку лезть.
А тот камень-кость, гвоздь моей красы –
он скучает по вам с мезозоя, псы.
От него в веках борозда длинней,
чем у вас с вечной жизнью с кадилом в ней».

1995

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ (II)

В пещере (какой ни на есть, а кров!
Надежней суммы прямых углов!)
в пещере им было тепло втроем;
пахло соломою и тряпьём.

Соломенною была постель.
Снаружи молола песок метель.
И, вспоминая её помол,
спросонья ворочались мул и вол.

Мария молилась; костер гудел.
Иосиф, насупясь, в огонь глядел.
Младенец, будучи слишком мал
чтоб делать что-то еще, дремал.

Еще один день позади – с его
тревогами, страхами; с «о-го-го»

* Долговечнее меди (лат.) (Гораций. Оды. 3 кн. Ода XXX)

Ирода, выславшего войска;
и ближе еще на один – века.

Спокойно им было в ту ночь втроем.
Дым устремлялся в дверной проем,
чтоб не тревожить их. Только мул
во сне (или вол) тяжело вздохнул.

Звезда глядела через порог.
Единственным среди них, кто мог
знать, что взгляд ее означал,
был младенец; но он молчал.

декабрь 1995

Последнее стихотворение:

АВГУСТ

Маленькие города, где вам не скажут правду.
Да и зачем вам она, ведь все равно – вчера.
Вязы шуршат за окном, поддакивая ландшафту,
известному только поезду. Где-то гудит пчела.

Сделав себе карьеру из перепутья, витязь
сам теперь светофор; плюс, впереди – река.
И разница между зеркалом, в которое вы глядитесь,
и теми, кто вас не помнит, тоже невелика.

Запертые в жару, ставни увиты сплетнею
или просто плющом, чтоб не попасть впросак.
Загорелый подросток, выбежавший в переднюю,
у вас отбирает будущее, стоя в одних трусах.

Поэтому долго смеркается. Вечер обычно отлит
в форму вокзальной площади, со статуей и т. п.,
где взгляд, в котором читается «Будь ты проклят»,
прямо пропорционален отсутствующей толпе.

январь 1996

СОПРОВСКИЙ
Александр Александрович

1. Родился 21 октября 1953 г. в Москве на Чистых Прудах в семье профессиональных шахматистов; учился на филологическом и историческом факультетах Московского университета, в 1982 г. по распоряжению КГБ (за публикации на Западе) был отчислен с последнего курса университета; участник литературной группы «Московское время» (С. Гандлевский, Т. Полетаева, Б. Кенжеев, А. Цветков и др.); в ночь с 22 на 23 декабря 1990 г. на проспекте Мира (метро «Щербаковская») поэт был сбит автомобилем (в возрасте 37 лет); похоронен на Преображенском кладбище.

Поэтическая личность А. Сопровского формировалась очень динамично в контексте мировой и особенно русской социальной, философской и поэтической культуры преимущественно XX в. Однако поэтическая способность А. Сопровского (насколько объективно позволяют судить о поэтическом генезисе стихотворца посмертные публикации его стихов) реализовывалась с разной степенью эффективности под влиянием поэтики и лингвокультурной судьбы А. Блока (периода «трактирной стойки», Первой мировой войны и революций).

А. Сопровский абсолютно явно дифференцировал типы восприятия и осознания мира, поэтому, скорее, его философское выражение дополнялось поэтическим, а не наоборот. Поэт подошел вплотную к созданию своего языка: интонационно и лексически он уже освобождался от влияний, но ранняя гибель помешала ему обрести достаточно полную лингво-поэтическую самостоятельность.

Степень поэтической свободы А. Сопровского определяется как средняя / средне-высокая.

2. Эстетически поэтическая личность А. Сопровского была ориентирована на духовное, интеллектуальное и поэтическое освоение социальных и онтологических сторон невыразимого. Поэт гармонично и естественно синтезировал быт и бытие

в предмет своего поэтического выражения, который представлял собой драматическое, вполне осознаваемое и контролируемое стихотворцем, начало трагедии. Именно ощущение трагедии в единстве быта и бытия помогало А. Сопровскому приближаться к истине, к тайне, к называнию того невыразимого, ради чего существует поэзия.

Доминанты поэтического дискурса – метрический ритм (индивидуализирующийся за счет тонических нарушений метра), точная банальная рифма, строгая лексико-синтаксическая строфа.

Доминанта языковой способности – лексико-стилистический компонент с элементами синтаксиса.

Степень языковой свободы А. Сопровского определяется как средняя / средне-высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения А. Сопровского среди прочих включает в себя следующие тексты:

***

И мы уйдем в лесные дали
И сгинем в луговой дали,
Чтоб птицы черные взлетали
От нераспаханной земли;
Чтоб корневища над ручьями
Плели землистые узлы –
И ветки двигались над нами,
Над смесью грунта и золы.
Но как пчелиное жужжанье,
Над городскою мостовой
Растворено воспоминанье
О нас с тобой, о нас с тобой.
Здесь самым искренним и зрячим
Слепые чувства суждены –
Но навсегда следы в горячем
Асфальте запечатлены.
И не зовите суетою
Направленную беготню
К непоправимому покою,
К последнему, лесному дню.

1974

***

Чернеет ствольный ряд среди землистых луж.
Застыло на стене измученное знамя.
Я выброшен навзрыд в безветренную глушь,
В туманный мокрый свет листвы под фонарями.

Из твоего двора я шел к себе во двор.
За два бескрайних дня мы добрались до сути.
Со счастьем у меня короткий разговор:
На каждый год по дню и на день по минуте.

Любимая, прости, но эта ночь – моя.
Послушай, как скрипит пространство неустанно,
А это оттого, что в мире забытья –
Деревья и туман, а воздуха не стало.

1974

***

Любимая, считаю дни,
Минуты и часы до встречи.
Шепнешь – откликнется далече:
Пойми, прислушайся, усни.

Сегодня август, и поверь:
Судьба моя такого рода,
Что, может быть, как раз теперь
Она и вправду ждет исхода.

Вот-вот ударит надо мной
И кружит, не переставая.
Так истребляет мутный зной
Зарниц атака круговая.

Когда-то, на другой земле,
На рубеже другого лета
Я жил – и в августовской мгле
Плыла зеленая планета...

Ты слышишь: листья шелестят.
Бездумней, ветренее, злее...

Взгляни на облака в алее –
Как на ветру они летят.

Когда б ты знала жизнь мою,
Ты поняла бы, что со мною...
Пора, пора! глаза закрою.
Замру у бездны на краю.

1977

30 АПРЕЛЯ

Притупилось чувство боли.
Улеглась жара к семи.
Нынче вечер тайной воли,
Власти тайной над людьми.

В эту пору в Третьем Риме
Все недвижимо на вид,
Только небо над кривыми
Переулками кружит.

Только дышится свободней,
И прозрачен черный сад.
В Нижнем Кисловском сегодня
Флаги красные висят.

Я и в юности нередко
В эту пору здесь бывал,
И, прыжком доставши древко,
Флаги красные срывал.

Тихо в мире. Слишком поздно.
Только музыка в окне,
Но ее аккорды грозно
Обращаются ко мне,

Но светлеет небосвода
Накрененное крыло –
Где она, твоя свобода,
Сердца тайное тепло?..

Что ж, домой, под крышу, что ли:
Спать, и плакать, и опять –
Завтра день большой неволи –
Спать и плакать. Долго спать.

1979

***

Я из земли, где все иначе,
Где всякий занят не собой,
Но вместе все верны задаче:
Разделаться с родной землей.
И город мой – его порядки,
Народ, дома, листва, дожди –
Так отпечатан на сетчатке,
Будто наколот на груди.

Чужой по языку и с виду,
Когда-нибудь, Бог даст, я сам,
Ловя гортанью воздух, выйду
Другим навстречу площадям.
Тогда вспорхнет – как будто птица,
Как бы над жертвенником дым –
Надежда жить и объясниться
По чести с племенем чужим.

Но я боюсь за строчки эти,
За каждый выдох или стих.
Само текущее столетье
На вес оценивает их.
А мне судьба всегда грозила,
Что дом построен на песке,
Где все, что нажито и мило,
Уже висит на волоске,

И впору сбыться тайной боли,
Сердцебиениям и снам –
Но никогда Господней воли
Размаха не измерить нам.
И только свет Его заката
Предгрозового вдалеке –

И сладко так, и страшновато
Забыться сном в Его руке.

1984

Последнее стихотворение:

Липа, ясень, рябина, два тополя
пирамидальных,
Семь берез под окном.
.....

.....
В небесах пустырей рассыпались осенние
звезды,
Среди них и моя.

.....
Человечье жилье все мерещится мне
полустанком,
Полустанок – жильем.

Будет где погрустить. А прощаться навеки
Нескоро.
И до крайней беды –
Лишь бы мне в изголовье хватило к утру
Беломора
Да холодной воды.

ноябрь 1990

РЫЖИЙ
Борис Борисович

1. Родился 8 сентября 1974 г. в Челябинске в семье ученого-геолога и врача (отец Борис Петрович – профессор, действительный член ряда отечественных и зарубежных академий; мать Маргарита Михайловна – эпидемиолог); третий и последний ребенок (сестры – Елена и Ольга); в 1980 г. семья переезжает в Свердловск (ныне Екатеринбург); первое стихотворение написано примерно в 1989 г. (хотя сочинять начал в середине 80-х гг. – приключенческие романы); в 1991 г. поступает в Свердловскую государственную горно-геологическую академию, в 1996 г. – в аспирантуру; в 2000 г. выходит первая (и единственная при жизни) книга стихотворений «И все такое...»; рано утром 7 мая 2001 г. кончает жизнь самоубийством.

Поэтическая личность Б. Рыжего формировалась в контексте русской традиционной (М. Лермонтов, А. Полежаев, Ф. Тютчев и др.), новой (А. Блок, И. Анненский, В. Маяковский, С. Есенин и др.) и новейшей (Б. Слуцкий, И. Бродский, Е. Рейн, С. Гандлевский, В. Гандельсман, А. Цветков и др.) поэтической культуры.

Поэтическая способность Б. Рыжего реализовывалась очень интенсивно и эффективно: поэт не пытался описывать мир, осознанный и освоенный его предшественниками, его поэтическое выражение неизъяснимого началось с первых поэтических опытов (по словам одного из друзей Б. Рыжего, «он сразу взял быка за рога: он взял жизнь за смерть, или смерть – за жизнь»).

Поэт создал свой язык, свои способы выражения трагического единства быта и бытия; он вернул русской поэзии музыкальность, которая в последние десятилетия (с 70-х гг. XX в.) была вытеснена прозаизированной интонацией (на основе речевого тактовика и наличия в стихах обязательных, типовых анжамбеманов – синтаксических разрывов и пере-

носов на конце поэтической строки). Поэт обновил синтаксическую и интонационную структуру строфы, совместив классическую музыкальную цельность строфы с ее синтаксической и, следовательно, смысловой открытостью. Б. Рыжий освоил новые пласты лексико-стилистической системы поэтического языка: уральские топонимы, жаргонизмы функционируют в его стихотворениях в гармоническом функционально-смысловом единстве с лексикой высокой и общеупотребительной.

Степень поэтической свободы Б. Рыжего оценивается как высокая / очень высокая.

2. Эстетический сценарий поэтической личности Б. Рыжего, не совпадая с бытовым, социальным сценарием его жизни, по природе своей, был продолжением традиционной русской поэтической эстетики на этической основе: иронический и трагический максимализм М. Лермонтова дополнялся абсолютно серьезной и плодотворной попыткой постижения ужаса красоты. Глубокий, тонкий и противоречивый психологизм поэтического выражения у Б. Рыжего сопрягался с прямым (лобовым) языковым вторжением поэта в сферу сокрытого, тайного, неназываемого. Главные антиномии, которые порождали лингво-поэтическую энергию Б. Рыжего, – речь – безмолвие, быт – бытие, жизнь – смерть, счастье – мука, красота – убожество, безумие – душа и др. – существовали в трагическом единстве поэтической музыкальности как высшей формы лингво-поэтической номинации.

Доминанты поэтического дискурса – музыкальный ритм (одновременно на традиционной и новаторской основе), сложная и точная, небанальная рифма, строгая синтаксическая строфа.

Доминанты языковой способности – фонетический. грамматический, лексико-стилистический и синтаксический компоненты в музыкально-ритмическом и строфическом единстве.

Степень языковой свободы Б. Рыжего определяется как очень высокая.

3. Поэтическая парадигма последнего стихотворения среди огромного количества других включает в себя следующие стихотворения:

***

Над саквояжем в черной арке
всю ночь играл саксофонист,
пропойца на скамейке в парке
спал, подстелив газетный лист.

Я тоже стану музыкантом
и буду, если не умру,
в рубахе белой с черным бантом
играть ночами на ветру.

Чтоб, улыбаясь, спал пропойца
под небом, выпитым до дна, –
спи, ни о чем не беспокойся,
есть только музыка одна.

1997

***

В безответственные семнадцать,
только приняли в батальон,
громко рявкаешь: рад стараться!
Смотрит пристально Аполлон:

ну-ка, ты, забобень хореем.
Парни, где тут у вас нужник?
Все умеем да разумеем,
слышим музыку каждый миг.

Музыкальной неразберихой
било фраера по ушам.
Эта музыка стала тихой,
тихой-тихой та-ра-ра-рам.

Спотыкаюсь на ровном месте,
беспокоен и тороплив:
мы с тобою погибнем вместе,
я держусь за простой мотив.

Это скрипочка злая-злая
на плече нарыдалась всласть.
Это частная жизнь простая
с вечной музыкой обнялась.

Это в частности, ну а в целом
оказалось, всерьез игра.
Было синим, а стало белым,
белым-белым та-ра-ра-ра.

***

В обширном здании вокзала
с полуночи и до утра
гармошка тихая играла:
«та-ра-ра-ра-ра-ра-ра-ра».

За бесконечную разлуку,
за невозможное прости,
за искалеченную руку,
за черт-те что в конце пути –

нечетные играли пальцы,
седую голову трясло.
Круглоголовые китайцы
тащили мимо барахло.

Тургруппы чинно проходили,
несли узбеки арбузы́...
Не поимеешь, выходило,
здесь ни монеты, ни слезы.

Зачем же, дурень и бездельник,
играешь неизвестно что?
Живи без курева и денег
в одетом наголо пальто.

Надрывы музыки и слезы
не выноси на первый план –
на юг уходят паровозы.
«Уходит поезд в Магадан!»

***

Похоронных оркестров не стало,
стало роскошью, с музыкой чтоб.
Ах, играла, играла, играла,
и лгала, и фальшивила – стоп.

Обязателен дядька из ЖЭКа –
шляпа мятая, руки дрожат.
Ту-ту-ту: понесли человека.
В синих лужах гвоздики лежат!

***

Я вышел из кино, а снег уже лежит,
и бородач стоит с фанерною лопатой,
и розовый трамвай по воздуху бежит –
четырнадцатый, нет, девятый, двадцать пятый.

Однако целый мир переменился вдруг,
а я все тот же я, куда же мне податься,
я перенаберу все номера подруг,
а там давно живут другие, матерятся.

Всему виною снег, засыпавший цветы.
До дома добреду, побряцаю ключами,
по комнатам пройду – прохладны и пусты.
Зайду на кухню, оп, два ангела за чаем.

***

Погадай мне, цыганка, на медный грош,
растолкуй, отчего умру.
Отвечает цыганка, мол, ты умрешь,
не живут такие в миру.

Станет сын чужим и чужой жена,
отвернутся друзья-враги.
Что убьет тебя, молодой? Вина.
Но вину свою береги.

Перед кем вина? Перед тем, что жив.
И смеется, глядит в глаза.

И звучит с базара блатной мотив,
проясняются небеса.

***

Похоронная музыка
на холодном ветру.
Прижимается муза ко
мне: я тоже умру.

Духовые, ударные
в плане вечного сна.
О мои безударные
«о», ударные «а».

Отрешенность водителя,
землекопа возня.
Не хотите, хотите ли,
и меня, и меня

до отверстия в глобусе
повезут на убой
в этом желтом автобусе
с полосой голубой.

***

Прошел запой, а мир не изменился.
Пришла музы́ка, кончились слова.
Один мотив с другим мотивом слился.
(Весьма амбициозная строфа.)

...а может быть, совсем не надо слов
для вот таких – каких таких? – ослов...

Под сине-голубыми облаками
стою и тупо развожу руками,
весь музыкою полон до краев.

***

Так гранит покрывается наледью,
и стоят на земле холода, –

этот город, покрывшийся памятью,
я покинуть хочу навсегда.
Будет теплое пиво вокзальное,
будет облако над головой,
будет музыка очень печальная –
я навеки прощаюсь с тобой.
Больше неба, тепла, человечности.
Больше черного горя, поэт.
Ни к чему разговоры о вечности,
а точнее, о том, чего нет.

Это было над Камой крылатою,
сине-черною, именно там,
где беззубую песню бесплатную
пушкинистам кричал Мандельштам.
Уркаган, разбушлатившись, в тамбуре
выбивает окно кулаком
(как Григорьев, гуляющий в таборе)
и на стеклах стоит босиком.
Долго по полу кровь разливается.
Долго капает кровь с кулака.
А в отверстие небо врывается,
и лежат на башке облака.

Я родился – доселе не верится –
в лабиринте фабричных дворов
в той стране голубиной, что делится
тыщу лет на ментов и воров.
Потому уменьшительных суффиксов
не люблю, и когда постучат
и попросят с улыбкою уксуса,
я исполню желанье ребят.
Отвращенье домашние кофточки,
полки книжные, фото отца
вызывают у тех, кто, на корточки
сев, умеет сидеть до конца.

Свалка памяти, разное, разное.
Как сказал тот, кто умер уже,
безобразное – это прекрасное,

что не может вместиться в душе.
Слишком много всего не вмещается.
На вокзале стоят поезда –
ну, пора. Мальчик с мамой прощается.
Знать, забрили болезного. «Да
ты пиши хоть, сынуль, мы волнуемся».
На прощанье страшнее рассвет,
чем закат. Ну, давай поцелуемся!
Больше черного горя, поэт.

***

Рубашка в клеточку, в полоску брючки –
со смертью-одноклассницей под ручку
по улице иду,
целуясь на ходу.

Гремят КамАЗы, и дымят заводы.
Локальный Стикс колышет нечистоты.
Акации цветут.
Кораблики плывут.

Я раздаю прохожим сигареты
и улыбаюсь, и даю советы,
и прикурить даю.
У бездны на краю

твой белый бант плывет на синем фоне.
И сушится на каждом на балконе
то майка, то пальто,
то неизвестно что.

Папаша твой зовет тебя, подруга,
грозит тебе и матерится, сука,
ебаный пидарас,
в окно увидев нас.

Прости-прощай. Когда ударят трубы,
и старый боров выдохнет сквозь зубы
за именем моим
зеленоватый дым.

Подкравшись со спины, двумя руками
закрыв глаза мои под облаками,
дыханье затая,
спроси меня: кто я?

И будет музыка, и грянут трубы,
и первый снег мои засыплет губы
и мертвые цветы.
– Мой ангел, это ты.

***

Зеленый змий мне преградил дорогу
к таким непоборимым высотам,
что я твержу порою: слава богу,
что я не там.

Он рек мне, змий, на солнце очи щуря:
вот ты поэт, а я зеленый змей,
закуривай, присядь со мною, керя,
водяру пей;

там, наверху, вертлявые драконы
пускают дым, беснуются – скоты,
иди в свои промышленные зоны,
давай на «ты».

Ступай, он рек, вали и жги глаголом
сердца людей, простых Марусь и Вась,
раз в месяц наливаясь алкоголем,
неделю квась.

Так он сказал, и вот я здесь, ребята,
в дурацком парке радуюсь цветам
и девушкам, а им того и надо,
что я не там.

2000

***

Люби, <зачеркнуто>...
побудь со мной, хладеющее тело,
целуй меня и упади на грудь,
хотя не в этом дело...*

*Стихотворение найдено на письменном столе, рядом с которым поэт покончил с собой. Стихотворение написано левой рукой на листе бумаги, на котором также записано рукой Б. Рыжего несколько вариантов другого стихотворения «Свети, слеза моя, свети у края глаза...». По другим сведениям, последнее стихотворение найдено на столе, под левой рукой погибшего поэта.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Последнее стихотворение – это факт не только индивидуального языка и судьбы поэта, последнее стихотворение – это феномен культуры, конститутивно значимая часть совокупной поэтической личности.

Антология последнего стихотворения позволяет взглянуть на процессы развития совокупной поэтической личности, поэтической и языковой способности вне социально-эстетической прагматики (так, определение нескольких временных волн появления на свет целых парадигм поэтов, значительно влиявших на становление нового качества языковой и поэтической способности, стало возможным благодаря поэтологической методике описания набора конкретных поэтической личностей: наличие таких временных генетических рубежей, как 1710-е, 1740-е, 1780–1790-е, 1880–1890-е, 1930–1940-е гг. – позволяет прогнозировать появление парадигмы поэтов-новаторов, новых «гениев» в 1990–2010-х гг.).

Последнее стихотворение – это факт преимущественно жизни, а не смерти. Внешняя, чаще вербально выраженная эсхатологичность последнего стихотворения отвлекает читателя от внутренней, глубинной триединой основы поэзии как высшей формы языкового сознания: жизнь / смерть / любовь – вот причина, процесс и результат бесконечного существования поэтического хронотопа.

Поэтология как наука о поэзии и поэтах находится в состоянии становления; одна из главных ее задач – ликвидация «незнания народа о своей поэзии» и «чудовищной поэтической неграмотности» (О. Мандельштам).

Взгляд со стороны всегда предполагает существование оценочности и синдрома коллективизма, но когда он сопрягается и совпадает с другим взглядом – изнутри, он обусловливает, с одной стороны, наличие полного одиночества, а с другой стороны – со-участие в общей мучительно-прекрасной попытке осознания и выражения неизъяснимого:

***

Сада зимний стоерос
ознобит структуру слез.
И стоишь на звонкой глине,
как на детской половине.
Где с небес открыты рты
в новый ужас красоты.

Научное издание

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ 100 РУССКИХ ПОЭТОВ XVIII–XX ВВ.
АНТОЛОГИЯ-МОНОГРАФИЯ

Автор-составитель
Юрий Викторович Казарин

Выпускающий редактор *М. В. Дудорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухарева*
Ответственный за выпуск *И. С. Малечко*

Подписано в печать 27.09.11. Формат 60 × 84 1/16.
Гарнитура Peterburg. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 1000. Заказ

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии
Издательско-полиграфического центра УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru

9 785799 606428

ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА